10
97
Paed Pr 4451^k

19811/71

Из библиотеки
Н. Я. Голейзовского

<36632026680016

<36632026680016

Bayer. Staatsbibliothek

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА

ИЗЪ

РУССКИХЪ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

ВЪ ПРОЗѢ.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ ИЗВѢСТІЙ О ЖИЗНИ И ТВОРЕНІЯХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, КОТОРЫХЪ ТРУДЫ ПОМѢЩЕНЫ ВЪ СЕМЪ СОБРАНІИ.

ИЗДАНЫ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ,

Старшимъ Учителемъ Русскаго языка въ главномъ Нѣмецкомъ Училищѣ Св. Петра, и Членомъ С. П. б. Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.

Из библиотеки К. Я. Голейзовского

Из книг А. В. Кокорева

Equidem beatos puto, quibus Deorum munere datum est aut facere scribenda aut scribere legenda.
C. PLIN. Libr. VI. Ep. XVI.

СТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ѳ. ДРЕХСЛЕРА,

1812.

79|72|169

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня 29 дня 1812 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЕГО ВЫСОКОРОДІЮ

ГОСПОДИНУ СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ, ДИРЕКТОРУ ГЛАВНАГО НѢМЕЦКАГО УЧИЛИЩА СВ. ПЕТРА, И ОРДЕНОВЪ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА 4-Й СТЕПЕНИ И СВ. АННЫ 2-ГО КЛАССА КАВАЛЕРУ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ВЕЙССЕ

Из книг
А.В. Кокорева

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ

ИЗДАТЕЛЯ.

Из книг
А.В. Кокорева

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Книга сія издается для употребленія въ верхнихъ и среднихъ классахъ здѣшняго Главнаго Нѣмецкаго Училища Св. Петра. Директоръ сего Училища, Господинъ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Ивановичъ Вейссе, поручивъ мнѣ издать оную, начерталъ притомъ слѣдующія правила:

„1. Избрать мѣста изъ лучшихъ Россійскихъ сочиненій и переводовъ, для чтенія, перевода и разбора ихъ въ классахъ. Къ трудамъ знаменитѣйшихъ Россійскихъ Авторовъ присовокупить сочиненія и переводы

писателей второй степени, дабы учащіеся, сравнивая ихъ съ первыми, научались отличать хорошее и изрядное отъ лучшаго и прекраснаго, и тѣмъ образовали свой вкусъ въ Словесности. — Для облегченія въ преподаваніи исторіи Русскаго языка и Литтературы, помѣстить нѣкоторыя статьи изъ древнихъ и старинныхъ Русскихъ книгъ и изъ сочиненій писателей, славившихся въ *свое* время."

„2. Наблюдать, чтобъ каждая статья, сверхъ красотъ въ отношеніи къ языку и краснорѣчію, заключала въ себѣ какія нибудь полезныя истины, или имѣла нравоучительную цѣль, и чтобы въ сей книгѣ не было ничего противнаго благопристойности, двусмысленнаго или могущаго возбудить въ юношахъ вредное любопытство."

„3. Къ образцамъ письменнаго слога присовокупить формы тѣхъ дѣловыхъ бумагъ, которыя необходимы для всякаго частнаго человѣка."

„4. Помѣстить въ заключеніи краткія извѣстія о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды внесены въ сіе собраніе."

Приложивъ все стараніе объ успѣшномъ исполненіи столь лестнаго препорученія, предоставляю рѣшить Читателямъ, достигъ ли я предположенной цѣли. Охотно подвергаюсь строжайшей критикѣ тѣмъ болѣе, что по отпечатаніи сей книги, я самъ примѣтилъ въ ней многія несовершенства. Объ одномъ прошу моего Рецензента: охуждая выборъ какой нибудь статьи, называть другую, которую надлежало бы помѣстить вмѣсто оной — чтобы я могъ воспользоваться совѣтами его на самомъ дѣлѣ, при второмъ изданіи сего собранія.

Извѣстія о жизни и твореніяхъ писателей заимствованы мною по большей части изъ *Опыта Историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ* Г. *Новикова* и изъ *Новаго опыта* таковаго же Словаря, помѣщеннаго въ

Журналѣ *Другѣ Просвѣщенія*; другія доставлены самими Гг. Авторами, иныя сообщены отъ постороннихъ особъ. Нѣкоторыя біографіи полнѣе и подробнѣе другихъ единственно потому, что для составленія оныхъ удалось мнѣ получить болѣе свѣденій.

Н. Гр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Повѣствованія вымышленныя и украшенныя.

Отдѣленіе первое. Подлинники.

стр.

1. Каллисѳенъ Греческая повѣсть, соч. *фонъ-Визина* - - - - 1.
(Взята изъ книги: Правдолюбецъ или карманная книжка Мудраго. С.П.б. 1801.)
2. Бесѣда Кадма съ Римасидомъ, соч. *Хераскова* 12.
(Вз. изъ кн. Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе. Москва, втор. изд. 1800.)
3. Фролъ Силинъ, соч. *Карамзина* - 16.
(Изъ кн. Мои Бездѣлки, ч. 1. М. 1797. изд. вт.)
4. Вадимъ, Славян. пов:, соч. *Жуковскаго* - 19.
(Вз. сокращенно изъ Вѣстника Европы на 1803 г. часть XII.)
5. Бедуинъ, Возточн. пов., соч. *Беницкаго* - 29.
(Изъ кн. Талія кн. I. С.П.б. 1807.)
6. Кій и Дулебъ, Славян. пов., соч. *Нарѣжнаго* 33.
(Сокращенно изъ кн. Славянскіе вечера. кн. I. С.П.б. 1809.)
7. Сраженіе Россіянъ съ Половцами, соч. *неизвѣстнаго* съ переводомъ *Шишкова* - 38.
(Взято изъ древняго сочиненія: Пѣснь о плъку Игоревѣ, помѣщеннаго въ сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ Императорскою Россійскою Академіею. Часть 1. 1805.)

Отдѣленіе второе. Переводы.

1. Анекдоты, соч. разн. Авторовъ, переведены *Карамзинымъ* - - - 43.
(Изъ кн. Пантеонъ иностранной Словесности. М. 1798)
2. Великодушіе и благодарность, изъ сочиненій *Кампе*, съ Нѣмецкаго перев. *Шишковымъ* 46.
(Изъ кн. Собраніе дѣтскихъ повѣстей С.П.б. 1806. часть I.)
3. Бѣдный съ собакою, изъ соч. *Мармонтеля*, съ Французскаго пер. *Карамзинымъ* - 49.
(Изъ кн. Новыя Мармонтелевы повѣсти. Часть I. М. 1794)

стр.
4. Осеннее утро, изъ *Геснера*, съ Нѣмецкаго перевед. *Пнинымъ* - - - - 54.
(Изъ кн. С.П.бургскій Журналъ 1798. Часть 3)
5. Сраженіе при Лорѣ, съ Французскаго перев. *Костровымъ* - - - 57.
(Сокращенно изъ кн. Оссіанъ сынъ Фингаловъ, Бардъ третьяго вѣка. М. 1790. часть I)
6. Кабудъ путешественникъ изъ соч. ... съ Французскаго (?) перев. *Жуковскимъ* - 60.
(Изъ Вѣстника Европы. 1808.)
7. Благоразумный человѣкъ, съ Англійскаго перев. *Карамзинымъ* - - 70.
(Изъ Вѣстника Европы. 1802. Часть IV.)

ГЛАВА ВТОРАЯ

Повѣствованія и изображенія историческія.

Отдѣленіе первое. Подлинники.

1. Призваніе Варяжскихъ Князей, соч. Преп. *Нестора*, переведено съ Древле-Славянскаго яз. на Нѣмецкій *А. Л. Шлёцеромъ*, а съ онаго на Россійскій *Языковымъ* - 74.
(Изъ кн. Несторъ, Русскія лѣтописи С.П.б. 1810 ч. I.)
2. Княженіе Олега, соч. *Ломоносова* - 75.
(Изъ Кратк. Росс. Исторіи въ Сочиненіяхъ М. В. Ломоносова. С.П.б. 1804 часть IV.)
3. Походы В. К. Святослава, соч. *Елагина* - 79.
(Изъ кн. Опытъ повѣствованія о Россіи. М. 1803 часть I.)
4. О общемъ Русскія земли крещеніи при Великомъ Князѣ Владимірѣ, соч. *Платона* 83.
(Изъ кн. Россійская церковная Исторія, соч. Преосв. Платономъ. Москва. 1805 ч. I.)
5. Отрывки о древностяхъ Русскихъ, соч. *Болтина* - - - - 88.
(Изъ кн. Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка. С.П.б. 1787.)
6. О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, соч. *Карамзина* - 93.
(Изъ Вѣстника Европы. 1803. часть XI.)
7. Жизнь Ломоносова, соч. *Новикова* - 107.
(Изъ книги: Опытъ историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ. С.П.б. 1772.)

стр.

Отдѣленіе второе. Переводы.

1. Правленіе Августа. Изъ *Тацита* съ Латинскаго пер. *Румовскимъ* - - 112.
(Изъ кн. Лѣтопись Корнелія Тацита С.П.б. 1808 ч. I.)
2. Пирамиды. Изъ *Ролленя* съ Французскаго пер. *Тредьяковскимъ* - - 115.
(Изъ кн. Древняя исторія Ролленя С.П.б. 1742 ч. I.)
3. Битва при Иссѣ. Изъ *Квинта Курція* съ Латинскаго перев. *Крашенинниковымъ* - 119.
(Изъ кн. Квинта Курція жизнь Александра великаго ч I. С.П.б.)
4. Смерть Сократа. Изъ *Бартелеми* съ Французскаго перев. *Карамзинымъ* - 124.
(Изъ кн. Пантеонъ, иностранной Словесности М. 1798. кн. II.)
5. Человѣкъ по сотвореніи или открытіе чувствъ изъ *Бюффона* - - 128.
(Подлинникъ взятъ изъ кн. Histoire naturelle générale et particuliere par Mr. le C. de Buffon etc. Tome IV. aux Deux-Ponts, chez Sanson et Comp. MDCCLXXV. Переводъ Лепехина изъ кн. Всеобщая и частная естественная Исторія Графа де Бюффона. Часть V. третьимъ тисн. С.П.б. 1810. Переводъ Малиновскаго изъ кн. Духъ Бюффона М. 1783. Переводъ Карамзина изъ кн. Пантеонъ иностр. Словесности, кн. II.)
6. Описаніе Аравійской пустыни, соч. *Бюффона* съ Франц. перев. *Карамзинымъ* - 146.
(Изъ кн. Пантеонъ иностранной Словесности кн. II.)

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Письма.

Отдѣленіе первое. Подлинники.

1. Письмо *Ломоносова* къ Шувалову - 147.
(Изъ кн. Сочиненія Ломоносова, часть II.)
2. Письмо *фонъ-Визина* къ пріятелю его о планѣ Россійскаго Словаря - - 149.
(Сокращ. изъ Вѣстника Европы 1803 ч. XI.)
3. Письма Русскаго путешественника, соч. *Карамзина* - - - 156.
(Изъ кн. Письма Русскаго путешественника. М. 1797.)

стр.

4. Письма путешественника въ полуденную Россію, соч. *Вл. Измайлова* - - 162.
(Изъ кн. Путешествіе въ полуденную Россію Владиміра Измайлова. М. 1802. 4 час.)

Отдѣленіе второе. Переводы.

1. Письмо Екатерины II. къ Докт. Циммерману, перев. съ Французск. *Карамзинымъ* 173.
(Изъ Вѣстника Европы 1803. часть X.)
2. Письмо Дюпати изъ Рима, перев. съ Французскаго *Мартыновымъ* - - 174.
(Изъ кн. Путешествіе въ Италію Г. Дюпати. Вт. изд. М. 1807.)
3. Письма Морица изъ Италіи. Пер. съ Нѣмецкаго *Карамзинымъ* - - 177.
(Изъ кн. Пантеонъ иностранной Словесности. М. 1798. ч. III).

Прибавленіе. Дѣловыя бумаги.

I. Формы бумагъ, необходимыхъ для частнаго человѣка.

1. Свидѣтельство или Аттестатъ. - 181.
2. Расписка - - - - 182.
3. Вексели - - - - 182.
4. Вѣрющее письмо - - - 184.
5. Договоръ или Контрактъ - - 184.
6. Прошеніе - - - - 186.

II. Образцы высшаго дипломатическаго слога.

1) *Высочайшіе рескрипты.*

1. Императора Александра I. Графинѣ Каменской - - - - 187.
(Изъ Московскихъ Вѣдомостей 1811 года).
2. Императора Павла I. Суворову. - 187.
3. Императора Павла I. ему же. - 188.
(Сообщены въ рукописяхъ.)
II) Указъ Императрицы Екатерины II. - 188.
(Съ печатнаго Указа).
III) Манифестъ Императора Александра I. 193.
(Съ печатнаго Манифеста).
IV) Донесеніе *Суворова* Императору Павлу I. 197.
(Изъ кн. Жизнь Генералиссимуса Князя Италійскаго Графа Суворова Рымникскаго. Соч. Г. Фукса. ч. II.)

стр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Разговоры.

Отдѣленіе первое. Подлинники.

1. О щастіи. соч. *Карамзина* - - 199.
(Сокращ. изъ кн. Разговоръ о щастіи М. 1798.)
2. Стародумъ и Правдинъ. Соч. *Фонъ-Визина* 214.
(Сокращ. изъ кн. Недоросль, комедія въ 5 дѣйствіяхъ. С.П.б. 1800).

Отдѣленіе второе. Переводы.

1. Между Александромъ Великимъ и Аннибаломъ. Соч. *Лукіана.* Перев. съ Греческаго *Ломоносовымъ* - - - - 219.
(Изъ книги: Сочиненія Ломоносова. Часть 1. С.П.Б.)
2. Дametъ и Дориса. Соч... пер. *Шишковымъ* 222.
(Изъ книги: Собраніе Дѣтскихъ повѣстей. С.П.Б. 1806. Часть II.)
3. Маркеллъ въ городѣ Нолѣ. Соч. *Мейснера,* пер. съ Нѣмецкаго неизвѣстнымъ - 224.
(Изъ книги: Пріятное и полезное препровожденіе времени. Издан. Подшиваловымъ. М. 1795. Часть 7.)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Учебныя сочиненія.

А. Разсужденія.

Отдѣленіе первое. Подлинники.

1. О любви къ отечеству и народной гордости, соч. *Карамзина* - - 233.
(Изъ Вѣстн. Европы. 1802. Часть I.)
2. О пользѣ физики, соч. *Ломоносова* - 242.
(Сокращ. изъ книги: Соч. Ломоносова. Ч. 1. С.П.б. 1803.)
3. Нравственныя размышленія, соч. *Сумарокова* - - - - 244.
(Изъ книги: Сочиненія Сумарокова. Часть 6. М. 1787.)
4. Размышленіе о суетной жизни человѣческой. Соч. *Фонъ-Визина* - - 249.
(Изъ книжки подъ тѣмъ же заглав. С.П.б. 1806.)

стр.

Отдѣленіе второе. Переводы.

1. О Богѣ, изъ *Цицерона*, перев. съ Латинскаго *Карамзинымъ* - - - 251.
(Изъ кн: Пантеонъ инос. Слов. Ч. 1. М. 1798.)
2. О досугѣ. изъ *Гарве*, пер. съ Нѣмецкаго *Карамзинымъ* - - - 256.
(Изъ Московскаго Журнала. Ч. 6. 1792 года.)
3. О честолюбіи, изъ *Вейса*, перев. съ Французскаго *Струговщиковымъ* - - 260.
(Изъ книги: Основаніе или существенныя правила нравственности, политики и философіи. Твор. Полк. Вейса. Ч. 1. С.П.б. 1807.)

В. Учебныя книги.

Отдѣленіе первое. Подлинники.

1. О возбужденіи, утоленіи и изображеніи страстей. Соч. *Ломоносова* - - 263.
(Изъ Риторики, помѣщенной въ книгѣ: Сочиненія М. В. Ломоносова. С.П.Б. 1804. Ч. 6.)
2. Сокращеніе Славянскаго Баснословія. Соч. *Писарева* - - - 267.
(Изъ книги: Предметы для Художниковъ, выбранные изъ Россійской исторіи, Славянскаго баснословія и изъ всѣхъ Русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. С.П.б. 1807. Ч. 2.)

Отдѣленіе второе. Переводы.

1. Объ орудіяхъ чувствъ. Соч. *Леске*. Перев. съ Нѣмецкаго *Озерецковскимъ* - 275.
(Сокращ. изъ книги: Начальныя основанія естественной исторіи царство животныхъ, издан. Академикомъ Н. Озерецковскимъ. С.П б. 1791. Ч. 1.)
2. Отличительныя свойства разныхъ прозаическихъ сочиненій. Соч. *Эшенбурга*. Пер. съ Нѣмецкаго неизвѣстнымъ - - 281.
(Сокращ изъ книги: Краткая Риторика или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ. М. 1809.)
3. Отрывки о высокомъ. Соч. *Діонисія Лонгина*. Перев. съ Греческаго *Мартыновымъ*; съ примѣчаніями переводчика - 290.
(Сокращ. изъ книги: О высокомъ и величественномъ. Твореніе Діонисія Лонгина. Переводъ съ Греческаго, съ примѣчаніями переводчика. С.П.б. 1803.)

стр.

С. Критика.

1. На книгу: *Кадмъ и Гармонія*, древнее повѣствованіе. Соч. *Карамзина* - - 300.
(Изъ кн. Московскій Журналъ. 1791. Ч. 1.)
2. На книгу: *Сочиненія и переводы Ивана Дмитріева*. Соч. *Макарова* - - 308.
(Изъ кн. Московскій Меркурій. 1803. Ч. 3.)
3. Разсмотрѣніе рѣчи, говоренной Георгіемъ, Архіепископомъ Могилевскимъ. Соч. *Шишкова* - - - - 315.
(Изъ кн. Сочиненія и переводы, издав. Императорскою Россійскою Академіею. Ч. I. С.П.б. 1805.)

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РѢЧИ.

А. Духовныя.

Отдѣленіе первое. Подлинники.

1. Слово привѣтствительное на прибытіе въ Кіевъ Петра Великаго. Соч. *Ѳеофана Прокоповича* - - - 319.
(Изъ кн. Ѳеофана Протоповича, Архіепископа Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, слова и рѣчи поучительныя, похвальныя и поздравит. С.П.Б. 1760. Ч. I.)
2. Слово при случаѣ совершаемыхъ молитвъ надъ гробомъ Петра Великаго Соч. *Платона* - - - 327.
(Изъ книги: Поучительныя слова, сказыванныя Преосв. Платономъ М. 1780. Томъ вторый.)
3. Рѣчь, говоренная на случай прибытія Екатерины II. въ Мстиславль. Соч. *Георгія Конисскаго* - - - 332.
(Изъ кн. Сочиненія и переводы, издав. Императорскою Россійскою Академіею. Ч. I. С.П.Б. 1805.)
4. Слово, говоренное при погребеніи Д. Т. Сов. И. И. Бецкаго Соч. *Анастасія Братановскаго* - - - - 333.
(Сокращ. изъ кн. Поучительныя слова при Высочайшемъ дворѣ и въ другихъ мѣстахъ, съ 1792 по 1799 говоренныя. С.П.б. 1799. Ч. I.

стр.

Отдѣленіе второе. Переводы.

1. Отрывки изъ Массильона. Перев. съ Французскаго *Ястребцовымъ* - - 339.
(Изъ книги: Избранныя слова Массильона, Епископа Клермонтскаго. 3 ч. С.П.б. 1808.)
2. Какъ должно размышлять о смерти? Соч. *Мозгейма*. Перев. съ Нѣмецкаго *Каченовскимъ* - - - - 351.
(Изъ Вѣстника Европы на 1811 годъ. Кн. 4.)

В. Свѣтскія рѣчи.

Отдѣленіе первое. Подлинники.

1. Слово похвальное Императрицѣ Елисаветѣ I. Соч. *Ломоносова* - - - 356.
(Сокращ. изъ книги: Сочиненія Ломоносова. С.П.б. 1804. Ч. 2.)
2. Рѣчь, говоренная отъ лица Сената и народа Россійскаго Екатеринѣ II. по заключеніи мира съ Турками въ Яссахъ. Соч. неизвѣстной особы. - - 367.
(Съ печатнаго листа подъ тѣмъ же заглавіемъ.)
3. Рѣчь о пользѣ просвѣщенія. Соч. *Державина* 370.
(Изъ книги подъ тѣмъ же названіемъ, напеч. въ Тамбовѣ 1788 года.)
4. Побѣды Екатерины II. Соч. *Карамзина* 376.
(Изъ книги: Историческое похвальное слово *Екатеринѣ* Второй. М. 1802.)

Отдѣленіе второе. Переводы.

1. Рѣчи изъ Тита Ливія. Перев. съ Латинскаго *Серязевскимъ* - - - 391.
(Изъ Вѣстника Европы на 1808 годъ. Ч. 40.)
2. Рѣчи изъ Тацита. Перев. съ Латинскаго *Карамзинымъ* - - - 394.
(Изъ книги: Пантеонъ иностранной Словесности. М. 1798. Кн. 3.)
3. Похвальное слово Марку Аврелію. Соч. *Томаса*. Перев. съ Французскаго *Фонъ-Визинымъ* - - - - 398.
(Сокращенно изъ книги подъ тѣмъ же заглавіемъ. С.П.Б. 1777.)

Прибавленіе.

Извѣстія о жизни и твореніяхъ писателей, коихъ труды помѣщены въ семъ собраніи 420.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Из библиотеки
К. Я. Голейзовского

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПОВѢСТВОВАНІЯ ВЫМЫШЛЕННЫЯ ИЛИ УКРАШЕННЫЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Подлинники.

I. *КАЛЛИСѲЕНЪ.*

Греческая повѣсть.

Каллисѳенъ, Аѳинскій философъ, прогуливаясь нѣкогда въ Ликейскомъ саду, встрѣтилъ наставника и друга своего Аристотеля, который съ веселымъ видомъ обнявъ его —,,прочти, любезный другъ, сказалъ ему: прочти письмо, которое я получилъ сей часъ отъ Александра; возрадуйся о моемъ сердечномъ удовольствіи. Среди военнаго пламени, среди величества славы, Александръ сохраняетъ добродѣтель.“ Каллисѳенъ въ возхищеніи прочиталъ сіи строки, писанныя рукою Александра: ,,Возлюбленный учитель! ,,будь увѣренъ, что я твердо помню и точно ,,изполняю всѣ твои наставленія; но я человѣкъ ,,и окруженъ льстецами. Страшусь, чтобъ наконецъ ядъ лести не проникъ въ душу мою, и ,,не отравилъ добрыхъ моихъ склонностей. Нѣтъ ,,минуты, въ которую бы не твердили мнѣ наединѣ и всенародно, словесно и письменно, ,,что я превыше смертныхъ, что всѣ мои дѣла ,,божественны, что я предопредѣленъ судьбою ,,вселенной даровать блаженство, и что наконецъ всякой, иначе обо мнѣ мыслящій, есть ,,врагъ отечества и извергъ человѣческаго рода.

„О мой другъ нелицемѣрный! не смѣю звать къ „себѣ самаго тебя. Знаю, что обременяющая „старость не дозволитъ тебѣ слѣдовать за „мною въ военныхъ моихъ дѣйствіяхъ; но сдѣ- „лай мнѣ теперь новое благодѣяніе; пришли ко „мнѣ достойнѣйшаго изъ всѣхъ учениковъ тво- „ихъ, который бы имѣлъ духъ напоминать мнѣ „часто твои правила, и укорять меня всякой „разъ, какъ я отступать отъ нихъ покушуся.“

„Ты видишь,“ — говорилъ Аристотель: — „ты видишь, чего отъ меня желаетъ Александръ. Тебя, Каллисѳенъ, посылаю на сіе важное служеніе человѣческому роду.“

„Меня? меня посылаешь ко двору толь сильнаго Монарха?“ сказалъ Каллисѳенъ. „Но что мнѣ тамъ дѣлать? ты знаешь, могу ли я превозносить порочныя дѣянія Государя, или его любимцевъ? Ты училъ меня почитать добродѣтель, изполнять ее дѣломъ, и преклонять къ ней смертныхъ.“ — „Точно того отъ тебя и требую“ — говорилъ Аристотель: — „точно для того Александръ тебя отъ меня требуетъ; ты другъ Платоновъ, другъ мой; поди подъ защитою героя, моего питомца, возжечь любомудрія свѣщу во всѣхъ предѣлахъ свѣта, и когда Александръ покоряетъ себѣ міръ оружіемъ, ты покоряй его законамъ мудрости.“

„Но при дворѣ царя, коего самовластіе ничѣмъ не ограничено“ говорилъ Каллисѳенъ: „можетъ ли истина свободно изъясняться?“ — „Неужели гоненія страшишься?“ вопросилъ Аристотель. „Боги!“ возопилъ Каллисѳенъ: „вы знаете, съ радостію ли изполняю долгъ моего служенія, и готовъ ли я вкусить смерть за истину!“

Аристотель, продолжая свою бесѣду, возпламенялъ болѣе въ душѣ ученика своего тотъ восторгъ, которымъ самъ былъ одушевленъ. Каллисѳенъ немедленно отправился къ Александру; онъ на-

шелъ его въ Персіи, въ самый тотъ часъ, когда войско его одержало преславную надъ Даріемъ побѣду.

Не возможно изобразить, съ какими почестями принятъ былъ Каллисѳенъ отъ юнаго побѣдителя. Онъ обнялъ его какъ друга; заклиналъ его говорить правду безъ малѣйшаго опасенія; повелѣлъ ему быть съ собою безотлучно, и въ тотъ же самый день Александръ, идучи въ совѣтъ, повелъ его съ собою, и тамо далъ ему по себѣ первое мѣсто.

Въ совѣтѣ разсуждаемо было о томъ, какой судьбѣ подвергнуть мать, жену и дочь побѣжденнаго Дарія. Голоса собираемы были съ младшихъ: Арбасъ, юный полководецъ, который гораздо лучше зналъ хитрости придворныя нежели военныя, чаялъ при семъ случаѣ выслужиться предъ Государемъ презрительною лестію, оскорбляя человѣчество. Онъ почиталъ за полезнѣйшее, умертвивъ на площади плѣнницъ, показать свѣту, что быть непріятелемъ Александру есть уже преступленіе достойное смертной казни. Надменный пышностію и ложнымъ славолюбіемъ Клитоменъ совѣтовалъ, при торжествѣ побѣды приковать ихъ къ колесницѣ побѣдителя. Аргіонъ, вельможа пренизкой души и презнатной породы, имѣвшій звѣрское сердце и скотской разумъ, примыслилъ мать Даріеву послать на лютое заточеніе, жену и дочь отдать въ добычу военной черни; словомъ, самое меншее осужденіе плѣненному царскому роду было вѣчное рабство. Дошло до Каллисѳена. — ,,Государь!" говорилъ онъ: ,,когда сихъ нещастныхъ, но невинныхъ привезутъ къ твоему царскому стану, выйди имъ на срѣтеніе, обрати къ нимъ человѣческое око, пролей въ души ихъ отраду кроткою и утѣшительною бесѣдою, и удиви свѣтъ своимъ великодушіемъ." Александръ, выслушавъ совѣтъ Каллисѳена, вскочилъ съ своего мѣста и бросился обнимать его. ,,О достойный мой наставникъ!" говорилъ ему Александръ въ возхищеніи: ,,побѣда возвышаетъ мое имя, а ты возвышаешь мою душу." Исторія свидѣтельствуетъ, съ какимъ человѣколюбіемъ принялъ Александръ Даріевъ родъ.

На другой день былъ держанъ еще военный совѣтъ въ присутствіи Государя и философа. Войско Александрово завоевало Козрозецкую область, которая управлялась своими владѣльцами, и издревле предана была Персіи. Въ совѣтѣ разсуждаемо было, что дѣлать съ Козрозецами, кои всегда могутъ Грекамъ наводить подозрѣнія своею преданностію къ Персіянамъ. Полководцы Александровы, пріобыкши къ воинскимъ лютостямъ, положили единогласно, чтобъ на всякой случай, изъ предосторожности побить до смерти всѣхъ жителей завоеванной области; понеже де, прибавилъ въ своемъ мнѣніи одинъ изъ ученыхъ совѣтодателей, по истребленіи сего народа, никакого уже вреда мы опасаться отъ него не можемъ. Сіе мнѣніе предложено было въ совѣтѣ къ подписанію Каллисѳену. „Боги!“ возопилъ сей философъ: „истребите самаго меня, естьли рука моя сей варварскій приговоръ подпишетъ!“ Столь внезапное возклицаніе произвело въ собраніи глубокое молчаніе. Александръ, взявъ приговоръ въ руки, задумался, и углубясь въ размышленіе, нечувствительно раздиралъ бумагу, содержащую лютую судьбу нѣсколька тысячъ людей невинныхъ; глаза его наполнились слезами; наконецъ трепещущимъ голосомъ, прерываемымъ воздыханіями нѣжнаго человѣколюбія, прекратилъ онъ общее молчаніе и едва могъ сіи слова промолвить Каллисѳену: „ты другъ человѣческаго рода, ты охранитель моей славы!“

Въ то время Леонадъ былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ любимцемъ Александра; въ самое короткое время умѣлъ онъ овладѣть совершенно душею сего Монарха — имъ самимъ владѣли страсти, высокомѣріе и алчность къ обогащенію. Онъ не любилъ никого, и никѣмъ любимъ не былъ: ибо тотъ, кто любитъ одного себя, недостоинъ быть любимымъ отъ другихъ. Добра дѣлалъ мало для того, что не любилъ видѣть людей въ удовольствіи; естьли же добро дѣлать ему и случалось, то обыкновенно такимъ образомъ, что получившій его благодѣяніе былъ бы гораздо больше радъ не быть никогда имъ

обязаннымъ. При дворѣ былъ онъ очень силенъ; слѣдственно не было ему и нужды дѣлать подысковъ; однакожъ вредилъ онъ другимъ охотно, потому что въ огорченіи другихъ сердце его находило удовольствіе. Но горе тому, коего погубленіе могло пособлять его возвышенію, или, по мнѣнію его, нужно было къ сохраненію его силы въ Государѣ! Сей любимецъ занемогъ за нѣсколько часовъ до прибытія Каллисѳена. Наушники, его окружавшіе, тотчасъ возвѣстили ему, съ какимъ почтеніемъ и повиновеніемъ внимаетъ Александръ совѣтамъ философа. Леонадъ такъ скоро выздоровѣлъ, что на третій день прибытія Каллисѳенова въ состояніи уже былъ предстать по утру предъ лице Монарха. „Позвольте" говорилъ онъ ему: „поздравить Ваше Величество съ пріобрѣтеніемъ въ друзья ваши философа; я слышалъ, что вы по его совѣту явили примѣръ великодушія." — „О мой истинный другъ!" отвѣчалъ ему Александръ: „буде хочешь мнѣ доказать свою дружбу, то будь самъ другомъ Каллисѳену." „Естьли могу, государь!" отвѣчалъ Леонадъ: „но сомнѣваюсь. Пріятно мнѣ, когда подаютъ Вашему Величеству благіе совѣты; но не могу терпѣть, чтобъ отъ премудрѣйшаго въ свѣтѣ Государя отъемлема была слава его премудрости." — „Что значатъ слова твои?" вопросилъ Александръ. Значатъ, Государь! „сказалъ Леонадъ: „что сколь я доволенъ совѣтами Каллисѳена, столь гнушаюсь поведеніемъ его при семъ случаѣ. Вообразите, Ваше Величество, что вчера въ вечеру при двадцати свидѣтеляхъ, которыхъ я сей часъ могу представить, отзывался онъ о васъ, какъ о слабомъ юношѣ, котораго можетъ онъ заставить дѣлать все, что ему угодно; но мнѣ извѣстно, Государь, ваше собственное проницаніе. Вы знаете свойство человѣка. Каллисѳенъ можетъ быть нескроменъ; но вамъ совѣтами полезенъ: пусть свѣтъ ему и вѣритъ, что безъ него не умѣлибъ вы сами быть великодушны; но" — . . . „Дивлюсь," прервалъ Александръ въ смятеніи рѣчь его: „какъ при толикой мудрости, Каллисѳенъ можетъ столь ослѣпленъ быть самолюбіемъ, чтобъ считать меня робенкомъ." — „Ваше Величество!" говорилъ люби-

мецъ, улыбаясь льстивымъ образомъ: „вселенная чувствуетъ, что вы изъ робятъ уже вышли.“— „Съ чего же Каллисѳенъ думаетъ?“... „Не смѣю сказать съ чего“..., перервалъ онъ.— „Скажи, скажи, мой другъ!“ просилъ усильно Александръ. „Съ того“ отвѣчалъ Леонадъ, спустя голосъ и запинаясь язвительно: „съ того....что...я думаю, онъ ученый дуракъ.“

Леонадъ зналъ Александра совершенно: онъ точно вѣдалъ, въ которую минуту удобнѣе чернить у него клеветою, и въ которую удачнѣе вредить ругательною насмѣшкою. Умѣлъ онъ различать тѣхъ людей, для очерненія которыхъ вдругъ и клевета и насмѣшка потребны ему были. Каллисѳенъ казался ему толь мудрымъ и толь для него опаснымъ, что почелъ онъ за нужное употребить противъ него оба сіи орудія, недостойныя честнаго человѣка. Александръ такъ уязвленъ былъ вымышленнымъ отзывомъ Каллисѳена о его слабодушіи, что самую брань ученый дуракъ почелъ онъ внезапно изторгнутою изъ души Леонада силою самой истины.

„Непонятно,“ говорилъ Александръ своему любимцу: „какъ мало ученіе прибавляетъ ума человѣку. Со всѣми знаніями Каллисѳена я ласкаюсь, что онъ больше ошибся во мнѣ, нежели ты въ немъ.“ — „Государь!“ отвѣчалъ ему Леонадъ: — „мой судъ о немъ не можетъ быть пристрастенъ; онъ не былъ никогда моимъ учителемъ; а я всего менѣе желаю быть его ученикомъ. Но Каллисѳенъ считаетъ себя вашимъ наставникомъ, и думаетъ, что чѣмъ менѣе отдаетъ онъ справедливости вашимъ дарованіямъ, тѣмъ болѣе всякое ваше похвальное дѣяніе приписано будетъ его достоинству.„

Между тѣмъ Александръ велѣлъ всѣхъ пускать къ себѣ въ шатеръ. Вошелъ и Каллисѳенъ. Государь взглянулъ на него съ нѣкоторымъ робкимъ смущеніемъ. Сколь ни глубоко выраженіе ученый дуракъ проникло въ душу Александра; но онъ не могъ вдругъ забыть, что ученый дуракъ вчера и третьяго дня былъ умнѣе цѣлаго совѣта, и что онъ самъ ученаго

дурака обнималъ съ нѣжными слезами какъ мужа, плѣнившаго сердце его мудростію и человѣколюбіемъ. „Государь!" спросилъ его Каллисѳенъ: — „какое смятеніе объяло твою душу? твой взоръ являетъ неудовольствіе, досаду и недоумѣніе!" — „Ты правду сказалъ, отвѣчалъ ему Александръ: — „я дѣйствительно въ досадѣ; мнѣ случилось ошибиться въ одномъ изъ окружающихъ меня. Я считалъ въ немъ много мудрости; а теперь вижу, что я въ его умѣ самъ глупо обманулся." — „Сія ошибка не весьма важна для Монарха:" — отвѣчалъ философъ: — „отъ глупаго человѣка можно взять дѣло и поручить его разумному; но гибельная ошибка бываетъ для Государя тогда, когда клеветника считаетъ онъ праводушнымъ, когда любитъ онъ того, кого всѣ ненавидятъ; когда ввѣряется тому, кто наглымъ и безстыднымъ образомъ Государскую довѣренность во зло употребляетъ; когда считаетъ другомъ того, кто вѣроломно завладѣлъ его душею."

Каллисѳенъ не зналъ отнюдь ни Леонада, ни клеветы, которою сей очернилъ его у Александра. Онъ почелъ за долгъ, высказать все сіе нравоученіе тому, кто просилъ его усильно говорить правду безъ опасенія. Александръ приведенъ былъ рѣчью Каллисѳена въ пущее смятеніе. Онъ имѣлъ разумъ и тотчасъ почувствовалъ, что ни ученый, ни неученый дуракъ никогда такъ не говоритъ, какъ изъяснялся Каллисѳенъ. Леонадъ, примѣтивъ сіе, вмѣшался въ рѣчь. „Изъ какой бишь Аристотелевой книги читаете вы проповѣдь?" спросилъ съ насмѣшкою у Калисѳена. „Изъ той" — отвѣчалъ ему философъ съ твердостію и съ нѣкоторымъ родомъ презирающей жалости: „изъ той, которая, какъ видно, вамъ не очень нравится."

Сей разговоръ пресѣкъ вошедшій въ шатеръ къ Александру вѣстникъ, который посланъ былъ съ рѣки Арбела отъ повелѣвающаго тамъ частію войскъ начальника, съ увѣдомленіемъ, что Персіяне, всѣ свои остальныя силы собравъ, идутъ противъ Грековъ. Тотчасъ Александръ пошелъ самъ на встрѣчу непріятелю. Совершенная надъ нимъ побѣда

низложила Персидскую Монархію; но Дарій лишился жизни не въ сраженіи. Онъ умерщвленъ былъ вѣроломно собственными своими подданными.

Славу побѣды отправлялъ разнесшійся скоро слухъ, что Дарій убитъ измѣннически повелѣніемъ самого Александра, который такъ возгнушался симъ недостойнымъ подозрѣніемъ, что велѣлъ сыскать убійцу, и казнивъ его смертію, симъ оправдался предъ свѣтомъ совершенно. Каллисѳенъ похвалилъ его поведеніе. „Что слышу я?“ сказалъ ему Александръ съ холодною улыбкою: „уже и Каллисѳенъ льститъ мнѣ начинаетъ; помнится для наставленія, а не для похвалъ прислалъ тебя Аристотель.“ „Государь!“ отвѣчалъ Каллисѳенъ: — „между хвалою и лестію есть великая разность. Я тебя хвалю, но не льщу тебѣ; долгъ философіи обязываетъ меня хвалить добрыя дѣла и осуждать злыя. О боги! естьли когда нибудь унизишь ты себя къ послѣднимъ, вѣрь мнѣ, найдутся люди и тогда тебя превозносить; но сіи люди не будутъ философы.“

Леонадъ все сіе слушалъ разпаляясь внутреннею злобою на Каллисѳена; онъ нѣсколько разъ покушался было обратить въ смѣхъ его нравоученія; но умѣлъ воздержаться. Не взирая на то, что острота ума его была безмѣрная, чувствовалъ онъ, что истина, умнымъ человѣкомъ твердо произнесенная, можетъ въ одинъ мигъ сдѣлать смѣшнымъ самаго насмѣшника. И такъ рѣшился онъ губить Каллисѳена скрытою клеветою, и скоро довелъ Государя до того, что одинъ видъ философа сталъ уже ему въ тягость.

Въ сіе время Александръ предпріялъ путешествіе въ Ливію ко храму Юпитера Аммона. За день предъ отъѣздомъ вышло разписаніе, кому ѣхать при лицѣ Государя. Онъ взялъ съ собою весь свой совѣтъ; но надъ именемъ Каллисѳена написано было рукою Александра: *позади въ обозѣ*.

Философъ ни малѣйше не тронутъ былъ симъ знакомъ холодности Государя, для того, что онъ ни чѣмъ его не заслужилъ; всего же менѣе оскорб-

ленъ онъ былъ явнымъ къ себѣ презрѣніемъ придворной черни, которая, прочитавъ выраженіе: *позади въ обозѣ*, старалась оскорблять всячески Каллисѳена, ласкаясь, что такое поведеніе противъ впадшаго въ немилость, всевысочайше причтено быть можетъ за всенижайшее и вѣрнорабское усердіе къ произволенію Государя.

Между тѣмъ Александръ, въ самой день своего отъѣзда увидѣвъ Каллисѳена, совѣстился долго подойти къ нему; наконецъ доброе сердце превозмогло, и онъ воображая, что философъ огорчился его холодностію, хотѣлъ его успокоить." „Я боюсь" говорилъ ему Государь: „отягчить тебя скорымъ путешествіемъ съ собою. Мы въ войнѣ обыкли къ трудамъ, кои моглибъ тебя обременить; слѣдуй за мною такъ тихо, какъ тебѣ угодно!" — „Государь!" отвѣчалъ ему Каллисѳенъ: „повинуюсь твоей волѣ; но будь увѣренъ, что для меня совершенно равно ѣхать съ тобою, или позади, естьли мое присутствіе не болѣе тебѣ полезно какъ мое отсутствіе."

Сіи слова произнесъ Каллисѳенъ съ такою кротостію, съ такимъ простосердечіемъ, что самъ Александръ и всѣ предстоящіе никакъ не могли ихъ приписать негодованію философа, но видѣли въ нихъ одно искреннее его усердіе быть полезнымъ Государю. Леонадъ примѣтилъ, что Александръ вдругъ сильно возмутился, и для того нужно ему было разсѣять тотчасъ сіе смущеніе и не допустить сердце государя обратиться на добродѣтельное чувство. Онъ подалъ знакъ оставающимся военачальникамъ изпрашивать отъ Александра повелѣнія; а между тѣмъ подвезли колесницу, въ которую Леонадъ нечувствительно посадилъ Государя, и увезъ его гораздо скорѣе, нежели онъ уѣхать думалъ.

Каллисѳенъ, какъ ненужный Государю человѣкъ, отправился по его повелѣнію, въ обозѣ съ нужными вещами. Скотазъ, начальникъ обоза, былъ изъ тѣхъ придворныхъ тварей, коихъ поведеніе предъ знатными весьма подло, но предъ тѣми, коихъ онъ не боялся, и въ комъ не искалъ, весьма грубо; словомъ,

человѣкъ былъ низкой и глупъ до невѣроятности; верблюды, лошади, ослы составляли существо душевныхъ его чувствъ. Говоря объ нихъ, вдругъ приходилъ онъ въ пресмѣшной возторгъ, но ни о чемъ уже другомъ слова молвить не умѣлъ. Съ Каллисѳеномъ обошелся такъ невѣжливо, какъ отъ Скотаза ожидать токмо можно. „Зачѣмъ, старикъ, тащишься съ нами?“ говорилъ онъ съ презрѣніемъ философу: „здѣсь и безъ тебя грузно; я слышалъ, что ты философъ! дайко посмотрѣть на себя. Мы ихъ при конюшнѣ не видывали; я чаю, полно естьли они и при дворѣ“ — „Я никого не видалъ!“ отвѣчалъ Каллисѳенъ. „Видно, что дворъ не ихъ жилище.“ — „У двора“ говорилъ Скотазъ важнымъ голосомъ: „надобно умъ да и умъ, не твоему чета. Мы тутъ сами около тридцати лѣтъ шатаемся, но того и смотришь, что въ бѣду попадешь. — „Я не въ бѣдѣ“ — говорилъ Каллисѳенъ. „Да чтожъ ты не при лицѣ?“ спросилъ его Скотазъ; „ты хочешь меня увѣрить, что царскихъ любимцевъ въ обозъ отсылаютъ; нѣтъ, старикъ, коль ты отданъ на мои руки, такъ видно мода съ тебя спала. Ты, я чаю, болтаньемъ своимъ досадилъ многимъ господамъ. Я и самъ“ — промолвилъ Скотазъ вздыхая: „я и самъ за царскихъ ословъ страдалъ неоднажды.“ Въ дорогѣ начиналъ онъ съ философомъ говорить о лошадяхъ и верблюдахъ; но увидя, что философъ въ семъ дѣлѣ ничего не разумѣетъ, возымѣлъ онъ къ нему глубочайшее презрѣніе, а потому и учредилъ съ нимъ свое поведеніе. Изъ колесницы, въ которую сперва посаженъ былъ Каллисѳенъ, высадилъ онъ его въ телѣгу. Не было пригорка, на который бы не заставилъ онъ взходить пѣшкомъ Каллисѳена. „Естьли бы случилось тебѣ везти на гору Леонада — „говорилъ ему философъ: „ты поступилъ бы съ нимъ иначе, нежели со мною.“ — „Вотъ на!“ отвѣчалъ Скотазъ: „да для Его Высокопревосходительства я самъ бы радъ припрячься.“

Наконецъ, спустя нѣсколько дней по прибытіи Александровомъ ко храму Юпитера, доѣхалъ туда и философъ. Жрецы предуспѣли уже подлою лес-

тію помрачить разсудокъ Государя. Каллисѳенъ, услышавъ, что сей Аристотелевъ ученикъ почитаетъ себя богомъ, называетъ себя Юпитеровымъ сыномъ и проповѣдуетъ странныя басни о своемъ произхожденіи, вошедъ въ чертогъ царскій, увидѣлъ Александра окруженна воинами, неимѣющими о божествѣ понятія, и придворными, вѣрующими во все то, во что Государь приказываетъ вѣрить. Всѣ они дерзнули утверждать, что Александръ есть богъ дѣйствительно. —„Государь!" вопросилъ его философъ: „правда ли что ты богъ?"—„Правда" отвѣчалъ Александръ, покраснѣвъ и запинаясь, „Государь!" говорилъ ему Каллисѳенъ: „велико твое требованіе, но не бойся, чтобъ философія обременила тебя тяжкимъ порицаніемъ; она таковымъ мнѣніямъ только лишь смѣется; но ставъ богомъ, Государь, естьли имъ стать тебѣ угодно, помышляй, къ чему обяжетъ тебя сіе великое титло. Боги отъ единыхъ благотвореній познаются; за усердіе къ себѣ платятъ они милостями, за обожаніе покровительствомъ. Иногда мещутъ они громъ, но мещутъ противъ воли; паче всего въ свѣтѣ любятъ они творить блаженство смертныхъ."

Каллисѳенъ уклонился отъ приношенія жертвы ученику друга своего Аристотеля, отозвавшись что въ Ликеѣ не привыкли они находить боговъ такъ съ собою близко. Отъ новаго бога ожидалъ онъ новаго какого нибудь преступленія, дабы употребить противъ него всю строгость, каковою философія на изправленіе смертныхъ ополчается; къ нещастію ожиданіе его немного продолжалось. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнимый сынъ Юпитеровъ впалъ во всѣ гнусные пороки: земной богъ спился съ кругу; пронзилъ въ безуміи копьемъ сердце друга своего Клита; и однажды послѣ ужина, въ угодность пьяной своей наложницѣ, превратилъ онъ въ пепелъ великолѣпный городъ.

Слухъ о сихъ мерзостныхъ злодѣяніяхъ воспалилъ рвеніе Каллисѳена. Онъ вбѣжалъ въ чертоги Монарха, не ужасаясь величества его, ни множества окружающихъ его полководцевъ и Сатраповъ.

„Александръ!“ возопилъ онъ: „симъ ли образомъ чаешь достоинъ быть олтарей? Ты друга умерщвляешь, тысячи невинныхъ своихъ подданныхъ предаешь пламени; чудовище! ты имени человѣка не достоинъ!“ Придворные возбуждали паче злобу Александра, который, будучи внѣ себя отъ гнѣва, поручилъ Леонаду изобрѣсти достойную казнь неслыханному и при дворѣ дерзновенію Каллисѳена.

Леонадъ имѣлъ безчеловѣчіе немилосердо мучить сего почтеннаго мужа, и кинуть потомъ въ ужасную тюрьму. Между тѣмъ какъ изыскивали для него родъ лютѣйшей казни, болѣзненное страданіе, соединясь съ тяжестію оковъ, извлекло изъ бреннаго тѣла его великую душу.

По кончинѣ самаго Аристотеля, найдено въ бумагахъ его слѣдующее письмо Каллисѳеново, писанное за нѣсколько часовъ предъ его смертію. Здѣсь предлагается оно съ отмѣткою его друга.

Письмо Каллисѳена.

„Умираю въ темницѣ; благодарю боговъ, что „сподобили меня пострадать за истину. Але„ксандръ слушалъ моихъ совѣтовъ два дни, въ кото„рые спасъ я жизнь Даріева рода, и избавилъ жи„телей цѣлой области отъ конечнаго истребле„нія. Прости!“

Отмѣтка рукою Аристотеля.

При Государѣ, котораго склонности не вовсе развращены, вотъ что честный человѣкъ въ два дни сдѣлать можетъ!

Фонъ-Визинъ.

II. БЕСѢДА КАДМА СЪ РИМАСИДОМЪ.

Кадмъ узрѣлъ въ недалекѣ между пальмовыхъ сѣнистыхъ древесъ удрученнаго лѣтами и прохаживающагося старца. „Кто есть сей почтенный старецъ?“ вопросилъ онъ Діафана. Онъ отвѣтствовалъ ему: „се есть другъ боговъ, Римасидъ, бывшій нѣ-

когда первымъ вельможею при царѣ Зетусѣ; онъ низшелъ самопроизвольно съ высокаго степени своего, когда Амазисъ при царскомъ дворѣ усилился. Нынѣ обитаетъ въ безмолвномъ уединенiи; рѣдко человѣкамъ является и мало съ ними бесѣдуетъ; но храня ко мнѣ дружество, дозволяетъ иногда посѣщать себя. Хочешь ли, Кадмъ, насладиться сладкою бесѣдою сего старца, при коемъ Египетъ былъ нѣкогда Эдему подобенъ?" — „Жажду сея бесѣды," отвѣчалъ Кадмъ: „да научуся отъ него мудрости и любви ко уединенiю!" — „Таковое свиданiе полезно и со временемъ назидательно ради тебя будетъ!" рекъ Дiафанъ, и отправился купно съ Кадмомъ къ Римасиду.

Прешли они цвѣтами изпещренную пространную долину, и достигли пещеры пустынножителя, которая устроена была при высокомъ холмѣ, гранатными и мигдальными древесами осѣненномъ. Вкругъ оныя протекалъ източникъ воды прозрачныя, чрезъ который по дикимъ камнямъ, сѣдымъ мхомъ покрытымъ, преходить надлежало. Въ правой сторонѣ пещеры узрѣли они вертоградъ, руками Римасида воздѣланный; съ другiя видимы были агнцы и скачущiя козы на лугахъ тучныхъ. Дiафанъ и Кадмъ прешли ручей, между камнями съ журчанiемъ извивающiйся, и увидѣли уединеннаго старца, подъ сѣнистыми кедрами уже на густой травѣ покоящагося. Лице его было свѣтло и прiятно; сѣдины важность челу его придавали. Усмотрѣвъ Дiафана, возсталъ онъ бодрственно, и на жезлѣ опираясь, шелъ посѣтителямъ своимъ во срѣтенiе.

„Возрадуйся со мною!" — рекъ ему Дiафанъ: — „возрадуйся, мужъ почтенный, о спасенiи Египта! Я привелъ къ тебѣ избавителя общаго, защитника царства и нашего царя; привелъ къ тебѣ Кадма, жаждущаго бесѣдою твоею насладиться!" — „Достигли до меня слухи" — отвѣчалъ Римасидъ гласомъ сладкимъ — „достигли о избавленiи Египта отъ предлежащей ему гибели, и слава знаменитыхъ Кадмовыхъ подвиговъ мнѣ не безызвѣстна. Мiра сего коло-

вратности сердца моего уже не возмущають; но еще люблю мое отечество, и благоденствіе Египта для меня драгоцѣнно. Благодарю тебя, о Кадмъ! за спасеніе царя нашего, ближнихъ моихъ и всего нашего отечества!"

Обнявъ Діафана и Кадма, вводитъ ихъ во внутренность пещеры, гдѣ мудрое хозяйство повсюду примѣтно было. Они возсѣли на простыхъ коврахъ, изъ тростника изкусно сплетенныхъ, и Римасидъ предложилъ имъ отъ пчелъ сотъ, млеко и плоды сухіе; онъ бесѣдовалъ съ ними съ проницательностію, свойственною благоразумному вельможѣ, о воинскихъ подвигахъ противу злодѣя Амазиса, о стройности воинства, о выгодахъ Египта и его недостаткахъ. Кадмъ, удивляясь его разуму и при глубокой старости о государственныхъ дѣлахъ толь подробному свѣденію, рекъ ему: „О почтенный Римасидъ! прости мнѣ дерзновенное мое слово; ты вѣщалъ, что еще любишь свое отечество, и я удостовѣрился по твоей бесѣдѣ, что ни учрежденія воинскія, ни обстоятельства народоправленія изъ памяти твоей еще не изглажены; почто же оставилъ ты санъ свой, высокую степень свою, и во уединеніе сокрылся?" — Римасидъ отвѣчалъ Кадму: „я не оставилъ моего сана, ни возложеннаго на меня моимъ царемъ долга: но царь возвѣстилъ мнѣ, что я не есмь болѣе нуженъ ему въ соправительствѣ; — или паче взоры Зетусовы удалили меня во уединеніе!" — „Мнится мнѣ" — сказалъ Кадмъ — „надлежало бы оградиться терпѣніемъ, и не лишать отечество толь нужнаго ему члена!" — „Другіе находили себя лучшими къ тому и способнѣйшими предо мною" — отвѣчалъ Римасидъ: — „они почли себя ко отправленію моего званія изкуснѣйшими; а дабы и меня убѣдить въ томъ, вездѣ поставили преграды изполненію моихъ намѣреній, и даже лишили меня пособій отправлять должность мою. — Когда на кормчаго возложатъ оковы: можетъ ли управлять онъ кормиломъ? и свободенъ ли ручей, твердою плотиною препинаемый?" — „Но могъ бы ты" — сказалъ Кадмъ: — „оставя верховную степень

свою, обитать въ Мемфисѣ и служить отечеству мудрыми совѣтами, не сокрываясь толико въ скучное уединеніе, а наипаче быть полезнымъ наставникомъ друзьямъ твоимъ!" — „Ты хочешь" — сказалъ Римасидъ; — „чтобы удаляясь отъ непріятеля, съ ратнаго поля меня стѣснившаго, ты хочешь, чтобы еще обращалъ я мечь мой на него, направлялъ въ него копіе мое, и тѣмъ вызывалъ бы его къ новому на меня нападенію. — Бѣдность одна оставалась щитомъ моимъ противу зависти и моихъ гонителей. — Притомъ я вкусилъ уже сладости преизбытка, и возжелалъ познать пріятности неимущества и уединенія, которыя до сего неизвѣстны мнѣ были." — „Кому ты оставилъ стяжанія твои?" вопросилъ Кадмъ: — „ты безъ сомнѣнія имѣлъ родственниковъ, коимъ раздѣлилъ свое сокровище, и тѣмъ учинилъ ихъ удобнѣйшими служить отечеству?" — „Нѣтъ!" сказалъ Римасидъ: „всѣ мои сокровища раздалъ я нищимъ и бѣднымъ; ибо они по справедливости имъ принадлежали. Всякое наше излишество есть доля, у неимущаго похищенная, и всяческое имущество есть вещь, въ залогъ намъ или за наши услуги даемая, или по случаю намъ доставленная, которую, по строгому сужденію нашей совѣсти, ко източнику ея возвращать мы обязаны. Притомъ извѣстно мнѣ, что ни чѣмъ толь скоро не вовлекается юношество въ лѣность и праздность, какъ пріобрѣтеннымъ легко и безъ труда имѣніемъ; а потому и бываетъ оно часто къ дѣятельности и ко служенію отечеству неудобнымъ; но мои размышленія не суть правила узаконительныя. Я мои чувства токмо предъ тобою, Кадмъ, обнаруживаю. Что надлежитъ до моихъ родственниковъ, то для нихъ довольно было той награды, что я изъ нихъ первый былъ возставленъ на высочайшія степени; я, съ которымъ они дружески бесѣдуя, могли научиться отправленію важныхъ дѣлъ въ государствѣ; они во мнѣ имѣя образъ чиноначальника, могли приготовлять себя быть способными вельможами; и вотъ наслѣдство, мною имъ оставленное. Не превозношусь ни дарованіями, ни отмѣнными моими способностями, но похвалюся

тѣмъ, что долго любимъ я былъ моимъ царемъ и отечествомъ; чему Діафанъ да будетъ свидѣтелемъ. Вручивъ ему малую часть моего имѣнія, пріобрѣлъ я сіе тихое и безпечное убѣжище. Съ тѣхъ поръ духъ мой успокоился; чувствую себя здравѣе прежняго, и не взирая на глубокую мою старость, безпечно нетревожною моею жизнію наслаждаюсь. Благодарю вседневно боговъ за ихъ щедроты — я уже завистниковъ не имѣю." — Потомъ Римасидъ бесѣдовалъ съ ними о долгѣ и важности царя, о домостроительствѣ государственномъ и частномъ, о правилахъ общежитія, о нравственныхъ законахъ. Тогда Кадмъ вопросилъ почтеннаго старца: „Почто нынѣ не возвратишься, о Римасидъ! на прежнюю степень свою, когда Самгесъ царствуетъ? Силы разума твоего еще неизтощенны, а юному царю мудрые совѣтователи потребны."

„Мое служеніе отечеству," — отвѣчалъ Римасидъ: — „уже кончилось. Нынѣ наступило время сладкаго и тихаго уединенія. Долго я обременялся земными попеченіями; — надлежитъ о небесномъ и вѣчномъ бытіи помыслить. — Вѣдаю, что юный царь Апрій благонравенъ; но я, пріобыкнувъ къ уединенію, въ сумракѣ старости моей могу при немъ судить о всемъ или слишкомъ строго, или слишкомъ слабо, и моими мнѣніями затмѣвать блески дворскихъ веселій. Надлежитъ знать каждому вельможѣ черту, отъ коей время уже возвращаться ему ко успокоенію; безъ того его служеніе или обществу, или ему самому тягостнымъ учинится."

Херасковъ.

III. ФРОЛЪ СИЛИНЪ,

Благодѣтельный человѣкъ.

Пусть Виргиліи прославляютъ Августовъ! Пусть краснорѣчивые льстецы хвалятъ великодушіе знатныхъ! Я хочу хвалить Фрола Силина, простаго поселянина, и хвала моя будетъ состоять въ описаніи дѣлъ его, мнѣ извѣстныхъ.

По сіе время не могу я безъ сердечнаго содроганія вспомнить того страшнаго года, который живетъ въ памяти у Низовыхъ жителей подъ именемъ голоднаго; того лѣта, въ которое отъ долговременной засухи пожелтѣвшія поля орошаемы были однѣми слезами горестныхъ поселянъ; той осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсень, раздавались въ селахъ стенанія и вопль отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ и житницахъ своихъ; и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставя домы свои, просили милостыни на дорогахъ, и не смотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи подъ открытымъ небомъ на снѣгу проводили. Щадя нѣжное сердце моего читателя, не хочу описывать ему ужасныхъ *сценъ* сего времени. Я жилъ тогда въ деревнѣ близь Симбирска, былъ еще ребенокъ, но умѣлъ уже чувствовать какъ большій человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе моихъ ближнихъ. — Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ — а можетъ быть живетъ еще и теперь — Фролъ Силинъ, трудолюбивый поселянинъ, который всегда лучше другихъ обработывалъ свою землю, всегда болѣе другихъ сбиралъ хлѣба, и никогда не продавалъ всего, что сбиралъ; почему на гумнѣ его стояло всегда нѣсколько запасныхъ скирдовъ. Пришелъ худой годъ, и всѣ жители той деревни обнищали — всѣ, кромѣ осторожнаго Фрола Силина. Но осторожность была не единственною его добродѣтелію. Вмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ, и, пользуясь случаемъ, разбогатѣть вдругъ, онъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ имъ: „Послушайте, братцы! вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдемъ на гумно, пособите мнѣ обмолотить скирда четыре, и возьмите себѣ сколько вамъ надобно на весь годъ.“ Крестьяне остолбенѣли отъ удивленія — ибо и въ городахъ и въ селахъ великодушіе есть рѣдкое явленіе! Слухъ о семъ благодѣяніи Фрола Силина разнесся въ окрестности. Бѣдные изъ другихъ жительствъ приходили къ

нему и просили хлѣба. Добрый Фролъ называлъ ихъ братьями своими, и ни одному не отказывалъ. „Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой“ говорила ему жена. „Богъ велитъ давать просящимъ“ отвѣчалъ онъ. — Небо услышало молитву бѣдныхъ, и благословило слѣдующій годъ плодородіемъ. Поселяне, одолженные Фроломъ Силинымъ, явились къ своему благотворителю и отдавали ему то количество хлѣба, которое у него взяли, и еще съ лихвою. „Ты спасъ насъ и дѣтей нашихъ отъ голодной смерти,“ говорили они: „одинъ Богъ можетъ заплатить за твое доброе дѣло; а мы возвращаемъ съ благодарностію то, что у тебя заняли.“ — „Мнѣ ничего не надобно“ отвѣчалъ Фролъ: „у меня много новаго хлѣба. Благодарите Бога; не я, а Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ.“ — Напрасно приступали къ нему должники его. „Нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а когда у васъ есть лишній, такъ раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсѣять полей своихъ и теперь нуждаются; въ нашемъ околоткѣ не мало такихъ найдется. Поможемъ имъ, и Богъ благословитъ насъ!“ — „Хорошо (сказали тронутые поселяне, проливая слезы) хорошо. Будь по твоему! Мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ, и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебя молиться.“ — Фролъ вмѣстѣ съ ними плакалъ и смотрѣлъ на небо; что онъ тамъ видѣлъ — ему, а не мнѣ извѣстно.

Въ одной сосѣдней деревнѣ сгорѣло четырнадцать дворовъ: Фролъ Силинъ послалъ на каждой дворъ по два рубля денегъ и по косѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того сгорѣла другая деревня. Поселяне, лишенные почти всего имущества своего, прибѣгнули къ извѣстному великодушію Фрола Силина. На тотъ разъ не было у него денегъ. „У меня есть лишняя лошадь“ сказалъ онъ: „возьмите и продайте ее.“

На имя господина своего купилъ онъ двухъ дѣвокъ, выпросилъ имъ отпускныя, содержалъ

ихъ какъ дочерей своихъ, и выдалъ замужъ съ хорошимъ приданымъ.

Естьли ты еще не оставилъ насъ, другъ человѣчества, и не преселился въ міръ тебя достойнѣйшій, въ міръ ангельскій, гдѣ рука Милости поставитъ тебя выше многихъ царей земныхъ: то конечно и теперь благотворишь ты ближнему, и возвышаешь небесный санъ свой! По особливому случаю, и въ отдаленіи, узналъ я дѣла твои; живучи близь тебя, я не зналъ ихъ. Когда буду въ мѣстахъ, тобою украшаемыхъ, то съ благоговѣніемъ приближусь къ твоей хижинѣ, и поклонюсь добродѣтели въ лицѣ твоемъ. Но естьли не найду тебя живаго, то велю проводить себя ко гробу твоему, и на безчувственную землю пролью слезу чувствительности, сыщу бѣлой камень, положу его на твою могилу, и собственною рукою вырѣжу на немъ слова: *Здѣсь покоится прахъ благодѣтельнаго человѣка.*

Славнѣйшая нація въ Европѣ посвятила великолѣпной храмъ *) *мужамъ великимъ*, мужамъ, которые удивляли насъ своими дарованіями. Съ покрытою головою не пройду я мимо сего мѣста; но безъ слезъ сердечныхъ не прошелъ бы я мимо храма, посвященнаго добрымъ геніямъ человѣчества — и въ семъ храмѣ надлежало бы соорудить памятникъ Фролу Силину.

Карамзинъ.

IV. ВАДИМЪ.

Славянская повѣсть.

Осенній вечеръ низпускался на землю. Солнце среди разорванныхъ тучъ катилось въ шумящее озеро Ладоги. На древней вершинѣ чернаго бора сіялъ послѣдній лучъ его. Вѣтеръ вылъ; озеро

*) Въ Лондонѣ, въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, поставлены монументы многимъ славнымъ Англійскимъ Авторамъ.

*

вздымалось; мрачныя облака летѣли; сѣдые туманы дымились. —

На скатѣ скалы, заросшей кустарникомъ и глубоко вдавшейся въ пространное озеро, стояла хижина; дымъ вылеталъ изъ трубы и разносился бурнымъ вѣтромъ. На порогѣ уединенной хижины сидѣлъ старецъ. Потусклый взоръ его неподвижно устремился на волны; задумчиво склонялъ онъ голову, какъ лунь сѣдую, на правую руку, опирающуюся на колѣно; въ лѣвой держалъ арфу; борода его и длинные волосы, взклокоченные вѣтромъ, развѣвались. Часто во взорахъ его мелькало быстрое пламя, и лице мрачное являлось грознымъ и ужаснымъ; часто глубокіе вздохи тѣснили грудь его, лице опять омрачалось, и взоры снова потухали. — Онъ ударилъ по струнамъ арфы — сильный, величественный звукъ раздался — струны затрепетали — долго слышалось ихъ томное, умирающее звучаніе — утихли — пустынникъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на вечернее, сумрачное небо, на арфу; вздохнулъ опять — заигралъ и запѣлъ:

„Шумите, шумите, осенніе вѣтры, чада угрюмаго Позвизда! Обнажайтесь холмы, обнажайтесь дубравы! подымайся, листъ изсохшій, столпомъ съ долины! Стелитесь, густые туманы! Улети, сокройся, веселое лѣто, какъ улетѣло и скрылось мое щастіе! — Давно бѣлѣетъ зима на главѣ слабаго старца; давно изчезла крѣпость его мышцы, и охладѣвшая кровь не волнуется. Нѣтъ мирной тѣни подъ дубомъ, разбитымъ стрѣлою Перуна; нѣтъ жизни и радости въ моемъ сердцѣ, увядшемъ какъ листъ осенній!“

„Пронеслось оно — пронеслось и сокрылось мое щастіе. Слава дней моихъ улетѣла, какъ дымъ, унесенный вѣтромъ. Гдѣ вы, любимцы души моей, чада мужества и брани? Разсѣяны по лицу земному, или въ могилахъ покоитесь! — Ахъ! блаженны почившіе сномъ безмятежнымъ: обитель ихъ тиха и безмолвна, какъ часъ полу-

ночи въ долинѣ уединенной. Миръ вамъ, сыны праха!"

„Но горе, горе мнѣ, страннику! Одни вѣтры пустынные, однѣ волны шумящія со мною бесѣдуютъ. Сокрылись любимцы души моей — сокрылись какъ ясные дни лѣта. Мечъ мой и палица закоснѣли въ праздности; пыль на щитѣ моемъ и шлемѣ. Угасаю, какъ заря на западѣ, какъ уголь изтлѣвающій!"

„А ты, моя отчизна! ты незабвенная и въ дикой пустынѣ и на краю гроба! куда дѣвалось твое величіе? Почто утратился блескъ твоей славы? Печаль, какъ туманъ, покрываетъ тебя своимъ мракомъ. Не вижу храбрыхъ сыновъ твоихъ; пали могущіе, или сокрылись. Иноплеменники ругаются надъ твоимъ безсиліемъ; иноплеменники терзаютъ тебя, какъ волки хищные свою добычу. Къ тебѣ, обожаемая, къ тебѣ летятъ мои вздохи! По тебѣ уныкаю; но кто услышитъ мои стенанія? кто прольетъ отраду въ изсохшее сердце?"

„Посреди скалъ уединенныхъ и безплодныхъ увяну въ горестномъ одиночествѣ; земля не покроетъ костей моихъ; другъ славы не посѣтитъ моей могилы. Набѣжитъ горный вѣтеръ, и прахъ мой разсѣется; пропадутъ слѣды мои, какъ лучи вечерніе на облакахъ летящихъ!" — —

Старецъ замолчалъ! Звуки арфы его изчезли въ пространномъ воздухѣ. — Мракъ всюду царствовалъ, и озеро невидимо шумѣло. Долго, уныло задумавшись, сидѣлъ пустынникъ, и слушалъ свисты вѣтра; наконецъ всталъ и ушелъ въ хижину. Яркій огонь, пылавшій на очагѣ, освѣщалъ ея стѣны, почернѣвшія отъ дыму, и багровое сіяніе проливалось сквозь узкое окно и отверзтія худой двери на мрачную зелень и кустарники, со всѣхъ сторонъ окружавшіе хижину. Старецъ повѣсилъ арфу на стѣну, подлѣ доспѣховъ военныхъ — щита, панцыря, меча и шлема — покрытыхъ ржавчиною и паутиною; придвинулъ къ огню сосновый

отрубокъ, служившій ему стуломъ, сѣлъ и началъ грѣть свои руки. Дымъ волновался какъ паръ и выходилъ въ узкое отверзтіе, на срединѣ потолка оставленное. Старецъ былъ задумчивъ, мраченъ; молчаніе царствовало въ хижинѣ; изрѣдка прерывалось оно шумомъ вѣтра и печальнымъ крикомъ сверчка. — Вдругъ послышался шерохъ — дверь застучала, — „Впустите странника, потерявшаго дорогу!“ сказалъ голосъ. Вся внутренность старца содрогнулась: языкъ незабвенный, языкъ милой родины, поразилъ слухъ его, долго внимавшій однимъ волнамъ и вѣтрамъ. Со всею живостію молодыхъ лѣтъ, онъ бросился къ двери, оттолкнулъ ее — и незнакомый юноша, прелестный какъ Дагода, величественный какъ Свѣтовидъ, съ лукомъ въ рукѣ, съ колчаномъ за спиною, представился его взорамъ. Изумленный, долго не могъ произнести ни одного слова и быстрыми глазами смотрѣлъ на пришельца. „Позволь, добрый пустынникъ“ — сказалъ юноша такимъ голосомъ, отъ котораго запылала вся душа старца — „позволь провести ночь въ твоей хижинѣ. Я заблудился; на дворѣ темно и холодно.“ — „Благословляю приходъ твой, незнакомецъ! войди, согрѣйся. Никогда еще голосъ человѣка не веселилъ меня въ сей дикой пустынѣ. Давно сердце мое не трогалось разговоромъ дружелюбнымъ. Благословляю тебя, странникъ! Прижмись къ моей груди!“ — Молодый незнакомецъ кинулся обнимать его съ такимъ живымъ, искреннимъ чувствомъ, что пустынникъ на минуту забылся, вообразилъ себя въ объятіяхъ милаго сына. — „Сядь къ огню, добрый юноша!“ сказалъ онъ: — „мой ужинъ простъ и невкусенъ, постеля жестка и неспокойна; но ты усталъ и голоденъ.“ — Юноша, ослабивъ тетиву своего лука, и снявъ съ плечъ колчанъ, туго набитый стрѣлами, сѣлъ подлѣ очага, на которомъ блестящее пламя развѣвалось и дрова трещали. Старикъ между тѣмъ приготовилъ простый ужинъ, изъ плодовъ лѣсныхъ и сушеной рыбы составленный, разостлалъ на полу медвѣжью кожу, и сказалъ своему посѣтителю:

„Вотъ все, чѣмъ богата моя хижина. Утоли свой голодъ и успокойся.“ Незнакомецъ поблагодарилъ гостепріимнаго пустынника, насытился, пожелалъ ему доброй ночи, и, бросясь на медвѣжью кожу, скоро заснулъ глубокимъ сномъ. —

Старикъ сидѣлъ задумавшись надъ спящимъ незнакомцемъ; душа его была въ волненіи; сладкія, долго молчавшія струны, въ ней оживились. Очарованный взоръ его не могъ отвратиться отъ сонъ наго полубога, небрежно предъ нимъ простертагò. Сіе лице выразительное, запечатлѣнное добродушіемъ; сей взглядъ быстрый, пылающій; темнорусые волосы, мягкіе какъ шелкъ, и кудрями по плечамъ разсыпанные; величественный станъ; высокая, бѣлая грудь; нѣжный и мужественный голосъ — все вмѣстѣ производило неизъяснимое дѣйствіе надъ сердцемъ пустынника. Темное воспоминаніе минувшаго погружало его въ тихую *меланхолію*; казалось, что вся протекшая слава, всѣ протекшія радости и горести заключены были въ одномъ очаровательномъ образѣ, въ образѣ незнакомца, который такъ безмятежно покоился. Онъ пожиралъ его глазами; сердце его трепетало и слезы градомъ катились. Время быстро и непримѣтно мчалось. Огонь на очагѣ погасъ, мерцали одни уголья, и блѣднымъ трепещущимъ блистаніемъ озаряли мрачную хижинку — то гасли, то опять оживлялись, — наконецъ все изчезло; глубокая тьма и безмолвіе воцарились, и погруженный въ мысли старецъ ничего не чувствовалъ: душа его летала надъ безднами протекшаго. Вдругъ мелькнула заря: онъ опомнился, осмотрѣлся, — незнакомецъ еще спалъ, но утро уже цвѣло на востточномъ небѣ, и ночь стремилась къ западу.

Онъ вышелъ изъ хижины — все блистало, все было великолѣпно. Не осталось ни одного слѣда ночной непогоды. Утихшее озеро алѣло; берега, озаренные и спокойные, изображались въ немъ какъ въ зеркалѣ, и трепетали, какъ скоро мгновенный вѣтерокъ пролеталъ надъ тихою водою и къ ней прикасался. На востокѣ парило солнце; голубые, отдаленные лѣса, возвышаясь

одинъ надъ другимъ, подобно огромному, необозримому *амфитеатру*, были покрыты свѣтлымъ, прозрачнымъ туманомъ.

Съ мирною, обновленною душею стоялъ пустынникъ на утесѣ, и безмолвно возхищался великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Изумленный, разтроганный, онъ долго искалъ причины сей непонятной радости, которая такъ быстро пролилась въ его сердце, — искалъ напрасно. Сей незнакомый, величественный странникъ своимъ явленіемъ очаровалъ всѣ предметы, передъ нимъ разсѣянные; чувство новаго, сильнаго бытія, пробудилось въ немъ и пылало.

Наконецъ отворилась дверь хижины — полубогъ явился, оживленный, украшенный мирнымъ спокойствіемъ. Юношеское пламя играло на щекахъ его; смятые густые волосы вились и развивались; на быстрыхъ глазахъ мелькали еще легкіе оттѣнки сна. — — Онъ подошелъ къ пустыннику съ онымъ яснымъ, плѣняющимъ взоромъ, который потрясаетъ сердце, и подалъ ему руку. Они обнялися, пожелали другъ другу пріятнаго утра. „Сонъ твой былъ сладокъ и спокоенъ, молодой незнакомецъ" сказалъ пустынникъ: — „живость и свѣжесть блистаютъ на лицѣ твоемъ. Я внутренно веселился, когда ты спалъ — такъ тихо и безпечно. Печаль и забота неизвѣстны твоему сердцу. Завидная участь! А я, пустынный обитатель утесовъ, я въ первый разъ еще вижу красное утро въ семъ безмолвномъ уединеніи. Семь лѣтъ, продолжительныхъ и мрачныхъ, сокрылись, не оставивъ ни одного слѣда радости въ душѣ моей. Приходъ твой, странникъ, оживилъ ее, какъ лучъ весенній изсохшее дерево. Давно, давно я не былъ такъ щастливъ, такъ веселъ!"

Юноша, который совсѣмъ уже изготовился въ путь, опершись на лукъ свой, пристально смотрѣлъ на старца, и нѣжное состраданіе въ глазахъ его блистало. „Ты ошибся, пустынникъ" — сказалъ онъ: — „и мнѣ достался мой удѣлъ печали; молодость не защитила меня отъ горя; пасмурно утро моей жизни! Такъ же, какъ и ты, сокрыва-

юсь въ пустынѣ, какъ и ты оставленъ я міромъ! уединенный гробъ отца, изгнанника, убитаго печалью, составляетъ все мое богатство. Не зови меня щасливцемъ; не завидуй моему щастію." — „Но кто ты, неизъяснимый?" возкликнулъ, пустынникъ съ видимымъ безпокойствомъ. — Я — Вадимъ." „Вадимъ? О Перунъ!... Вадимъ!" — „Развѣ ты меня знаешь? — „Мнѣ не знать тебя? Сердце мое не обманулось!" повторялъ старецъ, прижимая ко груди молодаго человѣка, и смотря ему въ глаза съ возторгомъ: теперь понимаю, отъ чего такая радость, такое волненіе въ душѣ моей, отъ чего во всю ночь глаза мои не смыкались. Ты, нещастный! ты въ моей хижинѣ, въ моихъ объятіяхъ! — Но знаешь ли, кто передъ тобою? знаешь ли, кто далъ тебѣ пристанище, кто утолилъ твой голодъ, тебя успокоилъ?... Гостомыслъ!" —

Вадимъ содрогнулся. „Ты Гостомыслъ!" возкликнулъ онъ, упавъ на колѣна. „Ты Гостомыслъ!" повторилъ онъ, рыдая и прижавъ лице къ ногамъ пустынника. — „О жребій человѣческій!"

Нѣсколько минутъ продолжалось унылое молчаніе. Старецъ, прижавъ ко груди Вадима, осыпалъ поцѣлуями лице его. „Такъ, юноша!" говорилъ онъ; „Гостомыслъ передъ тобою! Славянскій вождь, убогій, оставленный, покрытый рубищемъ передъ тобою! Обними меня, обними, какъ сынъ отца обнимаетъ. Твой образъ оживилъ мою душу. Тайное предчувствіе потрясло ее, когда ты вошелъ въ мою хижину, когда устремилъ на меня взоры. Ахъ! мнѣ казалось, что самъ Радегастъ, товарищъ моей славы, отецъ твой, со всѣмъ очарованіемъ юныхъ лѣтъ и красоты цвѣтущей, стоялъ передо мною! Мечта не обманула меня. Это Вадимъ — живый, украшенный образъ Героя, любимца души моей!"

Вадимъ, безмолвный и горестный, мрачными глазами смотрѣлъ на пустынника. Сердце его разрывалось; образъ сего человѣка, пораженнаго рокомъ, но величественнаго на самыхъ развалинахъ величія приводилъ его въ трепетъ. „Ты Гостомыслъ?" повторялъ онъ — „ты другъ отца моего?

въ сей пустынѣ, въ семъ бѣдномъ рубищѣ?" — И слезы его катились градомъ; и пламенныя уста невольно прижимались къ рукѣ старца. — — „Успокойся, Вадимъ! успокойся, сынъ мой! Тебѣ ли проливать слезы? Меня ли оплакивать? Вадимъ! пощади Гостомысла! Твое сожалѣніе да не оскорбитъ его! Кто выше бѣдъ и нещастій, тотъ можетъ ли быть жалокъ? — Скажи, что ужасаетъ мою душу въ сей дикой пустынѣ, гдѣ узы ея всѣ разорваны и гдѣ самая слава для нея не существуетъ? О сынъ мой! уже нѣтъ будущаго въ моей жизни: оно изчезло; желанія, надежды не волнуютъ моего сердца, — но память протекшаго для меня священна; ему иногда посвящаю горестные вздохи. Погибшая слава, отчизна горестная, и вы сокрывшіеся друзья мои, по васъ унываю, по васъ льются мои слезы, и по васъ терзаюсь сердцемъ. Но дамъ ли пасть моему духу? Погибнетъ ли мое мужество? Нѣтъ, Вадимъ! нѣтъ, другъ мой! среди утесовъ я свободенъ; среди утесовъ не знаю властелина: кто дерзнетъ пожалѣть о судьбѣ моей?"

Священный ужасъ таился въ груди Вадима, и взоръ его неподвижно покоился на лицѣ старца, которое пылало. Въ сію минуту Гостомыслъ, подъ рубищемъ пустынника, подъ сѣдинами лѣтъ, казался божественнымъ и грознымъ.

„Сядемъ" — продолжалъ старецъ — „сядемъ на сей гранитный отломокъ. Утро ясно и тихо, посвятимъ его сладкимъ воспоминаніямъ. Вадимъ! говори мнѣ объ отцѣ твоемъ! — Гдѣ покоится прахъ великаго Радегаста? Въ какой странѣ потухла жизнь его, славная и нещастная? Какимъ случаемъ заведенъ ты въ сію пустыню?" —

„Ахъ!" — сказалъ Вадимъ, устремивъ задумчивый взоръ на южный берегъ Ладожскаго озера: — „давно покрыты землею кости отца моего. Тихая могила Радегаста заросла травою и скрыта отъ взоровъ человѣческихъ. Тамъ, на сей высокой горѣ, окруженной соснами, оттѣняемой шумящимъ озеромъ, жилъ и угасъ старецъ, изгнанникъ, герой Славянскій! Мраченъ и печаленъ былъ вечеръ его

жизни. Съ веселымъ сердцемъ онъ встрѣтилъ кончину." — — —

„Благословляю тебя, могила моего друга!" воскликнулъ Гостомыслъ, поднявшись съ *гранита*, и простерши руки въ ту сторону, гдѣ находился гробъ Радегастовъ. — Быстрый, чувствительный Вадимъ бросился на колѣна, и слезы его на прахъ покатились. Пролетѣла минута священной горести. Пустынникъ прижалъ ко груди пылкаго юношу; они сѣли опять на камень, и Вадимъ продолжалъ:

„Тамъ гніетъ опустѣвшая хижина Радегастова. Старецъ, лишенный отчизны, лишенный силъ тѣлесныхъ и наконецъ зрѣнія, совершалъ путь свой, не слабѣя духомъ. Протекли пять лѣтъ, и ни одна жалоба не вырвалась изъ души его. Три года тому, какъ земля приняла въ свое лоно сего странника, бѣдами непобѣжденнаго. Рука моя закрыла померкшіе глаза Радегаста; рука моя, украсила дерномъ священную его могилу. — Мирный сонъ безмолвному праху!" — Вадимъ умолкъ, снова отеръ слезы, блеснувшія на щекахъ его, и потомъ продолжалъ:

„Будучи двѣнадцати-лѣтнимъ младенцемъ, я скрылся въ пустыню съ отцемъ моимъ. Тамъ, гдѣ шумящій Волховъ съ пѣною ввергается въ озеро, и въ немъ изчезаетъ, на крутой горѣ, во мракѣ соснъ, построили мы хижину. Съ трудомъ питала насъ рыбная ловля. Радегастовъ мечъ, нѣкогда врагамъ ужасный, рубилъ дрова; на щитѣ разкладывали огонь, а въ шлемѣ варили пищу; время текло, и силы мои развивались. Я стрѣлялъ изъ лука, прежде въ цѣль, потомъ въ птицъ, а наконецъ мои стрѣлы, мѣткою, сильною рукою пускаемыя, сдѣлались гибельны для звѣрей свирѣпыхъ. Рѣдко безъ добычи возвращался я къ отцу моему, слабому, отягченному болѣзнію и лѣтами. — Онъ угасалъ непримѣтно, угасалъ, какъ ясный вечеръ на тихомъ небѣ угасаетъ. Наконецъ глаза его померкли. Я перестаIъ удаляться отъ хижины, покинулъ свой лукъ и стрѣлы; оставилъ охоту, и посвятилъ все время свое немощному старцу.

Примѣръ человѣка, непоколебимаго и твердаго среди волненій жизни, слова его, убѣдительныя и сильныя, образовали мое сердце; я трепеталъ и хватался за мечъ, когда отецъ мой, со всею живостію пылкаго юноши, говорилъ о славѣ, о подвигахъ Славянъ храбрыхъ; изображалъ ихъ великодушіе, ихъ вѣрность въ дружбѣ, святое почтеніе къ обѣтамъ и клятвамъ. Душа моя пламенѣла; въ восторгѣ я падалъ къ ногамъ Радегаста; и орошалъ ихъ кипящими слезами. — О — естьли бы ты могъ видѣть слѣпаго воина, простирающаго руки къ шумящему Волхову — благословляющаго ту землю, изъ которой изгнали его неблагодарные! — Часто, согрѣтый, оживленный лучами сонлца, онъ леталъ мыслію въ протекшее; думалъ о тебѣ, Гостомыслъ, и возхищалъ мою душу плѣнительнымъ изображеніемъ твоихъ доблестей. Я боготворилъ тебя въ пустынѣ. Образъ великаго вождя Славянъ соединялся въ моемъ сердцѣ со всѣми совершенствами человѣка. Воображая Гостомысла, я воображалъ Перуна въ его могуществѣ и блескѣ."

Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ изъ груди пустынника. Лице его измѣнилось, и взоры, печально устремленные въ землю, померкли. Вадимъ продолжалъ:

„Время текло, дни изчезали Радегастъ сокрылся изъ моихъ объятій. Далеко отъ взоровъ человѣческихъ цвѣтетъ его могила. Мракъ и спокойствіе надъ нею: сонъ почившаго безмятеженъ. — Долго въ тоскѣ сердечной я плакалъ надъ мирнымъ гробомъ. Глыба земли, покрывшая нечувствительной пепелъ, казалась мнѣ оживленною; вечеръ и утро находили меня въ горести. Пустота хижины меня ужасала; безмолвіе лѣса приводило въ трепетъ; но я не могъ съ ними разстаться, не могъ покинуть того мѣста, въ которомъ все говорило мнѣ о незабвенномъ. Тѣнь его носилась надо мною, таинственное молчаніе ночи возвѣщало ея присутствіе. Въ шерохѣ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, я слышалъ голосъ знакомый, трогающій сердце; воображеніе оживляло передо

мною всѣ предметы. — Прошелъ годъ, прошелъ другой: ни что не возмущало моей пустынной жизни. Мой лукъ и стрѣлы ужасали звѣрей, опасности меня веселили. Превозмогать трудности, взбираться на крутизны, прыгать съ утеса на утесъ, почиталъ я великою славою, и симъ ограничивалъ свое честолюбіе. Сердце мое было спокойно; я не думалъ, чтобы сіе спокойствіе когда нибудь могло изчезнуть; — оно изчезло. Настала весна; Природа обновилась, а я увялъ. Скука, жестокая, несносная, мною овладѣла. Безпокойныя желанія во мнѣ пробудились. Я хотѣлъ дѣйствовать, но прежняя дѣятельность казалась мнѣ слишкомъ слабою, единообразною. Слава отца моего, слава героевъ Славянскихъ явилась предо мною во всемъ величіи. Сей образъ очаровалъ мою душу. Все для меня изчезло. Вездѣ я видѣлъ воиновъ, вездѣ встрѣчалъ побѣдителей. Гонимый воображеніемъ, я бѣгалъ изъ лѣса въ лѣсъ, по скаламъ, по долинамъ, безъ всякой цѣли: только для того, чтобы *не сидѣть на одномъ мѣстѣ.* — Вчера, едва озарилось небо утреннимъ свѣтомъ, я вышелъ изъ хижины съ лукомъ и стрѣлами. Гдѣ я бродилъ и какъ здѣсь очутился, не знаю. Мрачная, бурная ночь застала меня среди утесовъ. Звуки арфы поразили слухъ мой — я опомнился, оглянулся, увидѣлъ огонь, хижину, жилище человѣка. — — — Сердце мое затрепетало, кровь запылала — — — я бѣжалъ, летѣлъ — — — О Перунъ! Гостомыслъ обиталъ въ сей хижинѣ!" — — — —

Жуковскій.

V. Б Е Д У И Н Ъ.

Возточная повѣсть.

Каравань молельщиковъ выступалъ изъ вратъ Діарбека. Впереди его ѣхалъ Османъ и бросалъ въ народъ деньги; — Иманы благословляли отходящихъ странниковъ; жители усыпали цвѣтами путь ихъ.

Въ шестый разъ отправлялся Османъ съ караваномъ въ Мекку, и начальствовалъ надъ охраннымъ войскомъ. Всѣ были увѣрены въ благополучномъ окончаніи своего путешествія, ибо ни однажды еще не случалось съ Османомъ никакого нещастія: буры не засыпали въ степяхъ Аравіи ни одного человѣка изъ шествовавшихъ съ Османомъ, ни однажды Арабы не нападали на него. Такая благоуспѣшность въ предпріятіяхъ его, почиталась плодомъ Османовой набожности, щедрости и мужества.

Спустя нѣсколько недѣль, послѣ отбытія изъ Діарбека, приближился караванъ къ славному въ древности Евфрату, рѣкѣ, современной міру. При пѣніи стиховъ изъ Алкорана, переправились через нее молельщики и вступили на песчаныя равнины Аравіи. Тутъ присоединился къ каравану Бедуинъ, на прекрасной вороной лошади; онъ равнымъ образомъ ѣхалъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, колыбелію и гробомъ Магомета.

Османъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, коснувшійся до преимущества ихъ народовъ. Бедуинъ отвѣчалъ коротко, но благоразумно; хвалилъ достойное похвалы въ своемъ народѣ и охуждалъ то, что казалось ему дурнымъ. Непримѣтнымъ образомъ отдалились они отъ каравана; Османъ съ жаромъ началъ выхвалять Оттомановъ.

,,Турки" — говорилъ онъ Бедуину: — ,,издавна славятся по всему востоку храбростію, добродушіемъ и милосердіемъ; издавна рѣдкія сіи качества снискали намъ уваженіе цѣлаго свѣта; вездѣ, ежели хотятъ изобразить непобѣдимость воина, то говорятъ: *онъ храбръ, какъ Турокъ!* купцы желая выразить чье-нибудь безкорыстіе въ превосходномъ степени, говорятъ: *онъ справедливъ, какъ Турокъ!* — чѣмъ, напротивъ того, отличился твой бѣдный народъ, шатающійся по степямъ каменистой и пустой Аравіи? какая молва идетъ о васъ? — Та, что вы не имѣете ни чести, ни совѣсти; вы изповѣдуете одну вѣру съ нами, но вамъ платитъ Султанъ ежегодно знат-

ную сумму, дабы спасти отъ вашего хищничества главный караванъ молельщиковъ; грабительство сдѣлало васъ презрѣнными бродягами въ глазахъ всякаго истиннаго Мусульманина. — Признайся, товарищъ, въ справедливости моихъ словъ; признайся, что вашъ народъ не что иное, какъ шайка разбойниковъ.....“

„Мы послѣ окончимъ нашъ разговоръ“ — сказалъ ему Бедуинъ, указывая на поскользнувшагося верблюда, которой упалъ и придавилъ собою своего вожатаго „послѣ; напередъ пособимъ нещастному.“

„Поди и пособляй ты!“ — отвѣчалъ Османъ; — „я не хочу оказать никакой услуги этому бездѣльнику; онъ перекупилъ у меня верблюда, четыре года тому назадъ; теперь я очень радъ, что сей же самый верблюдъ отмстилъ ему за меня. Ежели бы негодяй издыхалъ, и одно мое слово могло возвратить ему жизнь, то я, — да простятъ мое согрѣшеніе Алла и его Великій Пророкъ! — то я зашилъ бы себѣ ротъ.“

Между тѣмъ Бедуинъ высвободилъ изъ подъ верблюда вожатаго, и возвращался къ своему спутнику; онъ уже недалеко отъ него находился, какъ вдругъ страшный тигръ выскочилъ изъ за куста, подлѣ котораго ѣхалъ неосторожный Османъ, отдалясь отъ каравана; онъ пришелъ въ смятеніе, ужаснулся и упалъ безъ чувствъ на землю.

Бедуинъ опрометью поскакалъ, — не прочь отъ него, но прямо къ нему; вынулъ пистолетъ и въ ту самую минуту, какъ кровожадный звѣрь прыгнулъ на свою добычу, выстрѣлилъ по немъ; — мертвый тигръ разтянулся подлѣ полумертваго Османа.

Наконецъ Османъ открылъ глаза; спасеніе его казалось ему сверьхъ-естественнымъ; онъ обнялъ Бедуина, и въ первомъ жару благодарности своей, предлагалъ ему со слезами, яко слабѣйшій знакъ должной признательности, кошелекъ со ста секинами.

Бедуинъ, къ немалому удовольствію Османа, отказался.

Въ сіе время подошелъ къ нимъ нищій на деревянной ногѣ, покрытый рубищемъ и ранами; онъ обратился къ Осману, державшему кошелекъ съ секинами, и говорилъ:

„Милосердіе должно быть тебѣ знакомо, богатый странникъ! утоли голодъ и жажду твоего однозёмца! удѣли неимущему одну рупію изъ толстаго кошелька твоего; одна рупія избавитъ меня отъ мучительнаго зною; къ вечеру надѣюсь съ этою помощію добрести до города; безъ нее лишусь силъ, и принужденъ буду погибнуть отъ лютости дикихъ животныхъ.“

„Да поможетъ тебѣ Алла!“ — отвѣчалъ Османъ, спрятавъ въ карманъ толстый кошелекъ съ секинами: „у меня же нѣтъ для тебя ни одной рупіи, я иду на богомолье въ Мекку и Медину изъ Діарбека, и болѣе денегъ, сколько мнѣ нужно для пути туда и обратно, не имѣю. Всѣ лишнія раздалъ я народу при выѣздѣ изъ отечества; жалѣю о тебѣ, но пособить не могу.“

Бедуинъ вынулъ мѣшокъ съ сорочинскимъ пшеномъ и мѣхъ съ водою, и подалъ убогому. „На! утоли твой голодъ и жажду, подкрѣпи ослабѣвшія силы, и пойдемъ вмѣстѣ. Городъ, куда ты идешь, лежитъ на дорогѣ, по которой идетъ караванъ: я провожу тебя.“

„Но я иду медленно, часто отдыхаю“ говорилъ нищій. —

„Такъ сядь на мою лошадь!“ отвѣчалъ Бедуинъ, соскочилъ съ нее, посадилъ бѣднаго, взялъ за узду и повелъ потихоньку.

„Брось его!“ — сказалъ Османъ Бедуину; — „кончимъ нашъ разговоръ, *докажемъ* другъ другу.“

Разговоръ нашъ — отвѣчалъ Бедуинъ: — *давно уже кончился; мы ясно доказали другъ другу превосходство нашихъ народовъ въ храбрости,*

добродушіи и щедрости. Замѣть себѣ, Османъ, что вездѣ есть добродѣтельные люди, вездѣ есть и злые!

Османъ выразумѣлъ всю колкость сего отвѣта, и поклялся бородою своего прадѣда отомстить Бедуину за его дерзость. Скоро случай къ изполненію намѣренія открылся. Бедуинъ заснулъ весьма крѣпко, караванъ поднялся, и Османъ оставилъ своего благодѣтеля середи пустыни; оставилъ на жертву всѣмъ бѣдствіямъ, и дабы онъ не могъ настичь каравана, то укралъ у него прекрасную вороную лошадь, все имущество Бедуина.

И судьба не наказала его? — Нѣтъ! онъ въ полномъ удовольствіи жилъ, и окруженъ радостями, умеръ. Діарбекирцы возпоминаютъ объ немъ съ сожалѣніемъ; отцы и матери ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ.

Увы! какъ много потребно знать, какъ долго надобно изслѣдывать человѣка, дабы не ошибиться и въ самой его добродѣтели! —

Беницки.

VI. КІЙ и ДУЛЕБЪ.

Славянская повѣсть.

Какъ скоро шумящій Днѣпръ увѣнчался послѣдними багряными лучами закатывающагося великаго свѣтила небеснаго, Кій съ подвижниками своими выступилъ отъ града, дабы въ темнотѣ нощной, при свѣтѣ мѣсяца среброцвѣтнаго, пройти пространство земли своей, и возпретить гордому Дулебу внести опустошеніе въ его предѣлы.

Едва Зимцерла златоблестящая, вѣчноюная, прелестная невѣста Свѣтовидова отверзла врата неба величественному жениху своему, едва начали померкать звѣзды небесныя предъ алыми ея ланитами, — Кій и воинство его узрѣли мрачнаго Дулеба, выходящаго изъ лѣсовъ своихъ съ тысячами. — Грозно, подобно бурѣ, казалось чело его, когда узрѣлъ онъ, что уже подняты мечи на его

пораженіе, направлены щиты для отраженія мощнаго паденія булавы его. — Онъ идетъ — и вождь Полянскій выступилъ впередъ; — сонмы его за нимъ слѣдовали, — до тѣхъ поръ, какъ гласъ каждаго могъ слышимъ быть врагомъ его, и какъ пущенное копье могло вонзиться въ груди непріязненной. Они остановились.

„Владыка племени Полянскаго, и обладатель бреговъ Днепровскихъ!“ — сказалъ Дулебъ гласомъ, подобнымъ реву горныхъ вѣтровъ, стенанію волнъ во время бури. — „Извѣстна тебѣ крѣпость мышцы моей; подвиги мои не уклонились твоего слуха. Многіе изъ сильныхъ и могуихъ пали подъ ударомъ булавы сей, и путникъ ненаходитъ мѣста, гдѣ тлѣютъ разгромленныя кости его. Велики и почтенны мои пріятели. Гордые Цари града Константинова трепещутъ имени Дулебова, — и безчисленная рать ихъ не дерзаетъ остановить на себѣ гнѣвнаго взора моего. — Избирай теперь, друга ли вижу въ тебѣ, или врага противника?“ —

— „Не ищу“ — рекъ величественно Кій: — „Не ищу себѣ друга сильнаго; ищу друга мудраго. Покорись условіямъ, объявленнымъ мною послу твоему, — и Кій познаетъ въ Дулебѣ брата своего.“ — Никогда!“ — возгремѣлъ Дулебъ; — и ратники его подняли булавы на рамена свои; — оба воинства двигнулись, — и се —

Отъ среды рядовъ Кіевыхъ отдѣляется и становится посредѣ обоихъ воинствъ старецъ, вооруженный доспѣхами. Бѣлая брада его развѣвалась по груди, покрытой желѣзными листами. Льняная мантія струилась на раменахъ его, подобно легкому туману, когда онъ при возшествіи Царя свѣтилъ небесныхъ, колебаясь по вершинамъ дубовъ древнихъ, спускается на траву злачную, и обѣщаетъ красный день трудолюбивому землепашцу. Въ десницѣ его сіяла арфа работы иноземныя; — онъ шелъ опираясь на копіе, и взоръ его, устремленный къ небу, былъ тихъ и величественъ.

Воинства, — какъ бы движимыя внушеніемъ воли Невидимаго, — остановились. Взоръ и поступь мужа великаго приковали булавы къ раменамъ полчищъ Дулебовыхъ.

Старецъ налагаетъ персты свои на златыя струны, — раздался звонъ, — стройный и сильный, кроткій въ величествѣ своемъ. — Онъ произноситъ слова, сопровождая ихъ звуками приличными:

„Хвала и честь мужамъ мудрости: гибель и поношеніе сынамъ гордости и неразумія. — Куда стремитесь вы, обитатели горъ и вертеповъ; чего ищете вы, бурныя дѣти страстей своихъ? Веселіе питаетъ душу земнаго странника; — но веселіе кровопитіемъ не обрѣтается! Радость свойственна душамъ нашимъ; — но радость не обитаетъ въ долинахъ, устланныхъ трупами! — Необходимо для духа великаго искать блага; но — кто обрѣтетъ его въ насиліи? Кудажъ стремитесь вы, обитатели горъ и вертеповъ? Чего ищете, вы бурныя дѣти страстей своихъ?“ —

Дулебяне опустили на землю булавы свои, и опершись на нихъ, въ изумленіи внимали словамъ старца.

„Что есть настоящая радость ваша?“

„Она есть веселый вопль звѣря пустыннаго, терзающаго въ когтяхъ своихъ добычу робкую! — Но радость таковая не есть удѣлъ человѣчества. Что есть слава ваша? Слава духа чернаго, утѣшающагося бѣдствіемъ и преступленіемъ человѣковъ! но не такова слава опредѣлена благороднѣйшему изъ созданій. Что есть вся жизнь ваша? Она есть мракъ дубравной пещеры, въ которой вѣютъ вѣтры бурные, раздается стонъ — и дикіе звѣри съ ужасомъ уклоняются! Но такова ли жизнь назначена небесъ наперснику?“ —

„Тако судили боги, благіе обладатели всея земли: боги Полянъ и Дулебянъ — боги странъ отдаленнѣйшихъ! Вы возвращаетесь съ полей бит-

вы пораженные? И пустынныя супруги ваши не прольют слезы сожалѣнія! Вы не дали имъ познать радостей жизни и прелестной свободы. Вы возвращаетесь побѣдителями? И робкія подруги жизни вашей, и юные плоды любви вашей не встрѣчают васъ улыбкою! — Они привыкли взирать на васъ побѣдителей, какъ на буйныхъ властелиновъ, прихотливыхъ рабовъ гордости и жестокостей! Что же вся жизнь ваша, когда солнце радости не озлащаетъ дней вашихъ; когда мѣсяцъ, протекая нощное небо ваше, изливаетъ лучи свои на страну хладнаго унынія?"

Тишина душевная разлилась въ свирѣпыхъ взорахъ Дулебянъ; — мракъ и звѣрство улетѣли мгновенно съ ланитъ ихъ. Легкій, кроткій гулъ разлился въ воинствѣ.

Старецъ вѣщалъ: „Обратитесь же, сыны мрака и горести, на путь жизни истинной; и вы будете мгновенно друзья и братья племени Полянскому, вы учинитесь дѣти свѣта и веселія. — Улыбка возсіяетъ на лицахъ вашихъ, и въ дому вашемъ водворится цѣль жизни нашея, награда величія, утѣшеніе во дни мрака душевнаго, отрада во всякое время, водворится любовь со всѣми своими прелестями."

Старецъ умолкъ; — но звуки арфы его долго струились еще въ воздухѣ и нѣжили слухи полчищъ Дулебовыхъ, подобно кроткому, сладкому дыханію вѣтерка, который, принеся къ намъ запахъ розы, пролетѣлъ мимо. Мы все еще чувствуемъ сладость ея благоуханія, и прохладу отъ легкихъ крылъ юнаго сына весны цвѣтущія. Длилось безмолвіе въ рядахъ Дулебовыхъ. Мало по малу прояснились взоры его ратниковъ. Наконецъ нѣкій восторгъ одѣлъ ихъ свѣтомъ радости и сердечнаго упоенія. Возшумѣли полки ратные, — подвигнулись, и вопль ихъ возгремѣлъ въ пространствахъ долины:

„Хвала и честь Кію, мудрому обладателю племени Полянскаго. Мы хотимъ поклониться ему, — и познать щастіе жизни." —

„Вы познаете его!“ — вѣщалъ Кій, и обнялъ старѣйшинъ. Полчища смѣсились, — и оба воинства заключили другъ друга въ братскія объятія.

Вдали стоялъ Дулебъ на холмѣ возвышенномъ. Поражающіе взоры его обращались на отпаденіе своихъ воиновъ. Трикраты поднималъ онъ булаву свою, дабы одному вторгнуться въ ряды и поразить вѣроломныхъ, и трикраты опускались мышцы его. Гордость и злоба волновали грудь широкую. Наконецъ — раздался грозный гласъ отчаянія: „Не хощу быть рабомъ твоимъ, коварный честолюбецъ! не хощу унизиться предъ обольстителемъ народа!“ Стремительно беретъ онъ съ раменъ своихъ колчанъ великій, вынимаетъ стрѣлу крѣпчайшую — и вонзаетъ ее въ грудь свою. Раздался звонъ и кровь черная пролилась на землю. — Кій и старѣйшины устремились къ отчаянному, — но уже взоръ Дулебовъ закрылся, и безчувственный витязь лежалъ на пескѣ сыпучемъ. Вдали носилась хищная птица, готовая терзать бездушные остатки мужа сильнаго.

„Незабвенна да будетъ память твоя въ родахъ отдаленныхъ!“ — вѣщалъ Кій. „Свирѣпа была душа твоя, — но ты былъ храбръ во дни битвъ кровавыхъ. Имена храбрыхъ да будутъ священны для потомковъ!“

По его велѣнію возвысился мгновенно курганъ высокій надъ тѣломъ Дулебовымъ, — тамъ, гдѣ кедры и сосны осѣняютъ его подножіе. Часто въ бурную ночь, когда вѣтры потрясали въ корнѣ древа сіи вѣчнозеленыя, — когда молнія разсѣкая небо, и громы рыкая на вершинахъ горъ, приводили въ трепетъ неустрашимыхъ странниковъ; когда мѣсяцъ, едва мерцая сквозь тучи свинцовыя, блѣдно посребрялъ крылія ихъ быстротекущія, — часто ловцы звѣрей и странные витязи видѣли, какъ духъ Дулебовъ, въ видѣ столпа огненнаго, грозно носился надъ вмѣстилищемъ праха своего, оперщись на облака громовыя.

Нарѣжный.

VII. СРАЖЕНІЕ РОССІЯНЪ СЪ ПОЛОВЦАМИ.

Подлинникъ.

Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Съзаранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половецкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо,

Переводъ.

Ночь меркнетъ, заря потухаетъ, мгла покрываетъ долины; повсюду царствуетъ тишина, пѣвецъ соловей уснулъ, говоръ галокъ умолкъ. Россіяне, простершись по широкому полю, въ молчаніи грядутъ, и какъ стѣну твердую, щиты свои несутъ предъ собою. Въ душахъ ихъ мужество, въ умахъ ихъ честь и слава.

Во единъ день, рано по утру срѣтаются они съ Половцами. Едва узрѣлися, уже летятъ другъ на друга; брань мгновенно возкипѣла, кровь потекла съ мечей, и многіе ратники пали прежде, нежели восходящаго солнца лучи въ померкающихъ очахъ ихъ возблистать успѣли.

Уже нечестивые полки опрокинуты, разбиты, потоптаны. Храбрые Россіяне въ разныя страны разсыпались, и какъ быстрыя стрѣлы по полямъ летая, мчатъ оттолѣ красныхъ Половецкихъ дѣвъ, а съ ними злато, и парчи, и драгоцѣнныя ткани. Но побѣда и слава дороже имъ сокровищъ: гдѣ блато или топкое мѣсто стремительному шествію ихъ поставляетъ препоны, тамъ повергая грудами и бархаты, и шелковыя одѣянія, и кожухи, и япончицы, и всякія узорчатыя утвари Половецкія, дѣлаютъ они изъ нихъ себѣ мостъ. Тако нося въ груди своей духъ брани и мужества, презираютъ они

далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

великолѣпныя, женамъ приличныя украшенія.

Не злато нужно имъ: желѣзо, орудія, копья, мечи! Они раздѣляютъ между собою взятую ими у Половцевъ добычу: багряный стягъ, бѣлая хоругвь, червленна чолка, сребряно стружіе, достаются мужественному Игорю Святославичу. Се корысть, рекутъ воины, достойная великаго вождя нашего, и драгоцѣннѣйшая въ очахъ его, чѣмъ злато и паволоки.

Тако разбиту, разсѣянну врагу, далеко залетѣвшее храброе гнѣздо Ольгово дремлетъ въ полѣ, покоится въ безопасности. Оно не рождено покорствовать, не дастъ себя обидѣть ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный вранъ, нечестивый Половчанинъ! Между тѣмъ полководцы непріятельскіе со многою ратью во срѣтеніе Игорю спѣшатъ къ Дону великому: Гзакъ въ переди, во слѣдъ же ему, какъ сѣрый волкъ, широкою пастію зіяющій, бѣжитъ Кончакъ.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти д солнца: а съ нихъ трепещуть синіи млъніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго.

Се настаетъ ужасный день; глубокаго утра свѣтъ кровавыми возвѣщается зарями; чернобагровыя тучи идутъ съ моря, хотятъ затмить четыре Русскихъ солнца, и землю одѣть мглою; въ нихъ синія трепещутъ молніи. Быть грому страшному, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Поломаться тутъ копьямъ! потрупиться тутъ саблямъ о шеломы Половецкіе, на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону великаго!

О Руская земле! уже не шеломянемъ еси. Се

О Русское воинство! уже ты на холмѣ. Се вѣтры, Стрибо-

вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русицы прегородиша чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе Ярътуре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святославличя. Тъй бо Олегъ ме-

жи внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы. Земля кровію утучняется, рѣки мутно текутъ, облако подъемлющихся изъ убіенныхъ тѣлъ паровъ сгущается надъ полями. Половцы идутъ, окружаютъ, наступаютъ и отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Россіяне вспять подаются, но паки ополчаются и ратуютъ. Нечестивыя чада устремляются на нихъ съ воплемъ: храбрые Россы противупоставляютъ имъ щиты свои.

Яртуръ Всеволодъ! ты въ переди всѣхъ, крѣпкая стража стоитъ неподвижно, прыщешь на враговъ стрѣлами, гремишь по шлемамъ ихъ мечемъ булатнымъ. Камо Туръ поскачешь, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ нечестивыя головы Половецкія! Желѣзные Оварскіе шлемы острою саблею своею пополамъ разсѣкаешь ты, Яртуръ Всеволодъ! Отъ чего возтрепещетъ, какая сила остановитъ, на какія опасности, или бѣды, или раны, или смерть, не устремится тотъ, кого слава съ отеческаго престола, изъ града Чернигова, изъ златыхъ княжескихъ чертоговъ, изъ роскошной и пріятной жизни, изъ объятій младой, прекрасной, ласковой супруги, повела въ ратное поле, въ чуждыя страны, спать на сырой землѣ, сносить и хладъ и зной, терпѣть и гладъ и жажду?

Были и въ прежнія времена брани, были бѣды на Россію, паче отъ несогласія Князей, нежели отъ силъ непріятель-

чемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволожъ: а Владимiръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святоплъкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софiи къ Кiеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждьбожа внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупiя себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедiе. То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сице и рати не слышано: съ заранiа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копiя харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровiю польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

скихъ. При Олгѣ Святославичѣ сѣялись и росли междоусобiя, водворялись неистовства, сокращались вѣки людей, гибли народы въ крамолахъ Княжескихъ. Тогда въ Русской землѣ рѣдко слышанъ былъ веселый гласъ земледѣльца; но часто враны спорясь о трупѣ, каркали, и галки, летя на поянденiе мертвыхъ тѣлъ, радостно между собою поговаривали. Велики были и прошедшiя, кровопролитны были прежнiя битвы, но такой брани, какая нынѣ произходитъ, въ тѣ времена и неслыхано: съ утра до вечера, съ вечера до свѣта, гремятъ сабли по шлемамъ ударяемыя, трещатъ копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ, посредѣ земли Половецкой. О пагубная брань, брань лютая! ты вѣчно будешь памятна. Увы! се изъ черной земли конскими копытами взрытой, костями побiенныхъ Россiянъ усѣянной, кровiю ихъ полiянной, возрастаетъ, аки нѣкое многовѣтвистое древо, печаль, мрачною тѣнiю своею всю Россiю покрывающая.

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднiю падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбрiи Русичы: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

Но что я слышу? что шумитъ? что звенитъ рано предъ зарею? Игорь полки свои обращаетъ и устремляется въ бой; жаль ему милаго брата Всеволода. Спѣшитъ къ нему на помощь. Бьются день, бьются другой, на третiй день падаютъ стяги Игоревы. Тутъ два брата разлучаются на берегу быстрой Каялы рѣки. Тутъ кроваваго вина не достало. Кончился лютый пиръ. Престала смертная обноситься чаша. Упоены враги; но уже нѣкому упоять ихъ болѣе: храбрые Россiяне всю кровь свою до послѣдней капли пролили, и всѣ легли за землю Русскую. Трава отъ жалости поникла; и древеса вершины свои печально приклонили.

* * *

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Переводы.

I. АНЕКДОТЫ.

1. *ДЕРВИШЪ ВЪ ГЛУБОКОМЫСЛІИ.*

Мостацемъ Билла, послѣдній Калифъ Музульмановъ, гордостію превозходилъ всѣхъ другихъ Калифовъ, и въ безуміи считалъ людей ничтожными рабами, сотворенными для его удовольствія. Въ одинъ день, разлегшись съ видомъ надменности на великолѣпной колесницѣ, и провожаемый многочисленными тѣлохранителями, объѣзжалъ онъ окрестности столицы своей, и на развалинахъ древняго храма примѣтилъ сѣдовласаго старца, который съ великимъ вниманіемъ смотрѣлъ на что-то круглое, лежавшее у него на колѣняхъ. Солнце было еще на возтокѣ.

Мостацемъ проѣхалъ мимо, и возвратился къ развалинамъ въ тотъ часъ, когда дневное свѣтило послѣдними вечерними лучами озаряло западъ. Старецъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, въ прежнемъ положеніи и съ такимъ же глубокомысліемъ разсматривалъ шаръ. Удивленный сею неподвижностію и желая знать причину ея, Калифъ сошелъ съ колесницы, приближился къ нему и сказалъ: „Что „ты дѣлаешь? что у тебя въ рукахъ?... Боже „мой! что вижу!... Черепъ!“ — Старецъ, узнавъ „Государя, отвѣчалъ ему: „Величественный Пра„витель! на утренней зарѣ пришелъ я въ сіе ти„хое, безмолвію посвященное мѣсто — пришелъ „молиться Всевышнему. Нога моя въ пыли, въ „прахѣ разрушенія наступила на этотъ черепъ; „я смотрю, и не могу узнать, чей онъ былъ: пре„славнаго Калифа, или подобнаго мнѣ бѣднаго „Дервиша!“

2. *ПРОСВѢЩЕНІЕ.*

Визирь Муссаферъ спросилъ однажды у великаго Аарона Рашида, съ какимъ намѣреніемъ заводитъ онъ академіи, школы и разпространяетъ науки? „Не думаешъ ли, о Калифъ! что просвѣщенный народъ будетъ лучше повиноваться тебѣ?“ —

Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Ааронъ Рашидъ: потому что онъ лучше будетъ судить о справедливости моихъ законовъ. — „Но охотнѣе ли станетъ платить подати?“ — Конечно! онъ увидитъ, что я не требую ничего излишняго. — „Воины твои лучше ли будутъ сражаться?“ — Гораздо лучше, подъ начальствомъ знающихъ предводителей. — „Но твои умники, твои мудрецы не вздумаютъ ли вмѣшиваться въ правленіе? о Царь Царей! не дерзнутъ ли они еще искать ошибокъ въ дѣлахъ твоихъ?“ — Пустъ ищутъ и находятъ; пусть скажутъ ихъ мнѣ, чтобы я впредь остерегался и поступалъ лучше! —

„Какъ! ты позволишь, свѣтильникъ міра! „философамъ своимъ говорить смѣло обо всемъ, „что имъ придетъ на мысль?“ — Иначе они не могли бы просвѣщать людей. — „Но развѣ самые мудрецы не могутъ иногда принять вреднаго заблужденія за полезную истину?“ — Одинъ ошибется, а другой замѣтитъ и поправитъ ошибку. — „Государь! я долженъ наконецъ все открыть „тебѣ. Съ того времени, какъ народъ твой про- „свѣщается, нѣкоторые смѣлые люди дерзаютъ „во многомъ осуждать любимцевъ твоихъ, и даже „меня, Государь, меня самого“..... Понимаю, сказалъ Калифъ — и вышелъ изъ комнаты.

3. *СВИСТОКЪ.*

Однажды, въ ребячествѣ моемъ, дали мнѣ шиллингъ мѣдными деньгами. Возхищенный такимъ богатствомъ, я тотчасъ побѣжалъ въ лавку, гдѣ продавались игрушки; выбралъ себѣ свистокъ, котораго мнѣ давно хотѣлось, и отдалъ за него

всѣ свои деньги. Радуясь своею щасшливою покупкою, возврашился домой; не выпускалъ ее изъ рукъ, свисталъ непрестанно, и никому въ домѣ не давалъ покоя. Брашья и сестры мои, узнавъ, сколько я заплашилъ за свисшокъ, сказали, что онъ не стоитъ и половины. Тутъ вообразились мнѣ всѣ прекрасныя вещи, которыя можно было купить на остальныя деньги; а какъ надо мною стали еще смѣяться, то я началъ плакать, и свистокъ, вмѣсто удовольствія, сдѣлалъ мнѣ только горе.

Но это горе имѣло хорошія слѣдствія. Я всегда помнилъ невыгодную свою покупку, и всякой разъ, когда хотѣлось мнѣ купить что нибудь ненужное, говорилъ себѣ: „не давай за свистокъ лишняго!“ послѣ чего деньги оставались въ карманѣ.

Я выросъ, вошелъ въ свѣтъ, началъ узнавать людей, и часто мнѣ казалось, что они слишкомъ дорого покупаютъ свистокъ.

Видя, какъ одинъ жертвуетъ придворнымъ почестямъ не только своимъ временемъ, спокойствіемъ, но и самыми друзьями, самою добродѣтелію, я говорилъ себѣ: этотъ человѣкъ дорого покупаетъ свистокъ!

Видя, какъ другой ищетъ народной благосклонности разными пронырствами, не радѣетъ о своихъ экономическихъ обстоятельствахъ и наконецъ совсѣмъ разоряется, думаю: онъ дорого платитъ за свистокъ.

Видя скупаго, который отказывается отъ всѣхъ удовольствій въ жизни, отъ щастія дѣлать добро, отъ почтенія сограждан своихъ, отъ сладостныхъ чувствъ дружбы, единственно для наполненія мѣшковъ своихъ, мышлю: бѣдный человѣкъ! какъ дорого платишь ты за свистокъ!

Видя сластолюбца, который чувственныя удовольствія предпочитаетъ душевнымъ, разсуждаю: „какъ онъ жалокъ, не думая о слѣдствіяхъ, и платя такъ дорого за свой свистокъ!“

Когда мотъ разоряется на богатыхъ кафтанахъ, на домашнихъ приборахъ, на каретахъ, говорю: „онъ не предвидитъ конца, и поздно узнаетъ, чего стоитъ ему свистокъ!"

Однимъ словомъ, едва ли не всѣ житейскія бѣдствія произходятъ отъ того, что люди не знаютъ цѣны вещей, и слишкомъ дорого покупаютъ свистки.

Карамзинъ.

II. ВЕЛИКОДУШІЕ и БЛАГОДАРНОСТЬ.

Англійскаго корабельщика, именемъ Рихардсона, захватила неподалеку отъ Данцига жестокая буря. Съ великимъ трудомъ насилу могъ онъ войти въ гавань. Другое судно, которое позади его слѣдовало, не было такъ щастливо: оно брошено было на мѣль, и шестнадцать человѣкъ, бывшихъ на немъ, ожидали ежеминутно, что судно ихъ проломится и они въ волнующемся морѣ потонутъ. Рихардсонъ увидѣлъ ихъ бѣдствіе; но собственное судно его находилось въ такомъ худомъ состояніи, и люди его такъ были трудами и смертнымъ страхомъ умучены, что невозможно ему было никакъ возвратиться назадъ, для поданія помощи страждущимъ. Не взирая на то, сердце его не давало ему покоя: не могъ онъ быть празднымъ смотрителемъ на злощастіе себѣ подобныхъ. Чтожъ онъ сдѣлалъ?

Онъ побѣжалъ къ корабельщику другаго судна, которое неподалеку отъ него стояло на якорѣ, и просилъ его изполнить долгъ человѣчества, котораго онъ самъ изполнить не въ силахъ. Но этотъ корабельщикъ былъ одинъ изъ тѣхъ хладнокровныхъ и малодушныхъ людей, которые, когда дойдетъ до нихъ дѣло оказать кому-либо какую услугу, напередъ размышляютъ и сами себя

спрашивают: нѣтъ ли тутъ собственной моей опасности? будетъ ли мнѣ отъ того какая прибыль? Гнусный образъ мыслей!

И такъ, какія добросердечный Рихардсонъ ни дѣлалъ представленія, не могъ сего малодушнаго корабельщика убѣдить, чтобъ онъ вдался самъ въ опасность, для спасенія жизни другихъ. Потомъ просилъ его Рихардсонъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ далъ ему своего ялика, потому что Рихардсоновъ яликъ былъ не такъ великъ и крѣпокъ какъ его; однакожъ сей недоброхотный человѣкъ и въ томъ ему отказалъ, опасаясь, чтобы въ такую великую бурю не лишиться своего ялика.

Праведнымъ огорченіемъ дышущъ и кипя великодушною ревностію, побѣжалъ Рихардсонъ на корабль свой и къ утомленнымъ матрозамъ возгласилъ: „Други! есть ли въ васъ еще столько силы и мужества, чтобъ изполнить богоугодное и человѣколюбивое дѣло? Видите вы сихъ нещастныхъ, которые стоятъ при концѣ жизни? въ комъ изъ васъ есть сердце, тотъ ступай за мною!“ Сказавъ сіе, вскочилъ въ яликъ, куда четыре человѣка сильныхъ матрозовъ за нимъ послѣдовали. Мужественно гребли они поверхъ пѣнящихся валовъ и напослѣдокъ привалили благополучно къ стоящему на мѣли судну. Но въ маленькой яликъ свой не могли они вдругъ больше шести человѣкъ посадить, и такъ, отвезши сперва сихъ на берегъ, два раза возвращались они потомъ для забранія всѣхъ остальныхъ.

Избавленные ими благодарили ихъ со слезами; сами же они плодами добраго дѣла своего услаждаясь, вкушали ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе.

Между шестнадцатью человѣками, которыхъ жизнь они спасли, былъ одинъ богатый купецъ изъ Смирны. Сей на другой день пришелъ къ Рихардсону, и принесъ ему тысячу гиней, что сдѣлаетъ слишкомъ пять тысячъ рублей на наши деньги.

„На что это?“ спросилъ Рихардсонъ. — „Это тебѣ“ отвѣтствовалъ купецъ; „прими ихъ пожалуй и поставь сіе за нѣкакой малой знакъ моей благодарности.“ — „Чтобъ я ихъ принялъ?“ — взкричалъ Рихардсонъ: „сохрани меня Боже! развѣ я за тѣмъ спасъ твою жизнь, чтобъ взять съ тебя за то деньги?“ — Такимъ образомъ купецъ продолжалъ ему ихъ навязывать, а Рихардсонъ отъ нихъ отговариваться. Напослѣдокъ сей спросилъ: „Скажи пожалуй! ты, который хочешь сдѣлать мнѣ такой великой подарокъ — развѣ ты такъ богатъ?“ —

„Такъ богатъ,“ — отвѣтствовалъ купецъ: „что я безъ раззоренія себѣ могу сдѣлать тебя и всѣхъ твоихъ матрозовъ щасливыми.“ — „Когда такъ,“ — повторилъ Рихардсонъ: „то я подарокъ твой возьму.“ Посемъ взялъ онъ мѣшекъ съ деньгами, созвалъ матрозовъ своихъ на палубу, и раздѣлилъ между ими все, не оставя себѣ ни полушки.

Между тѣмъ какъ сіи отъ радости возклицали, Смирнскій купецъ стоялъ и плакалъ. — „Что съ тобою сдѣлалось?“ — спросилъ его Рихардсонъ. — „Мнѣ досадно“ — отвѣчалъ купецъ: „что человѣкъ, которому я обязанъ жизнію, столько гордъ, что не позволяетъ мнѣ имѣть удовольствія оказать мою благодарность.“ — „Божусь тебѣ, что ты обманываешся!“ взкричалъ Рихардсонъ: „не изъ гордости раздѣлилъ я подарокъ твой между ими, но потому, что онъ имъ гораздо нужнѣе, нежели мнѣ, и что безъ ихъ помощи не могъ бы я тебя спасти.“ — „Такъ ты думаешь,“ — продолжалъ купецъ: „чтобы я ихъ забылъ? вотъ что! — (вытащивъ кошелекъ съ деньгами) вотъ, что я имъ назначилъ! — но ты, какъ я уже сказалъ, презрѣлъ мою благодарность.“ — „Клянусь тебѣ всею святостію, что я ее не презираю!“ взкричалъ Рихардсонъ съ нѣкоторымъ жаромъ. — „Такъ возьми по крайней мѣрѣ вотъ это!“ — примолвилъ купецъ, подавая ему драгоцѣнный перстень, который онъ снялъ у себя съ руки. Рихардсонъ взялъ его.

Всѣ, слышавшіе сей почтенія достойный споръ, находились въ сомнѣніи, кому изъ двухъ должны они больше удивляться, великодушному ли корабельщику, или благодарному купцу; но всѣ согласны были въ томъ, что оба сіи мужа всякой чести и похвалы достойны.

Шишковъ.

III. БѢДНЫЙ СЪ СОБАКОЮ. (*)

Я жилъ въ деревнѣ, близь Шарантона, у одной любезной женщины, которая хотя была уже и въ лѣтахъ, однакожъ плѣняла еще своею красотою, и которая всегда ровною и непритворною учтивостію всѣхъ къ себѣ привлекала. Часто Шарантонскій мостъ былъ *предметомъ* нашихъ прогулокъ. Тамъ, отдыхая на берегу Марны, увеселялись мы живою и разнообразною картиною большей дороги.

Въ одинъ вечеръ подошелъ къ намъ худо одѣтой и хромой старикъ, которой насилу могъ передвигать ноги, подпираясь посохомъ; за нимъ бѣжала лягавая собака. „Милостивыя государыни!“ сказалъ онъ госпожамъ, съ которыми я прогуливался: „купите мою собаку.“ У всякой изъ нихъ была своя; къ тому же его собака принадлежала не къ роду тѣхъ, которыхъ любятъ женщины. Онѣ отвѣчали, что имъ она ненадобна. Тогда, оборотясь ко мнѣ, сказалъ онъ съ видомъ убѣдительнѣйшимъ: *Государь мой! пожалуйте купите мою собаку.* — „Ахъ! я въ ту же минуту купила бы ее!“ возкликнула Юлія, одна изъ слушательницъ. — Это любезное движеніе, отвѣчалъ Аристъ, показываетъ доброту вашего сердца; но не у всѣхъ такія сердца. Я въ первомъ словѣ отказался отъ покупки; однакожъ отказъ свой смягчилъ ласковымъ голосомъ и видомъ того почтенія, которое всякой человѣкъ обязанъ имѣть къ нещастному.

(*) Аристъ, молодой человѣкъ, разсказываетъ сіе приключеніе въ кругу своихъ родственниковъ и друзей.

Старикъ около минуты стоялъ передо мною неподвижно, смотрѣлъ на меня съ печальнымъ видомъ, и пошелъ, а я остался въ неудовольствіи на самого себя.

Онъ шелъ очень тихо, и потому мнѣ было время разобрать въ себѣ причину тайнаго упрека, которой прочиталъ я въ глазахъ его, и которой сердце мое повторяло. Въ самую ту минуту взпомнилъ я, что у пріятеля моего, Графа С..., пропала любимая собака. Лягавыя собаки, думалъ я, бываютъ не глупѣе Сибирскихъ (у пріятеля моего пропала Сибирская): куплю и подарю ее Графу.

„Послушай, другъ мой!“ закричалъ я старику: „что просишь ты за свою собаку?“ — „Что вамъ угодно“ — отвѣчалъ онъ. Не хочу, сударыня, солгать и похвалиться своею щедростію; лучше чистосердечно признаюсь вамъ, что на тотъ разъ все богатство мое состояло въ шести франкахъ, которые я и подалъ ему. Онъ принялъ ихъ безъ всякаго знака неудовольствія, и сказалъ мнѣ: „собака ваша.“ — „Да она уйдетъ отъ меня, отвѣчалъ я: мнѣ не на что привязать ее.“ — „Я вамъ дамъ веревочку, сказалъ старикъ: а то она конечно убѣжитъ за мною.“ Тутъ снялъ онъ съ ноги подвязку, взялъ свою собаку на руки и поставилъ ее на парапетъ. — „Вы приводите меня въ страхъ, перервала Юлія: собака упадетъ въ воду.“ — „Успокойтесь, сударыня! Она не упала, и стояла смирно на парапетѣ, пока старикъ привязывалъ подвязку къ ея ошейнику. Руки его тряслись. Это отъ старости, думалъ я, не видя на лицѣ его никакой перемѣны. Но завязавъ узелъ, онъ прижался лицемъ къ собакѣ, и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, не говоря ни слова.

Что ты, мой другъ? спросилъ я, подошедши къ нему. „Ничего!“ отвѣчалъ онъ, поднявъ голову: „это пройдетъ.“ Тутъ увидѣлъ я, что все лице его омочено слезами. — Кажется, что тебѣ очень жаль своей собаки? — „Признаюсь. Она

была единственнымъ другомъ моимъ; берегла меня на дорогѣ во время сна моего, и ласками своими облегчала мою усталость и страданіе. Она такъ меня любитъ, что я изъ благодарности долженъ ее любить. Однакожъ это все ничего. Она ваша: возьмите ее." — „И такъ" — сказалъ я: „ты почитаешь меня очень жестокимъ человѣкомъ, когда думаешь, что я могу отнять у тебя единственнаго, и притомъ такого вѣрнаго друга." Не говоря болѣе ни слова, хотѣлъ онъ возвратить мнѣ шесть франковъ; но я просилъ его удержать ихъ у себя. Тогда старикъ упалъ на колѣни. „Ахъ, милостивый государь! я вамъ обязанъ жизнію. Голодъ довелъ меня до крайности!"

Нужно ли сказывать, что въ эту минуту нашелъ онъ еще одного друга кромѣ своей собаки? Я хотѣлъ знать, кто онъ, откуда и куда шелъ, и что привело его въ такое бѣдное состояніе.

„Благодарю Бога!" отвѣчалъ онъ: „пятьдесять лѣтъ жилъ я работою рукъ моихъ, и вчера еще въ первой разъ просилъ я милостыни. Я былъ плотникомъ въ Лорренѣ, и всегда доставалъ себѣ пропитаніе. Нещастной случай сдѣлалъ меня неспособнымъ къ работѣ: я порубилъ себѣ ногу, и рана не заживаетъ. Теперь иду въ Руанъ къ моей дочери; она великая мастерица прясть, и промышляетъ себѣ хлѣбъ на бумажныхъ фабрикахъ. Когда пріиду къ ней, то конечно буду всѣмъ доволенъ; но какъ, по причинѣ раны своей, иду я очень тихо, а путь не ближній: то истратилъ дорогою всѣ свои деньги. Надобно было прибѣгнуть къ великодушію проѣзжихъ; къ нещастію я не похожъ съ виду на нищаго, и почти ни кто не подавалъ мнѣ. Голодъ меня мучилъ, оставалась одна собака"..... Тутъ перервался голосъ его.

„Въ твои лѣта" — сказалъ я: „въ такой жаръ и съ раною на ногѣ, можно ли идти пѣшкомъ тридцать миль, или плыть водою около шестидесяти? У тебя болѣе разболится нога, и рана въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлаться неизлечи-

мою. Нѣтъ, мой другъ! я не допущу тебя до этого. Пойдемъ со мною. Недалеко отсюда найдешь ты убѣжище, гдѣ будешь покоенъ, а можетъ быть и здоровъ." — Старикъ, смотря на меня съ пріятнымъ удивленіемъ, отвязалъ собаку и пошелъ со мною въ Шарантонскую богадѣльню.

Меня тамъ не знали; но въ этихъ почтенныхъ домахъ бѣдность и слабость сами по себѣ уважаются. Пріоръ съ чувствительностію слушалъ исторію нашего старика. Онъ призвалъ изкуснѣйшаго лекаря, и велѣлъ ему осмотрѣть рану. Я ужаснулся, видя, какъ загноилась она отъ лѣтнихъ жаровъ и отъ трудностей дороги. „Ненадобно медлить" — сказалъ лекарь: „однакожъ время еще не ушло, и я могу вылечить ногу." — „И такъ онъ будетъ здоровъ?" — „Будетъ" — отвѣчалъ лекарь: „я ручаюсь." — Какая радостная для меня минута! —

„Не жалѣйте ничего, государи мои" — сказалъ я: „и будьте увѣрены въ должной моей благодарности." — „Вамъ должно только оставить здѣсь больнаго (отвѣчалъ мнѣ Пріоръ съ видомъ благочестивой строгости) и положиться на наши попеченія." — Примѣтивъ, что нѣжная чувствительность добродушнаго Патера оскорбилась отъ моихъ словъ, я передъ нимъ извинился. „Но не употреблю ли во зло вашего великодушія" — сказалъ я: „естьли попрошу васъ, чтобы и вѣрный другъ его"... „Вѣрный другъ его, собака будетъ съ нимъ" — перервалъ Пріоръ: „повѣрьте, что и мы умѣемъ цѣнить привязанность дружбы."

Глубокое впечатлѣніе сдѣлали во мнѣ слова почтеннаго отца; его ласковой пріемъ, попечительность, спокойное и холодное изполненіе должностей добродѣтели, всечасныя и ежеминутныя благодѣянія, имъ самимъ ни мало неуважаемыя. Какъ! думалъ я: за шесть франковъ и за нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ мною для нещастнаго, сердце мое такъ довольно и радостно; а добродѣтельные отцы, день и ночь служащіе бѣднымъ, и дѣлающіе

въ одинъ день столько добра, сколько я во всю свою жизнь едва ли сдѣлать могу, ни мало о томъ и не думаютъ! Вотъ рѣдкая и высокая добродѣтель!

Разставаясь съ старикомъ, взялъ я у него адресъ дочери его, чтобы увѣдомить ее объ отцѣ, и возвратился къ своимъ дамамъ, которыя дожидались меня на другомъ берегу. Надлежало разсказать имъ все произшедшее, и скупость моего благодѣянія, не смотря на трогательность анекдота, заставила ихъ посмѣяться на мой счетъ; я потребовалъ отъ нихъ доказательства большей щедрости, и до выздоровленія старика нашего взялся быть его казначеемъ. —

Въ деревню къ намъ пріѣзжали гости, и мнѣ должно было для всякаго повторять свою исторію. Никогда не забывалъ я упоминать о шести франкахъ, и слушатели мои всегда съ насмѣшкою удивлялись великой моей щедрости. Шесть франковъ за такую неоцѣненную собаку! „А вы, государь мой (спрашивалъ я) а вы, сударыня, что бы ему пожаловали?“ Всякой, слѣдуя движенію болѣе и менѣе тронутаго сердца своего, назначалъ сумму. „За чѣмъ же стало дѣло?“ говорилъ я: „старикъ отсюда недалеко, и всякой можетъ дать ему то, что бы онъ далъ на моемъ мѣстѣ.“ Всѣ сыпали деньги, а я благодарилъ небо, что оно, вмѣсто богатства, наградило меня дарованіемъ трогать сердца богатыхъ.

Наконецъ насталъ тотъ радостный день, въ которой старикъ могъ прійти благодарить своихъ благодѣтелей. Къ намъ съѣхалось множество гостей. Я пошелъ за нимъ въ богадѣльню; изъявилъ добродушнымъ монахамъ сердечную мою благодарность и все мое почтеніе къ ихъ священному институту и должностямъ, изполняемымъ съ такою ревностію; взялъ старика здороваго, и веселаго, подобно своей собакѣ, и привелъ его къ нашимъ гостямъ. Съ радостными возклицаніями встрѣтили насъ въ залѣ. Собаку ласкали еще болѣе, нежели старика. Конечно во всю жизнь ея

не было для нея такого праздника. Сперва она робѣла; однакожъ скоро начала платить за ласки ласками, и такъ, какъ будто бы чувствовала, для чего съ нею столь хорошо обходятся.

Старикъ обѣдалъ съ нами, а собака подлѣ него. Они ночевали въ одной комнатѣ, а на другой день на разсвѣтѣ пришли со мною проститься. Я отдалъ старику казну его, и увѣрялъ, что моихъ денегъ было тутъ очень немного; но онъ, сказавъ: „вамъ обязанъ я всѣмъ!" хотѣлъ броситься ко мнѣ въ ноги. Мы обняли другъ друга со всею сердечною нѣжностію! —

„Милостивый государь!" сказалъ онъ: „вы осыпали меня благодѣяніями. Осмѣлюсь ли еще попросить васъ объ одной милости? Вы обнимали меня какъ друга: теперь поцѣлуйте мою собаку. Мнѣ хочется сказать дочери, что вы собаку мою цѣловали. Поди сюда, Левелье, поди! господинъ хочетъ поцѣловать тебя." — Левелье поднялъ голову. Тутъ вдругъ представился мнѣ образъ старика, когда онъ, прижавшись лицемъ къ собакѣ, съ нею прощался: слезы покатились изъ глазъ моихъ. „Ахъ! вамъ жаль ее, сказалъ добросердечной старикъ: возьмите; она все еще ваша." — „Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! Поди и будь щастливъ. Я награжденъ сверхъ моего достоинства. Воображая тебя и собаку твою, долго, долго еще буду наслаждаться возпоминаніемъ добраго дѣла."

Карамзинъ.

IV. ОСЕННЕЕ УТРО.

(Геснерова Идиллія)

Уже утреннее солнце блистало изъ за сѣрой горы, и предвѣщало прекрасный осенній день, какъ Миконъ подошелъ къ окну своей хижины. Уже сверкало оно сквозь пурпуровый виноградъ, переплетенный зелеными и желтыми вѣтвями, которыя, колеблясь отъ тихаго утренняго вѣтерка, рисовали на стеклахъ рѣшетчатаго окна

пѣнь свою. Туманъ, какъ море, лежалъ въ долинѣ, и высокіе холмы съ дымящимися хижинами — въ пестромъ осеннемъ украшеніи, осыпаномъ свѣжими лучами солнца, представлялися наподобіе выходящихъ изъ воды островов. Деревья, спѣлыми плодами увѣнчанныя, отбрасывая отъ себя пурпуръ, золото и мѣстами зелень, казали изъ себя смѣсь самую прелестнѣйшую. Онъ въ возторгѣ осматривалъ всю лежащую передъ нимъ долину, слушалъ радостное рычаніе стадъ, свирѣли пастуховъ и пѣніе веселыхъ птичекъ, которыя то подымались вверхъ и порхали въ свѣжемъ, чистомъ воздухѣ, то опускались внизъ, и терялись въ туманѣ долины. Долго стоялъ Миконъ отъ изумленія неподвиженъ; потомъ въ благодарномъ благоговѣніи снялъ со стѣны лиру и запѣлъ:

„Могу ли я, о боги, могу ли достойно возпѣть мое возхищеніе, благодарность мою къ вамъ! Все блеститъ въ зрѣлой красотѣ, все изливается въ полномъ благословеніи. Повсюду царствуютъ удовольствіе и радость. И на деревьяхъ и на виноградномъ кустѣ улыбается благословеніе года. Какъ прелестна природа въ торжественномъ убранствѣ осени!“

„Щастливъ тотъ, у кого сердце чисто и не зло, кто доволенъ своею судьбою, и, гдѣ можно, добро дѣлаетъ. Ясное утро всегда пробуждаетъ его къ радости. Для него цѣлой день полонъ удовольствія, и ночь усыпляетъ его сномъ сладкимъ. Каждая красота, каждая радость занимаетъ его невинную душу. Его возхищаетъ всякая перемѣна года, всякое благословеніе природы.“

„Но вдвое щастливъ тотъ, кто свое щастіе дѣлитъ съ такою подругою, которую украшаютъ прелести и добродѣтель, съ такою подругою, какъ ты, милая Дафна! Съ тѣхъ поръ, какъ Гименъ соединилъ насъ, каждое щастіе стало для меня драгоцѣннѣе; съ тѣхъ поръ наша жизнь сдѣлалась какъ двѣ свирѣли, которыя въ прелестномъ — привлекательномъ тонѣ играютъ одну

прекрасную пѣсню. Было ли хотя одно желаніе, которое бы намекнули глаза мои, и ты бы не летѣла свершить его? Была ли у меня такая радость, которая бы вдвое не возхищала тебя — скользила по твоему сердцу? Была ли у меня такая печаль, которая бы въ объятіяхъ твоихъ не изчезала какъ весенній туманъ отъ солнца? Лишь только ты ступила въ хижину мою, то вмѣстѣ съ тобою вошли и всѣ удовольствія жизни. — Порядокъ и чистота, надежда и радость при каждомъ предпріятіи, и все, что ты ни дѣлаешь, благословлено богами."

„Съ тѣхъ поръ, какъ ты стала благословеніемъ моей хижины, съ тѣхъ самыхъ поръ все украсилось сугубымъ удовольствіемъ. Благословилась моя хижина, благословилось мое стадо, и все, что я ни сажу, и все что я ни собираю. Пріятна для меня работа каждаго дня. Устаю ли я и возвращаюсь подъ покойную кровлю мою? О! какъ возхищаетъ меня твоя нѣжная заботливость, чтобъ освѣжить слабыя силы мои. Съ тобою прелестнѣе для меня весна, прелестнѣе лѣто и осень. И ежели холодные вѣтры свистятъ около нашей хижины, тогда я у огня, подлѣ тебя, моя милая, въ домашнихъ упражненіяхъ, въ пріятной бесѣдѣ ощущаю всѣ выгоды домашняго спокойствія. Когда я въ твоихъ объятіяхъ, подлѣ сердца твоего, пускай крутятся снѣжныя мятели и похищаютъ прелестные виды природы. Тутъ я чувствую, что ты одна для меня все на свѣтѣ."

„А вы, безцѣнныя дѣти, украшенныя всѣми прелестями матери, вы довершаете мое щастіе. Въ васъ я вижу благословеніе и радость для сердца моего. Первое слово, которое вы лепетать начинаете, есть то, чтобъ сказать, что вы меня любите. Здоровье и радость цвѣтутъ на лицѣ вашемъ, и кроткая пріятность сопровождаетъ всѣ ваши игры. Пребудьте вы радостію нашей юности, и ваше щастіе будетъ радостію нашей старости. Когда я прихожу съ поля или изъ стада, и вы на порогѣ съ радостнымъ крикомъ встрѣчаете меня, обнимаете мои колѣна, съ дѣт-

скою радостію хватаете маленькіе подарки, сладкіе плоды или игрушки, которые приношу съ поля или изъ саду, чтобъ ими занять васъ въ пользою: о! какъ возхищаетъ меня тогда каждая ваша невинная радость. Въ восторгѣ стремлюсь я тутъ, Дафна, въ твои объятія, и ты, тая отъ любви, цѣлуешь слезы радости на щекахъ моихъ."

Въ ту самую минуту вошла Дафна, неся на рукахъ двухъ милыхъ дѣтей своихъ. Она была прекрасна какъ весеннее утро, и слеза радости, какъ Майская роса, сверкала и капала на грудь ея. „Мой другъ, мой милый, безцѣнный другъ, вздыхая говорила она, какъ я щастлива! мы идемъ — такъ — мы идемъ благодарить тебя, что ты насъ любишь."

Тогда онъ всѣхъ троихъ прижалъ къ сердцу своему. Они не говорили ни слова, а только чувствовали свое щастіе. И естьли бы въ то время кто посмотрѣлъ на нихъ, конечно, пронзясь до глубины сердца симъ прелестнымъ зрѣлищемъ, признался бы, что одни добродѣтельные щастливы.

Пнинъ.

V. *СРАЖЕНІЕ ПРИ ЛОРѢ.*

(Поэма Оссіана)

Сынъ иноплеменныхъ, безмолвный обитатель пещеры! (*) вѣтръ ли шумитъ въ лѣсахъ твоихъ? Звукъ ли твоего гласа поражаетъ слухъ мой? Източникъ гремитъ; но я слышу также согласные отзывы. Поешь ли ты подвиги сильныхъ, твоего отечества, или возсылаешь хвалы духамъ небеснымъ? Уединенный житель камени! возведи твои очи на сію пространную пустыню; ты видишь на нихъ камни, одѣянные мохомъ; ты ихъ видишь, но *Оссіановы* очи не созерцаютъ уже свѣта. Быстрый източникъ упадаетъ съ горы и стремитъ свои воды вокругъ зеленаго холма: на

(*) Христіанскій пустынникъ въ Шотландіи.

вершинѣ, посреди увядшаго злака, возвышаются четыре камня. Два древа, согбенныя усиліемъ бурныхъ вихрей, распростираютъ вокругъ стенящія свои вѣтви. Въ семъ мѣстѣ почиваешь ты, *Эррагонъ*, здѣсь твое тѣсное жилище: уже давно твои пиршества забвенны въ *Сорѣ*, и снѣдающая ржа очернила твой щитъ въ чертогахъ твоихъ предковъ. Эррагонъ, царь кораблей, вождь земель отдаленныхъ! какъ поверженъ ты на горахъ нашихъ!

Сынъ пустыннаго камени! пріятно ли твоему слуху пѣніе? Внимай мнѣ, повѣствующему о сраженіи при *Лорѣ*; (*) оно давно уже прешло, и звукъ его оружій давно уже престалъ. Тако громовый ударъ на омраченномъ холмѣ возгремитъ, и вдругъ уничтожается; солнце изходитъ вновь съ пріятною тишиною; блистающіе камни и зеленѣющіеся верхи горъ усмѣхаются, взирая на прелестные лучи его. *Фингалъ* ударяетъ во щитъ свой, и даетъ знакъ къ битвѣ. Тысящи мечей, вдругъ извлеченныхъ, блистаютъ на волнистой дебри. Три Барда, украшенные сѣдыми власами, изливаютъ плачевные и согласные звуки.

Сомкнувшись въ тѣсный многочисленный полкъ, мы шествуемъ на равнину, подобны източнику, наводненному дожденосною бурею, и стремящемуся низринуться въ тѣсную долину.

Фингалъ, возсѣдши на высотѣ холма, распростираетъ на воздухъ побѣдоносное *Морвенское* знамя. Старцы, сопутники его юности, сидятъ близь его. Радость озарила очи сѣдовласыхъ героевъ, когда узрѣли они чадъ своихъ, сражающихся мужественно, и обновляющихъ славу своихъ предковъ. *Эррагонъ* устремляется на поле, сонмы ратниковъ падаютъ на его пути, и смерть летитъ окрестъ его.

„Кто сей, вѣщаетъ *Фингалъ*, кто сей ратоборецъ толь быстрый въ своемъ теченіи? Его щитъ

(*) Небольшая рѣчка, на берегу коей произошло сраженіе.

блистаетъ о его страну, его оружія издаютъ звукъ плачевный. Онъ ополчается противъ *Эррагона*...... Друзья! взирайте на противоборствіе сихъ героевъ; но ты палъ, юный житель холма, и твоя кровь течетъ струями на груди твоей. Возплачь, нещастная *Лорма*, уже нѣтъ твоего любезнаго *Альда*!"

Фингалъ, раздраженный смертію сего ратника, пріемлетъ свое копіе, и устремляя на сопостата смертоносный взглядъ, онъ хочетъ сойти съ холма; но *Галлъ* летитъ противу *Эррагона*. Кто можетъ описать битву сихъ героевъ?... *Эррагонъ* упадаетъ и смерть сомкнула его вѣжди.

Лорма сидѣла въ чертогахъ Альда предъ горящимъ дубомъ. Ночь спускается на долины, но *Альдъ* еще не возвратился, и душа *Лормы* сѣтуетъ. — „Что могло удержать тебя, любезный звѣроловецъ? Ты обѣщалъ возвратиться ко мнѣ при вечерней зарѣ. Или быстрый елень, гонимый тобою, завелъ тебя въ отдаленную долину? Въ какой дальней пустынѣ ночные вѣтры воздыхаютъ вокругъ тебя! Я одна въ странѣ чуждой; и нѣтъ у меня друга, кромѣ *Альда*. Возлюбленный мой! сниди съ высоты холма твоего!"

Ея очи непрестанно обращаются ко вратамъ чертоговъ; она склоняетъ слухъ свой на шумъ вѣтровъ, мечтаетъ слышать шествіе *Альда*, и радость озаряетъ ея лице; но скоро вновь сѣтованіе и печаль омрачаютъ его. — „Ты не возвращаешься, возлюбленный мой! я смотрю на твой холмъ. Луна возходитъ на горизонтъ. Лоно озера спокойно и блистательно. Когда увижу я вѣрныхъ твоихъ псовъ, бѣгущихъ съ ловитвы? Когда услышу любезный твой голосъ, сливающійся со свистомъ вѣтровъ? Сниди съ холма твоего, любезный звѣроловецъ!"

Тѣнь *Альда* явилась на возвышенномъ камени, подобна блѣдному лучу дщери небесной, когда проницаетъ онъ изъ среды двухъ облаковъ, и когда полночная роса упадаетъ на долины.

Лорма познала тогда, что ея герой уже вѣчно покоится: она слѣдуетъ за призракомъ его вдоль пустыни; я слышалъ ея жалостные вопли; они подобны были вѣющему вдали зефиру, когда воздыхаетъ онъ на злачномъ дернѣ пустынной пещеры.

Она притекла, и зритъ тѣло своего любезнаго..... Тогда не стало уже слышно ея гласа: она въ безмолвіи обращаетъ свои погасшія очи; блѣдна и орошенна слезами, она подобна дождевымъ парамъ, возвышающимся съ озера при слабомъ сіяніи луны. Немного дней жила она въ *Морвенѣ*; она скоро низшла во гробъ, и *Барды Фингаловы* возпѣли ея нещастія. Въ каждый годъ, когда осенніе вѣтры возвращаютъ съ собою мрачныя бури, *Морвенскія* дщери посвящаютъ день рыданіямъ о прекрасной *Лормѣ*.

Иноплеменникъ! ты обитаешь здѣсь въ странѣ, покрытой героями. Возпѣвай иногда славу сихъ знаменитыхъ ратоборцевъ. Пусть нещастная *Лорма* снидетъ къ тебѣ на лучѣ лунномъ, когда сіе кроткое свѣтило проникнетъ въ твою пещеру. Ты увидишь сію нещастную, она еще прелестна; но ея ланиты всегда окроплены слезами.

Костровъ.

VI. КАБУДЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Возточная сказка.

Въ одной маленькой деревенькѣ жилъ бѣдной Музульманинъ, именемъ Гассанъ, и этотъ Гассанъ имѣлъ осла: тутъ еще нѣтъ ничего удивительнаго; но то удивительно, что бѣдной Гассанъ обходился съ осломъ своимъ, какъ съ другомъ — каждый день его чистилъ, каждый день подкладивалъ подъ него свѣжую подстилку; называлъ его своимъ сокровищемъ, братомъ, своею радостію. Разъѣзжая на немъ, онъ обыкновенно бросалъ изъ рукъ повода, и тѣмъ доказывалъ неограниченную довѣренность свою къ его разсудку. И надобно отдать справедливость ослу: — онъ былъ

умница, красавецъ, выступалъ гордо, пріятно шевелилъ ушами, а глаза имѣлъ огненные и живые. Впрочемъ что нужды въ красотѣ наружной! Въ ослахъ, какъ въ людяхъ, красота дѣло постороннее. Надобенъ умъ, — а нашъ оселъ одаренъ былъ, какъ я уже сказывалъ, изряднымъ количествомъ разсудка; напримѣръ: онъ никогда не спотыкался подъ ношею, какая бы ни была дурная дорога, а вы знаете, что истинный разсудокъ въ томъ и состоитъ, чтобы хорошо носить свою ношу. Послѣ этого неудивительно, что бѣдной Гассанъ любилъ своего осла болѣе, нежели великій Шахъ Абассъ своего прекраснаго коня, или великій Султанъ любимую свою Султаншу. Чѣмъ болѣе предметовъ любви нашей, тѣмъ наша любовь должна быть слабѣе — такъ говорятъ востпочные мудрецы, и это правда. Бѣднякъ, котораго все богатство состоитъ только въ одномъ ослѣ, долженъ любить осла своего, какъ мы любимъ все то, что имѣемъ, и онъ же могъ бы очень скоро его разлюбить, когда бы вмѣсто одного имѣлъ двухъ — это естественно.

Однажды нашъ доброй Гассанъ отправился на ослѣ своемъ въ ближній городъ; онъ ѣхалъ маленькою рысцею и разговаривалъ, по обыкновенію, очень дружелюбно съ своею скотиною. Вотъ встрѣтился съ нимъ благочестивый Дервишъ, который путешествовалъ очень скромно пѣшкомъ. Гассанъ отвѣсилъ низкій поклонъ святому мужу. — Дервишъ остановился. — „Ты смотришь на моего осла — спросилъ Гассанъ — не правда ли, что онъ прекрасной?“ — Прекрасной! этого мало сказать, единственный! И признаюсь, что красота менѣе всего для меня удивительна въ этой скотинѣ. „Что же ты въ ней еще находишь?“ Я нахожу въ ней то, что она должна имѣть и умъ необыкновенный. „Ты и не ошибся. Оселъ мой великая умница. Я никогда не думаю показывать ему дорогу: самъ знаетъ.“ — Правда твоя: не оселъ, а сокровище! Не согласишься ли ты уступить его мнѣ за хорошую цѣну? — „Нѣтъ, святой отецъ! я не продамъ моего осла и за десять то-

мановъ!" — За десять томановъ! О Пророкъ! хочешь ли взять за него сто? сію же минуту ихъ отщитаю, и буду еще тебѣ благодаренъ.

Гассанъ вытаращилъ глаза на Дервиша — онъ очень любилъ своего осла, но сто томановъ — какая бездна денегъ! и онъ готовъ уже былъ ударить по рукамъ; но Дервишъ сказалъ ему съ дружелюбною усмѣшкою: „послушай, Гассанъ, я не хочу тебя обманывать! Вижу, что ты уже согласенъ продать мнѣ осла; но совѣсть запрещаетъ мнѣ воспользоваться твоимъ простосердечіемъ. Я намѣренъ сдѣлать тебѣ гораздо выгоднѣйшее предложеніе. Говоритъ ли твой оселъ?" — „Не думаю. Я никогда не слыхалъ отъ него ни слова." — По крайней мѣрѣ читаетъ, пишетъ, знаетъ Ариѳметику, училъ Алкоранъ? — „И того не думаю!" — Дѣло невѣроятное! Слѣдственно не знаетъ ни Географіи, ни Исторіи; не имѣетъ понятія о нравахъ народовъ; не учился политикѣ! — „Святый Пророкъ! естьли бы оселъ мой зналъ всѣ эти науки, то былъ бы гораздо ученѣе своего господина." — Чтожъ мудрости? развѣ этого не случается? Послушай Гассанъ: даю тебѣ на выборъ, или взять отъ меня сію же минуту сто томановъ за твоего осла, или отпустить его со мною въ Мекку. Путешествіе усовершенствуетъ его такъ много, что онъ возвратится къ тебѣ совсѣмъ иной: будетъ говорить на многихъ языкахъ, читать наизусть Алкоранъ, и знать лучше своихъ ушей обычаи всѣхъ возточныхъ народовъ, Исторію, Географію, Метафизику, Химію, Астрономію, словомъ: будетъ мудрецъ. Ему необходимо надобно путешествовать, и одинъ годъ, не болѣе. По прошествіи же года возвращу тебѣ его совсѣмъ образованнымъ: ты будешь показывать его любопытствующимъ, и въ короткое время разбогатѣешь, какъ великій Моголъ. Говори теперь, чего хочешь: получить ли отъ меня сто томановъ, или отпустить осла твоего со мною въ Мекку? — „Въ Мекку! въ Мекку." возкликнулъ Гассанъ. „Оселъ, который говоритъ многими языками, знаетъ

Политику и Алкоранъ, стоитъ неизтощимаго кошелька. Боже мой! какая будетъ мнѣ слава! какъ буду я величаво разъѣзжать на томъ ученомъ докторѣ! Правда твоя, святой Дервишъ! надобно ему путешествовать. Онъ еще недоросль, ничего не видалъ, кромѣ нашего минарета — сущій младенецъ. Возьми его, и дай тебѣ Святый Пророкъ щастливаго путешествія! только прошу не замѣшкаться; и ровно черезъ годъ возвратиться съ нимъ ко мнѣ! — Ровно черезъ годъ или съ небольшимъ, сказалъ Дервишъ. — „По рукамъ!" сказалъ земледѣлецъ. И дѣло кончено. — Гассанъ слѣзаетъ съ осла, и поцѣловавъ его съ нѣжностію, говоритъ ему слѣдующее. „Богъ съ тобою, другъ мой, Кабудъ! Тяжело мнѣ тебя отпускать, но это я дѣлаю для твоего же щастія; ты увидишь много хорошаго: смотри же, будь замѣчателенъ, слушайся добрыхъ совѣтовъ почтеннаго твоего наставника, и возвратись ко мнѣ ученымъ, добрымъ осломъ, чтобы и я и всѣ мои сосѣди могли говорить указывая на тебя: то-то оселъ удивительный!"

Гассанъ помогъ Дервишу взкарабкаться на Кабуда — потомъ удалился, скорчась подъ ношею, которая за минуту лежала на спинѣ его сердечнаго друга. Возвратясь въ деревню, онъ началъ разсказывать встрѣшному и поперешному, что Кабудъ отправился путешествовать, что онъ возвратится къ нимъ черезъ годъ ученымъ докторомъ, и что они увидятъ, увидятъ.......

Когда то правда, что путешествіе есть самое вѣрное средство сдѣлать невѣжду ученымъ, то благомыслящій Дервишъ выполнялъ взятую на себя обязанность, какъ нельзя лучше. Онъ не давалъ Кабуду лѣниться, и каждый день заставлялъ его пробѣгать около двадцати миль. Они объѣхали берега Марморнаго моря и прелестныя провинціи Натоліи, посѣтили Кесарію богатую древностями, провели нѣсколько дней въ Алепѣ, и Кабудъ своими ушами слышалъ отъ Дервиша, что этотъ городъ взятъ былъ Арабами въ 637 году, при Императорѣ Геракліи. Сидя величественно на ослѣ, осмотрѣлъ

святый отецъ Алепскіе базары, на которыхъ собраны были всѣ богатства востока, и разложены на показъ великолѣпныя шелковыя матеріи и золотыя ткани; вѣроятно для ученья своего питомца, разспрашивалъ онъ вслухъ о цѣнѣ товаровъ, а съ купцами разговаривалъ о нравахъ и о законахъ ихъ отчизны. Кабудъ слышалъ вопросы и отвѣты; но молчалъ — можетъ быть для того, чтобы лучше слышать.

Скоро святой Дервишъ и Кабудъ присоединились къ каравану богомольцевъ, шедшихъ въ Мекку. Въ этомъ караванѣ находилось множество ученыхъ людей: Географовъ, Историковъ, Физиковъ, Математиковъ, Теологовъ и Стихотворцевъ; словомъ: нельзя было выбрать лучшаго общества для Кабуда: ему оставалось только слушать, замѣчать и учиться. Караванъ входитъ въ провинцію Діарбекъ. „Мы теперь находимся — сказалъ одинъ изъ ученыхъ Географовъ — въ древней Месопотаміи. Видите ли прекрасный городъ Моссулъ, построенный на западномъ берегу Тигра? Это столица Алджезиры! она почитается однимъ изъ лучшихъ городовъ Азіи: противъ нея, на другомъ берегу, представляется намъ Ниневія.“ — Ниневія! воскликнулъ одинъ изъ ученыхъ Историковъ: о почтенная древность! и въ мигъ прочиталъ онъ ученую диссертацію о прежнемъ великолѣпіи и славѣ Ниневіи. Ни одно обстоятельство не было имъ забыто: Кабудъ хлопалъ ушами при имени Семирамиды — вѣроятно, что этимъ хотѣлъ онъ показать свое удивленіе.

Караванъ посѣтилъ города: Эдессу, Казалаинъ, Гарамъ. — Историкъ, который прежде витійствовалъ о Ниневіи, объявилъ и здѣсь сопутникамъ своимъ, что городъ Гарамъ, есть древняя Карре, мѣсто рожденія Авраамова; что Александръ по близости его выигралъ славное Арбельское сраженіе, и что онъ извѣстенъ въ исторіи по разбитію Красса. Можно ли не сдѣлаться ученымъ съ такими людьми? Имя каждаго пригорка было имъ извѣстно, каждая маленькая деревушка возбуждала

въ нихъ какое нибудь великое возпоминаніе, и всякая развалина была для нихъ славнымъ памятникомъ временъ минувшихъ. Они не довольствовались разговорами о тѣхъ земляхъ, чрезъ которыя переѣзжали, но говорили и о самыхъ отдаленныхъ, которыя были извѣстны имъ, какъ будто ихъ собственная родина. Словомъ, всѣ города востока могли быть знакомы Кабуду, какъ самому свѣдущему Армянскому купцу.

Проживши цѣлую недѣлю въ Бассорѣ, караванъ вступилъ въ пустыню. Разговоры сдѣлались не столь часты и живы; настали чрезвычайные жары, и господа ученые, опасаясь, что у нихъ скоро совсѣмъ не будетъ воды, молчали нахмуривъ брови. Но дня черезъ четыре по выходѣ изъ Бассоры, два Теолога завели жаркій споръ о смыслѣ нѣкоторыхъ словъ Алкорана; они приводили въ доказательство лучшія и убѣдительнѣйшія статьи изъ всѣхъ Богословов; прочли наизусть весь Алкоранъ, и дѣлали самыя остроумныя толкованія на тѣ выраженія, которыя были и непонятны и темны. Прѣніе ихъ могло принести великую пользу Кабуду, который имѣлъ еще самое поверхностное понятіе о Магометовой книгѣ.

По окончаніи спора Теологовъ, выступили на сцену Стихотворцы и завели новый, гораздо пріятнѣйшій перваго споръ, именно о томъ, который изъ возточныхъ поэтовъ заслуживаетъ предпочтеніе. Они попеременно читали прекрасныя тирады изъ лучшихъ поэмъ Арабскихъ и Персидскихъ. Кабудъ хлопалъ ушами и молчалъ.

Математики были очень молчаливы днемъ, за то ночью говорили безъ умолку. Видя на небесахъ звѣзды, они открывали сопутникамъ своимъ таинства Астрономіи, и всѣ неизмѣнные законы міра, объясняли имъ движенія тѣлъ небесныхъ и чудную гармонію мірозданія. Всѣ сіи чудеса были новы для Кабуда; — ему еще никогда не удавалось улетать мыслію на небо; а естьли бы и захотѣлъ онъ размышлять о лунѣ, то вѣрно подумалъ бы

только то, что она не болѣ Гассанова фонаря, и едва ли бы вообразилъ, что маленькія точки, называемыя звѣздами, не помѣстятся въ той скромной закутѣ, въ которой онъ кушалъ овесъ и сѣно.

Однимъ словомъ, Кабудъ во время путешествія выслушалъ полный курсъ Географіи, Исторіи, Словесности, Астрономіи, Богословіи — Съ какимъ запасомъ познаній возвратится онъ въ свою отчизну! О! этотъ оселъ надѣлаетъ шуму.

Но мы забыли о бѣдномъ Гассанѣ. — Что-то онъ дѣлаетъ? Въ самомъ дѣлѣ бѣдный! нѣтъ ему никакого утѣшенія, никакой радости въ разлукѣ съ добрымъ осломъ! сирота сиротою! Прошли два мѣсяца. Вотъ случилось, что ручеекъ, которой бѣжалъ по камышкамъ почти у самой Гассановой хижины, выступилъ изъ береговъ отъ сильныхъ проливныхъ дождей, и оставилъ многое множество и камня и песку на огородѣ Гассана. „Свѣтъ-то мой оселъ! говорилъ Гассанъ подбирая камень; онъ бы избавилъ меня отъ большихъ хлопотъ.“ Спустя еще мѣсяца три, настала пора жать пшено. Гассанъ кряхтѣлъ, таская на себѣ маленькую свою телѣжку, нагруженную пшеномъ. Время было жаркое; — усталость превзошла его силу; онъ занемогъ горячкою, и умеръ бы отъ нее непремѣнно, когда бы въ деревнѣ его не случился лѣкарь. Въ жару своемъ безпрестанно онъ бредилъ о Кабудѣ, — но добрый Кабудъ не могъ его слышать; онъ странствовалъ далеко, далеко, и можетъ быть такъ же подъ часъ горевалъ о своей родинѣ и объ Гассанѣ.

Наконецъ проходитъ годъ, а Кабуда нѣтъ какъ нѣтъ. Гдѣ-то онъ? здоровъ ли? что съ нимъ дѣлается? Бѣдный Гассанъ ни пьетъ ни ѣстъ, и нѣтъ для него ни одной веселой минуты. Что? естьли Кабуда моего нѣтъ на свѣтѣ! думалъ онъ всякую минуту; и эта горестная мысль не давала ему покою и во снѣ; послышится ли ему топотъ — сердце забьется, а Кабуда нѣтъ; стукнутъ ли въ его дверь — побѣжитъ опрометью отворять; не тутъ-то было — къ нему пришелъ сосѣдъ, или изъ города знакомый.

Наконецъ, въ одинъ вечеръ сидѣлъ онъ пригорюнившись у воротъ своей хижины — вдругъ вдалекѣ показался человѣкъ на ослѣ. Гассаново сердце затрепетало сильнѣе, нежели когда нибудь — а сердце вѣщунъ; бѣжитъ — путешественникъ приближается. — „Такъ это онъ, Дервишъ!“ Но оселъ, но добрый Кабудъ? — Гассанъ смотритъ, и никакъ не можетъ узнать своего стариннаго друга. Возможно ли, чтобы эта худая, хромоногая, вислоухая скотина была Кабудъ, прекрасный, хорошо откормленный и величавый? „Гдѣ же мой оселъ?“ спросилъ Гассанъ у Дервиша. — Вотъ онъ. — „Это Кабудъ? статное ли дѣло, такой худой и чахлой!“ — Когда же я обѣщался тебѣ возвратить его жирнымъ? — „Но онъ хромаетъ и спотыкается на каждомъ шагу.“ — За то не споткнется умомъ. „Какая жесткая шерсть! это щетина!“ — За то разсудокъ его мягче и глаже шелку. — „О Магометъ! онъ кривъ! Кабудъ, сердечный другъ мой, ты кривъ!“ — Не жалуйся, Гассанъ! умственное око его прозорливо и свѣтло! — „И такъ мой добрый оселъ очень ученъ?“ — Ученъ, какъ нельзя болѣе; поговори съ нимъ, и ты узнаешь. — „О чемъ же мнѣ говорить?“ — Обо всемъ! на всякой вопросъ отвѣчаетъ онъ безъ запинки; но мнѣ теперь оставаться у тебя нѣкогда: прости! мы квиты.

Дервишъ удалился, а добрый Гассанъ любуясь на Кабуда, и не подумалъ сказать его ученому наставнику спасибо; онъ осыпалъ осла тысячью ласковыхъ привѣтствій, потомъ взялъ его за поводъ и потихоньку повелъ въ свою хижину. Но Кабудъ едва передвигалъ ноги; а бѣдный Гассанъ охотно взвалилъ бы его къ себѣ на спину, лишь бы избавить отъ нѣсколькихъ лишнихъ шаговъ. Наконецъ дотащились. Кабудъ, не говоря ни слова, вступилъ въ старинное свое жилище. Гассанъ сдѣлалъ ему вопроса два — нѣтъ отвѣта. „Мой докторъ усталъ — подумалъ Гассанъ — ненадобно его мучить! подложимъ подъ него свѣжей соломы, дадимъ ему хорошую мѣрку овса — покушаетъ, поспитъ, а послѣ и самъ разговорится.“ — Сказано, сдѣлано.

Пожелавъ доброй ночи Кабуду, Гассанъ выбѣжалъ на улицу, и давай кричать: „Радуйтесь! радуйтесь! Кабудъ возвратился! то-то оселъ! умница, философъ, стихотворецъ — говоритъ какъ книга! милости прошу завтра ко мнѣ посмотрѣть и послушать Кабуда!“

На другой день, ни свѣтъ ни заря, всѣ поселяне собрались передъ воротами Гассановой хижины. Является Кабудъ, и вмѣстѣ съ нимъ Гассанъ. Всѣ умолкли. Гассанъ говоритъ: „Представляю вамъ, друзья, молодаго путешественника, которой все видѣлъ и всему учился. Спросите его, о чемъ разсудите, и онъ будетъ вамъ отвѣчать безъ запинки.“ — Вотъ вышелъ изъ толпы человѣкъ, пятидесяти лѣтъ, важной осанки, съ длинною бородою, величественнымъ взоромъ, — человѣкъ, единымъ видомъ возбуждающій почтеніе и заставляющій удивляться, едва лишь только отворитъ уста; словомъ, деревенскій учитель. Онъ начинаетъ говорить слѣдующее: „почтенный Кабудъ, прошу васъ не взыскать, что смиренное мое невѣжество осмѣливается испытывать глубину вашей мудрости! Вопрошаю васъ, не для того, чтобы самому блеснуть лучами темнаго моего разсудка, но единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы обнаружить сіяющее солнце вашей учености во всемъ его велелѣпіи. Отвѣтствуйте, ученый и мудрой Кабудъ, что дѣлается съ старою луною, когда Создатель посылаетъ къ намъ новую?“ — Зрители устремили на Кабуда любопытные взоры. Кабудъ наклонилъ голову, какъ будто желая собраться съ мыслями. Учитель, окинувъ присутствующихъ гордымъ окомъ, повторилъ заданный имъ вопросъ; но Кабудъ молчалъ, и это скромное молчаніе перетолковано въ худую сторону. Уже насмѣшники начинали подшучивать надъ Гассаномъ и его молчаливымъ докторомъ. — „Потерпите немного, милостивые государи — возкликнулъ Гассанъ — Кабудъ очень ученъ, за это я вамъ ручаюсь; но онъ застѣнчивъ, и еще никогда не удавалось ему говорить въ такомъ многолюдномъ собраніи. Кабудъ, другъ мой, отвѣчай! бояться нѣчего — это все люди добрые. Ска-

жи намъ, что видѣлъ ты хорошаго въ чужихъ земляхъ? Какъ тебѣ понравились Дамаскъ, Моссулъ, Мекка! Перестань упрямиться, другъ мой, мы всѣ ради тебя слушать." — Одинъ толстой человѣкъ, находившійся въ числѣ зрителей, и почитавшійся въ деревнѣ великимъ политикомъ, спросилъ у Кабуда: какъ ты думаешь, Кабудъ, достанетъ ли у Персидскаго Шаха довольно денегъ и войска, чтобы завоевать Тибетъ? — Погодите! возкликнулъ другой, слывшій ученымъ: этотъ оселъ возпитанъ Дервишемъ! можетъ быть ему знакомѣе всего Алкоранъ Магометовъ. Позвольте мнѣ сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ. Скажи мнѣ Кабудъ, который изъ толкователей Алкорана лучше другихъ изъясняетъ Магометовы заповѣди? — „Вотъ прекрасной вопросъ! возкликнулъ Гассанъ, слышишь ли, Кабудъ? надобно отвѣчать! что скажешь?" — При этомъ словѣ Кабудъ, имѣвши время собраться съ духомъ, окинулъ глазами собраніе, величественно разтопырилъ уши, расширилъ ноздри и..... заревѣлъ. Всѣ засмѣялись: добрый Гассанъ вышелъ изъ терпѣнія. — „Ахъ ты плутъ! — возкликнулъ онъ, ты вздумалъ упрямиться! погоди, я научу тебя ревѣть по ослиному: у меня по неволѣ заговоришь объ Алкоранѣ и Персидскомъ Шахѣ!" И Гассанъ вооружился толстою дубиною, чтобы развязать языкъ Кабуду. Онъ отсчиталъ ему уже два полновѣсныхъ удара по голымъ ребрамъ философа, а можетъ быть и еще прибавилъ бы къ нимъ десятка два, когда бы одинъ разсудительный поселянинъ не удержалъ его за руку и не сказалъ: успокойся, Гассанъ! этотъ жалкой оселъ не заслуживаетъ наказанія! Онъ не упрямясь высказалъ намъ все то, что знаетъ; болѣе не дождешься ты ничего, хоть замучь его подъ палкою! И какая нужда была посылать его въ Мекку? развѣ не умѣлъ онъ до того времени быть добрымъ осломъ? развѣ худо возилъ и тебя и твою тележку? Чего же отъ него болѣе требовать? Ты вздумалъ посвятить его въ ученые — но развѣ онъ сотворенъ на то, чтобъ быть ученымъ? Право, не знаю, кто въ эту минуту болѣе оселъ,

ты, или онъ? Совѣтую тебѣ отвести его безъ дальныхъ околичностей домой, холить его, чистить и кормить по прежнему, пользоваться его остальными тремя ногами, и однимъ глазомъ, и впередъ не отпускать его съ Дервишами въ Мекку.“

Добрый Гассанъ послушался полезнаго совѣта, и рѣшился отвести инвалида своего опять въ закуту. Кабуда кормили попрежнему; но Кабудъ ни къ чему уже не годился. Привыкнувъ въ успалости, онъ отвыкъ отъ работы. Гассанъ смотрѣлъ на него и плакалъ.

А Дервишъ?.... Дервишъ съѣздилъ въ Мекку, и сберегъ свои ноги: чегожъ вамъ болѣе?

Говорятъ, что эта сказка похожа на быль. Дѣло возможное; мнѣ извѣстно только то, что она подала поводъ къ слѣдующей восточной пословицѣ: оселъ пошелъ въ Мекку, оселъ и возвратился изъ Мекки.

Жуковскій.

VII. Благоразумный человѣкъ.

Благоразуміе нужнѣе всѣхъ другихъ свойствъ разума, и дѣйствія его необходимы въ ежедневныхъ случаяхъ жизни; а природа даетъ человѣку безъ великаго труда все необходимое. Благоразуміе не требуетъ отмѣнной прозорливости, великаго глубокомыслія, и само собою раждается въ душѣ тихой, спокойной, незнакомой, съ пламенными чувствами, съ возторгами страстей и героическими намѣреніями.

Благоразуміе дѣйствуетъ на жизнь такъ, какъ правила на твореніе изкусства; оно дѣлаетъ человѣка осторожнымъ, но не можетъ возвысить духа; предупреждаетъ вредъ, но не даетъ существенныхъ выгодъ; избѣгаетъ ошибокъ, но не ведетъ человѣка ко славѣ, изтребляя смѣлость, которая иногда бываетъ гибельна, но безъ которой не льзя заслужить удивленія и хвалы громкой. Правило сказываетъ, что дурно, но не можетъ со-

общить красоты: такъ и благоразуміе дѣлаетъ жизнь только безопасною, а не щастливою. Геній, трудясь для безсмертія, разрываетъ узы правилъ; а Герой славится, забывая осторожность благоразумія.

Мы не знаемъ никого благоразумнѣе сосѣда нашего Оронта, который прожилъ вѣкъ свой смирно и тихо, единственно отъ того, что слѣдовалъ двумъ немудренымъ правиламъ, и всегда дивился, какъ могутъ люди ссориться, браниться, шумѣть и плакать въ свѣтѣ!

Оронтъ твердитъ болѣе всего: *выбирай, что вѣрно!* и хотя любитъ деньги, но думаетъ, что бережливость выгоднѣе всякой промышленности. Напрасно говорятъ ему о способахъ много выиграть и разбогатѣть: онъ не мыслитъ о будущемъ, а занимается только настоящимъ, говоря: „синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ!“ Имѣетъ небольшее поле, обработываетъ его по старому и не хочетъ слышать о новыхъ методахъ земледѣлія, разсуждая, что дѣды наши были не глупѣе насъ, и знали, какъ пахать землю; что для всякаго новаго заведенія надобно издержать деньги, а польза еще впереди; что истинный мудрецъ держится вѣрнаго, и не дастъ ни копѣйки за неизвѣстное.

Другое Оронтово правило есть: *думай только о своихъ дѣлахъ.* Въ Политикѣ онъ не беретъ ни чьей стороны, и говоритъ объ Англійскомъ Парламентѣ такъ холодно, какъ о совѣтѣ Китайскаго Императора. Когда сказываютъ ему о страшномъ злоупотребленіи, о великой несправедливости, онъ утѣшается надеждою, что это выдумка. Когда Якобинцы волнуютъ народъ, или Министры играютъ народомъ, Оронтъ думаетъ, что всякому вольно поступать, какъ ему лучше кажется. Во время выборовъ онъ имѣетъ полную довѣренность къ согражданамъ, и говоритъ, что всѣ кандидаты хорошіе люди, и что онъ не смѣетъ одного предпочесть другому.

Когда сосѣды ссорятся, Оронтъ остается хладнокровнымъ зрителемъ. Его называютъ честнымъ,

за то, что онъ никого не обманываетъ — а мудрымъ за то, что никогда не ошибается. Рѣдкіе не исполнили бы его приговора; онъ могъ бы прекратить множество тяжебныхъ дѣлъ, могъ бы помирить многихъ непріятелей — но Оронтъ никакъ не хочетъ мѣшаться въ чужія дѣла, чтобы, оправдывая одного, не обвинить другаго.

Видя, какъ одинъ сосѣдъ хозяйствуетъ, какъ другой мотаетъ, Оронтъ молчитъ; не хвалитъ перваго, не осуждаетъ послѣдняго; не льститъ богатому, ибо онъ можетъ обѣднять; боится оскорбить бѣднаго, ибо онъ можетъ разжиться. Предвидѣніе его въ самомъ дѣлѣ имѣетъ наружность добродѣтели; кому нѣтъ нужды въ немъ, тотъ хвалитъ его вѣжливость и добросердечіе. Но кто требуетъ у него помощи, того увѣряетъ Оронтъ, что онъ раздалъ всѣ свои деньги и крайне жалѣетъ; а когда уйдетъ проситель, Оронтъ говоритъ домашнимъ: „я всегда любилъ его какъ душу, а не даю ему денегъ для того, чтобы послѣ не требовать ихъ назадъ и не побраниться съ добрымъ человѣкомъ.“ — Семейственные безпорядки никогда не бываютъ ему извѣстны. Слыша, что такая-то дѣвица вышла за-мужъ за лакея, онъ въ изумленіи поднимаетъ вверхъ руки и говоритъ, что она всегда казалась ему скромною и благонравною. Когда супруги, бывъ долгое время примѣромъ несогласія и разврата для цѣлаго города или всей провинціи, наконецъ разводились, тогда Оронтъ клялся и божился, что ему и на мысль не приходилъ сей случай, а что онъ всегда считалъ ихъ примѣромъ супружескаго согласія.

Когда сосѣдъ потребуетъ у него совѣта, Оронтъ не дастъ ни худаго, ни добраго, для того, что все подвержено неизвѣстности и что онъ боится ошибки. Оронтъ беретъ его за руку съ ласковымъ видомъ; говоритъ, что радъ душею служить ему какъ самому себѣ, и совѣтуетъ быть осторожнымъ, не торопиться, все обдумать, но и не медлить излишно; что у мудраго два уха, а одинъ языкъ; что скромность всегда полезна;

что онъ могъ бы дать ему разные совѣты, но что всякій въ своемъ дѣлѣ есть лучшій судья. Такимъ складнымъ пустословіемъ многіе бываютъ довольны, идутъ домой ни съ чѣмъ, но удивляются глубокой мудрости сосѣда, который по крайней мѣрѣ не оспориваетъ ихъ мнѣнія.

Благоразумный Оронтъ всегда закуситъ языкъ, когда начнутъ говорить о характерѣ людей; не хвалитъ добродѣтели и не бранитъ пороковъ, замѣтивъ однажды навсегда, что дѣти Адамовы крайне сердятся за брань и рѣдко бываютъ довольны, когда другихъ хвалятъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ затвердилъ нѣкоторыя фразы, и при всякомъ случаѣ употребляетъ ихъ безъ дальнѣйшаго разбора. Естьли надобно сказать мнѣніе о состояніи человѣка, то Оронтъ полагаетъ, что всѣ, слава Богу! награждены избыткомъ и не знаютъ нужды. Хотя онъ не превозноситъ съ жаромъ ни чьей мудрости, однакожъ по возможности держится всегда умныхъ людей. Всякой мущина есть для него преизрядный человѣкъ, всякая женщина достойна почтенія.

Такимъ образомъ сосѣдъ нашъ крадется потихоньку сквозь шумныя толпы людей въ свѣтѣ, и не ступитъ шага безъ того, чтобы не осмотрѣться вокругъ себя, не зная ни любви, ни вражды, ни услугъ, ни обидъ; не старался никогда разбогатѣть, отъ страха обѣднять; не искалъ никогда друзей, чтобы не нажить послѣ непріятелей.

Карамзинъ.



ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОВѢСТВОВАНІЯ И ИЗОБРАЖЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Подлинники.

I. *ПРИЗВАНІЕ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ.*

Влѣто 6370 восташа Кривичи и Словене и Чюдь и Меря на Варягы, и загнаша ихъ за море, и не даша имъ дани. — И начаша сами собѣ володѣти, и городы ставити. — И не бѣ вниxъ правды, и веста родъ на родъ, и быша межъ ими брань велика и усобицы, и воевати начаша сами на собя.

И начаша межъ собою пословати, и снидошася вкупѣ, и рѣша въ себѣ. Поищемъ себѣ князя, иже бы нами владѣлъ, рядилъ и судилъ по правдѣ.

Идоша за море к Варягомъ къ Руси сицебо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзіи зовутся Свее, друзіи же Урмани, Аньгляне, инѣи и Готе, тако и си — — ркоша Русь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи, и вся: земля наша велика и обилна, а наряду вней нѣтъ; да поидете княжить и володѣть нами.

Въ 862 г. возстали Кривичи, Славяне, Чудь и Меря на Варяговъ, прогнали ихъ за море, и перестали давать имъ дань. Послѣ сего начали они управляться сами собою и ставить укрѣпленія. — Но у нихъ не было ни какихъ законовъ: родъ возсталъ на родъ, несогласіе и раздоръ водворились между ими, и они начали даже воевать другъ противъ друга.

Послѣ сего они, собравшись и поговоря между собою, сказали: поищемъ сами для себя Князя, который бы нами владѣлъ, наблюдалъ порядокъ и судилъ по правдѣ.

Они пошли за море къ Варяго-Руссамъ; ибо сіи Варяги назывались Руссами, какъ другіе Шведами, Норманами, Англичанами и Готѳами. Симъ Варягамъ сказали Чудь, Славяне и Кривичи: земля наша велика, хороша и всѣмъ обильна, но въ ней нѣтъ порядка; подите къ намъ, будьте князьями и управляйте нами.

И избрашася отъ Варягъ тріе брата сроды своими, и пояша ссобою дружину многу, и придоша кСловѣномъ пѣрвѣе, и срубиша городъ Ладогу. И сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ, а другій Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третѣй Труворъ вИзборсцѣ.

Несторъ.

И избрались изъ Варягъ три брата съ ихъ семействами. Они взяли съ собою многихъ людей и пришли прежде къ Славянамъ и заложили крѣпость Ладогу. Старшій изъ нихъ Рюрикъ сѣлъ въ Ладогѣ, вторый Синеусъ на Бѣлѣ Озерѣ, третій Труворъ въ Изборскѣ.

Шлёцеръ. Перев. *Языковъ.*

II. *КНЯЖЕНІЕ ОЛЕГА.*

Державствовавъ семьнадцать лѣтъ въ Новѣгородѣ, Рурикъ спокойно достигъ кончины. Умирая поручилъ сына еще младенца Игоря и съ нимъ княженіе сроднику своему Олегу. Сей, по смерти его, желая умножить наслѣдство Игорю, и соединить единаго племени Славянскіе народы подъ едино владѣніе, собралъ войско изъ Варягъ, Славянъ и Чуди; взялъ нѣкоторыхъ Кривичей, и съ ними пришелъ къ Смоленску; городъ покорилъ себѣ съ Кривическою землею и посадилъ своихъ правителей. Оттуду по Днѣпру внизъ пустившись, взялъ Любечъ, и правленіе поручилъ своимъ Воеводамъ. Приближась къ Кіеву, гдѣ Осколдъ и Диръ княжили, скрылъ въ судахъ часть войска, назади оставилъ другую. И какъ подплылъ подъ Угорское близь Кіева, послалъ къ Осколду и Диру съ вѣстію, что идутъ купцы въ Грецію отъ Ольга и отъ Игоря; для того бы они повидались со своими однородцами. Осколдъ и Диръ, не имѣя никакого подозрѣнія, пришли къ судамъ съ малымъ числомъ людей, съ пѣмъ можетъ быть намѣреніемъ, чтобы проѣзжихъ сихъ приласкать и присоединить къ жителямъ Кіевскимъ. Внезапно закрытые въ судахъ выскочили съ ружьемъ, и окружили Осколда и Дира. Тогда Олегъ показавъ Игоря, объявилъ: сей есть сынъ и наслѣдникъ Руриковъ: вы

не Княжескаго рода, и княжить вамъ не должно. И тутъ по повелѣнію Олегову Осколдъ и Диръ убиты. Тѣла ихъ взнесены на гору, что называется Угорское. На Осколдовой могилѣ поставлена по томъ церковь Святаго Николая. Дирова могила за святою Ириною. По смерти ихъ сѣлъ Олегъ на княженіи въ Кіевѣ, и нарекъ столицею всѣхъ городовъ обладаемыхъ Россами. И симъ именемъ прозвались Поляне и прочіе окрестные Славяне его владѣнія.

Олегъ, радѣя о благосостояніи себѣ порученныхъ народовъ, началъ строить городы, и установлять порядочныя дани. Во первыхъ Варягамъ Россамъ на содержаніе учредилъ, чтобы Новогородцы платили по триста гривенъ на годъ, что дѣйствительно производилось до смерти великаго Князя Ярослава перваго. На Кривичахъ и на Меряхъ такъ же дань была положена. Потомъ воевалъ Олегъ Древлянъ; и съ дикимъ симъ народомъ поступилъ жестоко. Дань положилъ на нихъ тяжкую по черной куницѣ съ дыму. Сѣверяне и Радимичи данники еще тогда были Козарскіе; того ради Олегъ ходилъ съ войскомъ для освобожденія Сѣверянъ, и положилъ на нихъ дань легкую. Радимичи чрезъ посланныхъ отъ него пришли въ подданство, и стали платить дань по шелеху; по чему прежде давали Козарамъ. Приведъ подъ власть свою Кривичей, Любчанъ, Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, воевалъ на Суличанъ и на Тиверцевъ.

Около сего времени шли Угры мимо Кіева чрезъ мѣсто, что нынѣ называется Угорское. При Днѣпрѣ стояли вежами. Походъ ихъ былъ подобенъ Половецкому. Между тѣмъ Игорь пришелъ въ мужество, ходилъ на войны подъ Олегомъ и народъ началъ показывать ему послушаніе. Потомъ сочетался супружествомъ съ Ольгою, приведенною отъ Пскова.

Уже полагая на Игоря надежду въ правленіи государства, Олегъ принялъ намѣреніе идти на Грековъ. Того ради набралъ великое войско изъ

Варягъ, Славянъ Новогородскихъ, Кривичей, Древлянъ, Радимичей, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей, Хорватовъ, Дулебовъ, Тиверцевъ и Чуди. Кіевъ поручилъ Игорю; пошелъ подъ Царь-градъ по сухому пути конницею, по водѣ на двухъ тысячахъ мѣлкихъ судовъ. Греки, услышавъ его приближеніе, узкой проходъ изъ Чернаго моря заперли, и въ городѣ затворились. Тогда по выходѣ съ моря на берегъ устремясь войско Олегово на грабленіе, по древнему военному обычаю, многіе домы и церкви разхитили, пожгли; людей иныхъ порубили, иныхъ вѣшали, иныхъ въ водѣ топили, и мучили разными томленіями. По томъ повелѣлъ Олегъ воинству своему сдѣлать колеса, и суда на нихъ поставить. Вѣтръ возсталъ способной, и надувъ парусы, понесъ ихъ къ стѣнамъ Цареградскимъ. Греки пришли въ великой ужасъ, сіе увидѣвъ, и съ моленіемъ къ нему послали, дабы не разорялъ города, но взялъ дань по своему желанію. Олегъ велѣлъ войску остановиться. Изъ города вынесли на встрѣчу разныя пищи и вина, но не приняты для опасности отъ яду. Греки въ страхѣ и удивленіи говорили: не Олегъ на насъ воюетъ; но Святый Димитрій посланъ отъ Бога, для нашего наказанія. Дани потребовано отъ нихъ по двѣнадцати гривенъ на человѣка. Всѣхъ было восемьдесять тысячъ, по сороку на суднѣ. На требованіе согласились, просили мира и прекращенія разорительныхъ военныхъ дѣйствій.

Олегъ, отошедъ мало отъ города, началъ вступать въ мирной договоръ со Львомъ и Александромъ Греческими Царями. Для сего послалъ къ нимъ вельможей, которые съ Греками согласились, дабы сверхъ положенныхъ двѣнадцати гривенъ на каждаго человѣка, платить дань въ каждые полгода на Россійскіе городы: во первыхъ на Кіевъ, потомъ на Черниговъ, на Переяславль, на Полотскъ, на Ростовъ, на Любечь, и на иные, въ которыхъ великіе Князи подъ Олегомъ владѣли. Приходящихъ Россіянъ за данью довольствовать по желанію ихъ пищею и напитками. Для возвратнаго пути давать довольное пропитаніе, и потребные

якори, верви и парусы. За шестимѣсячною данью не приходить Россіянамъ безъ торгу и товаровъ. Дабы Князь запрещалъ имъ словомъ своимъ въ селахъ наносить обиды и съ пріѣзду стоять у святаго Маманта, пока по Царскому повелѣнію всѣхъ поимянно не перепишутъ. Въ городъ входить по пятидесяти человѣкъ въ однѣ ворота безоружнымъ. За продажу и покупку товаровъ не платить пошлины.

Сей договоръ Цари крестнымъ цѣлованіемъ утвердили. Олегъ клялся по Россійскому тогдашнему закону своимъ оружіемъ и богами, Перуномъ и Волосомъ, скотьимъ богомъ. И такъ съ обѣихъ сторонъ миръ утвердили. Олегъ, повѣсивъ свой щитъ на воротахъ Цареградскихъ въ знакъ побѣды, съ великою корыстію въ Россію обратно моремъ пустился. Россамъ велѣлъ поднять парусы паволочные, Славянамъ кропинные. Съ такимъ великолѣпіемъ, со множествомъ богатства и узорочныхъ вещей достигъ Кіева. Отъ простаго и суевѣрнаго народа прозванъ чародѣемъ, что дѣла его почитались невозможными человѣку.

О смерти его дивное осталось повѣствованіе, вѣроятность по мѣрѣ древности имѣющее. Прежде войны на Грековъ, спросилъ Олегъ Волхвовъ, отъ чего ему конецъ жизни приключится. Отвѣтъ дали, что отъ любимаго своего коня умретъ. Для того положилъ онъ, никогда на него не садиться, ниже къ себѣ приводить, но поставить и кормить на особливомъ мѣстѣ. Возвратясь изъ Греціи, по четырехъ лѣтахъ, во время осени, объ ономъ взпомнилъ. Призвалъ старѣйшину конюховъ, и живъ ли оной конь, спросилъ. Услышавъ, что умеръ, Волхвамъ посмѣялся: „лживы, сказалъ, всѣ ваши гаданія; конь мертвъ, а я живъ; хочу видѣть кости его и вамъ показать въ обличеніе.“ И такъ поѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости; и голой лобъ увидѣвъ, сошелъ съ коня, наступилъ на него, и молвилъ: отъ того ли мнѣ

смерть быть можетъ? Внезапно змѣя изо лба выникнувъ, въ ногу ужалила; отъ чего разболѣлся и умеръ, княживъ тридцать три года. Весь народъ много объ немъ плакалъ. Погребенъ на горѣ Щековицѣ; и могила его видна была во время лѣтописателя Нестора.

Ломоносовъ.

III. ПОХОДЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА.

Просвѣщенная святымъ крещеніемъ Великая Княгиня Ольга, живущая между тѣмъ въ совершенномъ согласіи и любви съ сыномъ своимъ, многократно покушалась склонить его къ Христіанству; но онъ не внималъ ея словамъ, отвѣтствуя ей всегда: „Не хочу быть посмѣшищемъ народу моему, ругающуся, презирающу и поносящу вѣрующихъ во Христа; но не возбраняю креститься желающимъ.“ Ольга, сильное упорство его видя, съ сокрушеніемъ сердечнымъ предала обращеніе его могуществу Божію, и къ Нему теплыя свои молитвы повсечасно о томъ проливала. Святославъ прилагалъ тогда все свое вниманіе къ единому воинскому токмо дѣлу; собиралъ храбрую дружину, и примѣръ подавалъ имъ собою, бодрствуя въ трудахъ и строевому уча ихъ порядку. Въ семъ упражненіи находилъ онъ лучшее свое веселіе, и единственную забаву въ походахъ противъ народовъ разныхъ почиталъ нѣсколько лѣтъ сряду. Подобно парящему орлу, прелеталъ непріятельскія земли, и яко леопардъ, жестокимъ стремленіемъ упорство сокрушалъ враговъ. Обозовъ съ запасами ниже котла къ варенію пищи не имѣлъ онъ съ собою. Мясо коневье или говяжье, тонко изрѣзанное и на угліяхъ изпеченное, вкушалъ для насыщенія, и потный изъ подъ сѣдла войлокъ былъ ему одромъ для успокоенія; сѣдло возглавіемъ, а епанча шатромъ служили. Къ таковой суровой жизни привыкнувъ, Государь примѣромъ своимъ

пріобучилъ къ подобной и все свое воинство. Сколько военачальники волѣ его повиновались, столько ратники повелѣнія военачальниковъ наблюдали. Строгая послушливость, яко душа воинскаго тѣла, содержала всѣхъ въ повиновеніи главѣ единой безъ упорства и роптанія. Истинное къ Государю усердіе дѣйствовало въ сердцахъ подчиненныхъ, когда любовь къ отечеству Государемъ руководствовала. Не терпѣлъ Святославъ въ ополченіи своемъ Христіянъ, и презиралъ ихъ въ угожденіе суевѣрному своему воинству; а воеводы и ратники терпѣли напротивъ того то снизхожденіе, которое онъ имѣлъ, давая подданнымъ свободу креститься, матери своей въ угожденіе. При всѣхъ вышереченныхъ свойствахъ, ни на кого безъ объявленія войны не нападалъ юный Герой; но имѣлъ похвальное и великимъ людямъ свойственное обыкновеніе, послать прежде къ раздражившимъ его съ вопросомъ: хотятъ ли они мира? и естьли хотятъ, прислали бы съ прошеніемъ посла; въ противномъ случаѣ самъ онъ пріидетъ въ предѣлы ихъ для заключенія.

Такъ всегда ко войнѣ готовый Святославъ, когда по Древлянской побѣдѣ находился въ походѣ противъ Вятичь на рѣкахъ Волгѣ и Окѣ, и покоривъ оныя, наложилъ на нихъ дань туже, какую доселѣ Козарамъ они платили и равномѣрно поступалъ съ другими народы, власти Россійской противными; тогда Ольга, въ отсутствіе его въ Кіевѣ управляя, разсудила за благо наложить оброкъ со свадебъ, по черной кунѣ съ жениха, и сбирать оный въ казну Княжескую, равно какъ и вельможи отъ своихъ подданныхъ себѣ сбирали. По возвращеніи отъ Вятичей размыслилъ Святославъ, что многіе приверженные Россіи народы насильствомъ Козаръ принужденные, давали имъ дань, а отъ платежа ему, какъ и объявленные по отшествіи его Вятичи, отрекались; предпріялъ и пошелъ войною въ 965 году на Козаръ, народъ, отъ древнѣйшихъ вѣковъ столько хищный, сколько сильный и многочисленный. Во время, когда

Святославъ на нихъ ополчился, жили они совокупно со Болгары, Косоги и ясы по Днѣпру, Днѣстру, Дунаю, Острѣ, Донцу и другимъ многимъ рѣкамъ, премножество городовъ имѣя. Сіи соединенные народы составляли тогда въ объявленныхъ мѣстахъ ужасное жителей многочисліе; но не взирая на то и на отличную храбрость Козаръ, быстрыми побѣдами имена разныхъ народовъ въ себя уже поглотившихъ, вринулся онъ въ ихъ изобильныя земли. Козары, о шествіи Великаго Князя услышавъ, и соединясь съ Торками, между Днѣпра и Буга жившимъ народомъ, вышли ему на встрѣчу, подъ предводительствомъ единаго изъ своихъ Кагановъ. Каганъ, съ великою силою встрѣтясь съ Святославомъ, въ жестокій вступилъ съ нимъ бой; но гдѣ и при какомъ урочищѣ, писатели не объявляютъ. Кровопролитная битва, обоюднымъ мужествомъ производимая, долго въ сомнительномъ побѣды пріобрѣтеніи продолжалась. Наконецъ одолѣлъ Святославъ, и побѣжденныхъ разогнавъ Козаръ, взялъ Бѣловѣжу, градъ знаменитый, подъ которымъ, можетъ быть, и упорное сраженіе сіе произходило. По сей славной побѣдѣ, простеръ Святославъ завоеванія свои на Ясы и Косоги; грады ихъ разорилъ, и множество плѣнныхъ привелъ въ Кіевъ и поселилъ.

Въ объявленное Святославово отсутствіе строптивые Вятичи паки отложились и положенную на нихъ дань платить отреклися. Но Герой вдругъ съ пришествіемъ своимъ сихъ мятежниковъ побѣдилъ, начинщиковъ наказалъ, бунтующихъ усмирилъ, и дань возложилъ съ лихвою. Между тѣмъ Императоръ Греческій Никифоръ Фока, въ четвертое царствованія своего лѣто, пріѣхавъ ко Ѳракійскимъ городамъ, гдѣ Венгры великія опустошенія учинили, писалъ къ Петру, Болгарскому Государю, чтобъ онъ Венгровъ и Торковъ чрезъ рѣку Дунай переправиться не допустилъ, и тѣмъ бы Греческіе предѣлы отъ опустошенія избавилъ. Петръ пренебрегъ его прошеніе, и подъ разными отговорками отклонилъ требуемую помощь. Симъ

раздраженный Императоръ послалъ къ Святославу нѣкоего Калокира Патрикія, сына Корсунскаго Князя, съ прошеніемъ, чтобъ Великій Князь благоволилъ въ силу постановленныхъ со Греками мирныхъ договоровъ, идти на Болгаровъ, яко на общихъ враговъ, войною. Святославъ, не столько призыву Императора внимая, сколько мстя Болгарамъ за вспоможеніе противъ его Козарамъ, пошелъ паки къ Дунаю, и у рѣки Днѣстра, гдѣ Болгары, Козары, Косоги и Ясы совокупными силами переправу заграждали, сошелся съ непріятелемъ, осмотрѣлъ ихъ полки и не разсудилъ за благо ни самъ въ виду ихъ переходить Днѣстръ, ни ихъ на свою перепустить страну; но употребя воинскую хитрость, обшелъ нощію вверхъ по Днѣстру, и на онъ полъ переправился. Узрѣли его на разсвѣтѣ дня полки Болгарскіе, въ боевомъ порядкѣ на нихъ идуща, и внезапному приближенію едва успѣли строй предпоставить. Святославъ, помощію приспѣвшими къ нему Венграми усиленный, не тратя времени, вступилъ въ бой, который *долго* и упрямо съ обѣихъ сторонъ *продолжался*. Долго многочисліе Болгаръ храбрости Руссовъ противустояло, долго побѣда въ ласкательной обѣимъ ополченіямъ неизвѣстности пребывала, и смерть, Русскому оружію предходящая, долго жертвами враговъ алчность свою насыщала. Наконецъ за полдень уже рѣшилась судьба борющихся. Болгары и Козары побѣжденные, одни повергая предъ побѣдителями оружіе, въ плѣнъ отдалися, другіе побѣжали, а прочіе большею частію на мѣстѣ мертвы остались. По толь рѣшительной побѣдѣ, увѣнчавшійся лаврами Святославъ, проходя землю непріятельскую по Днѣстру, Дунаю и другимъ рѣкамъ, взялъ и разорилъ, по свидѣтельству лѣтописей, осмьдесятъ градовъ, и градъ Переяславецъ избравъ для житья, престольнымъ между покоренными опредѣлилъ. Потомъ новое сіе владѣніе утвердивъ за собою, изъ Кіева въ объявленномъ Переяславлѣ на Дунаѣ жить вознамѣрился. Выгоднымъ всегдашнему пребыванію почиталъ онъ мѣсто сіе для того, что сюда могли побѣжденные народы и

самые Греки свозить погодную ему дань безъ отрицанія; притомъ и постановленный съ Венграми союзъ свойства и дружества, по причинѣ брака его съ Предславою, Княжною Венгерскою, безопасное въ немъ жилище ему обѣщевалъ. —

Елагинъ.

IV. О ОБЩЕМЪ РУССКІЯ ЗЕМЛИ КРЕЩЕНІИ ПРИ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ВЛАДИМІРѢ.

Владиміръ и въ языческомъ находясь заблужденіи, былъ особенно набоженъ, паче всѣхъ бывшихъ до него Князей Россійскихъ, какъ то видно изъ Лѣтописцевъ нашихъ. Ибо объ немъ пишутъ, чего ни о какомъ бывшемъ до него Князѣ не поминаютъ, что онъ упражнялся въ приношеніи жертвы различнымъ богамъ, и устроилъ бога Перуна съ особливымъ украшеніемъ, и поставилъ его въ Кіевѣ на холмѣ; и таковаго же Перуна велѣлъ поставить дядѣ своему въ Новѣ-городѣ на берегу рѣки Волхова, и ему тамъ жертвы приносить, и идучи въ походъ на непріятелей тоже со всѣми людьми богамъ своимъ жертвовалъ; даже, по совѣту старѣйшинъ, согласился имъ принести въ жертву и человѣка. —

Таковая Владимірова набожность, хотя была заблуждающая и ослѣпленная, но доказывала души его особую къ богослуженію наклонность и усердіе, что непостижимый въ судьбахъ Своихъ Богъ не презрѣлъ, но премудростію Своею и злое обратилъ во благое. И се Божіе провидѣніе, всѣмъ спасенія желающее, подаетъ ему къ тому благій случай! — Конечно разные народы, услышавъ о таковой Владиміровой набожности, старались, дабы каждому народу привлечь его въ свою вѣру. Магометане склоняли къ своей, а Жиды къ своей; не оставилъ же и Папа къ своей его преклонять; но ни на которую изъ сихъ вѣръ Владиміръ не согласился, опровергая каждую изъ нихъ, безъ сомнѣнія лучшими *резонами*, нежели какіе Лѣтописцы наши Владиміру во уста влагаютъ. Потомъ прислали

и Греки. Посланный отъ нихъ, человѣкъ просвѣщенный, опровергнулъ всѣ прежде сказанныя вѣры ясными доказательствы, и объяснивъ обстоятельно существо вѣры Христіянскія, напослѣдокъ помянулъ о судѣ Божіемъ и воздаяніи праведнымъ и грѣшникамъ. А чтобъ сіе болѣе во Владимірѣ воздѣйствовало, мудрый проповѣдникъ внезапу открылъ и представилъ предъ очи Владиміру изображеніе страшнаго суда Христова, гдѣ живо и выразительно были представлены праведные, идущіе въ рай, а грѣщники осужденные, въ муку вѣчную. Сіе тронуло Владиміра до глубины души, и онъ, сознавая себя по совѣсти во многихъ порокахъ и беззаконіяхъ суща, отъ всей внутренности воздохнулъ и сказалъ: *добро симъ одесную, а симъ горе ошуюю грѣшникамъ.*

И потомъ отпустилъ Христіанскаго Философа, одаривъ его и сказавъ, что не оставитъ прилежно взойти во изпытаніе всѣхъ прежде сказанныхъ вѣръ.

И самымъ дѣломъ безъ умедленія взошелъ въ сіе великое и важное изслѣдованіе. Не надѣясь на свой собственный разсудокъ въ толикой вещи, отъ которой зависѣло или вѣчное спасеніе, или вѣчная погибель, созвалъ всѣхъ старѣйшинъ и вельможъ, кои просвѣщеніемъ и разсужденіемъ и важностію другихъ были отличнѣе, и предложилъ имъ обстоятельно, что приходили къ нему изъ разныхъ народовъ посланные, и каждый изъ нихъ, выхваляя свою вѣру, склонялъ его принять оную. Не забылъ Владиміръ сему собранію напомянуть, что нѣкоторые-де, сказывали, яко будетъ по смерти судъ, и вѣрующіе возкреснутъ, и вѣчно въ блаженствѣ будутъ жить, а невѣрующіе осуждены будутъ горѣть вѣчно во огнѣ.

Конечно здѣсь Владиміръ разумѣлъ слова, кои слышалъ отъ Греческаго проповѣдника. Столькото онъ пораженъ былъ изображеніемъ на иконѣ страшнаго суда Христова

Сïе предложивъ на ихъ разсужденіе, требовалъ отъ нихъ въ томъ мнѣнія и совѣта. Они, по долгомъ и внимательномъ разсужденіи, сказали, что никто своей вѣры не хулитъ, а всякъ свою хвалитъ; но видѣніе есть паче слуха. Почему надлежитъ избрать мужей благоразумныхъ, разсудительныхъ и честныхъ, и послать ихъ въ тѣ земли, откуду приходили помянутые посланные съ предложеніями о своихъ вѣрахъ, и имъ самимъ своими очами разсмотрѣть каждыя вѣры богослуженіе и обряды, а паче изпытать существенные ихъ вѣры догматы и правила жизни, и послѣ, что гдѣ усмотрятъ, донести. Къ сему общему сановитаго всѣхъ собранія мнѣнію и совѣту охотно приступилъ Владимiръ, и по общему жъ совѣту избраны десять мудрыхъ и благоразсудительныхъ мужей, и посланы въ сіе великое и Божественное посольство, коему въ исторіи другихъ народовъ едва ли примѣръ найти можно.

Здѣсь примѣтить надлежитъ, что въ семъ собраніи не поминается, чтобъ были жрецы, которые, ежели бы при отправленіи языческаго Русскаго идолослуженія находились, конечно къ столь важному совѣту, гдѣ дѣло шло о перемѣнѣ вѣры, были бы приглашены; или бы не оставили гдѣ нибудь Лѣтописцы напомянуть, что не разсуждено жрецевъ, яко въ семъ дѣлѣ пристрастныхъ, пригласить; или что жрецы таковому, столь для нихъ невыгодному предпріятію противились. Но о семъ никакого въ повѣстяхъ слѣда не находится.

Посланные избранные мужи въ самыхъ тѣхъ земляхъ каждыя вѣры богослуженіе прилежно разсматривали, изпытывали, во всякія подробности внимательно и любопытно вникали; послѣ были въ Царѣ-градѣ, и съ таковымъ же вниманіемъ и ревностію разсматривали богослуженіе и Греческія вѣры. По возвращеніи донесли обстоятельно, что гдѣ видѣли, и ясными доказательствами опровергли каждыя вѣры или безмѣстность, или къ истинѣ много примѣса суевѣрій и человѣческихъ мудрованій и хитростей; но святую Греческую

вѣру до небесъ превознесли, и отправленіемъ ея служенія и совершеніемъ таинствъ ея столь были поражены, что не знали, были ли они тогда на небеси, или на земли.

Выслушавъ сіе, Владиміръ и высокостепенное собраніе, съ возхищеніемъ вѣру Греческую возточную предпочли всѣмъ вѣрамъ; а къ наибольшему въ томъ увѣренію послужило имъ обращеніе Святыя *Ольги.* И потому обще всѣ Владиміру сказали: *Ежелибъ законъ Греческій былъ худъ; то бы не приняла его бабка твоя Ольга, которая была мудрѣйша всѣхъ человѣкъ.*

Итакъ возпослѣдовало рѣшеніе дѣла, изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ важнѣйшаго; и Владиміръ сказалъ: гдѣ крещеніе примемъ? Всѣ на то отвѣтствовали: гдѣ тебѣ угодно.

Послѣ сего Владиміръ, собравъ воинство, пошелъ воевать на Греческій градъ *Корсунь,* дабы, какъ единъ Лѣтописецъ пишетъ, достать себѣ чрезъ то Греческаго священника для крещенія. Взявъ тотъ градъ, послалъ къ Греческимъ Царямъ Василію и Константину, дабы они выдали за него въ жену сестру свою Царевну Анну; иначе онъ такъ же поступитъ съ Царемъ-градомъ, какъ поступилъ съ Корсунемъ. Греческіе Цари слышавъ сіе, убоялись и оскорбѣли, особливо, что сестра ихъ никакъ не соглашалась за него вытти яко за невѣрнаго. Но какъ Владиміръ охотно согласился на крещеніе, сказавъ, что уже онъ сію вѣру довольно изпыталъ, и всѣмъ ее предпочитаетъ; то и Цари Греческіе и сестра ихъ, по убѣжденію отъ братьевъ, что чрезъ нее Богъ можетъ обратить въ покаяніе всю Русскую землю, и избавить ихъ отъ нападеній Русскихъ, согласилися.

По прибытіи Царевны Греческой Анны въ Корсунь, и по довольномъ въ вѣрѣ Христіанской наставленіи чрезъ Епископа Корсунскаго, (а какъ его имя, въ Лѣтописцахъ не означено) крестился Владиміръ *во имя Отца и Сына и Святаго Духа,* въ Корсуни, въ церкви святыя Богородицы, чрезъ

Епископа того града въ присутствіи священниковъ, прибывшихъ съ Царевною, и нареченъ во святомъ крещеніи *Василіемъ*, лѣта отъ Рождества Христова 988. По крещеніи же, прославилъ Василій Бога, и въ восторгѣ радости духовныя возопилъ: *днесь познахъ Бога истиннаго!* — Се, какъ внезапу изчезло душевныхъ его очей ослѣпленіе! прейде тина идолопоклонства и возсіялъ свѣтъ истиннаго Богопознанія! — И сему примѣру Владимірову послѣдуя многіе изъ ближнихъ его, тогда же крестилися, и бысть во всѣхъ радость велія. Гдѣ же точно тотъ градъ Корсунь, въ коемъ крестился Владиміръ, находился, предоставляю то изпытанію другихъ.

Разсуждая, каковаго по силѣ Евангелія требуетъ пріуготовленія обращеніе къ Богу и таинство крещенія, желательнобъ было, чтобъ къ сему не были примѣшаны походъ военный и взятіе и разореніе града и угроженіе, чтобъ поступить таковымъ же образомъ и съ другими Греческими градами, а притомъ и требованіе Царевны Анны въ супружество съ тѣмъ условіемъ, что ежели она за него отдана будетъ, то онъ согласится на крещеніе. Предъ очами своими примѣръ имѣлъ Владиміръ бабку свою святую Ольгу, которому могъ бы послѣдовать, ежелибъ возхотѣлъ; или могъ бы удобно призвать, или обрѣсти священниковъ, или Епископовъ Греческихъ для крещенія или получить въ супружество Царевну и безъ угроженій и военныхъ браней. Но сей былъ остатокъ плачевнаго природы нашей во Адамѣ разврата. И примѣчательно, что Владиміръ много мечтая о себѣ и о своей славѣ, почелъ для себя унизительнымъ, дабы ему самому, яко напрашиваясь идти въ Царь-градъ, или яко покаряясь, просить о присылкѣ священниковъ и также въ супружество Царевны; но возхотѣлъ въ семъ случаѣ поступить яко побѣдитель. Но какъ бы то ни было, свѣтъ Господень возсіялъ надъ нимъ, и сіяніе его озарило всю Русскую землю.

Платонъ.

V. ОТРЫВКИ О ДРЕВНОСТЯХЪ РУССКИХЪ.

О монетахъ.

Древнія наши лѣтописи *о гривнѣ* подаютъ свѣденіе вотъ какое: съ первоначалія гривна означала вѣсъ, а сей вѣсъ былъ равенъ Греческой литрѣ. Также точно во Франціи ливра или числительной фунтъ считался за фунтъ серебра 12 унцій, а нынѣ ливра тамъ не болѣе стóитъ какъ 20 копѣекъ. (сер.) По нѣкоторомъ времени сдѣлали гривну въ полфунта, а около XIII вѣка въ четверть фунта. Гривна раздѣляласяı на *полы* или *полтины* и *четверти*, а четверть на *рубанцы* или *рѣзани*; сколькожъ рѣзаней считали въ гривнѣ, неизвѣстно.

По исторіи невидно, когда вѣсъ въ гривнѣ еще убавленъ, однакожъ вѣроятно, что не вдругъ, а постепенно оной унижался, до тѣхъ поръ, какъ начали дѣлать деньги; что не прежде послѣдовало какъ въ 1412 году. Прежде всѣхъ начали дѣлать деньги въ Новѣ-городѣ, а потомъ вскорѣ и въ Москвѣ; послѣ и въ другихъ княжествахъ, яко во Псковѣ, въ Смоленскѣ, Твери, Ярославлѣ, Ростовѣ, Рязани, Звенигородѣ и Угличѣ. Первыя гривны Новогородскія содержали въ себѣ чистаго серебра близь 4 золотниковъ; а въ тожъ время въ Москвѣ, при Великомъ Князѣ Василіи дѣланныя, содержали въ себѣ вѣсу полу противу Новогородскихъ.

Мѣлкая монета никакого отношенія ни въ цѣнѣ, ни въ вѣсѣ къ гривнамъ не имѣла. Древнѣйшая изъ таковыхъ называлася *деньга;* дѣлали ихъ изъ чистаго серебра, а вѣсомъ 8 денегъ одинъ золотникъ составляли. Тогда многіе мастера имѣли дозволеніе дѣлать деньги, и каждой клалъ на нихъ клейма по своему благоразсужденію; да и на разные случаи, яко на побѣду, на миръ, на браки, на рожденія, и проч. разные знаки поставляли; сіе причиною превеликаго ихъ множества разныхъ. При Царѣ Іоаннѣ III начали дѣлать *копѣйки* со изображеніемъ, на одной сторонѣ ѣздока на конѣ съ саблею, а на другой надпись: *Великій Князь Іоаннъ, Господарь* или повелитель *всея Россіи;*

и таковыя серебряныя копѣйки по 1704 годъ были дѣланы. Цѣною своею въ торговлѣ равнялися онѣ съ Голландскими штиверами, и обыкновенно отъ иностранныхъ принималися 50 за ефимокъ, а 100 за червонецъ. При Царѣ Алексѣѣ стали дѣлать рублевики и полтинники, но болѣе клеймили ефимки Голландскіе, цѣлой за рубль, а пополамъ разрубя, половину за полтину. Прежде *денежки* были серебряныя, какъ сказано выше, а мѣдныя были только *пулы*. Петръ Великій повелѣлъ дѣлать мѣдной разной монеты изъ пуда по 12, потомъ по 20, а напослѣдокъ по 10 рублей.

О счисленіи времени.

Начало новаго года у насъ сперва считалось съ весны, согласно съ оставшимися во идолопоклонствѣ Сарматы, отъ перваго новолунія по равноденствіи; какъ и до-нынѣ Вотяки, Вогуличи, Черемисы и другіе, въ первое новолуніе по сошествіи снѣга собираяся, празднуютъ. По принятіи Христіанства, церковный годъ счисляли отъ перваго Марта, а гражданскій отъ перваго Сентября. При Митрополитѣ Θеогностѣ, прѣніе, о началѣ года приключившееся, рѣшено на Соборѣ въ Москвѣ, и положено какъ церковный, такъ и гражданскій годъ Сентября отъ перваго начинать. Въ 1700 мъ году, указомъ Петра I. велѣно начинать годъ отъ перваго Генваря, а счисленіе времени писать отъ Рождества Христова. Тогда вмѣсто 7208, какъ слѣдовало быть отъ сотворенія міра, начали употреблять 1700 отъ Рождества Христова. Духовенство наше не иначе считаетъ годы какъ и міряне, то есть съ перваго Генваря; но служба или празднество новому лѣту отправляется Церковію и по-нынѣ перваго Сентября, въ слѣдствіе преждебывшаго постановленія; однакожъ день тотъ за праздникъ не считается.

О законахъ.

По низпаденіи Татарскаго владычества и по соединеніи большей части удѣловъ подъ единоначальствіе, надлежало, для возстановленія силы

законовъ и разстроеннаго порядка во управленіи духовномъ и гражданскомъ, издавать новыя учреждения, уставы и правила. Въ такомъ намѣреніи собираны были Соборы, и изданы были Великими Князьями Іоанномъ Василіевичемъ и Василіемъ Іоанновичемъ, дѣдомъ и отцемъ Царя Іоанна Василіевича Грознаго, Уложенія или Уставы. Однакожъ сіи новоиздаваемые законы не могли выполнить желаемаго намѣренія, чтобъ возстановить прежній порядокъ и единообразіе въ судопроизводствахъ; затрудненія и замѣшательства, произходящія отъ различія удѣльныхъ законовъ, полагали тому препоны. Нельзя было согласить законовъ, не соглася прежде нравовъ, мнѣній и пользъ: время одно могло безъ насильства произвести сію перемѣну. Въ такомъ состояніи были вещи, когда Царь Іоаннъ Василіевичь принялъ кормило государственнаго правленія въ свои руки. Онъ, увидя сіе неустройство, почувствовалъ нужду Судебникъ разсмотрѣть и изправить по прежнему; время для сего было благопріятно, понеже почти всѣ уже Удѣлы присоединены были къ единодержавію; что онъ въ скоромъ времени, изпрося на то отъ Митрополита Макарія благословеніе себѣ, и изполнилъ. Самъ онъ о семъ, въ рѣчи своей къ Духовнымъ, собравшимся по указу его на Соборъ въ 1542 году, для разсужденія о *веществахъ* Церковныхъ, изъясняется тако: „Благословился есми у васъ Судебникъ исправите по старинѣ..... И по вашему благословенію тотъ Судебникъ исправилъ.“ Сіи собственныя его слова отнимаютъ всякое сомнѣніе, что новаго закона онъ не дѣлалъ а изправилъ старый, пришедшій въ неизправность и разгласіе. Собственнагожъ его сочиненія, какъ изъ словъ тояжъ рѣчи его заключить можно, есть Грамата Уставная, до которой вскорѣ дойдетъ рѣчь. Уложеніяжъ дѣда и отца его, равнымъ образомъ и Губная грамота (о которой, когда и кѣмъ издана, извѣстія не обрѣтаемъ), осталися и по изправленіи Судебника неизмѣнными. Царь, въ сказанной рѣчи своей къ Членамъ Собора, изъясняетъ пространно всѣ неустройства Государственныя, само-

судную власть Вельможъ, презрѣніе законовъ, превратность древнихъ обычаевъ, разтлѣніе нравовъ, и безчисленная злая, Государству тѣми приключенная, побудившія его ко изправленію законовъ и къ возстановленію спасительныя ихъ власти и благоустройства въ Государственномъ управленіи. Самосудная власть Вельможъ начало свое возымѣла отъ Удѣловъ Княжихъ; ихъ примѣру слѣдуя Бояра и прочіе владѣльцы, равномѣрную власть во владѣніяхъ своихъ себѣ присвоили. Каждой давалъ судъ и разправу подданнымъ своимъ по своему благоизобрѣтенію, не уважая или не зная Государственныхъ законовъ. Царь Іоаннъ Василіевичъ изправленіемъ Судебника и возстановленіемъ дѣятельныя его силы изпразднилъ ихъ самосудство; а чтобъ судъ и разправа повсюду были единообразныя и къ одному начальствію относительныя, опредѣлилъ по городамъ и по волостямъ Старостъ, Цѣловальниковъ, Сотскихъ, и Пятидесятскихъ, и Уставныя грамоты имъ далъ, въ которыхъ правила должности ихъ были предписаны. Сіе было началомъ благоустройства Государственнаго, прежнихъ законовъ возстановленія и утвержденія, а своеволія и самоправнаго владѣльцевъ начальства разрушенія и конечнаго паденія.

Изправя Судебникъ и написавъ Уставную грамоту, Царь на Соборѣ томъ къ разсмотрѣнію ихъ представилъ, говоря тако: „Се Судебникъ и Уставная грамота предъ вами; прочтите и разсудите, чтобы было дѣло наше по Бозѣ въ родъ и родъ неподвижно. Аще достойно дѣло сіе, на Святомъ Соборѣ утвердивъ, подписать на Судебникѣ и на Уставной грамотѣ, которымъ въ казнѣ быти."

И когда тотъ Судебникъ и Уставная грамота на Соборѣ разсмотрѣны, утверждены и подписаны, тогда списки съ нихъ по всѣмъ мѣстамъ разосланы, а подлинные, подписанные Членами Собора, оставлены въ казнѣ, для повѣрки новыхъ списковъ, чтобъ чрезъ переписки не вкралися паки погрѣшности.

О прозвищахъ.

Въ самую древность не имѣли Россы прозвищъ, а называлися токмо именами, данными отъ родителей ихъ во младенчествѣ. Послѣ, для различія, стали прилагать къ именамъ прозвища, которыя брали или отъ свойствъ душевныхъ, или отъ способностей и качествъ тѣлесныхъ, или отъ природныхъ какихъ-либо недостатковъ, или отъ особенныхъ какихъ приключеній и случаевъ, относительныхъ къ особѣ прозываемаго. По времени сдѣлалися прозванія столь общими, что каждый захотѣлъ имѣть особенное; и многіе, за неимѣніемъ прозвища, превратили въ нихъ имена отечественныя; стали прозываться или по имени отца, дѣда, пращура своего, или по имени области, города, государства, въ коемъ кто родился; другіе по имени ремесла, промысла, въ коемъ отецъ его упражнялся, или чиностоянія, званія, изъ коего онъ вышелъ.

Князья удѣльные и нѣкоторые роды, произшедшіе отъ нихъ, прозывалися по именамъ тѣхъ княжествъ, коихъ были они владѣльцами; Дворянежъ вообще по имени деревень, волостей обладаемыхъ ими, никогда не прозывалися; но напротивъ деревни отъ прозвищъ владѣльцевъ многія наименованы, то есть тѣ, кои сами они вновь завели и построили на земляхъ, отъ Государей имъ пожалованныхъ. Нѣкоторые изъ выѣзжихъ сохранили прежнія свои прозванія, съ коими въ Россію пріѣхали; другимъ даны новыя, или прежнія передѣланы по свойству языка; а по тѣмъ прозваніямъ своимъ и названія деревнямъ своимъ дали. Многія изъ таковыхъ селъ и деревень, по прозвищамъ древнихъ своихъ владѣльцевъ названныя, перешли послѣ въ другіе роды, по куплѣ или по приданству: однакожъ древняго названія своего не теряютъ, въ память первоначальнаго своего владѣльца и построителя. Нельзя дать тѣмъ селамъ названій новыхъ, понеже въ жалованныхъ грамотахъ, крѣпостяхъ и переписныхъ книгахъ извѣстны они подъ прежними названіи. Нельзя и владѣльцамъ

принять прозваній по именамъ деревень обладаемыхъ ими, чтобъ не приклепаться къ чужему роду и не учиниться самозванцемъ.

Болтинъ.

VI. О МОСКОВСКОМЪ МЯТЕЖѢ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Кровопролитіе, мятежи и бѣдствія составляютъ главную, и, къ нещастью, любопытнѣйшую часть всемірныхъ лѣтописей; но Исторія нашего отечества, подобно другимъ описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ властей законныхъ; что служитъ къ великой чести народа Русскаго. Онъ, кажется, всегда чувствовалъ необходимость повиновенія и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ Московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ Царя Іоанна Васильевича, всѣ неистовства его Опричныхъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобы, не находили защиты, безмолвствовали — и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго представляетъ ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа... Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Русскихъ писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ произшествій, самое горестное, оставляетъ для потомства благодѣтельное нравоученіе, то мы вздумали собрать разсѣянныя извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достовѣрныя.

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Возпитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ трогательною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія государствомъ. Къ нещастію, Борисъ Ивановичъ Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Патріарха Филарета, который былъ истиннымъ геніемъ-хранителемъ и Царя и царства во времена самыя опасныя; сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистію, корыстолюбіемъ и пристрастіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Годуновъ при Ѳеодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой политики сего великаго человѣка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ Двора многихъ знаменитыхъ патріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы (*), разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и пристрастилъ его къ охотѣ, чтобы отвести отъ дѣлъ государственныхъ: ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись трудолюбія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитростей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когда Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меншей сестрѣ, надѣясь титломъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Ментора.

(*) Царь Алексѣй Михайловичъ, оплакавъ родителя, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: тронъ дорого стоилъ его доброму сердцу.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію народною; ихъ судятъ жестоко, ибо судьею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтели. Морозова уважали, но не терпѣли, Бояре за его самовластіе, а народъ за разныя новыя подати и откупы, тогда введенные. Говорили, что онъ убѣдилъ Царя возвысить цѣну на соль и отдать ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Чистову, и что первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собственной прибыли.

Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіе неклейменыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едва ли основательныя (*), не могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Илья Даниловичъ Милославскій хотя издавна служилъ при дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись тестемъ Государя, осыпанный вдругъ его благодѣяніями и возведенный на степень Боярина, онъ старался обратить милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныя.

Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ.

*) За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20; такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клейменыхъ аршиновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзной аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они стали гораздо менѣе покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испортилось множество рыбы отъ *недосоленія*.

Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ перемѣною судьбы своей не перемѣнились душею: хотѣли только наживаться и не имѣли гордаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихъ; не зная стыда, ужаснаго только для сердецъ благородныхъ, не знали и страха; ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойственникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти. Окольничіе Леонтій Плещеевъ и шуринъ его Троханіотовъ. Первый начальствовалъ въ земскомъ приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣрить разсказамъ о дѣлахъ сего человѣка. (*) Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу, и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Троханіотовъ, будучи главою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣденіи оружейные и другіе заводы.

По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали; но Троханіотовъ не думалъ изполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ работниковъ, которые смѣли усильно требовать платы и жаловаться. Симъ бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оставалось умереть съ голоду. — Напрасно утѣсненные искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, которые или не хотѣли, или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость тѣмъ живѣе, что благодатное царствованіе Михаила пріучило ихъ къ царству милости

*) Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ. —

и правосудія; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, отдѣленный отъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, что дѣлается за нею, и не слыхалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Троханіотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго (*). Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власти. Гроза висѣла надъ его головою; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной перемѣны своего жребія.

Народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ церквами, совѣтуясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, естьли бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли Государи хотѣть народнаго притѣсненія? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Исторіи. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и щастіе. Личное благо людей, самыхъ знатнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человѣкъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ изкушеніи добродѣтели — и сей человѣкъ есть Монархъ самодержавный. — Народныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Русскимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвратить мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сію тучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе властителей бываетъ

(*) Царь подарилъ ему домъ въ Кремлѣ но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новый. —

Bayerische Staatsbibliothek München

всегда предтечею государственныхъ бѣдствій. Сіи Бояре могли бы укротить народъ отставкою Плещеева и Троханіотова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и людей своей фамиліи явно признать недостойными чиновниками. Такія ничтожныя побужденія бываютъ для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главныя обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ нельзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, приступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

23 Іюня 1648 года (*), въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенскій, Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился... Граждане молили его быть отцемъ своего народа; разсказали все, что они терпятъ отъ судьи неправеднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чтобы Государь защитилъ ихъ и на мѣсто сего жестокаго человѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слушалъ съ удивленіемъ, и милостиво отвѣтствовалъ, что граждане могутъ быть покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громогласно изъявилъ благодарность Монарху, и возклицанія: *здравія и многія лѣта нашему Царю-Государю!* провожали его до Спасскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно, законно и благополучно. Еще народъ не былъ преступникомъ: онъ пожаловался только своему отцу и Монарху на судію недостойнаго; желалъ единственно отставки Плещеева: не требовалъ даже и его наказанія; умолчалъ о всѣхъ другихъ

(*) То есть, въ третій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

неудовольствіяхъ своихъ и людяхъ, ему ненавистныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли злодѣйства, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи?... Къ нещастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонтія Плещеева, начали укорять гражданъ мятежною дерзостію — даже бить ихъ, топтать лошадьми. Тутъ искры бунта возпылали. Граждане забыли власть законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Страшный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Стрѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ требуютъ, чтобы имъ выдали Плещеева... Бояринъ Морозовъ выходитъ на красное крыльце, и говоритъ народу именемъ Монарха, что Царь обѣщалъ имъ правосудіе и сдержитъ слово свое. Напрасно; мятежники кричатъ ему: „намъ и тебя надобно; мы хотимъ и твоей головы!"'.... Едва онъ могъ спастись отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ. Они бросились въ Кремлевскій домъ Морозова: отбили ворота; умертвили вѣрнаго слугу, который хотѣлъ имъ противиться, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина... Сія женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ неистовыхъ; но они не тронули ее, и сказали: *Благодари Бога, что Царица сестра твоя!...* Такимъ образомъ и въ самомъ бунтѣ народъ не забывалъ уваженія къ Царской фамиліи.... Въ нѣсколько минутъ домъ Боярина былъ разграбленъ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи и черныя лисицы изорваны на части; мѣшки съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали. Грабители дерзнули даже прикоснуться и къ святынѣ образовъ и сняли съ нихъ богатыя ризы. Извѣстно, что въ старину

*

сіи драгоцѣнные оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотою парчею съ собольею опушкою: народъ изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго писателя, *обратился въ колодезь*. Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ.

Мятежники, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы: однѣ пошли къ Думному Дьяку Чистову, ненавистному въ столицѣ за соляный откупъ; другіе къ Плещееву, Троханіотову, къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ, Князьямъ Никитѣ Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ домахъ ихъ продолжался во всю ночь, до самаго утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслися бѣгствомъ; но Чистовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался (*): невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили нещастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, знавъ лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человѣкомъ суровымъ и корыстолюбивымъ: будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голстинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы изчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, сильный въ щастіи, оказалъ всю малость души своей въ опасности; думалъ уже не совѣтовать Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасаютъ ее люди недостойные власти — то есть, бѣгствомъ. Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію, или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, —

(*) Подъ вѣниками, говоритъ Олеарій.

держа твердою рудою жезлъ правленія... Юный Монархъ, оставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, изъявлялъ нерѣшительность. Онъ повелѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Китаю и Бѣлому городу.

На другой день мятежники снова явились на большей площади и грозили довершить свое мщеніе. Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремлѣ войску иностранному. Нѣсколько сотъ Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Офицеровъ своихъ, шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любилъ ихъ и часто оскорблялъ грубыми насмѣшками; но тутъ онъ свободно далъ имъ дорогу и говорилъ ласково: *Добрые Нѣмцы, не троньте насъ; а мы впредь будемъ жить съ вами дружно.* Для нихъ отворили Спасскія ворота: никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ идти въ Кремль за ними. Офицеры иностранные разставили караулы у всѣхъ башень и вокругъ дворца, гдѣ собралися вѣрные Бояре, готовые умереть за Царя и отечество. Знатнѣйшій между ими былъ Никита Ивановичь Романовъ-Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родственникъ, человѣкъ умный, но безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ, покровитель иностранцевъ и *новыхъ обычаевъ*, которыми Патріархъ часто укорялъ его въ бесѣдахъ, но дружески и ласково: ибо всѣ знатные и незнатные любили сего именитаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному, и юностію лѣтъ расположенный къ средствамъ кроткимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ..... Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу (*), который, окруживъ его толпами, кричалъ: *здравствуй, отецъ нашъ!*

(*) Въ сей піесѣ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ отъ слова до слова повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями произшествія.

Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію изъявилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ жалобы, самовольно присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впали въ преступленіе; что Государь вторично даетъ имъ слово, наказать всѣхъ народныхъ притѣснителей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ... Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ милость Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдетъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Траханіотовъ, не будутъ ему выданы и наказаны.... Никита Ивановичъ Романовъ изъявляетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя клятвенно, что Морозова и Троханіотова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ требуетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль.... Здѣсь Русскій Историкъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтитъ, что оно перешло за границы государственнаго блага, которое въ такихъ нещастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снизхожденіемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ: рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Стрѣльцевъ и роты иностранныя, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, естьли они не захотятъ усмириться и добровольно изполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леонтій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и *другіе* также, естьли они будутъ пойманы..... Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего нещастнаго: палачъ велъ его; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мятежники не дали

совершиться законному обряду казни, и съ лютостію разтерзали человѣка, нѣкогда для нихъ страшнаго.... Въ то же время Государь отправилъ Князь Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Троханіотовымъ; его догнали близь монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня. — Сіи двѣ жертвы усмирили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ — и хотѣли схватить; но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мятежники, полагая, что сего Боярина нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались обѣщаніемъ Царя наказать его, когда онъ будетъ сысканъ. Изъявивъ Государю благодарность за его правосудіе, они разошлися по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ три дни жертвою мятежа и страха....

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣдствіемъ инаго роду. Въ 10 часовъ утра возстановилась тишина въ городѣ: въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепелъ всѣ домы, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной, перешелъ даже за сію рѣку, и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ.... Китай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. Вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма.... Олеарій, описывая пожаръ, разсказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое теченіе пламени. Вдругъ видятъ они монаха, который съ великимъ усиліемъ тащитъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; ничѣмъ другимъ нельзя остановить пожара.* Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но

мальчики, тутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили его въ огонь, который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть....

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю свою гвардію (*). Милославскій, спасенный отъ народной злобы достоинствомъ Царскаго тестя началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцевъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Патріархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ. Мѣсто Плещеева и Троханіотова заняли чиновники достойные, извѣстные столицѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія изчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамъ, и народъ изъявлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра — зрѣлище, котораго описаніе останется на вѣки трогательнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно-Русскихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни — день былъ праздничный — Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ (**)... Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ Нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Государь съ Ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что „Ему горестно было свѣдать все, претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные,

(*) То есть, Стрѣльцевъ. —

(**) Олеарій называетъ сіе мѣсто *Театромъ*. —

заступившіе мѣсто Плещеева и Троханіотова, будуть править и судить по уставу человѣколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми частями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немедленно уничтожатся; что прежняя цѣна соли возстановляется; что выгода и благоденствіе граждань составятъ единственный предметъ Его попеченій, и что Онъ всѣми дѣлами Своего царствованія желаетъ пріобрѣсти имя Ему любезное: имя отца народнаго“.... Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долголѣтія, по обычаю Русскихъ.... Тутъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ: „что не находя его совершенно правымъ, не находитъ и во всемъ виновнымъ, и не требовавъ еще въ свое царствованіе никакой жертвы отъ гражданъ, надѣется, что они изполнятъ первую прозьбу его и простятъ сего Боярина, который — за что онъ ручается — заслужитъ впредь любовь и дружбу ихъ; что естьли они не хотятъ видѣть Морозова въ синклитѣ, то Онъ изключитъ его изъ сего Верховнаго Совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человѣка, который былъ ему вторымъ отцемъ и наставникомъ“... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онѣ составили неизъяснимо-трогательное заключеніе его рѣчи — и самые тѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ неистовые мятежники въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги его, и возклицали единогласно: *Да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государь! Мы всѣ дѣти твои!*... Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минуты печальнаго. Онъ изъявилъ народу свою признательность; увѣщевалъ его быть кроткимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда своихъ Царскихъ обѣщаній и вѣрно изполнитъ ихъ.... Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль.

Такое дѣйствіе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія возхитительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцатидвулѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича, минута, въ которую Онъ столь разительно доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова*: ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоцѣнное спокойствіе! Жить единственно для щастія подданныхъ, быть истиннымъ отцемъ народнымъ — сіи обѣты, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренни и начертаны во глубинѣ Его сердца!.... мысль плѣнительная!... Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?... Историкъ строгимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Отирая сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, предписывала Царю Алексѣю Михайловичу совсѣмъ иные способы утушить мятежъ. *Мудрая верховная власть можетъ быть снизходительною, но никогда не требуетъ снизхожденія;* она прощаетъ, но не проситъ — и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Государь отправился въ монастырь Троицкій. Борисъ Ивановичъ Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благотворителемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, тотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, естьли дѣло его было право. По-

добно Боярину Никитѣ Ивановичу Романову, Морозовъ объявилъ себя также и покровителемъ иностранцевъ.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичъ началъ царствовать Самъ Собою, часто присутствовать въ Совѣтѣ и входить во всѣ дѣла: ибо Онъ видѣлъ, сколь опасно для Монарха излишно полагаться на Бояръ, которые для особенныхъ, ничтожныхъ выгодъ своихъ, могутъ жертвовать благомъ государства, слѣдственно славою и щастіемъ Государя.

Но ошибка Царскаго добродушія имѣла вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ твердыхъ и строгихъ. —

Карамзинъ.

VII. ЖИЗНЬ ЛОМОНОСОВА.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, Статскій Совѣтникъ, *Императорской* Санктпетербургской Академіи Наукъ Профессоръ, Стокгольмской и Бононской членъ, родился въ Холмогорахъ въ 1711 году, отъ промышленника рыбныхъ ловлей. Юныя лѣта препроводилъ съ отцемъ своимъ, ѣздя на рыбные промыслы: но будучи обученъ Россійской грамотѣ и писать, прилежалъ онъ болѣе всегда, по врожденной склонности, къ чтенію книгъ. И какъ по случаю попалася ему псалтырь, преложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ; то читавъ оную многократно, такъ пристрастился къ стихамъ, что получилъ желаніе обучаться стихотворству. Почему сталъ онъ навѣдываться, гдѣ можно обучиться сему изкусству; услышавъ же, что въ Москвѣ есть такое училище, гдѣ преподаются правила сей науки, взялъ непремѣнное намѣреніе уйти отъ своего отца. Къ сему его побуждало и упорное желаніе его родителя, дабы женить его по неволѣ. Вскорѣ потомъ изполнилъ онъ свое намѣреніе: оставилъ домъ родительскій,

пришелъ въ Москву, и вступилъ въ Заиконоспасское училище, въ которомъ съ великимъ прилежаніемъ обучался Латинскому и Греческому языкамъ, Риторикѣ и Стихотворству.

Въ 1734 году взятъ онъ былъ изъ онаго училища въ *Императорскую* Академію наукъ, и отправленъ въ 1736 году студентомъ въ Германію. По пріѣздѣ въ Марбургъ, что въ Гессенской землѣ, порученъ онъ былъ съ товарищами своими, Райзеромъ и Виноградовымъ, наставленіямъ славнаго Барона Вольфа. Въ Марбургѣ пробылъ онъ четыре года, упражняясь въ Химіи и въ принадлежащихъ къ ней наукахъ. Потомъ поѣхалъ въ Саксонію, и тамъ, подъ смотрѣніемъ славнаго Химика Генкеля, осмотрѣлъ всѣ горныя и рудокопныя работы, въ горномъ округѣ производимыя. Наконецъ возвратился онъ въ Санктпетербургъ въ 1741 году Студентомъ же.

Около сего времени оказалъ онъ первые опыты столь гремѣвшаго не только въ Россіи, но и въ чужестранныхъ областяхъ, Лирическаго стихотворства, сочинивъ торжественную оду, и нѣсколько потомъ другихъ. Между тѣмъ болѣе всего прилежалъ къ Химіи и къ прочимъ ея частямъ, и столько во оной успѣлъ, что отъ *Императорской* Академіи Наукъ поручено ему было, находящійся при Кунсткамерѣ минеральный кабинетъ привести въ порядокъ. Ломоносовъ изполнилъ порученное ему дѣло съ такимъ изкусствомъ, прилежаніемъ и изправностію, что Академія, уважая его знаніе и труды, произвела его Адъюнктомъ въ 1742 году.

По произведеніи его продолжалъ упражняться онъ въ Химіи; а въ 1745 году, по указу Правительствующаго Сената, основанному на свидѣтельствахъ всѣхъ членовъ Академіи Наукъ, произведенъ онъ былъ Профессоромъ Химіи.

Въ 1751 году Ломоносовъ пожалованъ былъ Коллежскимъ Совѣтникомъ. Въ 1752 году, по данной ему привилегіи, учредилъ онъ бисерную фабрику

и началъ упражняться въ Мозаикѣ; а какъ въ Россіи первый былъ онъ изобрѣтатель мозаическаго изкусства, то и поручено ему было трудиться въ составленіи большей мозаической картины, представляющей знаменитѣйшія дѣла *ПЕТРА Великаго*. Ломоносовъ окончилъ сей трудъ Россійскими матеріялами и мастерами, безъ всякой помощи отъ иностранныхъ. Къ составленію сей картины изобрѣлъ онъ всѣ составы и разныя махины, и онуюсдѣлалъ такой величины, какой мозаической картины по сіе время въ цѣломъ свѣтѣ еще не бывало.

Въ 1751 году Февраля 13 дня опредѣленъ онъ былъ членомъ въ Академическую канцелярію; а въ 1760 году Февраля 14 дня поручены въ полное его смотрѣніе Академическая Гимназія и Университетъ.

1764 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ Ломоносовъ пожалованъ былъ Статскимъ Совѣтникомъ, въ которомъ чинѣ и пробылъ онъ до кончины своей, воспослѣдовавшей 1765 года Апрѣля въ 4 день, къ великому сожалѣнію всѣхъ любителей словесныхъ наукъ. Тѣло его съ богатою церемоніею погребено въ Александроневскомъ монастырѣ Императорскимъ иждивеніемъ, а на гробѣ его поставленъ мраморный столпъ, иждивеніемъ покойнаго Канцлера Графа Михайла Ларіоновича Воронцова, съ Россійскою и Латинскою надписями.

Сей мужъ былъ великаго разума, высокаго духа и глубокаго ученія. Сколь отмѣнна была его охота къ наукамъ и ко всѣмъ человѣчеству полезнымъ знаніямъ, столь мужественно и вступалъ онъ въ путь къ достиженію желаемаго имъ предмета. Стремленіе, преодолѣвать всѣ случавшіяся ему въ томъ препятствія, награждено было благополучнымъ успѣхомъ. Бодрость и твердость его духа оказывались во всѣхъ его предпріятіяхъ; начавъ учиться иностраннымъ языкамъ въ такихъ уже лѣтахъ, въ коихъ многіе за невозможность почитаютъ въ нихъ упражняться, достигъ онъ до великаго совершенства. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ

Из библиотеки
К. Я. Голейзовского

и говорилъ какъ почти на своемъ природномъ; Латинскій зналъ очень хорошо и писалъ на немъ; Французскій и Греческій разумѣлъ не худо; а въ знаніи Россійскаго языка, яко его природнаго, и имъ много вычищеннаго и обогащеннаго, почитался онъ въ свое время въ числѣ первыхъ. Слогъ его былъ великолѣпенъ, чистъ, твердъ, громокъ и пріятенъ. Предпріимчивость сколь часто бываетъ въ другихъ порокомъ, столь многократно ему пріобрѣтала похвалу. Онъ упражнялся во всѣхъ Философическихъ и словесныхъ наукахъ, въ Химіи, съ ея разными частями; а особливо прилежалъ къ Физикѣ *экспериментальной*, которую и перевелъ на Россійской языкъ; въ Механикѣ и въ исторіи нашего отечества. Стихотворство и Краснорѣчіе съ превозходными познаніями правилъ и красоты Россійскаго языка столь великую принесли ему похвалу, не только въ Россіи, но и въ иностранныхъ областяхъ, что онъ почитается въ числѣ наилучшихъ лириковъ и ораторовъ. Его похвальныя оды, надписи, поэма *ПЕТРЪ Великій* и похвальныя слова принесли ему безсмертную славу. Нравъ имѣлъ онъ веселый, говорилъ коротко и остроумно, и любилъ въ разговорахъ употреблять острыя шутки; къ отечеству и друзьямъ своимъ былъ вѣренъ, покровительствовалъ упражняющихся во словесныхъ наукахъ и ободрялъ ихъ; во обхожденіи былъ по большей части ласковъ, къ искателямъ его милости щедръ; но при всемъ томъ былъ горячъ и взпыльчивъ. Сочиненія его слѣдующія: двѣ части разныхъ стихотвореній, содержатъ въ себѣ духовныя и похвальныя оды, надписи, двѣ пѣсни героической поемы *ПЕТРЪ Великій*, похвальныя слова и другія стихотворенія; Россійская Грамматика, Риторика, Краткой Россійской лѣтописецъ, первая книга древней Россійской исторіи, Краткое понятіе о Физикѣ, Металлургія, двѣ трагедіи, Тамира и Селимъ и Демофонтъ, и ученыя разсужденіи о разныхъ матеріяхъ. Я не могу разпространиться въ похвалѣ сему великому писателю; а довольно будетъ, когда сообщу изъ эпистолъ г. Сумарокова слѣдующіе стихи:

Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ странъ Малгербъ, онъ Пиндару подобенъ.

И также стихи г. Поповскаго къ его портрету:

Онъ чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Изъ сочиненій его переведены на иностранные языки слѣдующія: Грамматика и Россійская исторія на Нѣмецкій; утреннее и вечернее размышленія о величествѣ Божіемъ на Французскій: похвальное слово *ПЕТРУ Великому* перевелъ онъ самъ на Латинскій языкъ. — Ломоносовъ имѣлъ переписку со многими учеными людьми въ Европѣ. Библіотека его и *манускрипты* по смерти его куплены Графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

Новиковъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Переводы.

I. *ПРАВЛЕНІЕ АВГУСТА.*

(Изъ Тацита.)

Когда по кончинѣ Брута и Кассія не было уже войска, зависящаго отъ республики, когда по одолѣніи при Сициліи Помпея, по обезоруженіи Лепида и самоубіеніи Антонія, удержавшихся стороны Юлія Кесаря, инаго предводителя, кромѣ Августа, не оставалось, который отложивъ званіе Тріумвира, и въ лицѣ Консула довольствуясь для защищенія народа правомъ Трибуна; когда воиновъ щедростію, народъ обиліемъ и всѣхъ вообще уловилъ пріятностію покоя; то началъ по малу усиливаться, присвоять себѣ власть Сената, градоправителей и законовъ безъ всякаго сопротивленія. Ибо отважнѣйшіе граждане или на сраженіяхъ или въ изгнаніи жизнь свою скончали; прочіе изъ знатныхъ, кто чѣмъ готовѣе былъ къ рабству, тѣмъ больше награждаемъ былъ имуществомъ и возвышаемъ почестями, и при новомъ образѣ правленія будучи возвеличены, настоящую безопасность предпочитали бѣдствіямъ временъ прошедшихъ. Состоянія сего не отвергали и провинціи, не имѣя довѣренности ни къ правленію Сената, ни къ правленію народа, по причинѣ несогласія сильныхъ и корыстолюбія правителей, ниже къ законамъ, которые силою, происками и наконецъ деньгами приводимы были въ недѣйствіе.

Августъ, для подкрѣпленія своего единоначалія, племянника по сестрѣ Клавдія Марцелла, весьма юнаго, облекъ въ чинъ первосвященника и эдила курульнаго; М. Агриппу родомъ незнатнаго, но въ военныхъ дѣлахъ изкуснаго и въ побѣдѣ участвовавшаго, дважды возводилъ въ консульское достоинство, а по смерти Марцелла, вскорѣ

послѣдовавшей, сочеталъ его бракомъ съ дочерью своею; пасынковъ Тиверія Нерона и Клавдія Друза, не взирая на цѣлость дома своего, украсилъ титлами Императорскими; ибо Кайя и Луція, отъ Агриппы рожденныхъ, къ роду Кесарей причислилъ, и прежде, нежели достигли надлежащихъ лѣтъ, притворно не соглашаясь, сильно желалъ, чтобъ наименованы были начальниками юношества и назначены консулами. По смерти Агриппы, когда Л. Кесаря къ войску въ Гишпанію слѣдующаго, а Кайя изъ Арменіи возвращающагося и отъ раны изнемогающаго смерть судьбою предускоренная или тайная злоба мачихи Ливіи похитила; Друза давно уже въ живыхъ не было, а изъ пасынковъ одинъ только Тиверій Неронъ оставался; тогда Августъ всѣ свои милости на него обращаетъ, и не тайнымъ уже, но явнымъ Ливіи ходатайствомъ объявляетъ его сыномъ, участникомъ дѣлаетъ правленія, трибунской власти, и представляетъ всѣмъ войскамъ. Ибо Ливія подъ старость Августа толико имъ обладала, что по наущенію ея Агриппу Постума, послѣдняго своего внука, заточилъ онъ въ островъ Планазію. Правда, что Агриппа, не имѣя никакихъ способностей, тщеславился только крѣпостію тѣлесною, но ни единымъ поноснымъ дѣяніемъ не навлекъ на себя укоризны. Въ тоже самое время Германику, отъ Друза рожденному, препоручилъ восемь легіоновъ на Рейнѣ, и хотя Тиверій имѣлъ юнаго сына, однако, чтобъ власть свою болѣе утвердить, велѣлъ ему усыновить Германика. Не было тогда никакой войны, какъ только противъ Германцевъ, и то болѣе для отъятія поношенія нанесеннаго пораженіемъ войска и Квинтилія Вара, нежели для разпространенія Имперіи или для достойныхъ пріобрѣтеній. Народъ наслаждался тишиною; званія гражданскія, должности означающія, были прежнія; молодые люди родились послѣ побѣды при Акціи и большая часть стариковъ во время междоусобныхъ браней. Сколь малое число оставалось видѣвшихъ республику!

И такъ, при общей вещей перемѣнѣ, не было ни слѣда древняго и здраваго образа мыслей; всѣ отрекшись равенства, взирали на повелѣнія верховнаго правителя, и не безпокоилися о настоящемъ, доколѣ Августъ, будучи въ цвѣтущихъ лѣтахъ, доставлялъ себѣ и дому своему безопасность, а Имперіи спокойствіе. Но когда при старости болѣзнями былъ удручаемъ, предстоялъ конецъ, и въ виду были новыя надежды: то нѣкоторые тщетно похваляли преимущества вольности, большее число войны опасались, а иные оной желали. Наибольшая часть различно разсуждали о належащихъ повелителяхъ. Объ Агриппѣ говорили: что онъ отъ природы будучи свирѣпъ и огорченъ отлученіемъ отъ двора, ни лѣтъ, ни опытности столько не имѣетъ, чтобы могъ понести толикое бремя; о Тиверіи Неронѣ, что хотя онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ отличилъ себя военными подвигами, но при древней и природной Клавдіеву роду гордости оказываются въ немъ, сколько ни скрываетъ, многіе признаки жестокости, что воспитанъ въ домѣ владѣтельномъ и въ юности возвеличенъ консульствами и тріумфами, и въ то самое время, когда подъ видомъ уединенія былъ въ заточеніи въ Родосѣ, ничѣмъ не занимался, какъ злобою и притворствомъ; къ сему присовокупляли женское высокомѣріе матери, и что надобно будетъ раболѣпствовать женщинѣ, и сверхъ того двумъ юношамъ, которые республику между тѣмъ притѣснятъ, и со временемъ развлекутъ на части.

Между тѣмъ, какъ народъ занимался подобными разсужденіями, болѣзнь Августова отчасу становилась опаснѣе, и нѣкоторые Ливію въ злодѣйствѣ подозрѣвали. Ибо слухъ носился, что Августъ за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ съ нѣкоторыми довѣренными особами и съ Фабіемъ Максимомъ предпринималъ путешествіе въ Планазію для свиданія съ Агриппою. Тамъ пролитыя съ обѣихъ сторонъ обильныя слезы и многіе знаки любви подали причину думать, что младой Агриппа возвращенъ будетъ въ домъ дѣда своего, и что

про свиданіе сіе Максимъ открылъ женѣ своей Марціи, а Марція Ливіи. Узналъ о семъ Кесарь, и вскорѣ потомъ Максима въ живыхъ не стало. Неизвѣстно, самъ ли онъ себя лишилъ жизни; но при погребеніи его слышимы были Марціи вздохи, саму себя обвиняющей, что причиною была погибели мужа своего. Какъ бы то ни было, лишь только Тиверій вступилъ въ Имперію, то Ливія спѣшила его возвратить, и неизвѣстно, засталъ ли онъ въ живыхъ Августа въ городѣ Нолѣ, или уже умершаго. Ибо Ливія домъ и всѣ пути крѣпкою стражею оградила, и пріятныя вѣсти иногда объ Императорѣ въ народѣ были разсѣваемы, доколѣ, по принятіи приличныхъ обстоятельствамъ мѣръ, въ одно и то же время не объявили, что Августъ скончался, а Тиверій Неронъ верховную власть на себя пріемлетъ.

Румовскій.

II. ПИРАМИДЫ.

(изъ Роллена.)

Пирамида есть тѣло иногда плотное, а иногда пустое, имѣющее базисъ широкій, и обыкновенно четвероугольный, а въ верху кончащаяся шиломъ.

Были въ Египтѣ три пирамиды славнѣйшія изъ всѣхъ прочихъ, изъ которыхъ одна удостоилась включена быть въ число седьми удивленій вселенныя. Онѣ не весьма далеко стояли отъ города Мемфиса. Я буду здѣсь предлагать токмо о самой большей изъ трехъ. Она была, какъ и другія, построена на дикомъ камнѣ, который ей былъ вмѣсто фундамента, четвероугольною фигурою въ базисѣ, а снаружи сдѣлана съ уступами наподобіе ступеней, и все ведена съ уменшеніемъ до самаго верху. Была она складена изъ камней чревычайныя величины, изъ которыхъ самый малый былъ въ тридцать футовъ, а работана удивительнымъ изкусствомъ, и украшена вся іеро-

глифическими изображеніями. По свидѣтельству многихъ древнихъ авторовъ, каждый бокъ имѣлъ восемь сотъ футовъ въ широту, и столькожъ въ вышину. Верхъ пирамиды, который снизу казался шиломъ, или иглою, былъ преизрядное плоское мѣсто въ десять или двѣнадцать великихъ камней; а каждый бокъ сего плоскаго мѣста былъ отъ шестнадцати до семнадцати футовъ.

Предлагаю я здѣсь мѣру, какову снялъ покойный господинъ де Шазелль, членъ Королевскія Академіи Наукъ, бывши нарочно на тѣхъ мѣстахъ въ 1693-мъ годѣ.

Бокъ базиса, которой есть четвероугольный, 110 саженъ. Стороны не что иное, какъ токмо равнобочные тріугольники; и такъ поверхность базиса есть 12100 квадр. саж. Вышина перпендикулярная 77 $\frac{3}{4}$ саженъ. А всѣхъ въ ней кубическихъ саженъ 313590.

Сто тысячь работниковъ трудились при сей работѣ; а по каждыхъ трехъ мѣсяцахъ толикоежъ число первыхъ перемѣняло. Десять лѣтъ цѣлыя были употреблены на сѣчку камней то въ Аравіи, то въ Еѳіопіи, и такжe на возку оныхъ въ Египетъ, а двадцать лѣтъ на дѣланіе ужаснаго сего зданія, которое внутри имѣло безчисленное множество каморъ и залъ. Означено на пирамидѣ Египетскими письменами, сколько изошло денегъ на чеснокъ только, на лукъ, и на другія подобныя травы для работниковъ; а сумма сія взошла до тысячи шести сотъ серебряныхъ талантовъ, то есть до девяти сотъ шестидесяти тысячь рублей (сер.) Изъ сего можно легко понять, сколько на все прочее разходъ долженствовалъ быть безмѣренъ.

Такія были славныя Египетскія пирамиды, которыя какъ своею фигурою, такъ и великостію своею, преодолѣли время и варваровъ! Но какъ бы ни силились человѣки, однако ихъ слабость видима есть повсюду. Сіи пирамиды были хранилища гробовъ, такъ что еще и понынѣ видимъ есть въ срединѣ самыя большія пустый гробъ, который

весь высѣченъ изъ одного камня, имѣя въ ширину и въ вышину около трехъ футовъ, а въ длину не много побольше шести. Симъ токмо оканчивались толикія движенія, толикіе разходы, толикіе труды, подъятые отъ толикихъ тысячъ человѣкъ чрезъ многіе годы, то есть, чтобъ сдѣлать нѣкоторому Государю въ семъ безмѣрномъ пространствѣ, и въ такомъ ужасномъ зданіи, небольшей ящикъ въ шесть футовъ! Еще сіи Цари, которые построили оныя пирамиды, и власти не имѣли, чтобъ быть имъ тамъ погребеннымъ, и потому не пользовались своими гробами. Общая ненависть, какову къ нимъ имѣли, ради неслыханныхъ жестокостей, которыя они показывали своимъ подданнымъ, отягощая ихъ трудами, принудила ихъ погребстись на неизвѣстныхъ мѣстахъ, дабы утаить свои тѣла отъ знания и отъ народнаго мщенія.

Сіе послѣднее обстоятельство, которое Исторіографы съ нарочнымъ тщаніемъ объявили, научаетъ насъ, какое мнѣніе долженствуемъ мы имѣть о сихъ зданіяхъ, толь прославленныхъ въ древности. Однако самый разумъ совѣтуетъ примѣчать и почитать доброе знаніе силы Египтянъ въ архитектурѣ, которое ихъ вело съ самаго начала и еще неимѣющихъ образцевъ, коимъ бы они подражать могли, прилежать во всемъ къ великому, и стараться о прямой красотѣ, не удаляясь никогда отъ благородныя простоты; а въ семъ и состоитъ верховное совершенство каждаго изкусства. Но какъ можно почитать сихъ Государей, которые думали, что то есть нѣчто великое, построить многими руками человѣческими и великими деньгами ужасныя зданія для того токмо, дабы вѣчными учинить свои имена, и которые на то теряли премногія тысячи людей, къ удовольствованію токмо своего тщеславія? Въ семъ они далеко отстояли отъ Римлянъ, которые хотя старались безсмертіе себѣ получить великолѣпными строеніями, однако оныя зданія у нихъ были для общія пользы.

Плиній намъ предлагаетъ въ краткихъ словахъ праведное мнѣніе о сихъ пирамидахъ, называя ихъ безумнымъ оказаніемъ Царскаго богатства, которое никакія не имѣетъ пользы: Regum pecuniae otiosa ac stulta ostentatio, то есть, Царскія казны пустое и безумное оказаніе; и еще къ тому прилагаетъ, что праведно въ казнь память ихъ погребена въ забвеніи, понеже Исторіографы несогласны между собою въ именахъ тѣхъ людей, которые строили зданія толь тщетныя: Inter eos non constat, a quibus factae sint justissimo casu obliteratis tantae vanitatis auctoribus; то есть, они въ томъ несогласны, отъ кого оныя построены; да и справедливо, что погибла память строителей толикаго тщеславія. Словомъ, по разсудительному Діодорову мнѣнію, коль изкусство архитекторовъ есть похвально и почтенно въ сихъ пирамидахъ, толь предпріятіе Царей есть достойно хулы и презрѣнія.

Но сему еще больше должны мы удивляться въ сихъ достопамятныхъ зданіяхъ, что они намъ неложно, и еще явно, доказываютъ изкусство Египтянъ въ Астрономіи, то есть въ такой наукѣ, которая кажется, что не можетъ дойти до совершенства безъ весьма многихъ лѣтъ, и безъ великаго числа опытовъ. Господинъ де-Шазелль, мѣряя большую пирамиду, о которой мы теперь говоримъ, нашелъ, что всѣ четыре бока сея пирамиды стояли точно противъ четырехъ сторонъ свѣта и слѣдовательно показывали прямую полуденную линію того мѣста. Но понеже сіе толь точное постановленіе долженствовало быть, видно по всему учрежденію, отъ тѣхъ, которые строили толь великое каменное зданіе, уже тому больше трехъ тысячь лѣтъ; то слѣдуетъ, что чрезъ толь долгое время ничего не перемѣнилось на небѣ въ разсужденіи сего; или что тожъ самое, въ полюсахъ земли, и въ меридіанахъ. Сіе примѣчаніе учинилъ господинъ де-Фонтенелль въ похвалѣ господину де-Шазеллю. —

Тредьяковскій.

III. БИТВА ПРИ ИССѢ.

(Изъ Квинта-Курція.)

— — Объявлено было Дарію о прибытіи непріятелей чрезъ поселянъ, въ великомъ страхѣ находившихся, которому весьма невѣроятно казалось, чтобъ противъ его идти могли, за которыми, онъ яко за бѣгущими слѣдовалъ. Сего ради напалъ на всѣхъ великой страхъ, ибо они паче къ пути, нежели къ бою готовы были, и въ самой скорости хватались за оружіе. Но самое поспѣшеніе во всѣ стороны бѣгающихъ, и вооружаться повелѣвающихъ, большій страхъ причиняло. Иные на верхъ горы взбѣжали, для усмотрѣнія оттуда непріятельскаго войска; большая часть лошадей сѣдлали. Несогласное и не одного полководца приказъ наблюдающее войско различнымъ образомъ мялось и возмущалось. Дарій за потребно разсудилъ занять сперва хребетъ частію войска, дабы впереди и съ тылу окружить непріятеля, а другихъ поставить отъ моря, куда правое его крыло простиралось, чтобъ отвсюду нападеніе учинить возможно было. Сверхъ того отправилъ напередъ двадцать тысячъ войска съ частію сайдашниковъ, и приказалъ, перешедъ раздѣляющую оба войска Пинаръ рѣку, стать противъ Македонскаго войска; а ежели того учинить имъ не удастся, то отступить въ горы, и тайнымъ образомъ съ тылу окружить заднее непріятельское войско. Въ прочемъ здравыя предпріятія щастіемъ, всякой разумъ премогающимъ, опровержены. Ибо иные отъ страха приказу изполнить не отважились, а другіе вотще по онымъ поступали; потому что когда члены ослабѣваютъ, тогда все тѣло изнемогаетъ. А войско его построено было слѣдующимъ образомъ: на правомъ крылѣ стоялъ Набарзанъ съ конницею и съ двадцатью почти тысячами пращниковъ и сайдашниковъ, да Тимодесъ съ тридцатью тысячами наемной Греческой пѣхоты. Сіе было безъ сомнѣнія крѣпчайшее войско и равное Македонской фалангѣ. На лѣвомъ Аристомедъ Ѳессалянинъ съ двадцатью тысячами Персской пѣхоты, а на подсадѣ имѣлъ храбрые народы. На томъ же крылѣ

самъ Царь присутствовалъ съ тремя тысячами отборной конницы, которая обыкновенно для охраненія здравія на караулѣ у него стояла, и съ сорокью тысячами пѣхоты. Потомъ находились Ирканцы и Мидяне, а за ними въ близости конница другихъ народовъ, по обоимъ крыламъ разставленная. Передъ войскомъ, означеннымъ образомъ разположеннымъ, шло шесть тысячъ сайдашниковъ и пращниковъ. Все, куда только во ономъ тѣсномъ мѣстѣ пройти можно было, войскомъ наполнено было, и одно крыло до хребта, а другое простиралось до моря. Царица, мать Даріева, и прочее множество женскаго пола находилось въ срединѣ войска.

Александръ фалангу, въ которой вся крѣпость Македонская состояла, напереди поставилъ. Правое крыло поручилъ Никанору, Парменіонову сыну, близь котораго стояли Кенъ, Пердиккъ, Мелеагръ, Птоломей и Аминтъ, каждый со своимъ полкомъ, а лѣвое Кратеру и Парменіону; но Кратеру велѣно быть у Парменіона подчиненнымъ. Конницу раздѣлилъ онъ на оба крыла; на правое поставилъ Македонянъ съ Ѳессалянами, а на лѣвое Пелопонниссцевъ; напереди войска приказалъ быть части пращниковъ и сайдашниковъ, да Ѳракійскому и Критскому легкому жъ войску. Противъ передоваго Даріева войска, которое хребетъ заняло, опредѣлилъ Агріановъ, незадолго до того прибывшихъ изъ Греціи. А Парменіону приказалъ войско разпространять къ морю сколько возможно, чтобъ отъ горъ, занятыхъ Персами, удалиться. Однакожъ они ни противиться идущимъ, ни окружить миновавшихъ не отважились; пращниковъ устрашившись, обратились въ бѣгство. Такимъ образомъ войску Александрову съ боку, откуда онъ боялся нападенія, безопасность сдѣлалась. Войско его шло въ тридцать два ряда, а больше за тѣснотою мѣста не могло разпространиться. Потомъ горы помалу раздаваться и одна отъ другой отдаляться начали: такъ нетокмо пѣхотѣ большимъ числомъ рядовъ слѣдовать, но и конницѣ со сторонъ объѣзжать возможно было.

Когда оба войска въ виду уже между собою были, но на верженіе оружія еще не сошлися; то сперва Персы учинили необычной и страшной крикъ, напротивъ чего и отъ Македонянъ отвѣтствовано; которыхъ крикъ въ разсужденіи малолюднаго ихъ войска, по причинѣ высокихъ горъ и дремучихъ лѣсовъ, большимъ отдавался: ибо отъ около лежащихъ лѣсовъ и хребтовъ голосъ всегда съ пріумноженіемъ отдается. Александръ шелъ передъ знаменами передними, часто одерживая своихъ рукою, дабы они отъ скораго похода не запыхались, и ослабѣвшіе въ сраженіе вступить принуждены не были. А объѣзжая войско, различнымъ образомъ, по склонности каждаго народа, увѣщевалъ воиновъ. Македонянамъ, напоминая природное ихъ мужество, представлялъ, что они по многихъ одержанныхъ побѣдахъ въ Греціи, не столько его, сколько своимъ собственнымъ произволеніемъ къ покоренію Азіи и всего востока вооружились; что они свободители вселенныя прейдутъ со временемъ, предѣлы Геркулеса и Бахуса, и не токмо Персовъ, но и весь свѣтъ покорятъ подъ власть свою; что Македоняне овладѣютъ Бактрами и Индѣйцами: бездѣлица сіе, что нынѣ они видятъ, но все безъ остатка побѣдителямъ достанется; что трудъ ихъ не таковъ безплоденъ будетъ, какъ въ неприступныхъ гористыхъ мѣстахъ Илиріянскихъ и Ѳракійскихъ, но корысть всего востока имъ предлагается. Едва мечи обнажить надобно имъ будетъ; все отъ собственнаго страха колеблющееся войско щитами прогнать возможно. Сверхъ того призывалъ на помощь отца своего Филиппа, побѣдителя Аѳинянъ: приводилъ на память покореніе Віотіи и преславнаго ея города раззореніе: возпоминалъ прехожденіе чрезъ Граникъ рѣку, множество завоеванныхъ или добровольно покорившихся городовъ, и все оставшее позади низверженное, и ногами ихъ попранное. Пришедши къ Грекамъ, возпоминалъ имъ нанесенныя войны отъ оныхъ народовъ, насильство, учиненное сперва отъ Дарія, а потомъ отъ Ксеркса, которые самую воду и землю истребляли, чтобъ

ни питья, ни обычной пищи не оставить: напослѣдокъ объявлялъ о разореніи и сожженіи капищъ идольскихъ, о нарушеніи свѣтскихъ и божескихъ законовъ. А Иллиріянамъ и Ѳракіянамъ, которые грабежемъ жить заобыкли, указывалъ на блистающее златомъ и порфирою, и добычу, а не оружіе носящее, непріятельское войско, и говорилъ: Подите, и яко мужи съ безсильныхъ женъ оборвите злато: неспособныя свои гористыя мѣста, безплодные и вѣчнымъ снѣгомъ покрытые хребты на обильные Персидскіе луга и поля перемѣните.

Какъ уже на перестрѣлъ сошлися, то Персская конница на лѣвое непріятельское крыло учинила жестокое нападеніе. Ибо Дарій желалъ имѣть конницею сраженіе, вѣдая, что въ фалангѣ состоитъ вся крѣпость Македонскаго войска. Уже и правое крыло окружаемо было. Что видя Александръ, приказалъ двумъ *эскадронамъ* конницы у горъ остановиться, а остальную немедленно ввелъ въ средину сраженія. Потомъ вывелъ изъ *фрунта* Ѳессалійскую конницу, и приказалъ полководцу ихъ скрытно обойти позадь своего войска и съ Парменіономъ соединиться, и что отъ него приказано будетъ, исполнить ревностно. Уже и сами они, отвсюду Персами окруженные въ срединѣ ихъ будучи, храбро оборонялись: но весьма близко сшедшимся и стѣснившимся не можно было метать оружія. Пущенные дротики на одно мѣсто съ самаго начала межъ собою переплетались, и съ легкимъ и тщетнымъ ударомъ малое число на непріятеля, а большая часть на землю падали безъ всякаго дѣйства. И того ради, будучи принуждены въ близости биться, немедленно сабли обнажили. Тогда уже произошло страшное кровопролитіе; ибо два войска такъ близко сошлись, что оружіемъ объ оружіе ударяли и копья въ лице направляли, и боязливымъ и малодушнымъ миновать того не возможно было: сошедшіеся между собою, будто бы на поединкѣ бились; по тѣхъ поръ на одномъ мѣстѣ стояли, пока побѣдивши, мѣсто себѣ очищали, и не инако впередъ подавались,

какъ по убіеніи непріятеля. Но утомленныхъ ихъ свѣжій встрѣчалъ непріятель, и раненые, какъ обыкновенно бываетъ, не могли выходить изъ войска; ибо съ лица непріятель, а съ тылу свои понуждали.

Александръ не меньше рядоваго воина какъ и полководца изправлялъ должность, желая убіеніемъ Царя получить себѣ вящшую славу, ибо Дарій сидѣлъ на высокой колесницѣ, къ великому побужденію своимъ къ сопротивленію, а непріятелямъ къ нападенію. Чего ради братъ его Оксатръ, видя Александрово на него стремленіе, конницу, которою повелѣвалъ, предъ самую колесницу Цареву вывелъ, и по преизяществу оружія и крѣпости своей, особливо же великодушія и вѣрности, чѣмъ на ономъ сраженіи особливо прославился, нѣкоторыхъ неосторожно наступающихъ побилъ, а иныхъ обратилъ въ бѣгство. Но Македоняне, бывшіе при самомъ Царѣ, укрѣпившись взаимнымъ увѣщаніемъ, на конницу вмѣстѣ съ нимъ устремились. Тогда было паденіе людей, разрушенію зданія подобное. Около лѣстницы Дарія, лежали *начальнѣйшіе* полководцы, предъ очами Царскими скончавшіеся честною смертію, всѣ лицемъ въ землю, какъ во время сраженія спереди раненые падали; въ томъ числѣ находилися Атизій, Реомитръ и Сабакъ, намѣстникъ Египетскій, великихъ войскъ начальникъ; а около ихъ рядовые пѣшіе и конные воины кострами. Изъ Македонянъ хотя немногіе, однакожъ лучшіе побиты, въ томъ числѣ и самъ Александръ легко раненъ копьемъ въ правую бедру.

Уже кони у Дарія подъ колесницею, копьями изколотые, отъ болѣзни разсвирѣпѣвшіе, ярмо рвать и Царя съ колесницы сбивать начали. Чего ради Дарій опасаяся, дабы живому не попасться въ руки непріятелю, съ колесницы скочилъ и сѣлъ на коня, которой для того за нимъ слѣдовалъ: при чемъ и знаки величества непристойнымъ образомъ сбросилъ, чтобъ на побѣгѣ по нимъ опознанъ не былъ. Тогда и прочіе отъ страха разсыпались и устремились, кому куда бѣжать способно было,

бросая оружіе, которое незадолго до того для своего защищенія приняли. Таковъ на нихъ страхъ былъ, что того самаго боялись, что къ охраненію ихъ служило. За бѣгущими гналась въ слѣдъ посланная отъ Парменіона конница, и по случаю всѣ на оное крыло бѣжать устремились. Но на правомъ крылѣ Персы на Ѳессалійскую конницу жестокое нападеніе учинили. И когда одинъ *эскадронъ* потоптанъ былъ самымъ тѣмъ стремленіемъ, то Ѳессаляне тотчасъ оборотя коней, врозь разсыпались, и паки возвратясь на сраженіе, варваровъ въ надеждѣ побѣды разсѣявшихся, и строй оставившихъ, знатное число побили; потому что Персскіе кони и всадники отягчены были кольчугами, и того ради скоро построиться, къ чему требуется проворство, не успѣли, и отъ Ѳессалянъ, которые не давъ имъ изправиться, напали, великой уронъ претерпѣли. По возвѣщеніи толь щастливой побѣды Александръ слѣдовать за варварами не отважился. Но какъ уже на обоихъ крылахъ совершенная побѣда одержана, тогда погнался въ слѣдъ за бѣгущими. За Царемъ слѣдовало не больше тысячи человѣкъ, однакожъ непріятелей великое множество побиваемо было. Но кто въ побѣдѣ или на побѣгѣ изчисляетъ войско? и того ради отъ такого малаго числа какъ скотъ гнаты были, и тотъ же страхъ, которой принуждалъ ихъ бѣжать, чинилъ препятствіе въ бѣгствѣ.

Крашенинниковъ.

IV. СМЕРТЬ СОКРАТА.

(Изъ Бартелеми.)

Одиннадцать судей, которымъ поручено изполнять уголовныя рѣшенія, рано пришли въ темницу, чтобы снять съ него оковы и объявить ему часъ смерти. За ними вошли многіе изъ Сократовыхъ учениковъ; ихъ было около двадцати. Ксантиппа стояла подлѣ него и держала на рукахъ своего младшаго сына. Увидѣвъ ихъ, она зарыдала и едва

могла сказать: „Вотъ друзья твои! ты видишь ихъ въ послѣдній разъ!“ Сократъ просилъ Критона отвести ее домой; она не хотѣла идти, стенала и терзала лице свое.

Никогда не казался онъ ученикамъ своимъ столь покойнымъ и мужественнымъ, какъ въ сіи минуты. Они не могли видѣть его безъ глубокой горести; не могли слушать безъ живаго удовольствія. Въ послѣдней бесѣдѣ съ ними добродѣтельный Философъ сказалъ, что никому не позволено прекращать дней своихъ; что всякой, будучи въ мірѣ опредѣленъ къ своему мѣсту, не долженъ сходить съ онаго безъ воли боговъ; что онъ, повинуясь ей, съ радостію ожидаетъ минуты, долженствующей открыть ему путь ко щастію, которое старался онъ заслуживать своею жизнію. Послѣ чего, убѣдительно доказывая безсмертіе души, предметъ его надежды, Сократъ примолвилъ: „Хотя бы сія надежда и не имѣла такого твердаго основанія, но жертвы, ею требуемыя, не мѣшали мнѣ быть щастливѣйшимъ изъ смертныхъ; — въ сіи же послѣдніе часы она удаляетъ отъ души моей ужасъ смерти, и питаетъ ее чистою, сладкою радостію.“

„Такимъ образомъ всякой человѣкъ, который, презирая сластолюбіе, украшаетъ свою душу, не чуждыми, но ей сродными качествами, напримѣръ справедливостію, воздержаніемъ и другими добродѣтелями, долженъ быть изполненъ надежды и покойно ждать смерти. Вы въ свой часъ послѣдуете за мною; мой насталъ, и (говоря словами одного изъ нашихъ стихотворцевъ) я слышу гласъ его, меня зовущій.“ —

„Не поручишь ли намъ чего нибудь въ разсужденіи твоихъ дѣтей и хозяйственныхъ дѣлъ?“ спросилъ у него Критонъ. — „Повторяю вамъ всегдашній совѣтъ мой“ — отвѣчалъ Сократъ: — „Старайтесь обогатиться добродѣтелями. Естьли изполните его, то мнѣ нѣтъ нужды въ вашихъ обѣщаніяхъ; естьли пренебрежете, то они будутъ безполезны для моего семейства.“

Послѣ чего онъ вышелъ вмѣстѣ съ Критономъ въ другую комнату, чтобы обмыться. Прочіе друзья говорили о томъ, что отъ него слышали: о его смерти и сиротствѣ своемъ. Они лишались наилучшаго изъ отцевъ, и плакали болѣе о самихъ себѣ, нежели объ немъ. Привели трехъ сыновей его; двое были еще очень малы. Сократъ далъ нѣкоторыя приказанія женщинѣ, которая за ними ходила, и пославъ ихъ домой, возвратился къ своимъ друзьямъ.

Черезъ минуту послѣ того вошелъ темничный стражъ. „Сократъ!" сказалъ онъ: „осужденные, которымъ напоминаю время принимать ядъ, всегда осыпаютъ меня проклятіями; но какъ я не видалъ здѣсь ни одного подобнаго тебѣ человѣка, столь великодушнаго и кроткаго, то увѣренъ, что не буду оскорбленъ тобою, что ты на меня не сердишься, и не приписываешь мнѣ своего нещастія, котораго виновники тебѣ извѣстны. Прости; слѣдуй уставу необходимости."

Онъ едва могъ говорить отъ слезъ, и отошелъ въ сторону, чтобы свободно проливать ихъ. — „Прости!" отвѣчалъ ему Сократъ: „Я изполню твой совѣтъ" — и обратясь къ друзьямъ своимъ сказалъ: „Какой добродушной человѣкъ! Онъ часто приходилъ разговаривать со мною..... Посмотрите, какъ онъ плачетъ!.... Критонъ! надобно его послушаться. Дайте мнѣ ядъ, естьли онъ готовъ; или велите скорѣе развести его."

Критонъ говорилъ, что солнце еще не сѣло; что другимъ позволялось отлагать смерть свою на нѣсколько часовъ. „Они имѣли на то свои причины (сказалъ Сократъ), которыхъ я не имѣю."

Критонъ изполнилъ его волю, и слуга принесъ гибельную чашу. Сократъ спросилъ, что ему надобно дѣлать. „Ходить по комнатѣ, когда примешь отраву," отвѣчалъ онъ: „и лечь на спину, когда ноги твои начнутъ подгибаться." —

Тутъ, безъ всякой перемѣны въ лицѣ, и твердою рукою Философъ взялъ чашу, и принеся моленіе богамъ, поднесъ ее къ устамъ своимъ.....

Въ сію страшную минуту ужасъ овладѣлъ всѣми сердцами, и невольныя слезы полились изъ всѣхъ очей; одни закрыли голову мантіею, другіе вскочили съ своего мѣста, чтобы Сократъ не видалъ ихъ лица. Но когда, обративъ на него глаза, они увидѣли, что другъ ихъ принялъ смерть во внутренность свою: тогда сердечная горесть, долго скрываемая, вдругъ обнаружилась; и пронзительный вопль юнаго Аполлодора, который плакалъ во весь день, еще умножилъ общее рыданіе.

„Что вы дѣлаете, друзья мои?" сказалъ имъ Сократъ съ тихимъ равнодушіемъ: „я нарочно выслалъ отсюда женщинъ, чтобы не быть свидѣтелемъ такой слабости. Вооружитесь твердостію. Я слыхалъ, что отъ смерти надобно удалять все печальное."

Между тѣмъ онъ ходилъ по темницѣ; чувствуя наконецъ тягость въ ногахъ, сѣлъ на свою постелю и закрылся мантіею. Слуга показывалъ ученикамъ дѣйствіе яда. Уже смертный хладъ разлился въ его внутренности; ноги оледенѣли; сердце едва билось.... Вдругъ Сократъ, развернувъ мантію, сказалъ Критону: „Не забудьте принести жертвы Эскулапу (*)."— „Не забудемъ, отвѣчалъ Критонъ: „не прикажешь ли намъ еще чего нибудь?" — Сократъ не отвѣчалъ; черезъ минуту мантія затрепетала на немъ; слуга снялъ ее, и принялъ его послѣдній взоръ.... Критонъ закрылъ ему глаза.

Такъ умеръ истинный Философъ, которому въ благочестіи, добродѣтели и щастіи не найдемъ подобнаго; который, можетъ быть, одинъ имѣлъ право сказать громогласно: *Я былъ справедливъ во всѣхъ словахъ и дѣлахъ моихъ.*

Карамзинъ.

(*) Ему приносили въ жертву пѣтуховъ.

V. ЧЕЛОВѢКЪ ПО СОТВОРЕНІИ

Je me souviens de cet instant plein de joie et de trouble où je sentis pour la premiere fois ma singuliere existence: je ne savois ce que j'étois, où j'étois, d'où je venois. J'ouvris les yeux, quel surcroît de sensation! la lumiere, la voûte céleste, la verdure de la terre, le crystal des eaux, tout m'occupoit, m'animoit, et me donnoit un sentiment inexprimable de plaisir; je crus d'abord que tous ces objets étoient en moi et faisoient partie de moi même.

Je m'affermissois dans cette pensée naissante, lorsque je tournai les yeux vers l'astre de la lumiere, son éclat me blessa; je fermai involontairement la paupiere, et je sentis une légere douleur. Dans ce moment d'obscurité je crus avoir perdu presque tout mon être.

Affligé, saisi d'étonnement je pensois à ce grand changement, quand tout-à-coup j'entends des sons; le chant des oiseaux, le murmure des airs, formoient un concert dont la douce impression me remuoit jusqu'au fond de l'ame; j'écoutai long-tems, et je me persuadai bientôt que cette harmonie étoit moi.

„Изполненъ веселія и смущенія, привожу я на память ту минуту, въ которую я первый разъ ощутилъ чудное бытіе мое; я не зналъ что я такое былъ, гдѣ находился и откуда пришелъ. Открывъ глаза, какое приращеніе ощутилъ въ чувствованіяхъ! Свѣтъ, сводъ небесный, зеленѣющая земли поверхность, кристалловидныя воды, всего меня занимали, оживляли и возбуждали во мнѣ неизреченное чувствованіе удовольствія; въ началѣ мнилъ я, что всѣ сіи предметы во мнѣ находясь составляли существенную моего сложенія часть.

„Я утверждался въ сихъ *разсуждающихъ* мысляхъ, когда возводилъ взоръ мой къ блистающему свѣтилу; блеска его не могъ я понести и закрывалъ принужденно мои вѣжди, чувствуя легкую болѣзнь. Въ сіе мгновеніе мрака мнилъ я быть почти лишеннымъ бытія моего.

„Опечаленный, объятый изумленіемъ, размышляя о сей великой перемѣнѣ, вдругъ услышалъ я звукъ: пѣніе птицъ, жужжаніе колеблемаго воздуха составляли согласіе, коего пріятное впечатлѣніе проницало даже до глубины души моей; я долго оное вкушалъ; и вскорѣ увѣрился, что сіе согласіе составлялъ я самъ собою.

ИЛИ ОТКРЫТІЕ ЧУВСТВЪ.

Я возпоминаю о той изполненной веселія и смущенія минутѣ, въ которую въ первой разъ возчувствовалъ отмѣнное мое бытіе: тогда я не могъ себѣ представить, что я, гдѣ былъ и откуда взялся. Я открылъ глаза; коль превозходное чувствованіе! свѣтъ, небесная твердь, зеленѣющаяся земля, прозрачныя воды, все меня занимало, одушевляло и несказаннымъ образомъ чувства мои увеселяло. Изъ чего я заключилъ, что всѣ сіи предметы находились во мнѣ и составляли часть самаго меня.

Утверждаяся такимъ образомъ на сихъ всегда возобновляющихся во мнѣ мысляхъ, обратилъ я свой взоръ къ лучезарной звѣздѣ, но блескъ ея меня поразилъ; я почувствовалъ боль въ своихъ глазахъ, противъ желанія закрылъ оные, въ которое время темноты казалось мнѣ, что я лишился своего бытія.

Опечаленъ и объятъ удивленіемъ, я началъ размышлять о сей великой перемѣнѣ, какъ вдругъ услышалъ звукъ: пѣніе птицъ, шумъ воздуха составляли концертъ, коего пріятное впечатлѣніе доходило къ самой душѣ; я слушалъ оной долго, и тотчасъ увѣрился, что сіе пріятное согласіе былъ я.

И теперь еще живо помню ту минуту радости и смятенія, какъ въ первый разъ ощутилъ я чудесное бытіе свое.

Не зная, что я, гдѣ, откуда взялся, открываю глаза: какое неописанное чувство! Свѣтъ, небесный сводъ, зелень травы, кристаллъ воды, все занимаетъ, трогаетъ, веселитъ меня несказанно. Мнѣ кажется, что всѣ предметы во мнѣ, и составляютъ часть моего существа.

Утверждаясь въ сей раждающейся мысли, взираю на лучезарное свѣтило дня... и смыкаю глаза отъ яркаго блеска его, чувствуя легкую боль. Въ сію минуту затмѣнія кажется мнѣ, что я лишился почти всего бытія своего.

Въ удивленіи, въ горести, думаю о сей великой перемѣнѣ, и вдругъ слышу звуки: пѣніе птицъ, журчаніе воды, дыханіе вѣтерка составляютъ концертъ, котораго нѣжное впечатлѣніе проницаетъ во глубину души моей. Слушаю — слушаю долго, и полагаю, что сія гармонія есть я.



Attentif, occupé tout entier de ce nouveau genre d'existence, j'oubliois déjà la lumiere, cette autre partie de mon être, que j'avois connue la première, lorsque je rouvris les yeux. Quelle joie de me retrouver en possession de tant d'objets brillans! Mon plaisir surpassa tout ce que j'avois senti la première fois, et suspendit pour un tems le charmant effet des sons.

Je fixai mes regards sur mille objets divers, je m'apperçus bientôt que je pouvois perdre et retrouver ces objets, et que j'avois la puissance de détruire et de reproduire à mon gré cette belle partie de moi-même; et quoiqu'elle me parût immense en grandeur par la quantité des accidens de lumière et par la variété des couleurs, je crus reconnoître que tout étoit contenu dans une portion de mon être.

Je commençois à voir sans émotion et à entendre sans trouble, lorsqu'un air léger dont je sentis la fraicheur, m'apporta des parfums qui me causèrent un évanouissement intime, et me donnèrent un sentiment d'amour pour moi-même.

Agité par toutes ces sensations, pressé par les plaisirs d'une si belle et si grande

Вперивъ все мое вниманіе, и весь будучи занятъ симъ новымъ родомъ бытія моего, забылъ я свѣтъ, сію другую часть существованіе моего; но какую я ощутилъ радость, открывъ глаза мои; какое возхищеніе было для меня видѣть себя паки обладателемъ толикихъ блестящихъ предметовъ! Новое мое удовольствіе далеко превзошло то, которое я ощущалъ въ первой разъ и заглушило на нѣкоторое время пріятное дѣйствіе звука.

Я вперялъ мои взоры на тысячу различныхъ предметовъ; вскорѣ примѣтилъ, что оные могу терять изъ виду и паки находить оные, и что могу по желанію моему изтреблять и паки созидать сію прекрасную часть самаго себя: и хотя оная казалась мнѣ необъятно великою, какъ въ разсужденіи многихъ перемѣнъ въ свѣтѣ, такъ и различности въ цвѣтахъ; но я мнилъ, что все сіе нахожу содержимымъ въ части моего существованія.

Наконецъ началъ я взирать безъ малѣйшаго движенія, и слушать безъ смущенія; но вдругъ почувствовалъ, что легкій вѣтръ, меня прохлаждающій, принесъ съ собою благовонія, причинившія мнѣ внутреннія удовольствія, и возбудившія во мнѣ любовь къ самому себѣ.

Всѣми сими чувствованіями колеблемъ, и возбуждаемъ удовольствіемъ

Обративъ вниманіе свое и мысли на сей новый родъ своего бытія, я совсѣмъ забывалъ уже свѣтъ, ту другую часть самого себя, которую позналъ прежде. Когда же опять разкрылъ глаза свои, коликая радость, вторично найти себя въ обладаніи толь блистательныхъ предметовъ! удовольствіе сіе превзошло все, что я ни чувствовалъ въ первый разъ, и заняло мѣсто дѣйствія пріятныхъ звуковъ.

Устремивъ взоры свои на множество разныхъ предметовъ, примѣтилъ, что я могъ терять и находить опять оные, и имѣлъ власть по своей волѣ уничтожать и опять производить сію прекрасную часть самаго себя; а хотя оная и казалась мнѣ неизмѣримою въ разсужденіи своей величины, перемѣны свѣтилъ и разности цвѣтовъ; однако я всегда почиталъ, что все то находилось въ части моего существа.

Я началъ было безъ движенія духа взирать, и внимать безъ смущенія, какъ вдругъ легкой воздухъ, коего я уже чувствовалъ прохладность, принесъ ко мнѣ пріятной запахъ, причинившій мнѣ внутреннее открытіе, и вліявшій въ меня чувствованіе любви къ себѣ самому.

Будучи колеблемъ всѣми сими ощущеніями, побуждаемъ удовольствіями толь

Занимаясь такимъ новымъ родомъ бытія, забываю уже свѣтъ, другую часть существа моего, которую узналъ я прежде; но снова открывая глаза, возхищаюсь... Какая радость! всѣ блестящіе предметы опять *мои*! Веселюсь еще болѣе, нежели въ первый разъ, и на нѣкоторое время оставляю безъ вниманія прелестное дѣйствіе звуковъ.

Устремляю взоръ на тысячу разныхъ вещей, и примѣчаю, что могу терять и находить ихъ, что имѣю власть разрушать и снова производить сію любезную часть самаго себя, что она хотя и кажется мнѣ неизмѣримою отъ разнообразнаго дѣйствія свѣта и красокъ, но что все сіе помѣщается въ нѣкоторомъ отдѣленіи существа моего.

Начинаю смотрѣть и слушать покойно.... Вдругъ легкій, свѣжій вѣтерокъ навѣваетъ на меня благоуханіе цвѣтовъ... Внутренность души моей растворяется для новаго пріятнаго чувства; наслаждаюсь, и въ наслажденіи *люблю самаго себя*.

Волнуемый живымъ чувствомъ такого прелестнаго и многообразнаго бытія,

existence, je me levai tout d'un coup, et je me sentis transporté par une force inconnue.

Je ne fis qu'un pas, la nouveauté de ma situation me rendit immobile, ma surprise fut extrême, je crus que mon existence fuyoit; le mouvement que j'avois fait avoit confondu les objets, je m'imaginois que tout étoit en désordre.

Je portai la main sur ma tête, je touchai mon front et mes yeux, je parcourus mon corps; ma main me parut être alors le principal organe de mon existence; ce que je sentois dans cette partie étoit si distinct et si complet, la jouissance m'en paroissoit si parfaite en comparaison du plaisir que m'avoient causé la lumière et les sons, que je m'attachai tout entier à cette partie solide de mon être; et je sentis que mes idées prenoient de la profondeur et de la réalité.

Tout ce que je touchois sur moi sembloit rendre à ma main sentiment pour sentiment; et chaque attouchement produisoit dans mon âme une double idée.

Je ne fus pas long-tems sans m'appercevoir que cette faculté de sentir étoit répandue dans toutes les par-

столь прекраснаго и столь обширнаго бытія моего, возсталъ я вдругъ, и перенесенъ былъ съ мѣста неизвѣстною мнѣ силою.

Едва сдѣлалъ шагъ, то новость моего положенія содѣлала меня неподвижнымъ; удивленіе мое было чрезмѣрно, и я мнилъ, что бытіе мое отъ меня убѣгаетъ. Движеніе мною сдѣланное перемѣшало всѣ предметы, и я воображалъ себѣ, что все пришло въ безпорядокъ.

Я возложилъ руку мою на главу, касался чела моего, моихъ глазъ; разсматривалъ все мое тѣло, и рука моя казалась мнѣ главнѣйшимъ орудіемъ бытія моего; все, что я осязалъ симъ членомъ, было для меня столь ясно, столь увѣрительно, и употребленіе онаго казалось мнѣ толико совершеннымъ, въ отношеніи къ тому удовольствію, каковое во мнѣ свѣтъ и звукъ возбуждали, что я весь предался твердой части существа моего, и я чувствовалъ, что понятія мои начинали быть основательными и дѣйствительными.

Все, до чего я токмо касался на поверхности моего тѣла, казалося, что рукѣ моей сообщается одно ощущеніе за другимъ; и каждое прикосновеніе производило въ душѣ моей сугубое понятіе.

Вскорѣ позналъ я, что сія способность чувствовать разпространена была по всѣмъ частямъ вещества

великаго и прекраснаго бытія, почувствоваль я себя поднятымъ неизвѣстною силою, и всталъ.

Не успѣлъ я еще ступить, какъ вдругъ сіе новое положеніе мое сдѣлало меня неподвижнымъ, а удивленіе мое чрезвычайнымъ; мнѣ казалось, что бытіе мое убѣгало; производимое мною движеніе смѣшивало всѣ предметы, и я воображалъ, что все было въ безпорядкѣ.

Взялся я за голову, осязалъ мое чело и очи, провелъ рукою по всему тѣлу; она казалась мнѣ тогда начальнымъ членомъ моего бытія; чувствуемое мною въ семъ случаѣ было ясно и совершенно; услажденіе отъ сего казалось мнѣ такъ велико въ сравненіи удовольствія, которое составляли свѣтъ и звуки, что я совсѣмъ прилепился къ сей твердой части моего бытія и чувствовалъ, что мысли мои получали глубокость и существенность.

Все, что я ни ощущалъ на себѣ, казалось возвращающимъ мнѣ чувство за чувство, и каждое прикосновеніе производило въ душѣ моей двоякую мысль.

Скоро примѣтилъ я, что сія способность чувствовать находилась во всѣхъ частяхъ моего существа.

встаю... и неизвѣстная тайная сила несетъ меня.

Я ступилъ только одинъ шагъ: новость сего дѣйствія остановила меня. Мнѣ кажется, что бытіе мое убѣгаетъ; сдѣланное мною движеніе *смѣшало*, такъ сказать, предметы; думаю, что все пришло въ безпорядокъ.

Поднимаю руку, осязаю голову, лобъ, глаза, тѣло свое... рука кажется мнѣ теперь главнымъ орудіемъ моего бытія — и сіе чувство такъ ясно, такъ полно; удовольствіе его въ сравненіи съ пріятностію свѣта и звуковъ такъ совершенно, что я, оставляя все, занимаюсь единственно сею твердою частію моего существа. *Идеи* мои, углубляясь въ душѣ, получаютъ какую-то особливую силу.

Все, до чего я на себѣ касаюсь, платитъ рукѣ моей за чувство чувствомъ, и всякое прикосновеніе раждаетъ въ душѣ моей двоякую идею.

Наконецъ примѣчаю, что сіе чувство свойственно всѣмъ частямъ моего состава; примѣчаю, что бытіе

ties de mon être; je reconnus bientôt les limites de mon existence, qui m'avoit paru d'abord immense en étendue.

J'avois jeté les yeux sur mon corps, je le jugeois d'un volume énorme et si grand, que tous les objets qui avoient frappé mes yeux, ne me paroissoient être en comparaison que des points lumineux.

Je m'examinai long-tems, je me regardois avec plaisir, je suivois ma main de l'oeil et j'observois ses mouvemens; j'eus sur tout cela des idées les plus étranges, je croyois que le mouvement de ma main n'étoit qu'une espèce d'existence fugitive, une succession de choses semblables; je l'approchai de mes yeux, elle me parut alors plus grande que tout mon corps, et elle fit disparoître à ma vue un nombre infini d'objets.

Je commençai à soupçonner qu'il y avoit de l'illusion dans cette sensation, qui me venoit par les yeux; j'avois vu distinctement que ma main n'étoit qu'une petite partie de mon corps, et je ne pouvois comprendre qu'elle fût augmentée au point de me paroître d'une grandeur démésurée; je résolus donc de ne me fier qu'au toucher qui ne m'avoit pas encore trompé, et

моего. Я началъ понимать вскорѣ предѣлы моего существованія, казавшагося мнѣ дотолѣ необъятнаго пространства.

Объемля взоромъ все мое тѣло, казалось оно мнѣ толь чрезмѣрной величины, что всѣ предметы, представляющіеся глазамъ моимъ, являлись въ сравненіи съ онымъ быть токмо свѣтящимися точками.

Долго я себя разсматривалъ и взиралъ на себя съ удовольствіемъ; провождая руку мою взоромъ, примѣчалъ движеніе оныя, и имѣлъ странныя обо всемъ понятія. Я воображалъ себѣ, что движеніе руки моей было, какъ нѣкоторой видъ скоропреходящаго бытія и послѣдствіе вещей подобныхъ. Приближа ее къ глазамъ моимъ, казалася она мнѣ гораздо больше всего моего тѣла, и она скрывала отъ моего зрѣнія безконечное множество предметовъ.

Тогда началъ я подозрѣвать, что въ чувствованіи, посредствомъ глазъ пріобрѣтаемомъ, находится мечтаніе; ясно усмотрѣлъ, что рука моя была токмо малая часть тѣла моего, и я не могъ понять, какимъ образомъ могла она увеличиться до того, что казалась мнѣ необъятныя величины; и такъ вознамѣрился я полагаться во всемъ на одно осязаніе, которе меня еще ни въ чемъ не обманывало, и остерегаться

Я скоро позналь границы того моего бытія, которое прежде показалось мнѣ неизмѣримымъ въ протяженіи.

Я обратилъ глаза на свое тѣло; мнѣ показалось оное ужаснаго вида и толь велико, что всѣ предметы, поразившіе мои очи, казались мнѣ въ сравненіи его токмо блистающія точки.

Осматривалъ я себя долгое время, и взиралъ на себя съ удовольствіемъ; я слѣдовалъ за рукою своею глазами и примѣчалъ ея движенія; сіе произвело во мнѣ страннѣйшія мысли; я думалъ, что движеніе моей руки не другое что было, какъ родъ бѣглаго бытія, или послѣдованіе одного за другимъ подобныхъ вещей; приближилъ я ее къ глазамъ своимъ, она показалась мнѣ тогда болѣе всего моего тѣла, и заставила изчезнуть предъ зрѣніемъ моимъ безчисленное множество другихъ предметовъ.

Я началъ догадываться, что въ семъ чувствѣ было нѣкоторое очарованіе, происшедшее отъ глазъ; ибо я видѣлъ ясно, что рука моя была малая часть моего тѣла, и не могъ понять, какъ могла она увеличиться до того, что показалась мнѣ неизмѣримой величины, и такъ я рѣшился полагаться на одно только осязаніе,

мое, которое преждe казалось мнѣ неизмѣримымъ въ пространствѣ, имѣетъ предѣлы.

Взирая на тѣло свое, думаю, что оно безпримѣрной величины; и всѣ предметы, которые являются моимъ глазамъ, кажутся мнѣ, въ сравненіи съ онымъ, однѣми свѣтлыми точками.

Разсматриваю себя долго и съ удовольствіемъ слѣдую глазомъ за движеніемъ руки, и воображаю, что оно есть родъ *преходящаго бытія*, послѣдствіе вещей одинакихъ. Смотрю на нее вблизи, и думаю, что она болѣе всего моего тѣла; множество предметовъ ею закрывается.

Начинаю подозрѣвать, что глаза меня обманываютъ. Прежде я видѣлъ ясно, что рука составляетъ только малую часть тѣла и не могу понять, какимъ образомъ она вдругъ увеличилась.... Думаю, что лучше вѣрить осязанію, которое еще меня не обманывало, и быть осторожнымъ въ

d'être en garde [sur toutes les autres façons de sentir et d'être.

Cette précaution me fut utile; je m'étois remis en mouvement et je marchois la tête haute et levée vers le ciel, je me heurtai légérement contre un palmier; saisi d'effroi, je portai ma main sur ce corps étranger, je le jugeai tel, parce qu'il ne me rendit pas sentiment pour sentiment; je me détournai avec une espèce d'horreur, et je connus pour la première fois qu'il y avoit quelque chose hors de moi.

Plus agité par cette nouvelle découverte, que je ne l'avois été par toutes les autres, j'eus peine à me rassurer; et après avoir médité sur cet événement, je conclus que je devois juger des objets extérieurs comme j'avois jugé des parties de mon corps, et qu'il n'y avoit que le toucher qui pût m'assurer de leur existence.

Je cherchai donc à toucher tout ce que je voyois, je voulois toucher le soleil, j'étendois les bras pour embrasser l'horison, et je ne trouvois que le vide des airs.

A chaque expérience que je tentois, je tombois de surprise en surprise, car tous les objets me paroissoient être également près de moi; et ce ne fut qu'après une

прочихъ средствъ, чувствованіе бытія производящихъ.

Предосторожность сія была мнѣ полезна. Я паки привелъ себя въ движеніе и шествовалъ поднявъ главу вверхъ, и слегка задѣлъ за пальмовое дерево; объятый страхомъ, положилъ я свою руку на сіе постороннее тѣло, которое я таковымъ почелъ по той причинѣ, что оно не произвело во мнѣ послѣдствующихъ чувствованій; я устранился съ нѣкоторымъ родомъ содроганія и позналъ въ первой разъ, что есть вещи, внѣ моего состава находящіяся.

Болѣе пораженъ симъ открытіемъ, нежели всѣми предшествовавшими, едва могъ я успокоиться, и размысливъ о семъ случаѣ, сдѣлалъ заключеніе, что долженъ судить о внѣшнихъ предметахъ, такъ какъ я судилъ о частяхъ моего тѣла, и что единое орудіе осязанія могло меня увѣрить о бытіи оныхъ.

И такъ старался я осязать все мнѣ встрѣчающееся; желалъ я коснуться и самаго солнца, простиралъ мои руки на объятіе горизонта, и ничего не обрѣталъ кромѣ воздушной пустоты.

При всякомъ навыкѣ, мною пріобрѣтаемомъ, приходилъ изъ удивленія въ удивленіе; ибо всѣ предметы казалися мнѣ въ близкомъ и равномъ отъ меня разстояніи, и наконецъ, по

которое еще меня не обманывало, а другихъ родовъ чувствъ остерегаться.

Предосторожность сія была для меня полезна; я началъ двигаться, и шелъ поднявши голову къ небу, какъ вдругъ споткнулся на пальмовое дерево и изпугавшись хватился за сіе незнакомое тѣло; я его почелъ таковымъ, ибо оно не возвращало мнѣ чувства за чувство; я отворотился съ нѣкоторымъ ужасомъ, и позналъ въ первый разъ, что было еще нѣчто и внѣ меня.

Смутившись я болѣе симъ новымъ открытіемъ, нежели всѣми другими, мною до тѣхъ поръ изпытанными, съ трудомъ могъ въ томъ увѣриться; но помысливъ нѣсколько о семъ приключеніи, заключилъ, что мнѣ должно было судить такимъ же образомъ и о внѣшнихъ предметахъ, какъ я судилъ о частяхъ моего тѣла, и что не было другаго средства, которое бы меня увѣрило о ихъ бытіи, кромѣ осязанія.

И такъ я старался осязывать все, что ни видѣлъ; хотѣлъ я прикоснуться къ солнцу, и протянулъ руку для объятія горизонта, но не находилъ ничего кромѣ воздуха.

При каждомъ опытѣ, дѣлаемомъ мною, переходилъ я изъ удивленія въ удивленіе; ибо всѣ предметы казались мнѣ быть въ равной отъ меня близкости, и не прежде я научился у-

разсужденіи всѣхъ другихъ способовъ чувства и бытія.

Иду снова — поднявъ голову къ небу — и прямо нахожу на пальмовое дерево... Въ изумленіи прикасаюсь рукою къ сему *чуждому* тѣлу: — оно не платитъ мнѣ зачувство чувствомъ.... съ нѣкоторымъ ужасомъ отвращаюсь, и въ первой разъ узнаю, что есть бытіе кромѣ меня.

Удивленный такимъ новымъ открытіемъ болѣе, нежели всѣми другими, долго не могу успокоить себя; и размышляя о семъ случаѣ, заключаю, что мнѣ должно судить о внѣшнихъ предметахъ такъ же, какъ я судилъ о частяхъ своего тѣла, и что одно осязаніе можетъ увѣрить меня въ ихъ существованіи.

И такъ хочу осязать все, что вижу; хочу осязать солнце, обнять горизонтъ — простираю руки — объемлю одну пустоту воздушную.

Всякой новый опытъ приводитъ меня въ новое удивленіе; ибо всѣ предметы кажутся мнѣ равно близкими. Наконецъ, повторяя сіи опыты, вижу, что глаза должны управлять рукою;

infinité d'épreuves, que j'appris à me servir de mes yeux pour guider ma main; et comme elle me donnoit des idées toutes différentes des impressions que je recevois par le sens de la vue, mes sensations n'étant pas d'accord entr'elles, mes jugemens n'en étoient que plus imparfaits, et le total de mon être n'étoit encore pour moi qu'une existence en confusion.

Profondément occupé de moi, de ce que j'étois, de ce que je pouvois être, les contrariétés que je venois d'éprouver m'humilièrent; plus je réfléchissois, plus il se présentoit de doutes: lassé de tant d'incertitudes, fatigué des mouvemens de mon âme, mes genoux fléchirent, et je me trouvai dans une situation de repos. Cet état de tranquillité donna de nouvelles forces à mes sens; j'étois assis à l'ombre d'un bel arbre; des fruits d'une couleur vermeille descendoient en forme de grappe à la portée de ma main; je les touchai légérement; aussitôt ils se séparèrent de la branche, comme la figue s'en sépare dans le tems de sa maturité.

J'avois saisi un de ces fruits, je m'imaginois avoir fait une conquête, et je me glorifiois de la faculté que

весьма многочисленнымъ опытамъ, научался я, что при помощи глазъ долженъ я управлять моею рукою. И когда оная дѣлала въ умѣ моемъ впечатлѣнія весьма различныя отъ впечатлѣній, получаемыхъ посредствомъ чувства зрѣнія, то понятія мои, не согласовались между собою, разсужденія мои были болѣе несовершенны, и все мое бытіе для меня казалось существованіемъ неустроеннымъ.

Углубясь въ размышленіе о самомъ себѣ, что я такое былъ и что бы я быть могъ, противности испытанныя мною весьма унизили бытіе мое; чѣмъ болѣе я размышлялъ, тѣмъ болѣе встрѣчалися мнѣ сумнѣнія. Ослабленъ толикими неизвѣстностями, утомленъ движеніями души моея, почувствовалъ я, что колѣна мои подгибалися, и тѣло мое старалося снискать положеніе нужное къ отдохновенію. Сіе состояніе покоя возродило новыя силы въ моихъ чувствахъ; сидѣлъ я подъ тѣнію прекраснаго древа; плоды, алѣющіеся въ видѣ гроздовъ, висѣли надо мною такъ, что могъ я оные досягнуть рукою; какъ скоро я коснулся ихъ слегка, отдѣлились они отъ своихъ вѣтвій, подобно какъ смоквы отпадаютъ со смоковницы во время своея зрѣлости.

Я взялъ одинъ изъ сихъ плодовъ въ руку мою, и воображалъ, что тѣмъ сдѣлалъ пріобрѣтеніе, и надмѣвался чувствуемою мною

потреблять свои глаза для движенія руки, какъ по безчисленныхъ уже изслѣдованіяхъ, что самое зародило во мнѣ совсѣмъ другое чувствованіе, нежели которое я получилъ чрезъ зрѣніе; и какъ тогда чувства мои не были между собою согласны, то и разсужденія мои объ оныхъ были весьма несовершенны, и весь составъ существа моего не иное что былъ для меня, какъ бытіе, находящееся въ смѣшеніи.

но какъ она сообщаетъ мнѣ идеи совсѣмъ отличныя отъ идей зрѣнія, то понятія мои несогласны, сужденія несовершенны, и бытіе мое вообще есть для меня безпорядокъ.

Такимъ образомъ входя я въ подробное о себѣ разсужденіе, что я былъ, и чѣмъ могу быть, нашелъ, что противности, мною присемъ испытанныя, меня унизили; ибо чѣмъ болѣе я разсуждалъ, тѣмъ болѣе находилъ сомнѣній. Утомившись такою неизвѣстностію и утрудившись движеніями моея души, ослабѣлъ и успокоился. Сіе мое состояніе спокойствія подало новыя силы моимъ чувствамъ; я сидѣлъ подъ тѣнію прекраснаго дерева, на которомъ плоды красноватаго цвѣта висѣли наподобіе кисти въ близкомъ отъ моея руки разстояніи; я тихонько до нихъ дотронулся; они отдѣлились отъ вѣтви, какъ фига во время ея спѣлости.

Занимаясь собою, тѣмъ, что я, и что быть могу, теряюсь въ затрудненіяхъ и досадую. Чѣмъ болѣе размышляю, тѣмъ болѣе сомнѣваюсь. Неизвѣстность, волненіе души утомляютъ меня;— ноги мои подгибаются — я отдыхаю. Сіе успокоеніе оживляетъ мои чувства. Сижу въ тѣни прекраснаго дерева; плоды краснаго цвѣта висятъ кистями надъ головой моей; тихонько прикасаюсь къ нимъ... они падаютъ съ вѣтви, такъ какъ смоква во время зрѣлости своей падаетъ.

Я взялъ одинъ изъ сихъ плодовъ; воображалъ себѣ, что сдѣлалъ побѣду, и возносился способностію, которую ощущалъ въ себѣ,

Схвативъ одинъ изъ сихъ плодовъ, торжествую и радуюсь способностію вмѣщать въ рукѣ своей другое, цѣлое тѣло. Тягость его

je sentois de pouvoir contenir dans ma main un autre être tout entier; sa pesanteur, quoique peu sensible, me parut une résistance animée que je me faisois un plaisir de vaincre.

J'avois approché ce fruit de mes yeux, j'en considérois la forme et les couleurs, une odeur délicieuse me le fit approcher davantage; il se trouva près de mes lèvres; je tirois à longues inspirations le parfum, et goûtois à longs traits les plaisirs de l'odorat; j'étois intérieurement rempli de cet air embaumé, ma bouche s'ouvrit pour l'exhaler, elle se rouvrit pour en reprendre; je sentis que je possédois un odorat intérieur plus fin, plus délicat encore que le premier, enfin je goûtai.

Quelle saveur! quelle nouveauté de sensation! Jusques-là je n'avois eu que des plaisirs, le goût me donna le sentiment de la volupté; l'intimité de la jouissance fit naître l'idée de la possession, je crus que la substance de ce fruit étoit devenue la mienne, et que j'étois le maître de transformer les êtres.

Flatté de cette idée de puissance, incité par le plaisir que j'avois senti, je cueillis un second et un troi-

способностію держать въ моей рукѣ другое тѣло особливаго отъ меня вещества. Тягость онаго, хотя мало чувствительная, казалася мнѣ сопротивленіемъ одушевленнымъ, въ преодолѣніи котораго искалъ я своего удовольствія.“

Плодъ сей приближалъ я къ глазамъ моимъ, разсматривалъ видъ онаго и цвѣты; пріятной его запахъ понудилъ меня болѣе его приближить; онъ почти касался устъ моихъ. Помалу вдыхалъ я въ себя *благовоненіе* онаго, и долгое время наслаждался чувствованіемъ обонянія: сей бальзамической воздухъ наполнилъ всю мою внутренность; отверзлися уста мои, дабы выдохнуть оный; но вскорѣ потомъ паки разтворилися для вбиранія онаго. Я примѣтилъ, что внутри меня находилося чувство обонянія гораздо нѣжнѣйшее предъ наружнымъ; наконецъ я вкусилъ плода онаго.

Коль пріятный вкусъ! какое новое чувствованіе! дотолѣ ощущалъ я одно удовольствіе, но вкусъ возродилъ во мнѣ сладость, употребленіе же дало мнѣ понятіе о принадлежности мнѣ. Я мнилъ, что вещество сего плода содѣлалося моимъ веществомъ, и что я имѣлъ власть преображать вещества.

Ласкаемъ будучи симъ понятіемъ о моей власти, возбуждаемъ чувствуемымъ мною удовольствіемъ, сорвалъ другой и третій плодъ,

могши держать въ рукѣ своей другое совсѣмъ бытiе; тяжесть его хотя и непримѣтная, казалась мнѣ чувствительно сопротивляющеюся, но я за удовольствiе почиталъ оную побѣдить.

кажется мнѣ *одушевленнымъ сопротивленiемъ*, которое мнѣ весело побѣждать.

Я разсматривалъ сей плодъ своими глазами, примѣчалъ видъ и цвѣтъ онаго; а прiятной запахъ заставилъ меня еще болѣе его къ себѣ приближить; и какъ онъ находился близь рта моего, я услаждался чрезъ обонянiе онаго запахомъ. Я внутренно наполненъ былъ симъ благоуханнымъ воздухомъ, ротъ мой отверзся для обнюханiя онаго; при семъ возчувствовалъ я, что имѣлъ въ себѣ внутреннее обонянiе, гораздо чистѣйшее и нѣжнѣйшее перваго; наконецъ я отвѣдалъ.

Какой вкусъ! какая новость чувствованiя! до сихъ поръ я имѣлъ только удовольствiе, но вкусъ подалъ мнѣ чувствованiе роскоши, а внутренность наслажденiя произвела мысль къ обладанiю; я думалъ, что существо плода сего сдѣлалось моимъ, и что я могъ перемѣнять предметы въ другой видъ.

Разсматриваю образъ и цвѣтъ плода. Прекрасный духъ заставляетъ меня поднести его ближе къ лицу; онъ подлѣ моихъ губъ; вбираю въ себя благоуханiе, и наслаждаюсь удовольствiемъ обонянiя. Будучи внутренно наполненъ симъ бальзамическимъ воздухомъ, растворяю ротъ, чтобы выдохнуть ароматы; снова растворяю его, чтобы снова ими наполниться; чувствую, что у меня есть внутреннее обонянiе, еще нѣжнѣйшее перваго.... наконецъ *вкушаю*.

Какая сладость! какое новое чувство! До сей минуты имѣлъ я только *удовольствiя*; вкусъ даетъ мнѣ *чувство роскоши*. *Непосредственность* наслажденiя производитъ идею о собственности; думаю, что сущность сего плода сдѣлалась моею, и что я могу преображать всѣ вещи.

Ласкаемъ такимъ могуществомъ, и возбуждаемъ удовольствiемъ, мною чувствуемымъ, я не переставалъ срывать оные плоды

Радуясь своимъ могуществомъ, и возбуждаемый удовольствiемъ, срываю второй, третiй плодъ, и рука моя не устаетъ слу-

sième fruit, et je ne me lassois pas d'exercer ma main pour satisfaire mon goût; mais une langueur agréable s'emparant peu à peu de tous mes sens, appésantit mes membres, et suspendit l'activité de mon âme: je jugeai de son inaction par la mollesse de mes pensées, mes sensations émoussées arrondissoient tous les objets et ne me présentoient que des images foibles et mal terminées: dans cet instant, mes yeux devenus inutiles se fermèrent, et ma tête n'étant plus soutenue par la force des muscles, pencha pour trouver un appui sur le gazon.

Tout fut effacé, tout disparut, la trace de mes pensées fut interrompue, je perdis le sentiment de mon existence: ce sommeil fut profond, mais je ne sais s'il fut de longue durée, n'ayant point encore l'idée du tems et ne pouvant le mesurer: mon réveil ne fut qu'une seconde naissance, et je sentis seulement que j'avois cessé d'être.

Cet anéantissement que je venois d'éprouver me donna quelque idée de crainte, et me fit sentir que je ne devois pas exister toujours.

и не попускалъ рукѣ моей быть праздною для удовлетворенія вкусу моему; но нѣкоторая пріятная усталость мало по малу овладѣла всѣми моими чувствами; ослабѣли мои члены, и прервалась дѣятельность души моей; о недѣйствіи оныя заключалъ я изъ слабости моихъ мыслей; приступленныя мои чувства представляли мнѣ предметы въ кругломъ видѣ, коихъ изображенія были слабы и несовершенны. Въ сію минуту глаза мои содѣлалися мнѣ безполезными и сомкнулися, и глава моя, не будучи поддерживаема силою мышцъ, наклонилася дабы на травѣ получить подпору.

Все миновалося, все сокрылося отъ меня, нить моихъ мыслей прервалася, и я лишился чувствованія о бытіи моемъ: я пробылъ въ глубокомъ снѣ, но продолженіе его было мнѣ неизвѣстно, поелику я никакого не имѣлъ понятія о времени и не могъ измѣрять онаго; пробужденіе мое было для меня вторымъ рожденіемъ; я то токмо чувствовалъ, что бытіе мое на нѣкоторое время пресѣклось.

Сіе прешедшее мое ничтожество произвело во мнѣ нѣкоторое понятіе о страхѣ, и познаніе о томъ, что бытіе мое не всегдашнее.

для удовольствованія моего вкуса; но пріятная томность, обладая мало по малу всѣми моими чувствами, отягчила мои члены и остановила живость души моей; я судилъ о недѣйствіи ея по слабости своихъ мыслей; чувства мои окружали всѣ предметы, и не представляли мнѣ ничего, кромѣ слабыхъ и несовершенныхъ видовъ. Въ сію минуту глаза мои, сдѣлавшись безполезными, закрылись, и голова моя, не будучи поддерживаема силою мускуловъ, опустилась для сысканія подпоры на дернѣ.

жить вкусу; но пріятная томность мало по малу вливается въ мои чувства, отягощаетъ всѣ члены и прерываетъ дѣятельность моей души. Мысли мои слабѣютъ; притупленныя чувства отражаютъ еще внѣшность, но въ темныхъ, несовершенныхъ чертахъ. Глаза мои, уже безполезные, закрываются; голова, не поддерживаемая силою мускуловъ, опускается на траву.

Все загладилось, все изчезло, мысли мои были прерваны, я потерялъ чувствованіе моего бытія: сей сонъ былъ глубокъ, но не знаю, былъ ли онъ продолжителенъ; поелику я еще не имѣлъ понятія о времени, и не могъ размѣрять онаго. Пробужденіе мое было для меня вторымъ рожденіемъ и я чувствовалъ только, что бытіе мое прекращалось.

Все изчезаетъ; слѣдъ мыслей моихъ прерывается; теряю чувство бытія. . . Сонъ мой былъ глубокъ; но сколько онъ продолжался, не знаю: ибо не имѣю еще понятія о времени, не умѣю измѣрять его. Пробужденіе есть для меня второе рожденіе; знаю только, что я преставалъ существовать.

Сіе уничтоженіе, мною испытанное, дало мнѣ нѣкоторую мысль о страхѣ, и заставило меня помыслить, что я невсегда долженъ существовать.

Сіе временное уничтоженіе приводитъ меня въ нѣкоторой страхъ; оно дало мнѣ чувствовать, что я не всегда могу жить.

J'eus une autre inquiétude; je ne savois si je n'avois pas laissé dans le sommeil quelque partie de mon être; j'essayai mes sens, je cherchai à me reconnoître.

Mais tandis que je parcourois des yeux les bornes de mon corps pour m'assurer que mon existence m'étoit demeurée toute entière, quelle fut ma surprise de voir à mes côtés une forme semblable à la mienne! Je la pris pour un autre moi-même: loin d'avoir rien perdu pendant que j'avois cessé d'être, je crus m'être doublé!

Dans cet instant, l'astre du jour sur la fin de sa course éteignit son flambeau; je m'apperçus à peine que je perdois le sens de la vue; j'existois trop pour craindre de cesser d'être; et ce fut vainement que l'obscurité où je me trouvai, me rappella l'idée de mon premier sommeil.

Buffon.

Я объятъ былъ еще новымъ безпокойствіемъ; не зная точно, не лишился ли я во время сна моего каковой-либо части моего существованія, изпытывалъ мои чувства и старался паки познать себя.

Но осматривая все пространство тѣла моего, дабы увѣриться, что бытіе мое осталося въ совершенной цѣлости, въ какое приведенъ былъ изумленіе, узрѣвъ подлѣ себя образъ подобный моему! я почелъ оный за втораго себя, и думалъ, что я во время небытія моего не токмо ничего не лишился, но паче усугубленъ былъ.

Въ сію минуту дневное свѣтило находилося при концѣ своего теченія и угасило свое сіяніе; едва я примѣтилъ, что лишился чувства зрѣнія. И такъ ни малѣйшаго мнѣ не оставалося сомнѣнія, что я никогда не лишуся бытія моего; тщетно объявшая меня темнота приводила мнѣ на память понятія о первомъ снѣ моемъ.

Лелехинъ.

Ёще другое меня безпокоило: я не зналъ, не потерялъ ли во снѣ какой нибудь части моего бытія, по сему изпытывалъ свои чувства, и старался себя осмотрѣть.

Но въ то самое время, когда я обозрѣвалъ свое тѣло, для удостовѣренія себя о цѣлости своего существа, какимъ пораженъ былъ удивленіемъ, увидѣвъ возлѣ себя видъ, подобный моему! Я принялъ оный за другаго самого себя; ибо вмѣсто того, чтобъ потерять что нибудь въ то время, какъ прерывалось мое бытіе, нашелъ себя напротивъ того умноженнымъ.

Въ сію минуту дневная звѣзда, бывшая уже при концѣ своего теченія, изчезла, и я едва примѣтилъ, что терялъ чувство зрѣнія; я существовалъ, чтобы опасаться быть уничтожену, да и самая сія темнота, въ коей я находился, тщетно напоминала мнѣ о прежнемъ моемъ снѣ.

Малиновскій.

Другое безпокойство раждается: не оставилъ ли я во снѣ части существа моего? Изпытываю свои чувства; стараюсь снова *узнать себя.*

Но осматривая тѣло свое, и увѣряясь въ цѣлости моего состава, съ какимъ неописанымъ изумленіемъ вижу подлѣ себя новое подобное мнѣ существо! Сперва думаю, что оно *другой я*; думаю, что во снѣ я не только не потерялъ себя, но еще удвоился.

Въ сію минуту лучезарное солнце погашаетъ свѣтильникъ свой; едва примѣчаю, что лишаюсь зрѣнія. Уже не боюсь ничтожества; существо мое укоренилось, и темнота вечерняя напрасно возпоминаетъ мнѣ прежній сонъ мой.

Карамзинъ.

VI. ОПИСАНІЕ АРАВІЙСКОЙ ПУСТЫНИ.

[Изъ Бюффона.]

Вообразите страну безплодную, безъ зелени и безъ воды, огненное солнце, небо вѣчно разкаленное, равнины песчаныя, горы еще пустѣйшія (гдѣ взоръ теряется и не находитъ ни одного живаго предмета), землю мертвую, изрытую (такъ сказать) вѣтрами — землю, которая не представляетъ ничего, кромѣ костей, камней, скалъ стоящихъ или низверженныхъ, совершенно открытую пустыню, гдѣ путешественникъ никогда въ сѣни не покоился, гдѣ ничто ему не сопутствуетъ, ничто не напоминаетъ живой Природы; — непрерывное уединеніе, гораздо страшнѣйшее уединенія дремучихъ лѣсовъ; ибо дерева все еще кажутся намъ существами, — но здѣсь, лишенный всего, теряясь въ неограниченныхъ пустыняхъ, человѣкъ видитъ въ пространствѣ гробъ свой; дневное свѣтило, печальнѣйшее темноты ночной, возходитъ единственно для того, чтобы явить ему весь ужасъ его положенія, расширяя предъ нимъ область пустоты и бездну неизмѣримости, отдѣляющей его отъ земли обитаемой. Нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія! голодъ, жажда и зной терзаютъ его во всѣ тѣ минуты, которыя еще должно ему прожить между отчаянія и смерти.

Карамзинъ.



ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ПИСЬМА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Подлинники.

I. ПИСЬМО ЛОМОНОСОВА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ Вашему Превозходительству пишу, за чудо почитайте; для того что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу что Г. Профессора Рихмана громомъ убило въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего Іюля въ 26е число, въ первомъ часу по полудни, поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видалъ я ни малаго признака электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искръ, и къ тому пришла моя жена и другіе; а какъ я, такъ и они безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались; затѣмъ что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойной Профессоръ со мною спорилъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза, и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали, и жена просила, чтобы я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что щи простынутъ, а притомъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ,

въ страхѣ и запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ побилъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *Профессора громомъ зашибло.* Въ самой возможной скорости, какъ силъ было много, пріѣхавъ я, увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачъ его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я *великому множеству* сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на лице того, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линѣи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини, и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, затѣмъ что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ, сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ Г. Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, а другая около полугоду, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ нещастіи плачутъ. Того ради, Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего, маленькаго Рихмана, могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 рублей. Милостивый государь! изходатайствуй

бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и

Вашего Превосходительства

Санктпетербургъ

Всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ

Іюля 26. 1753.

Михайла Ломоносова.

II. ПИСЬМО ФОНЪ-ВИЗИНА КЪ ЕГО ПРІЯТЕЛЮ О ПЛАНѢ РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ.

Мучительная головная боль цѣлыя двѣ недѣли меня не покидала, и препятствовала мнѣ отвѣчать на дружеское письмо ваше отъ 7 сего мѣсяца. Позвольте васъ изкренно поздравить какъ съ табакеркою, такъ и со всеобщею похвалою вашему переводу, котораго экземпляръ получивъ отъ васъ, читалъ я съ большимъ удовольствіемъ.

Теперь лежатъ у меня передъ глазами примѣчанія И.... Н.... Б..... на начертаніе нашего словаря. Я въ сіе дѣло не мѣшаюсь; потому что Академія представленія его почти всѣ уже приняла (*); начертаніе перемѣнено, и слѣдственно все дѣло кончено. Почитаю рѣшеніе Академіи; но чтобъ имѣть удовольствіе съ вами болѣе побесѣдовать, хочу сообщить здѣсь мнѣніе мое о сихъ перемѣнахъ. Посвящаю вамъ цѣлое утро, Боюсь только, чтобъ матерія моя не завела меня далеко, и чтобъ письмо мое не сдѣлалось тетрадью.

(*) Сочинитель былъ тогда въ Москвѣ, и по неосновательному слуху заключилъ, что Академія положила принять сіи примѣчанія; но вмѣсто того она опредѣлила прочитать только ихъ въ публичномъ собраніи, не перемѣняя ни мало общаго плана.

Въ такомъ случаѣ прошу васъ дружески, его не дочитывать; я лучше хочу не быть читанъ, нежели быть скученъ. А всего болѣе прошу васъ не дѣлать изъ всего письма никакого употребленія; въ чемъ на скромность вашу совершенно полагаюсь.

Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а уменшительныя ихъ еще менше; и естьли Ивану нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе Ванькѣ такая претензія прилична. Что же касается до увеличивательныхъ, будто духовными особами употребляемыхъ, то я отъ роду не слыхивалъ, чтобъ собственныя имена имѣли когда нибудь увеличивательныя. Знаю, что бываютъ они полныя и сокращенныя, на пр. Іоаннъ, Иванъ; но не думаю, чтобъ какой нибудь Архіерей назвалъ себя когда нибудь смиренный Іоаннище. Буде имя Іоаннъ для того увеличивательное, что содержитъ больше слоговъ и буквъ нежели Иванъ, то по сему правилу Василиса былобъ увеличивательное Вассы. Я не стану говорить объ Акулинѣ, которая титло имени увеличивательнаго никогда не согласится изъ доброй воли уступить Акилинѣ, имѣя съ нею равное число буквъ и слоговъ.

Естьли полагать, что уменшительныя именъ собственныхъ принадлежатъ къ нашему словарю, то безъ сомнѣнія принадлежатъ къ нему и происходящія отъ собственныхъ прилагательныя: напр. отъ Петра Петровъ, отъ Никиты Никитинъ, равнымъ образомъ и отечества, на пр. Кузмичъ, Матвѣичъ, Кузминишна, Матвѣевна. Разсудите, не грѣшно ли терять время на такія безплодныя упражненія?

Академія положила принять въ словарь изъ собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное, и которое нѣтъ? — Всякой за свое имя вступится. Въ вашемъ домѣ Осипъ, въ моемъ Денисъ, весьма употребительны, и мнѣ кажется, что всякое имя нарекается Христі-

янину при святомъ крещенiи точно для того, чтобъ оно было употребительно. Вѣрьте мнѣ, что буде въ лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими уменшительными, привѣтственными, уничижительными и проч. составятъ въ словарѣ нашемъ однихъ Петрушекъ, Ванюшекъ, Анютокъ, Мареутокъ, по крайней мѣрѣ не менше тридцати тысячъ душъ. Тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ! Что нѣкоторыя собственныя имена употребляются въ пословицахъ, то *не составляетъ причины* къ помѣщенiю ихъ въ словарь нашей Академiи. Всѣ такiя пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили, весьма низки и умомъ и выраженiемъ; желательно, чтобъ онѣ вовсе были забыты.

Между *резонами* для принятiя въ словарь именъ собственныхъ, Академiя уважила (*), что „въ древнихъ нашихъ челобитныхъ и производствахъ просители употребляли имена уменшительныя.“ Но уваживъ сей резонъ, приняла совсѣмъ, коли смѣю сказать, противорѣчащее ему правило: внесть въ словарь собственныя имена только самыя употребительныя. Неужели въ нашей древности могъ подавать челобитье тотъ только, кто назывался напр. Иваномъ или Петромъ? Я увѣренъ что Гурiй и Варсонофiй равное съ ними имѣли право; а по сему резону, естьли собственныя имена въ словарь принимать, то принимать всѣ: въ каковомъ случаѣ безплодное приращенiе словаря, простираясь еще на нѣсколько фолiантовъ, отдалило бы благополучное онаго окончанiе на безконечные вѣки.

Имена Филя, Өедора, конечно въ словарь нашъ внесены быть должны, — но не какъ имена собственныя, а какъ имена, употребляющiяся въ метафорическомъ смыслѣ. Я желалъ бы еще, чтобъ помѣщены были всѣ содержащiя

(*) Авторъ все сiе говоритъ объ Академiи, основываясь на дошедшемъ до него несправедливомъ слухѣ. — Разумѣется, что Фонъ-Визинъ не употребилъ бы слова *резонъ*, естьлибы онъ писалъ для публики и для печати. *Примѣчанiе Издателя Вѣстника Европы.*

метафорической смыслъ собственныя имена особь, прославившихся въ Исторіи какъ добродѣтелями, такъ и пороками. Я желалъ бы, напримѣръ, чтобъ въ словарѣ нашемъ было изтолковано, что имя Неронъ заключаетъ въ себѣ идею лютаго тирана, Титъ Государя милосердаго, Сарданапалъ тирана сладострастнаго; что Зоиломъ именуется злобный и презрительный критикъ; что имя Катилина сдѣлалось титломъ высокомѣрнаго врага отечеству. Симъ образомъ потомство судитъ дѣянія своихъ предковъ. Таковый судъ есть достойное возмездіе порока, достойная награда добродѣтели. Сіе нечувствительно обращаетъ мысль мою на щастіе нашего времени; ибо нѣтъ сомнѣнія, что когда отдаленнѣйшіе потомки станутъ читать новыя грядущихъ временъ изданія нашего толковаго словаря, уже найдутъ они въ немъ имя *Екатерины* въ разумѣ слова, знаменующаго премудрую Монархиню.

Г. Сочинитель примѣчаній въ одномъ мѣстѣ говоритъ, „что нынѣшній лексиконъ Французской Академіи признается отъ всѣхъ вообще лучшимъ словаремъ.“ Я самъ того же мнѣнія, и весьма согласенъ держаться всего, что въ немъ наблюдаемо. Тогда бы въ нашемъ словарѣ не было ничего лишняго: въ немъ не найдете вы ни Anne, ни Annette, ни Pierre, ни Pierrot.

Въ слѣдствіе примѣчаній, Академія опредѣлила внесть въ словарь названія государствъ, столицъ и знатнѣйшихъ Россійскихъ городовъ. Естьлибъ я случился тогда съ вами, то взялъ бы смѣлость поспорить. Теперь въ словарь нашъ войдетъ напримѣръ Франція. Сдѣлаемъ ей дефиницію кратчайшую: „Франція есть большее Европейское Государство, окруженное Нидерландами, Германіею, Швейцаріею, Савойскою землею, Средиземнымъ моремъ, Пиренейскими горами и Океаномъ. Оно находится между 13 и 26 градусами долготы, и между 42 и 51 градусами широты.“ Пожалуйте скажите, положеніе Франціи, счетъ градусовъ долготы и широты ея составляетъ ли существо Славяно-Россійскаго языка? Мнѣ кажется, что нашедъ въ нашемъ словарѣ

сію дефиницію, я такъ же бы удивился, какъ естьлибъ въ словарѣ Географическомъ нашелъ, что „Франція есть имя собственное, числа единственнаго, рода женскаго.“ Г. Сочинитель примѣчаній говоритъ, что знаніе положенія земель весьма полезно: безъ сомнѣнія, но я увѣренъ, что онъ же признаетъ полезнымъ и знаніе Грамматики: слѣдуетъ ли же изъ того, чтобь въ Географію заѣхала Грамматика, а въ Грамматику Географія? Мнѣ кажется, всякая вещь должна быть въ своемъ мѣстѣ. Всего бы лучше держаться и въ семъ случаѣ лексикона Французской Академіи. Въ немъ не найдете вы ни France, ни François, ни Angleterre ни Anglois. Найдете Juif; но съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: Juif subst. masc. On ne met pas ici ce mot comme le nom d'une nation, mais parce qu'il s'emploie figurément en quelques phrases de la langue. Ainsi on appelle Juif un homme qui prête à usure, etc.

Я весьма согласенъ дать въ семъ разумѣ Жиду мѣсто и въ нашемъ словарѣ, но не пускать въ него Іудеанина.

Въ разсужденіи техническихъ терминовъ, Г. Сочинитель примѣчаній, кажется, весьма недоволенъ нашимъ начертаніемъ. Онъ, „воображаетъ себѣ Россіянина, которой, ухватясь за нашъ словарь, ищетъ въ немъ словъ: *аберрація*, *перигей*, *эпакта*, *архитрава*; представляетъ себѣ досаду его, когда онъ рывшися повсюду, не найдетъ въ немъ искомыхъ словъ; какое справедливое будетъ его негодованіе на сочинителей! какъ они въ винѣ своей останутся безмолвны.“ Естьлибъ сія нещастная сцена при мнѣ приключилась, я не далъ бы ей *долго продолжаться*: разкрылъ бы при немъ нашъ словарь, указалъ бы ему въ немъ *аберрацію*, *перигея*, и спросилъ бы его безъ чиновъ: „да за что же ты бранишься?“ И дѣйствительно, ежели словарь дѣланъ будетъ по начертанію, то каждое изъ сихъ въ своемъ мѣстѣ найдется. Въ начертаніи изключаются тѣ только названія техническія, кои однимъ ученымъ извѣстны; но какъ многимъ не Астрономамъ извѣстны: аберрація и

перигей; многимъ не Хронологамъ знакома эпакта (*), многіе не Архитекторы знаютъ, что архитрава: то въ силу начертанія всѣ сіи слова должны непремѣнно имѣть мѣсто въ нашемъ словарѣ. Буде же кто захочетъ искать въ немъ названій напр. каждой корабельной веревочки, и не нашедъ ихъ, изволитъ разсердиться — пусть его гнѣвается! Мы невиноваты, естьли кто въ словарѣ нашемъ не найдетъ того, чего искать въ немъ недолжно.

Je reviens toujours à mes moutons. Станемъ держаться лексикона Французской Академіи; въ немъ есть aberration, périgée, épacte, architrave; но со всѣмъ тѣмъ сочинители наблюдали строго правило de n'admettre dans leur dictionnaire que les termes élémentaires des sciences, des arts, et même ceux des métiers, qu'un homme de lettres est dans le cas de trouver dans des ouvrages, où l'on ne traite pas expressément des matières, aux quelles ces termes appartiennent.

Далѣе въ примѣчаніяхъ нашелъ я слѣдующее, совсѣмъ излишнее разсужденіе: „Провинціяльныя слова, неизвѣстныя или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря; ибо нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ обогащенію языка, каковы суть: луда, тундра и проч.“ Правда, что естьлибъ въ начертаніи таковое изгнаніе предписано было, можетъ быть въ словарѣ нашемъ не былобъ ни луды, ни тундры. Воля Господня! и тутъ бѣда былабъ не велика; но какъ именно сказано въ начертаніи, что „должны имѣть въ словарѣ мѣсто всѣ тѣ провинціяльныя слова, кои служатъ къ обогащенію нашего языка:“ то буде луда и тундра очень хороши (**), найдутъ и онѣ мѣсто въ нашемъ словарѣ.

(*) Смыслъ *аберраціи* выражается Русскимъ словомъ, *уклоненіе*: слѣдственно можно и не ставить Латинскаго слова, но Греческія *эпакта* и *перигей* должны безъ сомнѣнія войти въ лексиконъ. —*Прим. Изд. В. Е.*

(**) Сибирское слово *тундра* должно быть въ Русскомъ лексиконѣ, ибо никакимъ другимъ мы не означаемъ обширныхъ, низкихъ, безлѣсныхъ равнинъ, заросшихъ мхомъ, о которыхъ можетъ говорить Поэтъ, Географъ, путешественникъ, описывая Сибирь и берега Ледовитаго моря; но въ лудѣ, кажется, нѣтъ большей нужды. — *Прим. Изд. В. Е.*

Академія нынѣ рѣшилась, „ставить глаголы, какъ то и должно было, въ первомъ лицѣ настоящаго времени; ибо многіе, разное знаменованіе имѣющіе глаголы, одинаково пишутся въ неопредѣленномъ, на пр: *жну, жать, и жму, жать.*" — Не понимаю, почему глаголы такъ ставить должно было; увѣренъ я напротивъ того, что въ нашемъ языкѣ весьма мало сыщется глаголовъ подобныхъ *жну, жать,* и *жму, жать.* Противъ каждаго изъ нихъ берусь выставить другой, которой, имѣя разное знаменованіе, пишется въ первомъ лицѣ одинаково, на пр. *лазить, лажу, и ладить, лажу, пѣть, пою, поить, пою.* — Есть хорошіе лексиконы, гдѣ глаголы ставятся въ первомъ лицѣ; есть очень же хорошіе, гдѣ они ставятся въ неопредѣленномъ. Въ сей перемѣнѣ не вижу никакой выгоды; но вижу замѣшательство, и весьма великое; ибо наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержитъ глаголы въ неопредѣленномъ. Теперь надобно переводить ихъ на новыя квартиры: *быть* изъ литеры Б отправить въ литеру Е, *есмь*; *слать* изъ литеры С въ литеру Ш, *шлю*, и проч.

Главнѣйшее примѣчаніе осталось, какъ слышу, безъ рѣшенія, то есть: разположить словарь аналогическимъ ли порядкомъ, или этимологическимъ? Резоны противъ начертанія кажутся мнѣ ни мало не основательны. Таблица аналогическая отнюдь не есть второй словарь, но есть истинная и полезная Table des matières (*) нашего толковаго словаря. Неужель состоящая въ двухъ томахъ подобная таблица словаря энциклопедическаго есть вторая Энциклопедія? — Г. Сочинитель примѣчаній говоритъ, что „въ этимологическомъ лексиконѣ нашедъ *иногда* указанную страницу, не прежде сыщешь въ ней слово, какъ по прочтеніи ея съ начала до конца." Сіе *иногда* случается нерѣже и съ лексикономъ аналогическимъ: но и въ томъ и въ другомъ нѣтъ конечно нужды читать страницу съ начала до конца; а надобно ее обо-

(*) Означеніе содержанія.

зрѣть, потому что не въ естествѣ вещей въ одинъ мигъ попадать глазами на искомое слово. Что же надлежитъ до перваго изданія лексикона Французской Академіи, которой былъ этимологическій, то конечно неудобности его были весьма велики; ибо не было при немъ той таблицы, которая всѣ неудобства отвращаетъ, и которая будетъ при нашемъ словарѣ. Впрочемъ я то знаю, что изъ словаря этимологическаго шестьдесять подьячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь аналогической, а изъ словаря аналогическаго шестьдесять Членовъ Россійской Академіи ни въ пять лѣтъ не сдѣлаютъ словаря этимологическаго(*).

Письмо мое несносно длинно. Чувствую, что нѣтъ въ немъ ни складу, ни ладу; но я пишу къ другу. Надѣюсь отъ него такого снизхожденія, съ какимъ изкреннимъ почтеніемъ и преданностію пребываю вамъ — и проч.

Фонъ-Визинъ.

III. ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Іюля. 4. 1789.

Вчера поутру въ шесть часовъ поѣхали мы съ Д.... верхомъ въ Потсдамъ. Ничего нѣтъ скучнѣе этой дороги: вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ занимательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видъ Потсдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ трактирѣ, не доѣзжая до городскихъ воротъ. Отдохнувъ и заказавъ обѣдъ, пошли въ городъ. У воротъ записали наши имена; однакожъ въ разсужденіи допросовъ нынѣ нѣтъ уже такой строгости, какъ прежде. Покойной Король, живучи въ Потсдамѣ,

(*) Это отчасти справедливо; но всѣ ли догадаются, что надобно искать, напримѣръ, облака въ литерѣ В? Многіе должны рыться во всѣхъ аналогическихъ таблицахъ, чтобы отыскать это слово. — *Прим. Изд. В. Е.*

хотѣлъ знать обо всѣхъ пріѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, которое украшено Римскими колоннадами, училась гвардія: прекрасные люди! прекрасные мундиры! Видъ дворца со стороны сада очень хорошъ. Городъ вообще прекрасно выстроенъ. Въ большей, такъ называемой *Римской улицѣ*, много великолѣпныхъ домовъ, которые построены отчасти по образцу огромнѣйшихъ Римскихъ палатъ. Покойной Король на собственныя свои деньги строилъ домы, и дарилъ ихъ, кому хотѣлъ. Теперь сіи огромныя зданія пусты, или занимаются солдатами. Жителей очень мало; причиною то, что нынѣшній Король совсѣмъ оставилъ сей городъ, предпочитая ему Шарлотенбургъ. Не для того ли противенъ ему Потсдамъ, что онъ, будучи Принцемъ, имѣлъ тамъ много неудовольствій и досадъ? Вообразите, что цѣлый домъ въ два этажа можно нанять тамъ за пятьдесять рублей въ годъ; да и то нанимать нѣкому. На дверяхъ большихъ домовъ висятъ солдатскія сумы, камзолы и проч. Коротко сказать, Потсдамъ похожъ на такой городъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защищенія. Не можете представить, какъ печаленъ этотъ видъ пустоты!

Въ Потсдамѣ есть Русская церковь подъ надзираніемъ стараго Русскаго солдата, которой живетъ тамъ со временъ царствованія Императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлой старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и услышавъ, что мы Русскіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *слава Богу! слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Русски; но мы съ трудомъ могли *разумѣть* другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-Русски. „Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можетъ быть, забываю его.“

И то и другое правда, отвѣчали мы. „Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника.“ Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, которой по воскресеньямъ приходитъ туда, читать святѣйшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. „Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей нѣкому будетъ смотрѣть за церковью.“ — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ; простились съ добрымъ старикомъ и пожелали ему — тихой смерти.

Эглизау, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ Б... изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бодро, но скоро силы мои начали изтощаться — день былъ самой ясной — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на траву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б..... которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ трактира вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои, и мы черезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожъ до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ, и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? „Я думаю, от-

вѣчалъ Б...., что оно — слишкомъ — слишкомъ возвеличено путешественниками." Мы одно думаемъ, сказалъ я: рѣка, съ пѣною и съ шумомъ низпадающая съ камней, конечно стоитъ того, чтобы взглянуть на нее; однакожъ гдѣ тотъ громозвучной, ужасной водопадъ, которой вселяетъ трепетъ въ сердце? — Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ, и боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, отложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадъ вблизи. Насилу могъ я дотащиться до города: такъ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ трактиръ *вѣнца*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходцы и съ головы до ногъ покрыты пылью—приняли насъ очень учтиво. Сей трактиръ почитается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи, и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монтань упоминаетъ объ немъ, и притомъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монтань былъ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году. — Послѣ хорошаго ужина бросился я на постелю и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сего-дня, былъ я у Кандидата Миллера, Автора хорошо принятой книги, подъ титуломъ Philosophische Aufsätze, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ далъ мнѣ Лафатеръ рекомендательныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что паденіе Рейна не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со стороны Цириха, перестали они дивиться, и увѣряли меня, что я конечно перемѣню свое мнѣніе, когда посмотрю на него съ другой стороны, и вблизи. — О городѣ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду описывать вамъ и славнаго деревяннаго моста, построеннаго не Архитекторомъ, но плотникомъ; моста, которой дрожитъ подъ ногами одного человѣка, и по которому безъ всякой опасности ѣздятъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокой утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую кипящую пѣну. Тончайшія брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки низпадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Здѣсь живописецъ бросаетъ кисть свою, и Поэтъ не находитъ словъ для описанія сего ужасно-великаго явленія. Развѣ только въ страшные дни древняго потопа, когда правосудный Богъ превратилъ земные пары во влажный гробъ развращеннаго человѣчества, водная стихія ярилась такъ, какъ она здѣсь ярится. Я готовъ былъ на колѣняхъ просить прощенія у Рейна, въ томъ, что вчера говорилъ о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа пробыли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное

зрѣлище. Послѣ сильныхъ движенiй, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденiя возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усилiе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствiй, и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока); — а другой камень едва держится на своемъ основанiи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старой замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сiе вмѣстѣ составляло весьма прiятной ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ. — Лодошникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобной водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его; но мы поняли, что онъ говоритъ о Нiагарѣ.

Го-Бюиссонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пикардии зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтетъ и благоухаетъ. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ — и воображенiе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу я одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора — смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта; — тамъ необозримое море — конецъ земли — Природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; почталіоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ; и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ..... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!.....

Дикой, пренесенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ изкусствъ, видитъ богатство и пышность — видитъ, и плѣняется; — но чрезъ минуту очарованіе изчезаетъ — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету — черезъ часъ будемъ въ Кале.

Карамзинъ.

IV. ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВЪ ПОЛУДЕННУЮ РОССІЮ.

1. Кіевъ.

Дорога чрезъ Малороссію отъ Курска къ Кіеву прекрасна: то цвѣтущіе луга, то зеленые лѣсочки, то долины, увѣнчанныя пригорками, увеселяютъ взоры путешественника. Но *приближаясь*

къ Кіеву, *сцена* перемѣняется: лѣса рѣдки, земля пуста, селенія бѣдны — волшебство Натуры изчезло.

Отъ Бориспольскаго (послѣдней станціи къ Кіеву) ѣхалъ я около часа по ровному мѣсту, между влажныхъ болотъ, безъ удовольствія для сердца и безъ пріятности для глазъ. Я ожидалъ увидѣть прекрасныя мѣста вокругъ Кіева — и не встрѣчалъ ничего, кромѣ степей. Летѣлъ мыслями къ предмету пламенныхъ моихъ желаній — и движущіеся пески, какъ будто бы мнѣ въ досаду, препинали путь мой. Я терялъ терпѣніе.

Въ самое то время, когда любопытство мое обвиняло въ медленности всю Природу, зазеленѣлся густой сосновой лѣсъ и немного повыше его, подобно блестящей точкѣ, сверкнула одна златая глава Печерской Лавры. Вотъ Кіевъ, твердилъ я самъ себѣ, вотъ Кіевъ! и чувствовалъ радость. Мы въѣхали въ чащу бора.

Мрачныя сосны, возносясь къ облакамъ, опирались вѣковыми корнями на сыпучій бѣлый песокъ; *святая древность* цвѣла на ихъ *кудрявыхъ* вершинахъ; молчаніе, мракъ и ужасъ царствовали во внутренности бора. Я видѣлъ тутъ разительной образъ того времени, когда Кіевское Княжество стенало подъ игомъ чуждыхъ народовъ, когда гремѣли цѣпи, наложенныя рукою побѣдителя, и гибельное варварство производило явленія одни другихъ ужаснѣйшія. Сѣдой старецъ, согбенный тяжестію лѣтъ, мертвый для радости жизни, но еще живый для любви къ отечеству, *возносилъ* на небо томное *око*, моля его о спасеніи Царя своего, о спасеніи народа Русскаго; онъ стоялъ на колѣняхъ — послѣдній вздохъ жизни готовъ былъ въ жертву, но небо не принимало жертвы нещастнаго............ Кажется, что рука времени сохранила сей мрачной сосновой лѣсъ для того, чтобы онъ оживлялъ передъ глазами Исторію нашего отечества.

*

Лѣсъ мало по малу терялся; зеленая отдаленная гора, бѣлыя кучи песковъ, нѣсколько блестящихъ главъ показывались сквозь рядъ деревъ, и опять за деревами скрывались. Я напрягалъ зрѣніе, но не могъ ничего видѣть. Одно любопытство мое возпалялось.

Наконецъ *пере*рывается *пре*града. Величественный Днѣпръ, въ синей равнинѣ развивается нечувствительно передо мною. Я вижу амфитеатръ горъ, возвышающихся изъ уступовъ въ уступы, поддерживающихъ, подобно величественному *піедесталу*, седми главую Печерскую Лавру и церковь Андрея Первозваннаго, и подносящихъ сіи храмы къ самымъ облакамъ, какъ будто бы въ даръ небу отъ земли; вижу красоты Природы; величество Бога и твореніе ума человѣческаго: соединеніе всего, что есть изящнѣе въ предѣлахъ міра. — Вижу тысячи богомольцевъ, спѣшащихъ къ берегу; *тысячи народа*, покрывающаго обширной лугъ передъ рѣкою; тысячи *другихъ*, плывущихъ съ свѣтлымъ взоромъ благоговѣнія; — вижу множество женщинъ, высаженныхъ на другомъ берегу, крестящихся на небо (?) и съ смѣлостію взбирающихся на крутизну горъ, по тяжелому песку, изъ любви къ трудамъ и Богу; — вижу все оное — переплываю самъ божественной Днѣпръ — лечу на верхъ — и чувствую оживленіе всѣхъ жизненныхъ силъ. Холодные люди, холодные Философы! не посѣщайте сего мѣста, но вы, имѣющіе сердце и воображеніе, взгляните на сію живость, шумъ и толпу людей покланяющихся Богу, — и Кіевъ останется на всегда въ памяти вашей.

Мнѣ хотѣлось бы гулять по городу — и меня удерживаютъ, хотѣлось бы заглянуть подъ мрачные своды пещеръ, — и высокая гора стоитъ между ими и мною; хотѣлось бы насытить взоръ свой и первымъ храмомъ Христіянства, и жилищемъ Великаго Владиміра, и убѣжищемъ новыхъ Анахоретовъ; — но мракъ ночи скрывъ городъ, смѣется, кажется, моему нетерпѣнію.

Почти со слезами вхожу въ маленькую комнату, нанятую мною. Она мнѣ кажется темницею. До разсвѣта не увижу Кіева. Какъ тяжело духу, когда онъ летѣть хочетъ, а ему подсѣкаютъ крылья!

2. Херсонъ.

Я поклонился сего дня праху добрѣйшаго изъ людей.

Бѣлой каменной обелискъ возвышается на обширномъ полѣ въ 8 верстахъ отъ Херсона; прекрасныя долины лежатъ вокругъ его; неизмѣримость Природы служитъ ему украшеніемъ. Это гробница *Говардова*.

Имя сего благодѣтеля человѣчества, сего истиннаго *филантропа*, будетъ вписано первое въ исторіи людей.

Одна Англійская нація могла произвести такого человѣка, который обратилъ всѣ природныя страсти, всѣ душевныя способности, всѣ наслажденія жизни въ одно наслажденіе, въ одну способность, въ одну страсть — размножать щастіе себѣ подобныхъ.

Найдите мнѣ въ Исторіи одного великаго человѣка, который болѣе бы сдѣлалъ изъ чистой любви къ добру, и былъ бы достойнѣе истинной славы.

Свѣтъ видѣлъ тысячу пламенныхъ Вертеровъ; земля трепетала подъ шагами Александровъ; но кто былъ Героемъ добра и человѣколюбія? Одинъ Говардъ.

Человѣколюбецъ, которой возвысился до высочайшей степени страсти къ добру, имѣлъ конецъ, *себя* достойной. Онъ скончалъ жизнь свою на полѣ добродѣтели, какъ воинъ умираетъ на полѣ сраженія. Одна больная женщина, за которою ходилъ онъ, сообщила ему болѣзнь свою и съ нею *ядъ жизни.*

Но люди чувствовали ли цѣну великодушнаго друга ихъ? Успокоили ли они въ гробѣ того, кто покоилъ ихъ при жизни своей? Нѣтъ. Онъ жилъ

и свѣтъ не удостоивалъ его уваженія; онъ умеръ и никто не хотѣлъ воздвигнуть ему памятника. Одинъ Херсонской купецъ заплатилъ ему долгъ всего человѣческаго рода, и построилъ сей обелискъ. О люди!....

Удалимъ сіи мысли, благословимъ память Говарда и начертимъ скромную надпись въ честь добродѣтельнаго, который въ послѣдніе часы жизни изъявлялъ только одно желаніе — быть близкимъ къ небу.

Покойся въ мирѣ, другъ людей!

Выше моей надписи замѣтилъ я съ удовольствіемъ слѣдующія: 1. Alios salvos fecit. 2 Vixit propter alios. т. е. Онъ сдѣлалъ щастіе другимъ — для другихъ жилъ онъ.

Онъ жилъ для другихъ! Какъ трогательна мысль, что онъ жилъ не для себя! — Оставляю въ душѣ моей сіе пріятное впечатлѣніе.

3. Симферополь.

Вчера послѣ обѣда былъ я на высочайшей изъ Крымскихъ горъ, *Чатиръ-Дагѣ*, въ 1200 футовъ перпендикулярной вышины и около пятнадцати верстъ ѣзды отъ подошвы до вершины.

Одинъ Французъ, Грекъ, мои люди и я были пилигримами; день былъ прекрасной, и дорога около 30 верстъ, (считая отъ Акмечети до Чатиръ-Дага) самая пріятная.

Луговая тропинка течетъ по берегу прелестнаго Салгира, какъ будто бы гоняясь за его волнами и излучинами, мимо долинъ, осыпанныхъ нитями серебряныхъ струй, мимо кустарниковъ, растущихъ надъ нимъ густыми *кущами*, мимо селеній, покрытыхъ цвѣтомъ виноградныхъ садовъ, которые, стоя надъ свѣтлою рѣчкою, радуются, кажется, своимъ щастливымъ положеніемъ. Эти мѣста полюбились мнѣ лучше всѣхъ другихъ на семь полуостровѣ. Нигдѣ глаза не передавали

сердцу моему столько пріятныхъ впечатлѣній; нѣтъ ни одного человѣка, хорошо образованнаго, которой бы не почувствовалъ здѣсь удовольствія встрѣчать на каждомъ шагѣ новые виды и ландшафты, одни другихъ веселѣе, одни другихъ разнообразнѣе.

Ночь застала насъ въ деревнѣ одного Мурзы, которой былъ нѣкогда щастливымъ любимцемъ Князя Потемкина. Ему угодно было пригласить насъ къ себѣ. Пожилой Мурза встрѣтилъ гостей въ домѣ, богато украшенномъ съ Азіятическимъ вкусомъ, сидя важно на диванѣ, куря трубку и удостоивъ насъ однимъ легкимъ наклоненіемъ головы. У дверей по угламъ комнаты стояли невольники, которые, при одномъ словѣ устъ его, летѣли выполнять повелѣнія. Галлерея, гдѣ онъ принялъ насъ, украшалась колоннами; въ одной стѣнѣ выведенъ былъ каминъ, на другой сторонѣ во всю стѣну простирался диванъ, покрытый богатою матеріею. Мурза, посадивъ меня рядомъ съ собою, разспрашивалъ меня черезъ переводчика о моей фамиліи, о Московской жизни, о цѣли предпринятаго мною путешествія, и хвалилъ мои намѣренія. Наконецъ, когда я хотѣлъ откланяться, онъ требовалъ, чтобы я остался ужинать. Скоро принесли кушанье. Знатные Мурзы слѣдуютъ въ столѣ однимъ обыкновеніямъ съ послѣдними Татарами. Тѣже блюда, тѣже низкія скамейки, до которыхъ нагибаться должно, чтобы брать кушанье; тоже употребленіе однихъ ложекъ, безъ другихъ приборовъ. Послѣ ужина, Мурза *препроводилъ* насъ самъ въ хорошо прибранную комнату, гдѣ былъ приготовленъ намъ ночлегъ; осыпалъ меня ласками и сказалъ, что на другой день будутъ готовы его верховыя лошади, чтобы намъ ѣхать на нихъ на Чатиръ-Дагъ (*). Такое гостепріимство было для меня самымъ пріятнымъ *удивленіемъ*.

На другой день, послѣ покойнаго ночлега, отблагодаривъ еще разъ хозяина, который не оставилъ насъ и поутру безъ угощенія, сѣли мы на

(*) На сію гору не льзя взбираться иначе какъ верхомъ.

лошадей и слѣдовали далѣе по красивымъ берегамъ тогожъ Салгира и по тихой утренней зарѣ(?) которая обѣщала прекраснѣйшій день. Въ самомъ дѣлѣ солнце взошло очень хорошо, небо было чисто и ясно; вѣялъ вѣтерокъ самой тихой, когда мы приближились къ подошвѣ горы въ селеніе Господина Попова, гдѣ дали намъ свѣжихъ Татарскихъ лошадей, чтобы взбираться на Чатиръ-Дагъ.

На горѣ иногда представляются путешественнику песчаныя площади или равнины, мшистые камни, дикія растенія; иногда сопутствуютъ ему прозрачные лѣсочки, прохладныя тѣни и самой свѣжій вѣтерокъ; иногда ряды голыхъ скалъ; мѣста отвсюду открытыя и упоръ лучей солнечныхъ дѣлаютъ путь тягостнымъ. Гора возвышается нечувствительнымъ образомъ. На покатостяхъ ея пасутся стада, и стоятъ пастушескіе шалаши; далѣе, на нѣкоторой вышинѣ, предметы внизу становятся мѣльче, но яснѣе; воздухъ рѣдѣетъ, а вѣтеръ дуетъ холодно.

Послѣ трехъ часовъ ѣзды въ 3 часа по полудни увидѣли мы себя въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крайней поверхности Чатиръ-Дага, которой подобно шатру (*) стоитъ на семъ мѣстѣ.

Надлежало взбираться по каменному утесу, прямо вверхъ; ибо нѣтъ уже тути никакой отлогости. Я сошелъ съ лошадей, чтобы идти пѣшкомъ, надѣясь болѣе на свои ноги, нежели на чужія; а товарищи мои повиснули на гривахъ лошадей, которыя вытянувъ головы, медленно взкарабкивались съ ношами своими по уступамъ камней. Скоро они *предпочли идти* пѣшкомъ со мною. Наконецъ покрытые потомъ и пескомъ вступаемъ мы смѣлымъ шагомъ на маковку Чатиръ-Дага.

Здѣсь, можетъ быть, не долженъ былъ никогда изображаться слѣдъ человѣческой, но смертный едвали не перешагнулъ за всѣ преграды, предписанныя *имъ* Природою.

(*) Чатиръ-Дагъ значитъ на Татарскомъ языкѣ гора Шатеръ.

Какое обширное поле для чувства и для размышленія! какое неизсчетное совокупленіе предметовъ! какая *неизмѣримая точка* зрѣнія! не весь ли кругъ земный обнимаю я взоромъ въ семъ горизонтѣ?

Впереди гора Агермышъ, покрытая облаками, стоитъ наравнѣ со мною; позади меня синѣетъ Черное море, котораго ревъ едва достигаетъ до слуха; съ другой стороны подъ моими ногами носятся облака, парятъ птицы, и низко стелются луга, долины и хребты сѣдыхъ скалъ; въ отдаленности видны, подобно блестящимъ точкамъ, Акмечеть, Карасу-Базаръ и Бакчисарай; солнце, уклоняясь къ западу, освѣщаетъ часть сего обширнаго театра, между тѣмъ какъ тѣни протягиваются разноцвѣтными полосами по другой его половинѣ.

Здѣсь, въ семъ вѣчномъ уединеніи, гдѣ время, дщерь вѣчности, поставило престолъ свой отъ юныхъ дней міра, стараюсь я тщетно *удержать* нѣчто изъ слѣдовъ тѣхъ тысящелѣтій, которыя протекли на земномъ шарѣ, и еще протекать будутъ до неизвѣстной крайности. Здѣсь, въ сихъ древнихъ пустыняхъ, гдѣ рука времени начертала лѣтописи Природы, хочу читать въ нихъ исторію творенія, не постигаю смысла таинственной книги, и возвожу око выше солнца, туда, гдѣ тайный покровъ Натуры дѣлается прозрачнымъ для существъ другихъ міровъ; здѣсь наконецъ, въ семъ святилищѣ, гдѣ возбуждаются высокія мысли, протекаю *системы* міровъ, разсѣянныхъ въ безпредѣльной пустотѣ, населенныхъ существами; ищу самъ себя, смертнаго, столь гордаго умомъ своимъ, міръ нашъ столь шумной; ищу, и обращаюсь со стыдомъ къ точкѣ земли, которая, едва примѣтная подъ ногами моими, изчезаетъ совершенно въ неизмѣримости вселенной, которой бури столь громкія въ нашихъ царствахъ, столь ужасныя для народовъ, совсѣмъ неслышны въ остаткѣ всемірнаго пространства. — Между тѣмъ должно проститься со страной облачнаго міра, чтобы возвратиться въ свое земное отечество.

Медленно, не безъ принужденія дѣлаю я тотъ шагъ, съ которымъ должно мнѣ переступить изъ свѣтлаго жилища мира въ жилище бурь и страстей. Спускаюсь съ Чатиръ-Дага, и долго оглядываюсь на всѣ стороны, чтобы впечатлѣть въ душѣ моей тотъ образъ и картину, которымъ *подобнаго*, можетъ быть, не увижу никогда въ жизни моей. Горная прогулка и размышленія утомили меня такъ, что я едва могъ уже обращать свое вниманіе на другіе предметы; однакожъ я имѣлъ еще довольно силъ, чтобы сойти во глубину одной изъ ледяныхъ пропастей, изкопанныхъ въ горѣ рукою Природы, чтобы пробыть тамъ нѣсколько минутъ и сказать себѣ: я прикасался къ двумъ крайностямъ нашего земнаго міра. Недавно былъ подъ облаками; теперь стою подъ землею. Сіи пропасти служатъ вѣчнымъ ледникомъ Природы, и какъ думаютъ Геологи запасной храминой, откуда земля, рѣки и море почерпаютъ во время засухи неизтощимыя жилы водъ.

4. Сарепта.

Торжество человѣческихъ обществъ есть конечно общество Евангелическое, котораго братья поселились у насъ на берегахъ Сарпы.

Гуляю въ убѣжищѣ новыхъ Евангелистовъ, собираю пріятныя впечатлѣнія, и радуюсь *на* гражданской и нравственной порядокъ колоніи, которая присвоила себѣ съ наукою добродѣтелей, художества нашего философическаго вѣка.

Вообразите себѣ посреди дикихъ пустынь веселой городокъ, украшенной не великолѣпными, но пріятными зданіями, съ малымъ числомъ людей, живущихъ безъ излишности изобилія, но безъ *недостатковъ* роскоши; щастливыхъ не блескомъ просвѣщенія, но простотою нравовъ; занятыхъ не важными науками, но полезными ремеслами; вообразите себѣ уединенное убѣжище, гдѣ укрываются добродѣтели изгнанныя въ мірѣ, гдѣ художества блестятъ на тронѣ, гдѣ семейство людей есть семейство братій: такова Сарепта!

Но воображенїе не представитъ себѣ никогда того, что глаза видятъ здѣсь. Не довольно читать самое вѣрное описанїе Сарепты; надобно видѣть ее. Колонїя выстроена очень хорошо; домики въ два этажа, осѣненные цвѣтущими раинами, занимаютъ площадь, къ которой примыкаютъ улицы, украшенныя также рядами прїятныхъ зданїй. Здѣсь домъ Директорской, не превышая другихъ кровлею, величается одною смиренностїю; тамъ прикасаются къ облакамъ одни тѣ домы, гдѣ возпитывается юношество и покоится вдовство (*); далѣе, согласно съ бѣдностїю жертвъ, приносимыхъ землею небу, стоитъ скромной храмъ молитвы; частыя жилища, фабрики, мастерскїя, улыбаются прїятно передъ глазами зрителя. Посреди площади, которая можетъ назваться средоточїемъ колонїи, вырытъ колодезь, изъ котораго вода проведена во всѣ кухни домовъ, чтобъ быть всегда подъ рукою хозяина.

Подите по улицамъ, и встрѣтите на каждомъ шагѣ хозяйство, трудолюбїе и любовь къ порядку и тишинѣ; спокойствїе въ домахъ, чистота даже на улицахъ, простота и опрятность въ одеждѣ каждаго человѣка, выраженїе сердца на всѣхъ лицахъ! Такимъ, какъ идетъ здѣсь каждой колонистъ, въ темномъ фракѣ, съ кроткимъ видомъ и смѣлымъ шагомъ, надобно воображать себѣ истинно щасливаго человѣка, который, по мнѣнїю Руссо, тихо наслаждается во глубинѣ своего сердца мирнымъ положенїемъ жизни. Такою, какъ видишь здѣсь каждую сестру, за рукодѣльемъ въ легкомъ корсетѣ, съ однимъ простымъ чепчикомъ на головѣ, подвязаннымъ ленточкою подъ шеею и съ Ангельскимъ взглядомъ невинности, воображалъ я всегда ту женщину, съ которою хотѣлъ бы раздѣлить мое сердце, жизнь и уединенїе.

Вы можете въ нѣсколько минутъ замѣтить всѣ главныя черты ихъ гражданскаго учрежденїя. Первый изъ начальниковъ встрѣчается на улицѣ

(*) Домъ вдовїй, и домъ братской, одни изъ лучшихъ, изъ огромнѣйшихъ въ колонїи.

съ послѣднимъ изъ ремесленниковъ (*), и вы *трогаетесь* до слезъ, видя ихъ братскую привѣтливость, ихъ взаимныя ласки, ихъ кроткое смиреніе, которое удаляетъ всякое первенство сана. Вы видите въ окно огонь, пылающій на очагѣ. Войдите изъ любопытства. Сарептянка въ фартукѣ бѣломъ, подобно снѣгу, съ руками столь же бѣлыми, *отправляетъ кухню* такъ чисто, такъ хорошо, что сама Софія, столь гордая, въ семъ случаѣ полюбила бы кухню (**). Но ктожъ стряпаетъ? нанятая женщина, кухарка, служанка? Нѣтъ; сама хозяйка дома, мать многочисленнаго семейства и непослѣдняя въ обществѣ.

Остановитесь передъ окошкомъ чистаго домика, которой манитъ васъ къ себѣ. Вамъ открываетъся прекрасная комната, нигдѣ не видно пылинки, все чисто и свѣтло; столы краснаго дерева; по стѣнамъ шкапы и за стеклами лежатъ.... чтобы вы думали?.... хлѣбы. Это калашня.

Но вотъ мельница. Мельникъ отработалъ и зоветъ васъ къ себѣ въ гости. Комната его убрана со вкусомъ; на столѣ лежатъ двѣ или три книжки; въ углу стоятъ клавикорды, и хозяинъ, тотъ, которой за минуту передъ тѣмъ ссыпалъ муку на мельницѣ, прикасается легкими пальцами къ *тушамъ* инструмента и играетъ передъ вами симфоніи. Вы удивляетесь; но спросите всѣхъ тѣхъ, которые были въ Сарептѣ.

(*) Я говорю по нашему; но нѣтъ нужды сказывать, что въ Сарептѣ всѣ ремесла равны и всѣ одинаково уважаются.

(**) Руссо говоритъ въ своемъ Эмилѣ, что Софія чувствовала всегда отвращеніе заниматься кухнею.

Владимiръ Измайловъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Переводы.

I. ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II. къ ДОКТОРУ ЦИММЕРМАНУ.

Вѣкъ Мой напрасно страшился Меня. Я никогда не хотѣла ужасать, а желала только быть достойною любви и почтенія, и приписывала злословіе единственно тому, что Меня не разумѣли. Я знала многихъ людей, которые были остроумнѣе Меня, но не знала зависти и злобы; Мое удовольствіе и желаніе состояло въ томъ, чтобы дѣлать всѣхъ щастливыми; но какъ всякой хочетъ быть по своему щастливъ, то желаніямъ Моимъ встрѣчались иногда препятствія. Славолюбіе Мое не имѣло въ себѣ ничего вреднаго и ненавистнаго; но можетъ быть, что Я ошибалась въ Своихъ намѣреніяхъ, надѣясь сдѣлать людей благоразумными, справедливыми и щастливыми. Родъ человѣческой вообще склоненъ къ безумію и несправедливости, съ которыми мудрено найти благополучіе въ жизни. Когда бы люди слушались во всемъ ума и добродѣтели, то они могли бы обойтись безъ насъ. Я любила Философію, любя сердечно добродѣтели республиканскія, которыя кажутся несогласными съ Моею неограниченною властію: за то никто въ Россіи не можетъ сказать, чтобы Я употребляла во зло власть Свою. Искренно люблю также Изкусства и Словесность. Собственныя Мои сочиненія почитаю бездѣлками. Я писала съ удовольствіемъ въ разныхъ родахъ: Мнѣ кажется все посредственнымъ; но Авторство служило для Меня только забавою. Въ политической системѣ Я слѣдовала всегда тому плану, который казался Мнѣ полезнѣйшимъ для Моего государства и безвреднѣйшимъ для другихъ; естьли бы знала лучшій, то предпочла бы его. Европа безъ нужды боялась Моихъ намѣреній: они клонились къ ея

истинной пользѣ. Мнѣ часто платили неблагодарностію, но никто не можетъ доказать Моей неблагодарности. Я нерѣдко мстила Своимъ врагамъ прощеніемъ и благодѣяніями. Вообще, человѣчество имѣло во Мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ.....

Карамзинъ.

II. ПИСЬМО ДЮПАТИ ИЗЪ РИМА.

Вчера, ночью, на площади Св. Петра, возлѣ Ватикана, сдѣлался пожаръ въ такую пору, когда старики и дѣти уже покоятся, а нещастные и матери еще не спятъ.

Никогда еще не бывало столь сильнаго пожара; онъ угрожалъ превратить Римъ въ пепелъ. Разъяренный порывистымъ вѣтромъ, онъ вдругъ разгорѣлся. Казалось, самая темная ночь освѣщала мраками своими сей пожаръ.

Какія ужасныя картины представлялись взору при его сіяніи!... Все вижу, все слышу. Вопль матерей еще и нынѣ раздираетъ мою внутренность.

Проведши вечеръ въ окрестностяхъ Ватикана, я шелъ домой, на Испанскую площадь. При входѣ на Петровскую, вижу, что пламя, стремясь изъ жилищь бѣднаго, превращенныхъ уже въ пепелъ, взвивается по мраморнымъ столпамъ на верхъ Ватикана.

Я былъ одинъ. Признаюсь, думая, что нахожусь на такомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ, я наслаждался онымъ.

Въ сіе самое время, въ двадцати шагахъ отъ меня, прошелъ молодой человѣкъ, неся на плечахъ старика. Судя по тому, какъ сей молодой человѣкъ оглядывался вокругъ себя, какъ робкими шагами искалъ надежной дороги и остерегался, чтобъ идучи не встряхнуть старика, узналъ я, что

онъ несъ своего родителя. Старикъ сей, нечаянно исторгнутый вмѣстѣ отъ сна и пламени, не зная, гдѣ онъ, откуда взялся, куда его несутъ, и что такое дѣлается, отдался въ волю своего избавителя. Между тѣмъ шелъ впереди ребенокъ, которой, при всемъ своемъ страхѣ, часто на нихъ оглядывался: женщина дряхлая, почти нагая, съ равнодушнымъ видомъ, неся платье старика, шла позади.

Провожая ихъ умиленнымъ взоромъ, увидѣлъ я, въ недальнемъ разстояніи, другаго молодаго человѣка, нагаго который, понуждаемъ преслѣдовавшимъ его пламенемъ, ухватясь снаружи за окно, изъ коего пылало пламя, и вися всѣмъ тѣломъ по стѣнѣ, глазами выбиралъ мѣсто, куда бы не столь опасно было упасть на мостовую.

Не льзя лучше видѣть всего матерняго сердца, какъ при сіяніи пожара! Какъ сія женщина сверху террасы подавала мужу своему, стоявшему внизу, дражайшій залогъ своего союза! она подходила къ нему, наклонялась и еще наклонялась, все держа ребенка въ своихъ объятіяхъ, прижимая его къ груди, либо къ устамъ своимъ: наконецъ, между простертыхъ рукъ сей матери и простертыхъ рукъ сего отца, младенецъ спящій въ колыбели.... Я отвратилъ глаза и ушелъ прочь.

Прошедши почти всю площадь, встрѣтился я со спасающеюся изъ объятаго пламенемъ дворца въ нарядѣ еще и въ слезахъ, одѣтою въ великолѣпное платье и держащею передъ собою за руки двухъ нагихъ дѣтей, женщиною, росту большаго, красоты и стана величественнаго. Младшій изъ сихъ дѣтей видя, что мать кричитъ и плачетъ, также кричалъ и плакалъ. Сестра лицемъ прелестная, дрожа отъ стужи, старалась одѣть и даже прикрыть юное и нѣжное свое тѣло стыдливыми руками. Нещастная мать — вѣрно она потеряла одно дитя, — двухъ держала за руки, и плакала. Между тѣмъ старики, дѣти, воины, священники, богатые, бѣдные, безпрестанно умножались толпою, которая съ одного края площади

до другаго колебалась подобно морю, бурею волнуемому. Входятъ въ церковь Св. Петра, выходятъ; опять входятъ туда, тѣснятся, падаютъ. Я видѣлъ, какъ возлѣ меня четыре солдата на крестообразно положенныхъ мечахъ пронесли молодую дѣвицу, упавшую въ обморокъ. Она была прекрасна! Сіяніе пожара волновалось по блѣдному ея челу и блистало въ слезахъ, вытекшихъ изъ ея глазъ и остановившихся на щекахъ.

Во всемъ страшномъ семъ явленіи наиболѣе ужасало меня молчаніе, въ то время, какъ вѣтеръ утихалъ. Тогда, со всѣхъ сторонъ слышны были задерживаемые вздохи, глубокой стонъ, шумъ пожирающаго пламени, трескъ зданій, повсечасно обрушивающихся, вопль матерей. Наконецъ я шелъ уже съ площади, какъ нечаянно увидѣлъ въ одномъ окнѣ Ватиканскаго дворца, возлѣ самаго пожара, крестъ, священниковъ и самого Первосвященника въ святительскомъ облаченіи.

Толпа вдругъ произноситъ вопль, вдругъ преклоняетъ колѣна; вдругъ Первосвященникъ окружается на воздухѣ тысячею слезящими взорами и тысячею воздѣтыми къ Богу руками. Первосвященникъ подъемлетъ очи къ небу и молится; народъ склоняетъ очи долу и молится.... Представьте себѣ бурю, пожаръ и молитву, въ семъ глубокомъ и благоговѣйномъ молчаніи какъ бы согласно шумящія.

Какъ изобразить картину, въ сію минуту взоры мои поразившую!

На одной изъ ступенекъ церковнаго преддверія одна, особо сидящая мать жала руками маленькія рученки своего дитяти, на колѣняхъ возлѣ нея стоящаго, складывала ихъ ласково и заставляла молиться. Позади ихъ молодая дѣвица, съ растрепанными волосами, въ слезахъ, стояла и простирала къ Первосвященнику, во всей своей горести (и вѣрно всей любви) умиленныя свои руки; напротивъ того, въ ногахъ сей молодой дѣвицы сидѣла, оборотясь спиною къ Ватикану, и къ

Первосвященнику, неплачущая и немолящаяся женщина, и смотрѣла на нее съ изумленнымъ видомъ.

Между тѣмъ Первосвященникъ оканчиваетъ молитву и встаетъ. Народъ въ неизобразимомъ ожиданіи взиралъ на него.

Тогда гласомъ твердаго упованія и съ спокойнымъ видомъ Первосвященникъ изрекъ къ преклонившемуся долу народу слова, изполненныя благочестія. Внезапно, дѣйствіемъ ли чуда, или какъбы чудомъ, когда послѣднія слова благословенія были еще на воздухѣ, вѣтры уже утихли; пламя стремится на пламя; дымъ подымается чернымъ клубомъ, обвивается вокругъ пожара, подавляетъ его и возвращаетъ ночи всю ея мрачность.

Ахъ! какъ удивительна сія Рафаелева картина, въ Ватиканѣ выставленная!

Мартыновъ.

III. ПИСЬМА МОРИЦА ИЗЪ ИТАЛІИ.

1. Верона, 3. Окт. 1786.

Тамъ стало *здѣсь*, любезный другъ мой! Зубчатыя Тирольскія Альпы, черезъ которыя мы разными излучинами пробиралися, теперь позади насъ; и я ступилъ ногою на ту землю, *куда* давно уже неслися мои мысли; которая давно прельщала мое воображеніе своими памятниками прошедшаго, окруженными вѣчно-зелеными лугами, и возбуждала во мнѣ желаніе *пилигримствовать*, видѣть тѣ святыя мѣста, гдѣ человѣчество являлось нѣкогда на вышней степени совершенства, гдѣ каждая душевная способность цвѣла и плодъ приносила, и гдѣ почти всякое мѣсто означено какимъ-нибудь великимъ произшествіемъ или славнымъ дѣломъ, сохраненнымъ для насъ Исторіею.

Но я спѣшу туда, гдѣ на семи холмахъ сіяло нѣкогда величайшее и славнѣйшее всего, что есть на земномъ шарѣ; гдѣ еще и теперь, среди великолѣпныхъ остатковъ древности, живетъ Изкусство какъ въ своей отчизнѣ. Оттуда устремлю я взоръ свой на сей обширный театръ; оттуда начну мои странствія.

И такъ не прежде, какъ изъ Рима, могу писать къ тебѣ подробно. Теперь я не путешествую; теперь спѣшу единственно къ цѣли моего пилигримства, къ предмету моихъ огненныхъ желаній, къ тому мѣсту, которое на нѣсколько времени будетъ моею отчизною.

Прибытіе мое въ сію прекрасную землю кажется мнѣ еще сновидѣніемъ. — Вчера ночью, за нѣсколько миль отъ Вероны, изломилось у насъ колесо. По близости не было ни одной деревни, и мы не прежде, какъ черезъ нѣсколько часовъ, могли изправить свою коляску.

Я сѣлъ на камень подлѣ дороги — вѣялъ пріятной вѣтерокъ, и мало по малу предметы стали видимы. Передо мною былъ садъ; на деревахъ висѣли зрѣлыя виноградныя кисти.

Пришелъ хозяинъ съ лѣсницею, и началъ снимать виноградъ.

Фуры, нагруженныя виномъ, ѣхали мимо; ихъ везли быки, увѣнчанные зеленью; мальчики сидѣли на бочкахъ верхомъ, кричали и рѣзвились.

Мракъ, которымъ еще осѣнялись окружности, все сіе приближилъ, такъ сказать, къ душѣ моей, подобно какъ любезную мечту сновидѣнія; и теплый воздухъ заставилъ меня забыть, что я сижу подъ открытымъ небомъ, ночью и въ полѣ.

И такъ чувства мои дѣйствительно наслаждались кроткимъ Италіянскимъ климатомъ, неразлучнымъ въ нашихъ мысляхъ съ другими красотами сей земли! — На возточномъ небѣ показывались первые лучи утренней зари: на что обратилъ вниманіе наше одинъ изъ людей, пришедшихъ помогать намъ. Воображая здѣшній пріятный климатъ, всякой съ удовольствіемъ воображаетъ и пріятные звуки Италіянскаго языка, который услышалъ я тогда въ первый разъ въ его отечествѣ!

Становилось яснѣе, и вдали открылись высокіе кипарисы, виноградомъ увѣнчанные пригорки, разнообразныя *сцены*, различныя красоты Натуры.

Я думалъ о тебѣ, и живо чувствовалъ разстояніе между нами, сидя подлѣ дороги на Веронскомъ полѣ, и видя зарю перваго утра на свѣтлоголубомъ небѣ Италіи.

2. Верона, 3. Окт.

Амфитеатръ занимаетъ обширную площадь и окруженъ низенькою стѣною. Дѣйствительный видъ его не совсѣмъ отвѣчаетъ воображенію, которое обыкновенно любитъ все возвышать, увеличивать....

Однакожъ дѣйствительность имѣетъ свои права. Видъ простаго величества скоро беретъ верхъ надъ всякимъ увеличеннымъ воображеніемъ, которое подобно туману разсѣвается, уступая вѣрному измѣренію глаза.

Съ арены (или мѣста сраженій, усыпаннаго пескомъ) смотрю вверхъ, туда, гдѣ вышнія ступени ограничиваютъ горизонтъ, и гдѣ развалины, пресѣкаясь въ воздухѣ, составляютъ нѣчто живописное. — Видъ съ верхнихъ ступеней внизъ до арены, подобно какъ въ глубокую яму, дѣлаетъ совсѣмъ противное впечатлѣніе.

Маленькой новой театръ съ занавѣсомъ и кулисами, построенный на аренѣ, весьма несообразенъ съ величественнымъ своимъ окруженіемъ. Прежде строили мѣста для театра, а здѣсь построенъ театръ для мѣстъ.

Нынѣ послѣ обѣда осматривалъ я Веронскія окрестности, гулялъ на тѣхъ лугахъ, гдѣ нѣжный Катуллъ игралъ въ своемъ младенчествѣ, и гдѣ юный духъ его возпитывался Природою.

Сей древній городъ съ мостами своими представляетъ издали хорошую картину; но входя въ него, видишь почти вездѣ узкія и кривыя улицы, въ которыхъ однакожъ довольно живости, произ-

ходящей всего болѣе отъ того, что ремесленники работаютъ не въ домахъ, а въ открытыхъ лавкахъ, нѣкоторые даже на улицѣ передъ домомъ.

3. Мантуя, 5. Окт.

„Здѣсь, говоритъ Дафнисъ въ Виргиліевой Эклогѣ, здѣсь, когда есть у тебя время, успокойся въ тѣни, Мелибей. Быки сами прійдутъ сюда утолить свою жажду. Здѣсь Минцій покрываетъ нѣжнымъ тростникомъ зеленой берегъ, и рой пчелъ жужжитъ на священномъ дубѣ.“

Мелибей соглашается, отлагаетъ на время работу свою, и садится въ тѣнь, чтобы слушать пѣніе двухъ пастуховъ, и рѣшить, которой поетъ лучше.

Я также, держа въ рукѣ моей Поэта, останавливаюсь на прекрасномъ берегу Минція, образующаго въ своемъ извивистомъ теченіи маленькіе острова, на которыхъ въ частомъ зеленомъ кустарникѣ пасутся стада, и которымъ нѣжный тростникъ служитъ опушкою.

Передо мною возвышается городъ съ своими башнями, на лѣвой сторонѣ большая плотина, а вокругъ меня зеленые луга, по которымъ извивается тихая рѣка.

Все оживаетъ, все дѣлается настоящимъ въ моихъ мысляхъ. Образъ древности созерцается въ сей прелестной окружности. Мѣста, воспѣтыя Стихотворцемъ, не перемѣнились!

4. Мантуя, 6. Окт.

Я ходилъ пѣшкомъ въ отчизну Виргиліеву, въ деревню Піетолу, которая прежде называлась Андесомъ, и до которой отъ города не болѣе двухъ Италіянскихъ миль.

Мы вышли изъ *Виргиліевыхъ воротъ* на плотину болота, окружающаго городъ, и производимаго прекрасною, древними Стихотворцами воспѣтою рѣкою Минціемъ.

Дорогою вожатой мой говорилъ безпрестанно о *Виргиліевомъ гротѣ* (la grotta di Virgilio), обѣщая мнѣ показать его. — Пришедши въ деревеньку Піетолу, купили мы хлѣба, каштановъ, винограду, и сѣли обѣдать на улицѣ. Тутъ окружили насъ крестьяне, и говорили, что иностранной господинъ желаетъ конечно видѣть Виргиліевъ гротъ, находящійся недалеко отъ деревни въ Герцогскомъ звѣринцѣ, которой называется *Вирджиліана*.

Путешественники натвердили крестьянамъ о славномъ ихъ землякѣ. Они знаютъ, напримѣръ, что онъ былъ великой Поэтъ, жилъ во время Императора Августа и умеръ въ Неаполѣ.

Герцогской звѣринецъ представляетъ самую жалкую картину; все запущено, брошено, пусто. Гротъ, которой былъ цѣлію моего путешествія, не существуетъ; показываютъ только мѣсто его, гдѣ я увидѣлъ нѣсколько старыхъ бочекъ и множество крапивы. Тутъ, говорятъ, уединялся Виргилій въ своей юности и сочинялъ первые стихи. Теперь нѣтъ и слѣдовъ сего святилища!

Карамзинъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ДѢЛОВЫЯ БУМАГИ.

I.

ФОРМЫ

бумагъ, необходимыхъ для частнаго человѣка.

I. СВИДѢТЕЛЬСТВО ИЛИ АТТЕСТАТЪ.

Предъявитель сего, Санктпетербургскій мѣщанинъ Иванъ Петровъ сынъ Н. (*) служилъ въ домашней конторѣ моей Бухгалтеромъ три года, а имянно съ 1го Маія 1808го по 1е Маія сего 1811го

(*) Аттестатъ можетъ начинаться и слѣдующимъ образомъ: *Я нижеподписавшійся далъ сіе свидѣтельство С. п. б. мѣщанину И. П. сыну Н. въ томъ, что онъ служилъ* и проч. Въ семъ случаѣ выпускается періодъ: *Во свидѣтельство —— Аттестатъ.*

года. Въ теченіе сего времени, отправлялъ онъ свою обязанность и всѣ возлагаемыя на него должности съ отличнымъ прилежаніемъ, усердіемъ и изправностію, и притомъ велъ себя примѣрно; нынѣ же выбылъ изъ службы моей, по отысканіи другаго, выгоднѣйшаго мѣста. Во свидѣтельство чего и данъ ему сей Аттестатъ. Въ Санктпетербургѣ. Маія 3го дня 1811го года. Санктпетербургскій первостатейный купецъ Василій Васильевъ сынъ М.

II. РАЗПИСКА.

1811го Маія 3го дня я нижеподписавшійся получилъ отъ Г. Поручика Алексѣя Алексѣевича Л. слѣдующія мнѣ въ уплату за наемъ въ домѣ моемъ покоевъ деньги, всего сто рублей, Б. Ас. въ чемъ и далъ сію разписку. Коллежскій Регистраторъ Павелъ Р.

III. ВЕКСЕЛЬ ИЛИ ЗАЕМНОЕ ПИСЬМО.

1. По объявленіи. Вексель, въ коемъ три персоны.

Москва. *Вексель на* 1000 *рублей банк. ассигн.*

Маія 1-*го* 1811-*го года.*

По объявленіи (или по объявленіи въ мѣсяцъ) заплатите по сему моему первому векселю господину Ревельскому купцу Петру Петрову, или кому онъ прикажетъ, *тысячу рублей банковыми ассигнаціями* (1000 р.) и поставьте на щетъ. Платежъ полученъ товаромъ.

Г-ну Ивану Иванову
въ Ригѣ, купцу 1-й
гильдіи.

Вамъ покорный слуга

Московскій купецъ Василій Васильевъ.

2. По написанiи. Вексель, въ коемъ четыре персоны.

Могилевъ. Апрѣля 29-го 1811-го года.

Вексель на 500 рублей серебромъ.

Въ шестьдесятъ дней отъ сего двадцать девятаго Апрѣля, тысяча восемь сотъ одиннадцатаго года, заплатите по сему моему первому векселю Господину Московскому купцу Петру Васильеву, или кому онъ прикажетъ, *пятьсотъ рублей серебромъ* (500 р.) и поставьте на щетъ. Платежъ получень отъ Господина Гжатскаго купца Силы Өедорова.

Вамъ покорный слуга

Г-ну Павлу Алексѣеву, купцу въ Москвѣ.

С. п. б. купецъ Өадей Лазаревъ.

3. Вексель, въ коемъ двѣ персоны.

Санктпетербургъ.

Вексель на 750 рубл. серебр.

Маія 9-го 1811 года.

Въ три мѣсяца, считая отъ девятаго Маія сего тысяча восемьсотъ одиннадцатаго года, повиненъ я заплатить Господину Тверскому купцу Василью Иванову, или кому онъ прикажетъ, *семьсотъ пятьдесятъ рублей серебромъ* (750. р.), которыя деньги мною приняты.

Тверской купецъ Артемій Бурятовъ.

Надпись.

Слѣдующіе по сему векселю *семьсотъ пятьдесять рублей серебромъ* заплатите Новгородскому купцу Петру Лаптеву.

Тверь. Маія 31-го 1811 года.

Тверской купецъ Василій Ивановъ.

Разписка.

1811 года Августа 8го дня по сему векселю платежъ сполна полученъ.

Новгородскій купецъ Петръ Лаптевъ

IV. ВѢРЮЩЕЕ ПИСЬМО.

Милостивый государь мой Алексѣй Ивановичъ!

Должностныя занятія не позволяютъ мнѣ быть въ Москвѣ, для хожденія за тяжбою моею, производящеюся въ тамошней Гражданской Палатѣ, съ отставнымъ Прапорщикомъ Д. Д. о размежеваніи угодьевъ при помѣстьяхъ нашихъ. А какъ сіе дѣло требуетъ неусыпнаго и дѣятельнаго старанія, то и рѣшился я просить Васъ, милостивый государь мой, о принятіи на себя ходатайства объ ономъ, по всегдашнему пребыванію Вашему въ Москвѣ. Прошу Васъ подавать отъ имени моего прошенія и объявленія, и вездѣ, гдѣ надобно, за меня руку прикладывать; въ чемъ Вамъ совершенно вѣрю и никакъ прекословить не буду. — Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю пребыть

Вашимъ,

Санктпетербургъ.

Милостивый Государь мой!

Марта 21 го 1811 года.

Сіе вѣрющее письмо принадлежитъ Господину Губернскому Секретарю А. И. Мѣднову.

покорнымъ слугою

Ѳедоръ К:

Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ.

V. ДОГОВОРЪ ИЛИ КОНТРАКТЪ.

1811го года Іюля 6го дня я нижеподписавшійся Капитанъ И. И. сынъ Ц. заключилъ сей договоръ съ Госпожею Статскою Совѣтницею М. И. К. въ томъ, что нанялъ я въ собственномъ ея домѣ, состоящемъ Ій Адмиралтейской части 2го квартала подъ No 259мъ, весь средній ярусъ о двѣнадцати комнатахъ, съ особливою на дворѣ кухнею, службами, погребомъ, сараемъ и конюшнею на 12 стойлъ. Во всѣхъ покояхъ тридцать восемь оконъ, каждое о восьми стеклахъ, съ зимними и лѣтними

переплетами; задвижки и крючки на оныхъ желѣзные; шестнадцать створчатыхъ дверей съ мѣдными замками и задвижками; восемь Голландскихъ и одна Русская печь съ желѣзными дверцами и вьюшками, а заслонками чугунными; на кухнѣ очагъ съ чугунною плитою; въ сѣняхъ два окошка о шести стеклахъ съ одними лѣтними переплетами и желѣзными задвижками; все въ лучшемъ состояніи и прочности — впредь отъ вышеписаннаго числа на три года, цѣною въ годъ по *двѣ тысячи рублей* Государственными ассигнаціями, которыя и платить мнѣ всегда изправно при началѣ всякой трети впередъ. Ей же хозяйкѣ меня до изтеченія срока съ квартиры не высылать и платы за наемъ не прибавлять. — Во время жительства моего наблюдать мнѣ въ семъ домѣ возможную чистоту и изправность; не принимать людей безъ видовъ, и по принятіи съ паспортомъ объявлять о томъ въ тотъ же день домашнему управителю. Естьли во время жительства моего въ ономъ домѣ случится отъ небреженія моего или людей моихъ пожаръ, то обязуюсь я все поврежденное изправить и выстроить на мой щетъ, безъ всякаго прекословія. При выѣздѣ моемъ изъ сего дома, сдать всѣ покои, а въ нихъ полы, печи, окна, стекла и прочія принадлежности, все въ цѣлости и изправности; а естьли что изъ того поломано, изпорчено или утрачено будетъ, все то изправить на мой щетъ по прежнему. Съ сего договора получить мнѣ за собственноручнымъ подписаніемъ хозяйки копію, а сей ей у себя оставить. Къ сему договору Капитанъ И. И. сынъ Ц. руку приложилъ.

VI. ПРОШЕНІЕ.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій!

Проситъ Недоросль изъ дворянъ Санктпетербургской Губерніи, Петръ Ивановъ сынъ Щ. о нижеслѣдующемъ.

1.

На щетъ родителя моего, здѣшняго помѣщика Ивана Щ. обучался я въ главномъ Нѣмецкомъ Училищѣ Св. Петра въ Санктпетербургѣ, съ 1го Октября 1805го по 1е Апрѣля сего 1811го года, закону Божію, Россійскому, Нѣмецкому, Латинскому, Французскому и Англійскому языкамъ, Логикѣ, Эстетикѣ, Миѳологіи, Ариѳметикѣ, Алгебрѣ, Геометріи, Тригонометріи, Рисовкѣ ситуацій, Всемірной и Естественной Исторіи, Землеописанію, Статистикѣ, Физикѣ и Рисованію; въ чемъ прилагаю данный мнѣ, за подписаніемъ Директора онаго Училища, Аттестатъ.

2.

Нынѣ же имѣя ревностное желаніе вступить въ дѣйствительную Вашего Императорскаго Величества службу, прилагаю при семъ Свидѣтельство о дворянствѣ моемъ и прошу:

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе куда слѣдуетъ принять и опредѣлить меня въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ на вакансію Канцелярскаго служителя.

Всемилостивѣйшій Государь! прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Іюня 12го дня 1811 года. Къ поданію надлежитъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Сіе прошеніе сочинилъ, переписалъ и руку къ оному приложилъ я же проситель, Недоросль Петръ Ивановъ сынъ Щ.

II.

ОБРАЗЦЫ

высшаго дипломатическаго слога.

I. Высочайшіе Рескрипты.

1. *Императора АЛЕКСАНДРА I. Графинѣ Каменской, по смерти сына ея, Генерала отъ Инфантеріи Графа Николая Михайловича Каменскаго.*

Графиня Анна Павловна! Раздѣляя съ вами горесть, васъ постигшую, не могу вамъ представить другаго утѣшенія, кромѣ свидѣтельства совершеннаго Моего въ ней участія.

Кончина сына вашего есть великая потеря для отечества.

Воинскія его дарованія отверзли ему путь къ славѣ; опыты утвердили его мужество. Знаменитые подвиги увѣнчали его побѣдами. Отечество взирало на него съ признательностію въ настоящемъ и съ вѣрными надеждами въ будущемъ. Судьбамъ Вышняго угодно было положить всему предѣлъ въ самой срединѣ его теченія.

Въ довѣріи къ Промыслу, въ твердости вашего духа, въ славѣ добрыхъ дѣлъ найдете вы единую отраду вашей скорби.

Заслуги сына вашего Отечеству пребудутъ незабвенны. Отличное уваженіе Мое къ его памяти навсегда сохранится.

Пребываю вамъ всегда доброжелательный

Маія дня, 1811 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

2. *Императора ПАВЛА I. Генералиссимусу, Князю Италійскому Графу Суворову-Рымникскому.*

Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ Отечества, недоставало вамъ еще одного рода славы — преодолѣть и самую Природу. Но вы и

надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ вѣры, вы попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистію противъ васъ вооруженныхъ. Нынѣ, награждая васъ по мѣрѣ признательности Моей, и ставя на вышній степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго Полководца сего и другихъ вѣковъ.

Гатчина. ПАВЕЛЪ.
Окт. 29. 1799.

3. *Императора ПАВЛА I. емуже* (*).

Князь! Поздравляя васъ съ новымъ годомъ и желая его вамъ благополучно, зову васъ къ Себѣ. Не Мнѣ тебя, Герой, награждать. Ты выше мѣръ Моихъ; но Мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное. Благосклонный

С. п. б. Дек. 29. 1799. ПАВЕЛЪ.

II. Указъ Императрицы *ЕКАТЕРИНЫ II.*

Отъ 8го Февраля 1793 г.) о прерваніи сообщенія со Франціею во время революціоннаго Правленія.

Замѣшательства, во Франціи отъ 1789 года произшедшія, не могли не возбуждать вниманія въ каждомъ благоустроенномъ Государствѣ. Доколѣ оставалась еще надежда что время и обстоятельства послужатъ къ образумленію заблужденныхъ; и что порядокъ и сила законной власти возстановлены будутъ, терпѣли мы свободное пребываніе Французовъ въ Имперіи Нашей, и всякое съ ними сношеніе. Видѣвъ послѣ буйство и духъ возмутительный, противу Государя ихъ, далѣе и

(*) Писанъ собственною рукою ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

далѣе возрастающій, съ неистовыми намѣреніями правила безбожія, неповиновенія верховной Государской власти, и отчужденныя всякаго добраго нравоученія не токмо у себя утвердить, но и заразу оныхъ разпространить во вселенной; прервали Мы политическое сношеніе съ Франціею, отозвавъ Министра Нашего съ его свитою, и выславъ изъ Столицы Нашей повѣреннаго въ дѣлахъ Французскаго, къ чему и то еще имѣли право, что какъ взаимныя миссіи заведены были между Нами и Королемъ, то по разрушеніи бунтовщиками власти его, при содержаніи его въ страхѣ и неволѣ, несвойственно уже было имѣть видъ сношенія съ похитителями правленія. Нынѣ, когда ко всеобщему ужасу въ сей нещастной землѣ преизполнена мѣра буйства, когда нашлося болѣе семисотъ извергов, которые неправедно присвоенную ими силу до того во зло употребили, что подняли руки свои на умерщвленіе Помазанника Божія, законнаго ихъ Государя, въ 10 день Генваря сего года лютымъ мучительнымъ образомъ въ дѣйство произведенное, Мы почитаемъ себѣ долгомъ предъ Богомъ и Совѣстію Нашею не терпѣть между Имперіею Нашею и Франціею никакихъ сношеній, каковыя между Государствами благоустроенными существуютъ, доколѣ правосудіе Всевышняго накажетъ злодѣевъ и его Святой волѣ угодно будетъ положить предѣлъ нещастіямъ сего Королевства, возстановя въ немъ порядокъ и силу власти законной. Въ слѣдствіе того повелѣваемъ: *Первое*, Дѣйствіе торговаго договора, между Нами и покойнымъ Королемъ Французскимъ Лудовикомъ XVI въ 3-й день Декабря 1786 года заключеннаго, до вышеписанной эпохи возстановленія порядка и власти законной во Франціи прекратить. *Второе*, До того же времени запрещается впускать въ порты Наши, на разныхъ моряхъ находящіеся, суда подъ флагомъ національнымъ Французскимъ; равнымъ образомъ запрещается и Нашему купечеству и хозяевамъ кораблей посылать торговыя ихъ суда во Французскіе порты. *Третіе*, Бывшихъ Француз-

скихъ Консуловъ, Вице-Консуловъ, Агентовъ и прочихъ, къ симъ принадлежащихъ, выслать изъ обѣихъ Столицъ Нашихъ и изъ прочихъ мѣстъ, гдѣ они находятся, объявя имъ, что дается каждому изъ нихъ, для разпоряженія дѣлъ, срокъ трехнедѣльный, по истеченіи котораго обязанъ онъ непремѣнно оставить мѣсто настоящаго своего пребыванія, въ полагаемое же въ паспортахъ ихъ время и вовсе границы Россійскія очистить: которые же изъ купцевъ, торгъ свой дѣйствительно въ Россіи отправляющихъ, имѣвъ на себѣ званія или должности Вице-Консульскія, пожелаютъ остаться для торговыхъ промысловъ, съ таковыми поступить, какъ ниже въ 6й статьѣ сказано. *Четвертое*, Сходно тому и Нашимъ Консуламъ. Вице-Консуламъ и принадлежащимъ къ нимъ, да и вообще всѣмъ Россійскимъ подданнымъ обоего пола предписывается тотчасъ по полученіи Указовъ, къ нимъ посылаемыхъ, выѣхать изъ Франціи; а какъ таковые Указы по пресѣченіи безпосредственнаго сношенія могутъ не дойти въ руки Консуловъ Нашихъ, тонеменше обязаны они, какъ и всѣ прочіе Наши подданные, по изданіи сего въ иностранныхъ вѣдомостяхъ, исполнить отъ Насъ повелѣнное, не ожидая новыхъ подтвержденій. *Пятое*, Всѣхъ Французовъ безъ изъятія обоего пола, купеческіе и мѣщанскіе промыслы имѣющихъ, художниковъ, ремесленниковъ, въ услуженіи у частныхъ людей находящихся, разумѣя тутъ учителей и учительницъ, и прочихъ, признающихъ нынѣшнее въ землѣ ихъ правленіе и оному повинующихся, не терпѣть въ Имперіи Нашей, и изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ они находятся, выслать, давъ каждому изъ нихъ трехнедѣльный срокъ, для разположенія домашнихъ его дѣлъ, съ обязательствомъ оставить границы Россійскія въ теченіе времени, назначаемаго въ его паспортѣ, и впредь не въѣзжать въ оныя, подъ страхомъ неизбѣжимаго по законамъ Нашимъ наказанія. *Шестое*, Изъемлются изъ сего тѣ Французы обоего пола, которые, по призывѣ ихъ предъ надлежащее Правительство, для объявленія имъ воли Нашей, окажутъ искреннее

ихъ намѣреніе и желаніе отрещися присягою по образцу, у сего приложенному, отъ правилъ безбожныхъ и возмутительныхъ, въ землѣ нынѣ изповѣдуемыхъ, введенныхъ похитителями правленія и власти, признаютъ злодѣяніе послѣднее, надъ особою Королевскою сими извергами учиненное, во всемъ томъ омерзѣніи, каковое оно возбуждаетъ во всякомъ добромъ гражданинѣ или человѣкѣ, докажутъ чистосердечное ихъ убѣжденіе въ томъ, чтобъ изповѣдуя вѣру Христіянскую, каждому изъ нихъ природную, быть вѣрными и послушными Королю, который по праву наслѣдства получитъ сію корону, а притомъ тутъ же обяжутся во все время пребыванія ихъ въ Россіи, до возстановленія порядка въ отечествѣ ихъ, прервать всякое сношеніе съ одноземцами своими, повинующимися нынѣшнему незаконному и неистовому правленію. Всѣ таковые обоего пола Французы могутъ свободно остаться въ Россіи подъ защитою нашихъ законовъ, пользуяся безопасно торгами, промыслами, ремеслами и прочими дозволенными упражненіями: а дабы не возмнили иные, что могутъ учинить подобное отрицаніе и присягу для единаго вида, притворно, съ намѣреніемъ сокрыть оное и свои имена отъ своихъ единоземцевъ, тутъ же имъ объявить, что помянутое ихъ отрицаніе съ именами подписавшихся обнародовано будетъ въ Россійскихъ и иностранныхъ вѣдомостяхъ. *Седьмое*, Вышесказанное подъ присягою отрицаніе долженствуетъ чинимо быть въ церкви Римскаго изповѣданія, гдѣ оная есть, въ присутствіи градскаго Начальства, и по утвержденіи таковой присяги крестнымъ цѣлованіемъ и подписаніемъ отрекшагося, каждый таковый получаетъ свидѣтельство за руками градскаго Начальства и съ подписаніемъ священника, у присяги бывшаго; гдѣ же нѣтъ Римскаго закона церкви, тамъ въ самомъ присутственномъ мѣстѣ при членахъ его таковая же присяга произведена быть долженствуетъ. Свидѣтельство, въ томъ даемое, имѣетъ служить получившему оное видомъ, для свободнаго его въ Россіи пребыванія и безопаснаго

отправленія дѣлъ его на законномъ основаніи; которые же изъ означенныхъ Французовъ суть изповѣданія Протестантскаго, долженствуютъ отрицаніе ихъ подъ присягою учинить въ церквахъ того изповѣданія, а гдѣ ихъ нѣтъ, въ самомъ присутственномъ мѣстѣ. *Осьмое*, Изполненіе сего начать тотчасъ по полученіи Указа Нашего въ обѣихъ Столицахъ Нашихъ, собравъ по частямъ города въ Управу Благочинія живущихъ здѣсь обоего пола Французовъ одной части за другою и по объявленіи имъ воли Нашей для тѣхъ, кои пожелаютъ учинить отрицаніе, назначить дни и часы, для приведенія ихъ къ присягѣ; о тѣхъ же, которые не пожелаютъ сдѣлать вышеписаннаго отрицанія, представить Губернскому Правленію, дабы оное относительно высылки ихъ разпорядило сходно пятой статьѣ сего Указа Нашего: впрочемъ Наша Коллегія Иностранныхъ дѣлъ не оставитъ по возтребованіи Губернскаго Правленія снабдить на сіе время потребными для переводовъ людями то Правленіе или Управу Благочинія. *Девятое*, Срокъ трехнедѣльный, для разпоряженія домашнихъ дѣлъ каждому высылаемому Французу данный, по третьей и пятой статьямъ сего Указа, имѣетъ считаться со дня объявленія ему о выѣздѣ; въ паспортахъ же ихъ прописывать имянно, чрезъ которыя мѣста слѣдовать и во сколько времени оставить границы Россійскія, назначая оное безобидно и по соображенію возможности. *Десятое*, Всѣмъ подданнымъ Нашимъ запрещается ѣздить во Францію, или же имѣть какое бы то ни было сообщеніе съ Французами, въ отечествѣ ихъ или же въ арміяхъ ихъ пребывающими, до того времени покуда съ возстановленіемъ устройства и законной власти въ той землѣ, послѣдуетъ отъ Насъ разрѣшеніе. *Первоенадесять*, Запрещается ввозить въ Россію вѣдомости, журналы и прочія періодическія сочиненія, во Франціи издаваемыя. *Второенадесять*, Строжайше возбраняемъ впускать какъ сухимъ путемъ, такъ и водою въ Имперію Нашу изъ за границъ Французовъ, изключая тѣхъ, которые, чужды бывъ неистовства своихъ соотчичей,

похотятъ жить при изповѣданіи природной ихъ Христіянской вѣры подъ защитою Нашихъ законовъ; но и таковые не инако впускаемы быть долженствуютъ, какъ по свидѣтельству Французскихъ Принцевъ, и имянно обоихъ братьевъ покойнаго Короля, Графа Прованскаго и Графа д'Артоа, такожъ Принца Конде, и по предварительномъ, чрезъ ближайшихъ Нашихъ къ нимъ Министровъ изпрошеніи дозволенія Нашего на прибытіе таковымъ въ Россію, для вступленія въ службу, или же для художествъ и ремеслъ, съ тѣмъ, что по въѣздѣ ихъ въ границы Наши обязаны они учинить сказанное въ шестой статьѣ сего Указа подъ присягою отрицаніе.

III. Манифестъ Императора *АЛЕКСАНДРА I. О возстановленіи Орденовъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія и Св. Равноапостольнаго Кн. Владиміра. (Отъ 12го Декабря 1801 года.)*

Въ честь истинныхъ заслугъ, на поприщѣ гражданскихъ и военныхъ подвиговъ, признательное Отечество любящимъ его сынамъ различныя положило почести, и каждому роду достоинствъ присвоило особенный знакъ своего уваженія. Тако между прочимъ въ награду храбрости и военныхъ дѣйствій установленъ Орденъ Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія; въ воздаяніе трудовъ и мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей учрежденъ Орденъ Святаго Равно-апостольнаго Князя Владиміра.

Постановляя сіи Ордены, въ Бозѣ почивающая Любезная Бабка Наша, Государыня Императрица ЕКАТЕРИНА Великая, дабы болѣе удостовѣрить истинныя заслуги въ наградахъ, имъ принадлежащихъ, въ особенныхъ Статутахъ начертала права къ пріобрѣтенію ихъ, и поставивъ блюстителемъ сихъ правъ самое сословіе Кавалеровъ, Она торжественно на Себя и Преемниковъ Своихъ возпріяла быть ихъ Главою.

Всему свѣту извѣстно, колико славныхъ дѣяній, колико знаменитыхъ подвиговъ въ войнѣ и

мирѣ, было источникомъ сіе учрежденіе! Колькратно Россійскіе воины на полѣ сраженія дерзали на всѣ ужасы смерти, чтобъ съ знаменіемъ побѣды обратить на себя благодарный взоръ Отечества, чтобъ быть украшеннымъ Орденомъ Побѣдоносца! Мирные подвиги, усилія гражданскихъ добродѣтелей въ путяхъ правосудія и Государственнаго хозяйства не менѣе находили побужденій въ Орденѣ Святаго Владиміра.

Со времени изданія въ 1797 году новаго Статута Россійскихъ Орденовъ, награжденіе знаками Святаго Георгія и Святаго Владиміра не было въ употребленіи, хотя первый изъ сихъ двухъ Орденовъ блаженныя памяти Любезнымъ Родителемъ Нашимъ, въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ, въ день Коронованія Его торжественно подтвержденъ, какъ и Статутъ его.

Нынѣ, возстановляя оба сіи Ордена во всей ихъ силѣ и пространствѣ, Мы находимъ нужнымъ, права къ полученію Ордена Святаго Владиміра, по самому существу ихъ менѣе подлежащія очевидности доказательствъ, и не столь точно опредѣленныя закономъ, въ вящшее предохраненіе ихъ отъ всякаго пристрастнаго вліянія, изтолковать и дополнить въ разумѣ ихъ, изображенномъ въ статьяхъ 5 и 16 Статута сего Ордена, слѣдующимъ образомъ:

Ордена Святаго Равно-апостольнаго Князя Владиміра удостоены быть имѣютъ кромѣ особъ, коихъ достоинства Намъ лично будутъ извѣстны, по представленіямъ Правительствующаго Сената отъ 1-го Департамента и первыхъ трехъ Коллегій въ Думу Ордена входящимъ:

1е: Кто находясь въ службѣ, отъ начальства своего, или всѣхъ сочленовъ мѣста, гдѣ онъ присутствуетъ, получитъ свидѣтельство, что онъ изкусствомъ и прилежаніемъ своимъ привелъ въ порядокъ запущенную важнымъ образомъ часть и доставилъ ей законное теченіе, или кто бывъ

опредѣленъ Предсѣдателемъ какого-либо присутственнаго мѣста, собственнымъ прилежаніемъ и вліяніемъ на сочленовъ своихъ кончитъ запущенныя двухъ, трехъ или болѣе лѣтъ дѣла, не упустивъ впрочемъ ничего изъ производства текущихъ.

2е: Чиновникъ, состоящій при должности, преимущественно предъ другими содѣйствовавшій къ тому, что всѣ дѣла, на разсмотрѣніи его бывшія, вершились въ узаконенные сроки, и въ продолженіе шестилѣтія неподвергнувшій себя, по опредѣленіямъ вышняго мѣста, ни штрафу, ни выговору.

3е: Буде кто удовлетворительно кончитъ порученіе, данное ему отъ Начальства сверхъ обыкновенной должности, и требующее долговременнаго труда и особливыхъ талантовъ или познаній.

4е: Кто отправляя должность Предсѣдателя Присутственнаго мѣста или Начальника воспитательнаго учрежденія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріуготовитъ соразмѣрное число подчиненныхъ, которые потомъ съ похвалою будутъ употреблены въ своемъ родѣ служенія.

5е: Кто употребивъ особенную проницательность и безкорыстіе, кончитъ порученное ему такое уголовное слѣдствіе, отъ котораго бы зависѣла участь многихъ особъ, или возвращеніе въ казну утраченной значущей суммы.

6е: Кто служитъ по выбору Дворянства своей Губерніи или своей Округи ревностно, безпорочно и къ общему удовольствію Дворянъ, таковый имѣетъ право къ полученію сего Ордена, но не прежде какъ продолжитъ на службѣ три срока, хотя бы то было не сряду, и избранъ будетъ на четвертое трехлѣтіе.

7е: Кто отличнымъ благоразуміемъ и добродѣтельною опытностію пріобрѣлъ толикое довѣріе между соотчичей своихъ, что онъ неоднократно прекращалъ разорительныя тяжбы и сталъ

миротворцемъ, извѣстнымъ въ своей Округѣ или цѣлой Губерніи, и въ томъ представитъ отъ общества неоспоримое свидѣтельство.

8е: Кто въ бѣдствіяхъ отъ огня или воды и тому подобныхъ нещастныхъ случаяхъ, подвергая себя личной опасности, спасетъ нѣсколько семействъ, или стараніями своими или наградами сохранитъ жизнь болѣе нежели десяти человѣкамъ, хотя бы то было въ разныя времена: также кто при общенародномъ бѣдствіи отъ глада или прилипчивыхъ болѣзней заблаговременными, безкорыстными разпоряженіями облегчитъ нужды цѣлой Округи или края, въ которомъ живетъ. (Доказательствомъ таковыхъ подвиговъ должно быть свидѣтельство отъ общества того самаго мѣста, гдѣ оныя произходили).

9е: Кто пріобрѣтеніемъ отличныхъ познаній въ сельскомъ домоводствѣ, или собственнымъ иждивеніемъ и трудами, по свидѣтельству общества Губерніи, къ которой онъ принадлежитъ, очевидно содѣйствовалъ къ выгодамъ оной, или и цѣлаго края.

10е: Кто представилъ проэктъ одобренный и принятый Правительствомъ, который безъ отягощенія народнаго умножилъ бы Государственные доходы по крайней мѣрѣ на сто тысячъ рублей, или бы явно послужилъ къ усовершенію благоустройства Имперіи или ея законовъ, въ какой бы то ни было части. Изключаются изъ сего права откупщики, поставщики, подрядчики и тому подобные, которыхъ наддача или уступка казнѣ сопрягается по ихъ разсчетамъ съ ихъ собственными выгодами.

11е: Кто учинилъ изобрѣтеніе или основалъ новое заведеніе въ одномъ изъ трехъ царствъ Природы, которое бы по опыту нѣсколькихъ лѣтъ примѣтно подѣйствовало на умноженіе Государственнаго богатства.

12е: Кто рѣдкими дарованіями и трудами въ кругу человѣческихъ познаній обратилъ на себя

вниманіе не только Россійскихъ, но и иностранныхъ знатнѣйшихъ ученыхъ обществъ, до того, что сочиненіе его сдѣлалось классическимъ, или по крайней мѣрѣ въ ученыхъ разсужденіяхъ пріемлется за основаніе.

Правила сіи, пріобщая къ нимъ статьи о лѣтахъ службы, въ Статутѣ постановленныя, да будутъ отнынѣ единственнымъ основаніемъ всѣхъ удостоеній и представленій къ Ордену Святаго Равно-апостольнаго Князя Владиміра, коего Статутъ, симъ образомъ изъясненный, вмѣстѣ со Статутомъ Ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія сопричисляемъ къ Статуту Россійскихъ Орденовъ, въ 1797 году изданному, возстановляя при общемъ Капитулѣ и Думы сихъ Орденовъ на прежнемъ ихъ основаніи, и предоставляя назначеніе пенсіонной для нихъ суммы общему по сему Капитулу соображенію.

Тако отверзая истиннымъ заслугамъ всѣ пути къ славѣ, и точнымъ опредѣленіемъ ихъ правъ удостовѣряя ихъ награды, Мы желаемъ, чтобъ духъ чести былъ для Россіянъ единымъ началомъ, движущимъ ихъ мысли и дѣянія, просвѣщающимъ гражданина среди мирныхъ трудовъ его, воодушевляющимъ воина посреди его подвиговъ, и направляющимъ всѣ усилія ихъ къ единой пользѣ и славѣ имъ признательнаго Отечества.

IV. Донесеніе Императору Павлу I.

Генералиссимуса Кн. Италійскаго Графа Суворова-Рымникскаго (изъ Швейцаріи, въ Сентябрѣ 1799 года)

Побѣдоносное воинство Вашего Императорскаго Величества, прославившееся храбростію и мужествомъ на сушѣ и на моряхъ, ознаменовываетъ, теперь безпримѣрную неутомимость и неустрашимость и на новой войнѣ — на громадахъ неприступныхъ горъ. Выступивъ изъ предѣловъ

Италіи, къ общему сожалѣнію всѣхъ тамошнихъ жителей, гдѣ сіе воинство оставило по себѣ славу *Избавителей*, переходило оно чрезъ цѣпи страшныхъ горъ. На каждомъ шагѣ въ семъ царствѣ ужаса — зіяющія пропасти представляли отверзтые и поглотить готовые гробы смерти; дремучія мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громы, ліющіеся дожди, и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями, съ вершинъ низвергающимися, увеличивали сей трепетъ. Тамъ является зрѣнію нашему гора *Сент-Готардъ*, сей величающійся колосъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ; — и другая, уподобляющаяся ей, *Фогельсбергъ*. Всѣ опасности, всѣ трудности преодолѣваются, и при таковой борьбѣ со всѣми стихіями, непріятель, гнѣздившійся въ ущелинахъ и неприступныхъ выгоднѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, не можетъ противустоять храбрости войска, являющагося неожидаемо на семъ новомъ театрѣ. Онъ всюду прогнанъ. Войска Вашего Императорскаго Величества проходятъ темную горную пещеру *Унзернъ-Лохъ*, занимаютъ мостъ, удивительною игрою природы изъ двухъ горъ сооруженный и прозванный *Чертовымъ*. Оный разрушенъ непріятелемъ; но сіе не останавляетъ побѣдителей; доски связываются шарфами Офицеровъ. По симъ доскамъ бѣгутъ они, спускаются съ вершинъ въ бездны, и, достигая врага, поражаютъ его всюду. Напослѣдокъ надлежало возходить на снѣжную гору *Бинтнеръ-Бергъ*, скалистую, крутизною всѣ прочія превышающую. Утопая въ скользкой грязи, должно было подыматься противу и посреди водопада, низвергающагося съ ревомъ, и низрыгающаго съ яростію страшные камни и снѣжныя и земляныя глыбы, на которыхъ много людей съ лошадьми съ величайшимъ стремленіемъ летѣли въ преизподнія пучины; гдѣ многіе убивалися, а многіе спасалися. Всякое израженіе недостаточно къ изображенію сей картины Природы во всемъ ея ужасѣ! Единое возпоминаніе преисполняетъ душу трепетомъ, и теплымъ благо-

дарственнымъ моленіемъ ко Всевышнему, Его же невидимая, всесильная Десница видимо сохранила воинство Вашего Императорскаго Величества, подвизавшееся за святую Его вѣру.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАЗГОВОРЫ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Подлинники.

I. *О ЩАСТІИ.*

Филалетъ. Нѣсколько минутъ смотрю на тебя, и жалѣю, что я не живописецъ: не льзя найти лучшей модели для изображенія бога задумчивости.

Мелодоръ. Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — (*подаетъ ему руку*).

Фил. Что, естьли смѣю спросить, занимаетъ твое глубокомысліе? Философскій камень, безпрестанное движеніе, связь души съ тѣломъ, средство сдѣлать безумцевъ умными: не правда ли?

Мел. Ты почти угадалъ. Я думалъ.... о средствѣ быть щастливымъ въ жизни. Это стоитъ философскаго камня.

Фил. Съ нѣкоторой стороны.

Мел. Въ самомъ дѣлѣ, любезной другъ, на что мы трудимся, учимся, читаемъ, пишемъ, споримъ — и Богъ знаетъ, чего не дѣлаемъ — когда не умѣемъ найти благополучія въ жизни? Я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ: на портикахъ, на перистилѣ, на колоннахъ, вездѣ сіяетъ надпись: Щастію! Вхожу во внутренность:

гремятъ хоры — щастію! Вижу безчисленное множество людей: спѣшатъ, тѣснятся, простираютъ руки — ко щастію, единственному божеству храма; но божество... невидимо! Молятся съ усердіемъ, зовутъ его: оно не является! Герой манитъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, сластолюбецъ миртовою вѣтвію, роскошный блескомъ сокровищъ своихъ: оно не является. Здѣсь проливаютъ слезы, тамъ другихъ заставляютъ плакать — все для щастія; но оно глухо, слѣпо, — не слушаетъ моленій, не смотритъ на жертвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

Фил. Довольно Поэзіи, но мало утѣшенія!

Мел. Утѣшенія! гдѣ найти его въ этомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смотрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ философами, съ сердцемъ своимъ — и готовъ спрыгнуть съ земнаго шара.

Фил. Друзья схватятъ тебя за руку, будутъ просить, кланяться — и нѣжной, снизходительной Мелодоръ останется съ ними.

Мел. Развѣ только для нихъ; а мнѣ право уже наскучило гоняться за пустою мечтою. Скажи мнѣ: есть ли щастье въ мірѣ?

Фил. Я помню слова одного философа. „Есть ли щастье?“ спросилъ у него любопытный человѣкъ. — Люди съ начала міра ищутъ его, и по сіе время не нашли, отвѣчалъ онъ; слѣдственно... „Слѣдствено его нѣтъ?“ сказалъ любопытный.— Однакожъ, продолжалъ мудрецъ, естьли бы оно было не что иное, какъ пустой фантомъ, то люди давно бы уже перестали искать его; но какъ они все упорствуютъ въ своихъ мысляхъ, и все ищутъ, то надобно.... „Чтобъ оно существовало? Два противныя слѣдствія: которое же справедливо?“ спросилъ опять любопытный. — Рѣши самъ! отвѣчалъ философъ; завернулся въ свою мантію и замолчалъ.

Мел. Надѣюсь, что ты будешь снизходитель-

нѣе этого философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣнію, истинное щастіе въ мірѣ? можетъ ли человѣкъ найти его?

Фил. Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ!

Мел. Прекрасной отвѣтъ! онъ напоминаетъ мнѣ Аполлонову Пиѳію, которая всегда говорила: да и нѣтъ! нѣтъ и да! или Шекспировыхъ вѣдьмъ, увѣрявшихъ Дунканова Генерала, что онъ будетъ менше и больше, ниже и выше Макбета.

Фил. Естьли мы разумѣемъ подъ щастьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствіями...

Мел. Потерявъ всѣ чувства недостатка, сливаясь, такъ сказать, со внѣшними предметами, какъ тоны сливаются между собою въ гармоническомъ строѣ, и находя въ одномъ наслажденіи чувство бытія своего...

Фил. То оно невозможно по образованію души нашей. Напрасно человѣкъ думаетъ найти его въ исполненіи всѣхъ желаній: одно раждаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, чтобы всѣ они исполнились. Пусть, напримѣръ, молодой Эрастъ, общій нашъ знакомецъ, будетъ человѣкъ, которому ни въ чемъ нѣтъ неудачи. Вообразимъ, что я Эрастовъ благодѣтельный и всемогущій Геній: чего онъ желаетъ, то въ минуту исполняю.

Мел. Ты берешь на себя много работы. Онъ желаетъ, напримѣръ, богатства.

Фил. И богатство течетъ къ нему рѣкою, льется на него золотымъ дождемъ.

Мел. Онъ любитъ обходиться съ просвѣщенными, знающими, остроумными людьми —

Фил. Предупреждаю его желаніе: всѣ Нѣмецкіе Профессоры, всѣ Французскіе остроумцы скачутъ къ нему на почтовыхъ.

Мел. Онъ самъ захочетъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ.

Фил. Даю ему разумъ Фонтенеля, Вольтера, Руссо.

Мел. Захочетъ славы Героя —

Фил. Лавровые вѣнки летятъ къ нему на голову.

Мел. Пожелаетъ —

Фил. Конечно не того, чтобы два и два составили пять: все прочее дѣлаю; онъ дошелъ до послѣдней границы возможностей; осыпанъ всѣми дарами Природы и фортуны; всѣ нервы его трепещутъ въ живѣйшемъ восторгѣ.... Но что же? Восторгу его, по свойству, образованію души человѣческой, минута отъ минуты должно ослабѣвать; каждая секунда уноситъ съ собою нѣкоторую часть его способности наслаждаться; въ каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его щастіе. Нѣтъ предметовъ для желаній, нѣтъ предметовъ для надежды! Эрастъ все имѣетъ, кромѣ... блаженства.

Мел. Но онъ можетъ еще желать, чтобы душа его, наслаждаясь, не тупѣла въ своихъ чувствахъ.

Фил. Въ такомъ случаѣ онъ пожелалъ бы, чтобы два и два составили пять; по крайней мѣрѣ физической невозможности. Первое впечатлѣніе предмета въ нашихъ чувствахъ бываетъ всегда самое живѣйшее; всякое повтореніе дѣйствуетъ слабѣе — и потому человѣкъ въ 30 лѣтъ, при всемъ совершенствѣ органовъ своихъ, радуется уже менѣе тѣми предметами, которыми возхищался онъ въ 25 лѣтъ.

Мел. Слѣдствіе...

Фил. Слѣдствіе то, что Богу не угодно было даровать человѣку совершеннаго блаженства въ здѣшней жизни; оно невозможно по образованію души нашей. Но....

Мел. Посмотримъ, что скажешь намъ въ утѣшеніе!

Фил. Но естьли щастье состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя

пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано человѣку.

Мел. Какъ же я буду доволенъ, когда....

Фил. Будешь, повинуясь сердцу и разсудку. Первое велитъ искать удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами Природы и мудрости. Сердце есть младенецъ, которой бросается на все сладкое; но въ сладкомъ бываетъ иногда ядовитое. Разсудокъ долженъ говорить ему: это вредно — оставь! это невредно — наслаждайся!

Мел. Но естьли послѣдняго такъ мало, что бѣдное сердце безпрестанно должно себѣ отказывать; естьли почти всѣ удовольствія стоятъ намъ слишкомъ дорого; естьли на каждую пріятность можно считать по сту непріятностей; естьли всѣ страсти пагубны, какъ утверждали Стоики; естьли вѣчное сраженіе съ чувствами есть для насъ законъ мудрости: въ такомъ случаѣ, какъ бѣдно твое возможное щастье! и на что родиться человѣку?

Фил. Нѣтъ, я не люблю Стоиковъ, которые чернымъ сукномъ одѣваютъ всю Природу, и заранѣе кладутъ сердце въ холодную могилу. Нѣтъ, нѣтъ! Природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами; она дала намъ чувства для того, чтобы услаждать ихъ: дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и моральномъ мірѣ.

Мел. Ты хочешь быть Панегиристомъ страстей: но я укажу тебѣ на мысъ Левкадскій, на пепелъ городовъ, на высокіе бугры, составленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продаютъ людей въ рабство — и скажу: вотъ дѣйствіе страстей!

Фил. Дѣйствіе ихъ заблужденія. Страсти въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны.

Мел. Кому же назначать предѣлы?

Фил. Я сказалъ: разсудку. Страсть для сердца есть не что иное, какъ живое чувство удовольствія; но разсудокъ находитъ, что удовольствіе есть только приманка; что Натура скрываетъ подъ нимъ нѣчто важнѣйшее: пользу. Тутъ ставитъ онъ пограничной столпъ, и говоритъ сердцу: не далѣе! Предоставивъ краснорѣчивымъ стихотворцамъ хвалить и защищать любовь, скажу только о другихъ природныхъ страстяхъ: онѣ нужны и пріятны въ чистотѣ своей, подъ руководствомъ ума. Напримѣръ —

Мел. Имѣй сердце похвалить корыстолюбіе!

Фил. Да, и корыстолюбіе хорошо въ своемъ источникѣ, когда оно есть не что иное, какъ предвидѣніе муравьевъ, готовящихъ запасъ на зимнее время. Природа хотѣла, чтобы мы не терпѣли недостатка въ нужномъ и для того собирали: вотъ что естественно въ корыстолюбіи и согласно съ умомъ!

Мел. Но естьли оно заставитъ меня присвоивать себѣ чужее, мучить людей для умноженія моихъ сокровищъ?...

Фил. Тогда Природа и разсудокъ отступятся отъ Мелодора. Первая говоритъ: собирай; а второй договариваетъ: „хорошими средствами, для собственной твоей пользы. Какъ поступаешь въ отношеніи къ другимъ, такъ другіе имѣютъ право поступить въ отношеніи къ тебѣ. Возьмешь чужее, возьмутъ твое — и вмѣсто того, чтобы обезопасить жизнь свою, будешь всегда въ опасности.“

Мел. Я угадываю, что ты скажешь о честолюбіи.

Фил. То, что оно есть самая благороднѣйшая нравственная страсть, собственно человѣку данная; другія животныя, по грубому образованію души ихъ, не знаютъ ея прекрасныхъ движеній.

Не говори мнѣ о Геростратахъ, Александрахъ, Аттилахъ: они служатъ только примѣромъ развращеннаго честолюбія; но истинное, природное есть не что иное, какъ желаніе нравиться подобнымъ себѣ нравственнымъ существамъ, заслужить ихъ доброе мнѣніе, почтеніе, любовь. Эта страсть болѣе всего привязываетъ насъ къ общежитію, единственной сценѣ ея; она источникъ многихъ добрыхъ дѣлъ — и Натура, вселивъ ее въ наше сердце, утверждаетъ связи гражданской жизни, возвышаетъ человѣчество, заставляетъ насъ быть благодѣтельными, — такъ какъ нѣтъ инаго надежнѣйшаго средства заслужить добрую славу.

Мел. Вотъ хорошая сторона страстей! Соглашаюсь. Но для чего же, любезной другъ, для чего Природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія? Для чего позволяютъ человѣку засорять ихъ чистой источникъ, и вмѣсто добра, вмѣсто пріятностей, изливать на міръ столько зла и горя?

Фил. Спроси, для чего она дала намъ свободу; для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту минуту, когда приноситъ жертву разсудку на счетъ своихъ слабостей! Кто имѣетъ столько твердости и силы, чтобы повиноваться закону мудрости, закону ума, тотъ благодаритъ Природу за данную намъ волю слѣдовать ему, или не слѣдовать. Натура употребила съ своей стороны всѣ средства удержать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и страданіе. Кто забываетъ цѣль врожденныхъ склонностей, которая въ житейскомъ мореплаваніи должна всегда, какъ фаросъ, сіять передъ нами; кто выходитъ изъ черты, обводимой разсудкомъ вокругъ природнаго дѣйствія страстей, кто изкусственно разтравляетъ въ себѣ ихъ чувство, безумно предается ихъ бурному стремленію, и хочетъ, такъ сказать, цѣлой міръ потопить въ своихъ живыхъ удовольствіяхъ: тотъ, гоняясь за

призракомъ блаженства, бываетъ гонимъ существенною тоскою, пьетъ соленую воду для утоленія жажды, и за минутные восторги платитъ долговременною мукою — восторги, которые дѣлаются рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряютъ душу, и усиливая въ ней алчность къ наслажденіямъ, ослабляютъ ея способность наслаждаться. Нещастной Танталъ есть образъ человѣка, которой служитъ такъ называемымъ сильнымъ страстямъ, изкусственнымъ фантомамъ нашего воображенія; которой, напримѣръ, имѣя ненасытное честолюбіе Александра, летитъ за лаврами на край свѣта, черезъ кровавыя рѣки, черезъ трупы людей, вмѣсто того, чтобы заслужить истинную, надежную славу благодѣяніями, добродѣтельною жизнію, тамъ, гдѣ Судьба произвела его на свѣтъ; или которой собираетъ не для того, чтобы жить, но живетъ для того, чтобы собирать; отказывается отъ настоящихъ удовольствій для будущихъ, отъ вѣрныхъ для невѣрныхъ, и долженствуя пріобрѣтеніемъ обезпечить жизнь свою, наполняетъ ее заботами для пріобрѣтеній. — Нѣтъ, нѣтъ! Природа не виновата, естьли мы нещастливы, и врожденныя склонности, източникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ източникъ золъ, вопреки ея доброму намѣренію. Человѣкъ долженъ быть творцемъ своего благополучія, приводя страсти въ щастливое равновѣсіе, и образуя вкусъ для истинныхъ наслажденій.

Мел. Но естьли я не нахожу для себя хорошей пищи, то съ самымъ прекраснымъ вкусомъ могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянинъ, живущій въ своей темной, смрадной избѣ, или Камчадалъ, которой вокругъ себя не видитъ ничего, кромѣ снѣжныхъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой хижинѣ своей задыхается отъ дыму, не можетъ найти много удовольствій въ жизни.

Фил. Однакожъ находитъ ихъ. Крестьянинъ любитъ свою жену, своихъ дѣтей; радуется, когда идетъ дождь во время, радуется благополучному ведру, полнотѣ житницъ своихъ и щедрой наградѣ за труды его. У Камчадала также есть

сердце, которому извѣстны пріятныя движенія чувствительности; онъ любитъ своихъ домашнихъ, любитъ звѣриную ловлю, и съ удовольствіемъ катится домой на обледенѣлыхъ лыжахъ своихъ, воображая тепло, отдыхъ, поцѣлуй жены и . . . рыбій жиръ на столѣ. — Истинныя удовольствія равняютъ людей. Великій Моголъ и послѣдній рабъ его утоляютъ голодъ и жажду съ одинакою пріятностію. Богачъ изъ огромныхъ палатъ своихъ, гдѣ великолѣпіе и скука утомили душу его, сходитъ по мраморной лѣсницѣ отдохнуть на зеленомъ лугу, на чистомъ воздухѣ и взглянуть на алую вечернюю зарю; онъ садится на травѣ . . . подлѣ бѣднаго земледѣльца, которой, также покоится, также легко дышетъ, и тѣми же предметами наслаждается: они оба теперь равны. — Ты знаешь Клеона, которой изтощаетъ всѣ хитрости роскоши для того, чтобы менѣе скучать въ жизни; которой спитъ на розахъ и просыпается отъ звуковъ Гайденовой музыки; часто завернувшись въ плащъ, украдкою выходитъ онъ изъ великолѣпнаго своего дому, и бѣгаетъ по улицамъ въ то время, когда шумитъ осенняя буря, когда дождь льется изъ облаковъ рѣками —— для чего? чтобы уставъ и промокнувъ насквозь, возвратиться домой, сѣсть передъ каминомъ и сказать: „ какъ пріятенъ огонь въ ненастное время!“ Въ самой тотъ же часъ бѣдной дровосѣкъ сушится передъ огнемъ въ хижинѣ своей, и чувствуетъ его пріятность не менѣе Клеона. — Вся разница состоитъ въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ; но Провидѣніе и Натура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій никого не одѣляютъ. Знать ихъ цѣну, есть изкусство и вѣнецъ науки жить! Не все то легко, что кажется просто; и часто всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ вещи, которыя у насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ любопытной, безпокойной человѣкъ, оставляетъ тихой родительской кровъ, свое отечество — странствуетъ по чужимъ землямъ, переплываетъ бурные Океаны, чтобы наконецъ очутиться опять на милой своей родинѣ, и сказать: „ щастливъ, щастливъ тотъ кто умираетъ, гдѣ родится!“

Натура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, не собственностію нѣкоторыхъ избранныхъ людей; иначе мы имѣли бы право обвинять Небо пристрастіемъ. Не всѣмъ можно завоевать Индію, не всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи; слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ миртахъ Алкивіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило Небо возможное щастіе для смертныхъ. Но для всякаго сіяетъ солнце, для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ материнскою нѣжностію питаетъ она птенцевъ и человѣка; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совѣсть; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного Отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

Мел. Философія твоя довольно утѣшительна; только ей немногіе повѣрятъ.

Фил. Думаю; но истина останется въ своей цѣнѣ — истина, что всѣ особенныя, случайныя, изкусственныя удовольствія не стоятъ общихъ, природныхъ; и что можно быть щастливымъ и нещастливымъ во всѣхъ состояніяхъ, тѣмъ и другимъ отъ себя, отъ умѣнья или неумѣнья пользоваться жизнію, отъ хорошаго или дурнаго разположенія сердца. Натура позволяетъ Изкусству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя, и самыя живѣйшія, раздаетъ она сама — Царица.

Мел. Положимъ, что во всякомъ состояніи человѣкъ можетъ найти розы удовольствія; но гдѣ же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыться

отъ тернія горестей, отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ жизнію?

Фил. Существенныхъ бѣдствій въ самомъ дѣлѣ очень немного: тѣлесное страданіе, потеря физической вольности, и болѣе ничего вообразить не умѣю. Трезвость, умѣренность можетъ насъ предохранить отъ болѣзней; а честная, нравственная, благоразумная жизнь отъ темницы. Ты скажешь, что самые трезвые люди бываютъ подвержены болѣзнямъ, самые добродѣтельные заключаются иногда въ цѣпи; согласись, что это чрезвычайность; — въ такомъ случаѣ остается намъ терпѣть, надѣяться и взирать на небо, гдѣ живетъ нашъ общій, нѣжный Отецъ: Онъ видитъ страданіе дѣтей Своихъ, и не позволитъ ему превзойти мѣру терпѣнія. Къ тому же . . . ты удивишься; но я скажу по чувству души моей . . . скажу, что въ самомъ нещастьи можно найти нѣкоторое услажденіе. Силою души своей превозмогать болѣзнь тѣлесную, покойною ясностію сердца освѣщать мракъ темницы, есть нѣчто святое, божественное, кротко возхитительное . . . Минихъ, во глубинѣ Сибири, въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ, благодарилъ Небо за твердость души своей, и проливалъ слезы умиленія, которыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности. — О какихъ другихъ нещастіяхъ будешь говорить мнѣ? О бѣдности? Но у меня есть руки и сердце: я найду себѣ пропитаніе, найду удовольствія, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи. Сколько людей съ потерею имѣнія выучились наслаждаться жизнію, собою, своими душевными и тѣлесными силами, гораздо болѣе, нежели прежде? Я недавно читалъ въ Нѣмецкомъ Журналѣ объ одномъ Французскомъ Эмигрантѣ, которой былъ нѣкогда знатенъ и богатъ въ своемъ отечествѣ, а теперь . . . шьетъ башмаки въ Веймарѣ. Жалѣть ли объ немъ? Нѣтъ, онъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, работаетъ прилежно, весело, поетъ водевили, и философствуетъ, какъ Сократъ, о пріятностяхъ трудолюбія. — Мы, мы сами составляемъ тысячу

14

отравъ для жизни своей; смотримъ въ микроскопъ на всякую непріятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдствіями. Я видѣлъ N. погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косо. — Стихотворецъ Ф. едва не бросился въ воду отъ того, что одинъ строгой Журналистъ нашелъ въ его стихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имѣютъ ли право винить Натуру и судьбу человѣческую? Ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли назвать его бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ жизнію?

Мел. Но лишиться того, что дѣлало меня истинно щастливымъ не есть ли бѣдствіе? Напримѣръ, ты самъ говоришь, что для благополучія жизни надобно любить: когда же любовь моя осиротѣетъ . . .

Фил. Горесть тогда необходима; но она есть для души то же, что болѣзнь для тѣла: душа всячески стремится выйти изъ такого чрезвычайнаго положенія, и наконецъ выходитъ. Не только безконечная, но и продолжительная горесть не естественна, вопреки всѣмъ піитическимъ Элегіямъ. Природа милостивѣе Стихотворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчность; но въ ея лексиконѣ нѣтъ этого слова. Видя оскорбленную нѣжность, она тотчасъ посылаетъ къ ней лекаря (время), которой извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Горесть глубокая, истинная горесть, есть чрезвычайной феноменъ: рѣдко дѣлаетъ она людей нещастными. Но обыкновенной бичъ сердца есть дурной нравъ и скука.

Мел. Что разумѣешь ты подъ дурнымъ нравомъ?

Фил. Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ — отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинной Философъ или (что все одно) истинно-благоразумной человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою; ищетъ удовольствій на сво-

емъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому; знаетъ, что Тиверій въ Капреѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ нещастливѣе Камчадала (*); знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ. Пусть всякой имѣетъ такія чувства, и дурной нравъ перестанетъ темнить предметы вокругъ насъ!

Мел. А какое лекарство предпишешь отъ скуки?

Фил. Она болѣе всего мучитъ тѣхъ людей, которые по связямъ гражданскаго общества выходятъ изъ подъ закона естественнаго. Натура даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать; готовитъ, такъ сказать, для жизни человѣческой только первые матеріялы, чтобы мы сами ихъ обработывали. Трудись, живи и наслаждайся, есть ея предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуется ему, работаетъ и не знаетъ скуки; *трудъ*, *отдыхъ*, *забава*, какъ три главныя эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою, и не оставляютъ въ ней никакой пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествѣ всего нужнаго для физическаго бытія, люди праздные живутъ противъ своего назначенія, противъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ Природѣ, и произвольно отдаться подъ ея законъ,

(*) Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ Сенаторамъ: „О чемъ писать къ вамъ, отцы „именитые? и какъ? самъ не знаю; я лучше хо„тѣлъ бы страдать, нежели чувствовать такое „разслабленіе, такое . . . но я ничего не чувствую.“

которой велитъ *жить* и *работать*; надобно, чтобы *трудъ*, *отдыхъ*, *забава*, были также тремя главными эпохами жизни ихъ. Всякой занимайся чѣмъ-нибудь; избери для себя должность въ общежитіи, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудися по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую-нибудь пользу, такъ какъ Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника. Употребивъ на трудъ пять, шесть часовъ въ день, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется своими физическими и душевными силами; всякой день дышитъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Натуры, Изящныя Изкусства, книги: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою. *Дѣятельность*, *отдыхъ*, *забава*: вотъ мой девизъ!

Мел. Ты говоришь, что во всякомъ состояніи можно быть щастливымъ — положимъ — но въ какомъ легче? Какое избралъ бы ты для себя по собственной волѣ, естьли бы Судьба изъ урны своей высыпала передъ тобою всѣ жребіи?

Фил. Самое ближайшее къ Природѣ: состояніе независимаго земледѣльца, который умѣреннымъ трудомъ могъ бы доставлять себѣ не только нужное для пропитанія, но и нѣкоторыя удобности въ жизни; могъ бы имѣть свѣтлую хижинку, маленькой садикъ, умъ для вниманія къ премудрымъ дѣйствіямъ натуры, и чувствительное сердце, для любви къ милымъ дѣтямъ и вѣрной подругѣ. Но какъ, по теперешнему учрежденію гражданскихъ обществъ, едва ли не напрасно будемъ искать такихъ земледѣльцевъ: то самое лучшее есть для меня среднее состояніе, между изобиліемъ и недостаткомъ, между знатностію и униженіемъ — твое, мое. Смотря на великолѣпныя палаты, думаю: „здѣсь чувство слишкомъ изнѣжено для сильнаго наслажденія!“ Глядя на крестьянскую хи-

жину, говорю себѣ: „здѣсь чувство слишкомъ гру-„бо для нѣжныхъ наслажденій!“ Но красивой, чистенькой домикъ всегда представляетъ моему вообраменію картину возможнаго щастія, особливо, когда вижу на окнѣ цвѣты, а подъ окномъ . . . миловидную женщину, за рукодѣльемъ, за книгою, за арфою. Тамъ, кажется мнѣ, живетъ любовь и дружба, спокойствіе и душевная веселость; тамъ умѣютъ наслаждаться Природою, Изкусствомъ и всѣми истинными земными благами.

Мел. Еще одно возраженіе: можетъ ли доброе сердце спокойно наслаждаться чѣмъ-нибудь, тогда, какъ вокругъ его свирѣпствуютъ развращенныя страсти, порокъ и злоба? Ты оправдываешь Натуру, доказывая, что всѣ склонности, съ которыми она производитъ насъ, въ основаніи своемъ хороши и щастливы; но къ чему же люди обращаютъ ихъ? . . . Могу ли я, напримѣръ, возхищаться великолѣпною картиною утра и возходящаго солнца, думая, что оно пробуждаетъ милліоны извергов, которые въ теченіе дня будутъ только выискивать новыя средства мучить, терзать слабыхъ, неосторожныхъ, чувствительныхъ?.. Я хотѣлъ бы любить подобныхъ мнѣ; стремлюся къ нимъ душею . . . но встрѣчаю злодѣевъ, и долженъ ихъ ненавидѣть! Одна эта мысль не есть ли горькая отрава для всѣхъ удовольствій добраго сердца?

Фил. Любезной другъ! чернить нравственной міръ, изливать на людей желчь ненависти, многіе почитаютъ Философіею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой Философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку быть щастливымъ и добрымъ, или быть щастливымъ и злымъ: кто не изберетъ перваго? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть черезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее

неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которые вмѣшиваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Порочной боится, чтобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредѣ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріятелемъ: и такъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть щастливымъ? — Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только ошибкою, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдственно дурной человѣкъ есть нещастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенной злодѣй, или человѣкъ, которой любитъ зло для того, что оно зло, и ненавидитъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная піитическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище внѣ Природы, существо неизъяснимое по естественнымъ законамъ. — Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ: „Возможное земное щастіе состоитъ въ „дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ „разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на „Природу — въ хорошемъ употребленіи физиче„скихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное насла„жденіе также невозможно, какъ безпрестанное „движеніе; машину надобно заводить для хода, а „работа заводитъ душу для чувства новыхъ удо„вольствій. Быть щастливымъ, есть быть вѣр„нымъ изполнителемъ естественныхъ мудрыхъ „законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ „и противны злу, то быть щастливымъ есть . . . „*быть добрымъ*.“

Карамзинъ.

II. СТАРОДУМЪ и ПРАВДИНЪ.

Правд. Лишь только изъ за стола встали, и я подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету: то не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе

Стар. Оно мнѣ драгоцѣнно. Повѣрь мнѣ!

Правд. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ таких ъ. . . .

Стар. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, перестаетъ искренность.

Правд. Ваше обхожденіе

Стар. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой возпиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевозпитывать. Служилъ онъ ПЕТРУ Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякой щиталъ себя за многихъ. За то ноньче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора ПЕТРА Великаго

Правд. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ

Стар. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Возпитаніе дано мнѣ было отцемъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правд. Тогдашнее возпитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ

Стар. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и тоже: имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода, на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правд. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа

Стар. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (*Съ чувствомъ*). Невѣжда безъ души, звѣрь. Самой мѣлкой *подвигъ* ведетъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у нево нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я свободить

Правд. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ

Стар. Постой! Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Правд. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стар. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О! естьлибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правд. Какимъ же образомъ? Произшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ; вы меня крайне одолжите, естьли разскажете. . .

Стар. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ Графомъ, котораго имени я и возпомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе; сынъ случайнаго отца, возпитанъ въ большемъ свѣтѣ, и имѣлъ особливой случай научиться тому, что въ наше возпитаніе еще не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего возпитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. „Любезной Графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію, и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода.“ Вдругъ мой Графъ сильно наморщился, и обнявъ меня сухо: „ щастливой тебѣ путь, сказалъ мнѣ, а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мною разстаться.“ — Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ тужъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большемъ свѣтѣ водятся премѣлкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правд. Сущая истина!

Стар. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличать себя. Раны то доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что Графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался взпоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я, я лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни. Такое неправосудіе разтерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правд. Чтожъ бы иное и дѣлать надлежало?

Стар. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить что прямо любочестивой человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается: что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану.

Правд. Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стар. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди!

Правд. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стар. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ столицу. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отроду и въ голову не приходило.

Правд. Куда же?

Стар. Ко Двору. Меня взяли ко Двору. А! Какъ ты объ этомъ думаешь?

Правд. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стар. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно, что въ этой сторонѣ по большей, прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

Правд. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стар. А такова-то просторна, что двое встрѣтясь, разойтися не могутъ. Одинъ другаго сва-

ливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на земли.

Правд. Такъ по этому тутъ самолюбіе . . .

Стар. Тутъ не самолюбіе, а такъ назвать себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно; о себѣ одномъ пекутся; объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь. Я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правд. Но тѣ достойные люди, которые у Двора служатъ Государству . . .

Стар. О! тѣ не оставляютъ Двора для того, что они Двору полезны; а прочіе для того, что Дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ, и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правд. Васъ конечно у Двора не узнали?

Стар. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ: а то бы выжилижъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Правд. Какимъ?

Стар. Отъ Двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другаго. Разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужей передней.

Правд. И такъ вы отошли отъ Двора ни съ чѣмъ? (*открываетъ свою табакерку*).

Стар. (*беретъ у Правдина табакъ*). Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пять сотъ рублей. Пришли къ купцу двое: одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пять сотъ рублей цѣлы. Я отошелъ отъ Двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила!

фонъ-Визинъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Переводы.

I. РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ АЛЕКСАНДРОМЪ ВЕЛИКИМЪ И АННИБАЛОМЪ.

(ВЪ ЦАРСТВѢ МЕРТВЫХЪ).

Александръ. Постой ты, Карѳагенецъ, мнѣ напередъ идти должно.

Аннибалъ. Я тебѣ не уступлю.

Алекс. Хочешь ты со мной судиться передъ Миноемъ?

Анниб. Хочу.

Миной. Что вы за люди?

Алекс. Александръ и Аннибалъ.

Миной. Оба великіе люди; однако о чемъ вы спорите?

Алекс. Кому должно напередъ идти. Сей Африканецъ таковъ наглъ, что первенство отнять у меня хочетъ, не смотря на то, что я былъ Монархъ всей Азіи и превеликій воинъ на свѣтѣ.

Миной. Должно выслушать его доказательства; что ты противъ него скажешь, Аннибалъ?

Анн. Коль щастливъ я, что буду говорить передъ судьею, который не будетъ судить пристрастно, но взирать больше на правду, нежели на пустой видъ! И такъ я говорю, что того, которой, равно какъ я, возвысилъ себя своею собственною силою, и щастіемъ своимъ только одному самому себѣ долженъ, надлежитъ предпочесть тому, кто имѣетъ свою славу отъ предковъ. Ибо, перешедъ изъ Африки въ Испанію, такъ сказать, съ одной горстью людей, прославилъ я себя своею собственною храбростію, и послѣ смерти моего зятя, принявъ все войско въ мое повелительство, усмирилъ я Целтиберовъ и Галловъ, которые лежатъ къ западу. Потомъ прешедъ Альпійскія горы, одержалъ я побѣду на трехъ великихъ сраженіяхъ, и убилъ въ одинъ день столько непрія-

телей, что мѣрялъ я четверикомъ золотые перстни, которые носили конные Римскіе дворяне; и перешедъ чрезъ мостъ, изъ убитыхъ полковъ состоявшій, завоевалъ я всю Италію до самаго Рима. Все сіе учинилъ я, не назвавшись Зевесовымъ сыномъ, и не возхотѣлъ себѣ Богу должнаго почтенія. Знатнѣе всего есть то, что я войну имѣлъ не съ Армянами, ни съ Мидянами, которые прежде сраженія въ бѣгство обращаются, и побѣду оставляютъ тому, кто осмѣлится оной дождаться; но воевалъ съ самыми храбрыми народами, и съ *Генералами* преизкусными во всемъ свѣтѣ. Притомъ всѣ оныя побѣды получилъ я не такимъ войскомъ, которое бы дружно биться издавна пріучено было, ниже *солдатами* набранными изъ моего отечества, но наемными и отвсюду сбродными людьми. Я не былъ притомъ наслѣдникъ скипетра, но простый гражданитъ Карѳагенскій. Александръ напротивъ того, принявъ отъ отца своего купно съ короною войско, которое было непобѣдимо, требовалъ еще къ тому щастія, чтобы побѣдить роскошнаго владѣтеля и ослабѣвшихъ отъ сластолюбія *народовъ*. Потомъ ослѣпившись своею побѣдою, отмѣнилъ обычаи своихъ предковъ, убивалъ собственною своею рукою самыхъ лучшихъ своихъ *друговъ*, а иныхъ отдавалъ на казнь, и велѣлъ себя почитать, какъ Бога. Я посредѣ своихъ побѣдъ и торжествъ будучи позванъ въ Африку обратно, чтобы стать противу Сципіона, послушалъ повелѣнія, какъ самой меньшей гражданинъ. И когда меня тамъ неправедно осудили, то сносилъ я великодушно свое изгнаніе. Я позабылъ было еще нѣкоторую часть своей славы, что я всѣ оныя дѣла учинилъ, не имѣвъ никакой помощи отъ наукъ, и не учившись у Аристотеля. И ежели Александръ требуетъ преимущества для своей короны, то сіе изрядно въ разсужденіи Персовъ и Македонянъ; а *до меня оное ничего не надлежитъ*: для того что я не родился его подданнымъ, и былъ прославленъ храбрымъ и премудрымъ *Генераломъ*, котораго мужеству только щастіе невсегда споспѣшествовало.

Миной. Хотя и груба рѣчь, однако не варварская! что ты, Александръ, на то отвѣчаешь?

Александръ. Слава бы моя была довольна дать мнѣ преимущество, ежели бы я не хотѣлъ оное получить силою разума, равно какъ оружіемъ, и торжествовать по моимъ словамъ, какъ по военнымъ дѣйствіямъ. Ибо получивъ наслѣдное владѣніе послѣ своего отца, колеблющееся и возмущенное его смертію, умѣлъ я оное укрѣпить казнію его убійцъ, и потрясъ Греціею, опровергнувъ Ѳивы. Потомъ будучи выбранъ главнымъ предводителемъ противъ варваровъ, простеръ я свою надежду и оружіе далѣе нежели другіе, которые прежде меня были. Переправившись чрезъ Эллеспонтъ, побѣдилъ я Даріевыхъ *Генераловъ* открытымъ боемъ, завладѣлъ всѣми *провинціями* до Киликіи, побѣдилъ самаго Царя Персидскаго, и въ одинъ день столько лавровъ собралъ, что Хароновой *барки* не доставало на перевозъ мертвыхъ: толикое множество ихъ было! Наконецъ, не говоря ни о Тирѣ, ни о Арбеллахъ, покорилъ я всю Азію до Индіи, и самую Индію и Океанъ поставилъ предѣломъ моей *имперіи*. И не довольствуясь толиками дѣлами, перешелъ я чрезъ Донъ, побѣдилъ Скиѳовъ, торжествовалъ надъ всѣми непріятельми Греческаго народа, и короны раздѣлялъ *по моимъ Генераламъ*. И хотя по учиненіи толикихъ дѣлъ, человѣческую силу превозходящихъ, люди богомъ меня почитали, однако сіе имъ простительно, также и мнѣ, что я на то для утвержденія новой *имперіи* соизволилъ. Однимъ словомъ, ты видишь предъ собою побѣдителя половины свѣта, у котораго преимущество отнять хочетъ ссыльной, которой умеръ рабомъ нѣкотораго беззнатнаго Царя въ Виѳиніи. Къ сему присовокупить должно, что я всѣ оныя завоеванія учинилъ какъ левъ открытою силою. Напротивъ того Аннибалъ дѣйствовалъ одинмъ коварствомъ, и послѣ побѣжденъ собственнымъ своимъ оружіемъ. Онъ безчеловѣченъ былъ къ побѣжденнымъ, а я напротивъ того милостивъ. Однако онъ имѣетъ позволеніе попрекать мнѣ роскошнымъ моимъ житьемъ, препроводивъ самъ въ Капуѣ дол-

гое время въ сластолюбіи; чрезъ что потерялъ онъ плоды толикихъ побѣдъ. Мои увеселенія не помрачили славы моего оружія; я ожидалъ *тріумфовъ*, когда и непріятелей не было. Я могъ бы еще и больше сказать въ свое защищеніе; однако мнѣ стыдно больше словъ терять на толь справедливое мое требованіе. Только остается, чтобы нашъ споръ развесть приговоромъ.

Сципіонъ. Подожди, Миной. Я имѣю нѣчто представить.

Миной. Кто ты таковъ?

Сципіонъ. Я Сципіонъ, который побѣдилъ Аннибала, и покорилъ Карѳагенъ.

Миной. Чегожъ ты требовать хочешь?

Сципіонъ. Я преимущество хочу отдать Александру, а Аннибалу не уступаю.

Миной. Правдиво требованіе; ты поди передъ Аннибаломъ, а передъ обоими Александръ. Больше ни чего мнѣ не говорите. —

Ломоносовъ.

II. ДАМЕТЪ и ДОРИСА.

Даметъ. Ахъ! что мнѣ дѣлать? боюсь показаться къ батюшкѣ. Какъ будетъ онъ тужить о васъ, бѣдныя козы! Нѣтъ! я не могу видѣть слезъ его; лучше пойду.... пойду, куда глаза глядятъ. Бѣдной я!

Дориса. О чемъ ты плачешь, Даметъ?

Дам. Ахъ, Дориса! Кабы ты знала, каково мнѣ! подумай только: двѣ козы, которыхъ мнѣ батюшка велѣлъ пасти, спрыгнули съ горы и убились до смерти! У бѣднаго старика только и всего имѣнія было, что онѣ однѣ; мы питались ихъ молокомъ. Теперь что намъ осталось? Чѣмъ мы будемъ жить? Какъ я бѣдныхъ этихъ козочекъ любилъ! Онѣ часто играли со мною на травѣ, часто лежали смирнехонько у ногъ моихъ, когда я подъ

тѣнію древесъ сидѣлъ. Я нарочно ходилъ выбирать любимую имъ травку, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ, водилъ всегда къ чистому източнику, холилъ ихъ, мылъ, и прежде самъ не ложился спать, покуда ихъ не отводилъ въ хлѣвокъ. Теперь ужъ ихъ нѣтъ! ахъ, ахъ!

Дор. Но какимъ образомъ это сдѣлалось? Для чего ты за ними не смотрѣлъ?

Дам. Я за минуточку предъ тѣмъ сошелъ съ горы въ долину, и искалъ тамъ цвѣтовъ, чтобъ сплести себѣ вѣнокъ. Между тѣмъ, какъ я хожу и рву цвѣты, Тирсисова большая собака съ другой стороны горы бѣжитъ во всю мочь и лаетъ: бѣдныя мои козочки изпугавшись, бросились съ горы безъ памяти! я кричу, бѣгу, но прибѣжалъ уже тогда, когда онѣ мертвыя у ногъ моихъ лежали!

Дор. Бѣдной ты!

Дам. Ахъ! не тужи обо мнѣ; тужи лучше о моемъ отцѣ: ты знаешь, какъ онъ бѣденъ; а теперь я его еще бѣднѣе сдѣлалъ, лишивъ послѣдняго! О Дориса! утѣшь его безъ меня: я во вѣки ему не покажусь, уйду куда глаза глядятъ.

Дор. Ты безумствуешь, Даметъ; развѣ ты хочешь больше его опечалить? ты знаешь, какой онъ доброй, тотчасъ тебя проститъ.

Дам. Такъ, Дориса; но сіе-то самое, что я его люблю и онъ меня любитъ, пуще меня сокрушаетъ: я не могу смотрѣть на его горесть.

Дор. Послушай, Даметушка; останься съ нами. Какъ можешь ты любить отца и наводить ему такую жестокую печаль? Останься и только молчи! Ты вѣдаешь, какъ я богата, и что на здѣшнихъ поляхъ стадо мое всѣхъ больше: какую разницу могутъ мнѣ сдѣлать двѣ козы? Пойдемъ, мой другъ, я тебѣ ихъ съ радостію подарю.

Дам. О Дориса! — О любезная! — Ахъ! ты мнѣ жизнь возвращаешь!

Дор. Какъ щастливъ тотъ, кто можетъ дѣлать добро другимъ!

Дам. Теперъ пойду я къ батюшкѣ. Какъ бѣдный старикъ обрадуется! какъ будетъ онъ тебѣ благодаренъ! пойдемъ. — Но нѣтъ! возьмемъ козъ и принесемъ къ нему сами. — О Дориса! скажи, какъ мнѣ тебя любитъ? какъ оказатъ тебѣ свою благодарность?

Дор. Молчи! — Двѣ козы прежде были у тебя, а теперь, чтобъ больше обрадоватъ твоего отца, я тебѣ даю трехъ овецъ матокъ и съ ягнятками. —

Дам. О небо! — Я умру отъ радости! Дориса! любезная Дориса! нѣтъ, этого много.

Дор. Пойдемъ, возьми изъ моего стада козъ твоихъ и овецъ.

О люди! есть ли что сладостнѣе удовольствія, благодѣтельствоватъ себѣ подобнымъ?

Шишковъ.

III. МАРКЕЛЛЪ ВЪ ГОРОДѢ НОЛѢ (*)

(изъ соч. Мейснера.)

Маркеллъ. Нѣсколько Ноленскихъ Совѣтниковъ, его поздравляющихъ. Свита Маркеллова.

Марк. (*усмѣхаясь*) И такъ, Ноленскіе граждане, скоро возвратится въ сердца ваши надежда и упованіе на дружбу Рима! Скоро увѣритесь вы, что не все наше дерзновенное юношество, не всѣ опытные люди погибли при злополучныхъ Каннахъ!

(*) *Нола* былъ знатный городъ въ Кампаніи. Самое произшествіе взято изъ Плутарха. Оно случилось вскорѣ послѣ нещастнаго сраженія при Каннахъ.

Перв. Совѣтн. Мы давно въ томъ увѣрены были, ибо знали, что Маркеллъ живъ еще; знали, что мечъ Римлянъ не потерялъ остроты своей, и щитъ (*) ихъ не изколотъ.

Втор. Совѣтн. Естьлижъ, о Императоръ (**), и волновался нѣсколько недѣль нашъ городъ; ежели Нола публично изъявляла склонность къ Аннибалу, то по крайней мѣрѣ не всѣ такъ думали, а только уступили превозходной силѣ. Совѣтъ нашего города никогда ни мыслилъ отложиться отъ Рима, но одна чернь, возмущенная нѣкоторыми безпокойными людьми.

Марк. Ктожъ эти безпокойные?

Перв. Совѣтн. Начальникъ ихъ называется Луціемъ Банціемъ, и произходитъ отъ благороднѣйшаго, знатнѣйшаго поколѣнія между нами.

Марк. (*въ размышленіи*) Банціемъ? Луціемъ Банціемъ? кажется, я знаю это имя, и притомъ съ лучшей стороны.

Трет. Совѣтн. Легко быть можетъ: ибо онъ столь же храбръ, какъ и неспокоенъ. Онъ *дрался* при Каннахъ, и отличился какъ множествомъ враговъ, коихъ положилъ вокругъ себя, такъ и опасными ранами, тамъ полученными.

Марк. (*стараясь взпомнить*) Дрался при Каннахъ? — Не Банціемъ ли назывался тотъ воинъ, которой такъ долго и совершенно одинъ защищалъ нашего Полководца, злополучнаго Павла Эмилія, и геройски потерялъ жизнь свою при той защитѣ?

Перв. Совѣтн. Не только такъ назывался, но и былъ онъ самъ; ибо о смерти его пронеслась ложная молва. Правда, онъ найденъ между уби-

*) Оставшіеся тогда въ Римѣ хорошіе полководцы были *Фабій Максимъ* и *Маркеллъ*. Перваго называли щитомъ, другаго мечемъ Римскимъ.

**) У Римлянъ всякой полководецъ назывался Повелителемъ или Императоромъ. Извѣстно изъ Исторіи, сколь часто и въ послѣдствіи Римскіе солдаты провозглашали своихъ полководцевъ Императорами почти всего, тогда извѣстнаго свѣта.

шыми на ратномъ полѣ; но великія попеченія, о немъ прилагаемыя, возвратили ему жизнь.

Марк. И такой человѣкъ могъ сдѣлаться измѣнникомъ Риму, сдѣлаться другомъ Аннибаловымъ?

Втор. Совѣтн. Не только сдѣлался искреннимъ его другомъ, но и публично его превозноситъ. (*Ропотъ въ свитѣ Маркелловой.*)

Марк. Что такое? чего вы хотите?

Перв. начальн. Они думаютъ, что онъ заслужилъ смерть.

Втор. начальн. И притомъ тѣмъ скорѣйшую, чѣмъ важнѣе услуги, которыя при замедленіи можетъ оказать такой человѣкъ непріятелямъ.

Еще другіе Римляне. Повели намъ, Императоръ! и мы приведемъ его сюда окованнаго, или доставимъ его отрубленную голову.

Марк. (*къ Ноленцамъ*) Что вы на это скажете?

Три Совѣтн. Что сказать, кромѣ того, что его жизнь и наша въ твоихъ рукахъ!

Марк. Я это знаю; но хотѣлъ бы знать, снизходительно, или строго надлежитъ поступить съ Банціемъ?

Перв. Совѣтн. Для безопасности и спокойствія конечно надобно — (*пожимаетъ плечами.*)

Свита Марк. Смерть, смерть ему!

Марк. Нѣтъ! Да сохранятъ меня Боги, чтобъ я произнесъ столь скорый приговоръ храброму воину! Человѣкъ, который отваживалъ жизнь свою за спасеніе Рима, не безъ причины перемѣнилъ свои мысли; надобно его выслушать, а потомъ судить. Склоненіе на свою сторону такого человѣка стóитъ иногда выигранной битвы. — (*Къ нѣкоторымъ воинамъ*) Позовите его сюда, однако со всевозможнымъ дружелюбіемъ. — (*Къ Ноленцамъ*) Гдѣ онъ живетъ?

Перв. Ноленецъ. *Вонъ* въ томъ великолѣпномъ домѣ, что подлѣ Совѣта.

Втор. Нол. (*между тѣмъ какъ хотятъ идти солдаты*) Прости мнѣ, о Маркеллъ! посылать нѣтъ нужды; онъ и самъ идетъ.

Марк. Тѣмъ лучше. — Не показывай никто и видомъ, что мы говорили между собою!

Луцій Банцій входитъ (Съ благороднымъ лицемъ) Отпусти мнѣ, побѣдоносный Императоръ, ежели я изъ тѣхъ, которые поздравляютъ тебя въ Нолѣ, дѣлаю это послѣдній. Сказать правду, я не ожидалъ тебя такъ скоро. Что ты имѣешь силу грома, зналъ я; но позабылъ то, что тебѣ свойственна и быстрота молніи.

Марк. (Какъ будто бы его не знаетъ) Нужды мало, что ты поздравляешь меня послѣдній; будь только первымъ въ искренней дружбѣ! Могу ли спросить, какъ тебя зовутъ?

Банц. Банціемъ.

Марк. Банціемъ! Какъ? Не Луціемъ ли Банціемъ?

Банц. Точно такъ!

Марк. (обнявши его) Здравствуй! здравствуй, Луцій, котораго я, слѣдуя народной молвѣ, не прежде надѣялся обнять, какъ въ Елисейскихъ поляхъ; и напередъ увеселялся мыслію, что тамъ буду обнимать его.

Банц. (смутившись нѣсколько) Императоръ!...

Марк. Что! развѣ ты не тотъ Луцій Банцій, о которомъ говорятъ такъ много въ Римѣ? которой при самыхъ Каннахъ, *въ* полѣ нашего уничиженія, пріобрѣлъ столько чести, столь великодушно защищалъ нашего полководца, перенималъ за него стрѣлы и раны? Тотъ ли ты?

Банц. Я бился при Каннахъ, и старался исполнить мою должность.

Марк. Такъ привѣтствую тебя снова! Ежели бы Римъ, въ тотъ кровопролитный день, имѣлъ еще двадцать человѣкъ такихъ, какъ ты; тобъ Карѳагенецъ не имѣлъ столько времени веселиться своею дерзостью, сколько теперь, чтобъ потомъ разкаяться и погибнуть. — Раны на челѣ твоемъ . . .

Банц. Я ихъ получилъ при Каннахъ, такъ какъ и эту! *(обнажаетъ грудь свою.)*

Марк. Десять лавровыхъ *коронъ* менше бы украсили чело твое, десять пурпуровыхъ одеждъ твое тѣло. — Но для чего ты не явился тотчасъ

*

въ Римъ, имѣя столь славные дружественные знаки? Для чего не потребовалъ почестей и наградъ, справедливо тебѣ принадлежащихъ? Неужели ты думаешь, что мы можемъ быть неблагодарными къ друзьямъ, когда въ самыхъ врагахъ умѣемъ чтить добродѣтели?

Банц. (*съ гордою отчасти улыбкою*) Какъ бы ни думалъ я о Римѣ; но то правда, что не могъ въ него явиться, когда получилъ сіи раны.

Марк. По какой причинѣ?

Банц. По той, что впалъ въ руки Аннибала.

Марк. Аннибала? Какъ онъ поступилъ съ тобою?

Банц. Съ великодушіемъ, приличнымъ побѣдителю Римлянъ. Онъ такъ прилежно велѣлъ смотрѣть за моими ранами, какъ будто бы я никогда не былъ врагомъ его; хвалилъ мой подвигъ, какъ будто бы другъ убитыхъ Карѳагенцевъ, найденныхъ около простертаго на землѣ моего тѣла, былъ другъ мертвыхъ Римлянъ. Ни разу не далъ мнѣ почувствовать оковъ плѣна; даже не потребовалъ честнаго слова, когда отпускалъ меня.

Марк. (*отчасти дружескимъ, а отчасти выразительнымъ голосомъ*) Довольно благородно! но за то ты и теперь говоришь объ немъ, какъ о союзникѣ. — Отъ чего ты краснѣешь, Банцій?

Банц. (*съ замѣшательствомъ, которое скрыть старается*) Я еще никогда на заботился о краскѣ щекъ своихъ.

Марк. Однако щеки часто показываютъ сердечныя чувства. — Банцій, я говорю съ благороднымъ, мужественнымъ человѣкомъ; ты говоришь съ такимъ, которой тебя уважаетъ. Пусть же строгая истина вѣщаетъ нашими устами, и чистосердечная довѣренность господствуетъ въ изліяніи нашихъ мыслей! Скажи мнѣ, правда ли это, въ чемъ тебя обвиняютъ? Другъ ли ты Аннибалу?

Банц. Какъ я могу не быть другомъ тому, кто спасъ мою жизнь, и удостоилъ меня своего гостепріимства?

Марк. Возмущалъ ли ты Нолу противъ Рима?

Банц. Нѣтъ, а только говорилъ Ноленцамъ, что думалъ; оставлялъ имъ на волю, что они предпринять похотятъ, хотя и не безъ удовольствія видѣлъ, когда они мыслили такъ, какъ я.

Марк. Чтожъ побудило тебя къ такому поступку? — Что могло побудить человѣка, столь мужественно проливавшаго кровь свою за Римъ, посвятить остатокъ этой крови вѣроломному Карѳагену?

Банц. Развѣ я не сказалъ тебѣ? То, что нашелъ Карѳагенъ не вѣроломнымъ, а великодушнымъ въ разсужденіи себя; что нашелъ Римъ твой не великодушнымъ, но робкимъ и низкимъ. — (*Рѣшительнымъ голосомъ*) Маркеллъ, къ чему далѣе меня спрашивать? Жизнь моя въ твоихъ рукахъ; и глаза мои не такъ мутны или тупы, чтобъ во многолюдствѣ, тебя окружающемъ, даже въ толпѣ моихъ сограждань, не могли отличить нѣкоторыхъ, кои жаждутъ моей крови, кои чаятельно уже обвинили меня. Но хотя я, признаюсь въ томъ *публично* — и другъ Пунійцамъ; однако не имѣю того, что вы называете Пуническою вѣрностью (*). — Познай изъ собственныхъ устъ моихъ, что мнѣ съ нѣкотораго времени трудно было любить народъ, которой такъ постыдно бѣжалъ при Каннахъ. Что ты недавно сказалъ въ похвалу мнѣ — приговоръ твой, что при двадцати человѣкахъ — такихъ какъ я, Аннибалъ не одержалъ бы побѣды, есть истина: ибо изъ всѣхъ, которые сражались около Эмилія, скоро остался я одинъ, который еще осмѣлился защищать вашего Консула. Прочіе побѣжали, не смотря на его прозьбы и мои насмѣшки. Они побѣжали съ ранами на спинахъ; попустили даже рубить себя, не хотя болѣе сражаться; и я палъ, проклиная ихъ трусость.

Марк. Это проклятіе постигло ихъ! немногіе изъ Эмиліевыхъ легіоновъ возвратились въ свое отечество.

*] Пуническая или Карѳагенская вѣрность, такъ какъ и Греческая, почиталась у Римлянъ вѣроломствомъ.

Банц. (*прервавъ*) А могли бы возвратиться въ него съ торжествомъ, ежелибъ захотѣли *драться.* Тогда-то, Маркеллъ, я узналъ Римлянъ! Они высокомѣрны предъ союзниками, робки предъ врагами; дерзки до сраженія, скоры въ побѣгѣ, по открытіи онаго. Аннибалъ напротивъ, когда я въ первый разъ, выздоровѣвъ отъ ранъ, предсталъ предъ него, принялъ меня ласково. „Какъ давно ты служишь Римлянамъ?" былъ первой вопросъ его. — „Пятнадцать лѣтъ." — „А что получилъ въ награжденіе?" — „Эти рубцы на лицѣ." — „Ты бы вѣрно лучше награжденъ былъ, ежелибъ хотя столько мѣсяцевъ бился подъ моимъ предводительствомъ. Я даю тебѣ свободу; а какъ поклялся, не отпускать отъ себя ни одного человѣка безъ награжденія, то прими въ возпоминаніе эту мѣдную броню!" — Скажи самъ, Маркеллъ, не долженъ ли былъ тронуть меня такой поступокъ? скажи, простительна ли была бы здѣсь неблагодарность? Когда онъ наконецъ предложилъ мнѣ свою дружбу и гостепріимство, тогда я подалъ ему руку и съ нею сердце; тогда поклялся; до тѣхъ поръ быть его другомъ и другомъ Карѳагена, пока не найду въ какомъ-либо Римлянинѣ бóльшаго великодушія.

Марк. И онъ доволенъ былъ послѣднимъ условіемъ?

Банц. Доволенъ.

Марк. И ты не оставляешь своего намѣренія быть другомъ Аннибала и Карѳагена?

Банц. Не оставляю!

(*Поднимается громкій ропотъ*)

Марк. Что вамъ надобно?

Множество голосовъ. Отправь, отправь его!

Марк. Куда?

Прежніе. На казнь, на казнь!

Марк. (*къ Банцію*) Слышишь ли, что они говорятъ?

Банц. Слышу.

Марк. Чтожъ ты думаешь?

Банц. Развѣ ты примѣтилъ, что я перемѣнился въ лицѣ?

Прежніе. Смерть, смерть ему!

Марк. Да сохранитъ меня отъ того Квиринъ! (*) да произнесетъ Зевесъ, ежели я изполню волю вашу, въ тужъ минуту подобный приговоръ надо мною! — Луцій! Римляне, которые при Каннахъ оставили *тебѣ одному* защищать Эмилія, были подлые люди; Аннибалъ, даровавши тебѣ вольность, броню и гостепріимство, былъ благородный человѣкъ. Но вѣдай, не всѣ Римляне такъ подлы, какъ тѣ бѣглецы, и не всѣмъ намъ нужно учиться у Аннибала великодушію. Ежели ты нѣкогда попадешься въ мои руки какъ побѣжденный врагъ, то я знаю уже, какъ поступить съ тобою. Теперь ступай, и сдѣлайся напередъ врагомъ симъ!

Банц. (*съ изумленіемъ*) Императоръ! . .

Марк. Чтожъ ты медлишь? для чего не идешь?

Банц. Я дивлюсь

Марк. Чему? Въ Нолѣ, какъ ты самъ знаешь, тебѣ нельзя остаться. Но ты свободенъ; свободно твое имѣніе, свободенъ всякій сообщникъ твой, извѣстный мнѣ или неизвѣстный. Собери ихъ, вели имъ продать или взять съ собою свое имущество, и отведи ихъ къ Аннибалу! Клянусь Богами Рима, что тебѣ и имъ дамъ провожатыхъ; клянусь, что ни одинъ не потеряетъ ни *полушки*, ни одинъ ни перстомъ не будетъ тронутъ! За твоимъ мужествомъ послѣдуетъ мое почтеніе, за твоею откровенностью мое удивленіе. Ежелижъ мы встрѣтимся на полѣ битвы, я даю тебѣ право законнаго врага; мы будемъ мужественно драться, и побѣдимъ съ человѣколюбіемъ. (*Новый ропотъ*.) Что еще?

Нѣкоторые голоса глухо. Неслыханное снизхожденіе!

Марк. Молчите! Того постигнетъ гнѣвъ мой, кто хотя мало его остановитъ, или коснется его сообщниковъ.

(*) Такъ названъ былъ по смерти Ромулъ, основатель Рима, пріобщенный къ числу Боговъ; и отъ него Римляне назывались Квиритами.

Банц. Противникъ, достойный Аннибала, противникъ, которому самъ Аннибалъ обрадуется! Я иду его о томъ увѣдомить.

Марк. Помедли еще минуту! ибо иначе я отпустилъ бы тебя заимодавцемъ. Ты за насъ сражался, прикрывалъ своимъ тѣломъ и жизнію одного изъ нашихъ предводителей; а потому заслужилъ, со избыткомъ заслужилъ гражданскую корону. Но поелику она, какъ сообщнику Аннибала, мало бы принесла тебѣ чести и пользы; то возьми, вмѣсто ея, лучшаго коня моего, и пятьсотъ драхмъ серебра!— Я бы почелъ за стыдъ, не заплатить долговъ моего отечества.

Банц. Безсмертные Боги! вотъ онъ, вотъ Римлянинъ, который великодушнѣе самого Аннибала!— Теперь я свободенъ отъ своего обѣта, дѣлаюсь другомъ твоимъ, и паки другомъ Рима!— Онъ еще великій городъ и отечество великихъ мужей, когда Маркелловъ имѣетъ Полководцами.— Позволь мнѣ остаться при тебѣ!

Марк. Дѣйствительно ли сердце твое принадлежитъ мнѣ и Риму?

Банц. Дѣйствительно! а чтобы ты еще болѣе въ томъ увѣрился; то вотъ первый опытъ моей ревности, который, можетъ быть, послужитъ къ общему вашему спасенію!

Маркеллъ и нѣкоторые изъ присутствующихъ (*съ изумленіемъ*) Къ общему нашему спасенію?

Банц. Такъ! ближе, нежели вы думаете, предстоятъ вамъ врагъ и война. Чрезъ три часа будьте готовы! Въ эту же ночь приступятъ Пунійцы.

Всѣ (*какъ и прежде*) Въ эту же ночь? Пунійцы?

Банц. Они точно, укрывающіеся въ томъ лѣсу, которой вы можете отсюда видѣть; Пунійцы, готовые показаться по малѣйшему моему знаку! Правда, не мною вымышлено это ночное нападеніе — ибо я люблю открытой бой — но они нашли бы васъ въ такомъ состояніи, какъ хотѣли, и какъ я самъ за нѣсколько минутъ предъ симъ желалъ, во снѣ, или за пиршествомъ; тогда бы чаятельно ни одна кость ваша не уцѣлѣла! Те-

терь испытайте, что вы сдѣлать можете несонные.

Марк. Къ ружью, товарищи!

Множество голосовъ. Къ ружью! къ ружью! Бодрствующихъ найдутъ они насъ, бодрствующихъ, къ *своей* погибели!

Марк. Вотъ спасеніе, по благости Боговъ, противъ ожиданія намъ низпосланное! — Банцій, долгъ Рима умножается; будь увѣренъ, что я, другъ твой, постараюсь сдѣлаться здѣсь Квесторомъ (*). (*поглядѣвъ на окружающихъ*) Что скажете вы, которые незадолго предъ симъ такъ усердно совѣтовали мнѣ употребить строгость? что вы такъ замолкли? — Кого бы изъ насъ спасла кровь Банціева, между тѣмъ, какъ его жизнь спасетъ, можетъ быть, всѣхъ насъ?

* * *

ГЛАВА ПЯТАЯ.

УЧЕБНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

А. Разсужденія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Подлинники.

I. О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ.

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая, моральная и политическая*.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы, и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными

(*) *Квесторы* должны были пещись о выдачѣ жалованья.

возпоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое щастіе—а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Преселите его въ щастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!— Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикой Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своимъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется.— Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ моральныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, возпитывались и живемъ, есть вторая или *моральная* любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣ-

которыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужей землѣ находятъ другъ друга; съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного Государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить Голландскаго Патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасной домикъ, физической кабинетъ, библіотека: сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ предъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ Голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть щастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей, и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ не льзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ, и мнѣ скучно!“

Но физическая и моральная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ от-

ношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его щастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и естьли оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою Патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся Патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного Патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно *смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ; — а смиреніе въ Политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе, ибо обстоятельства были для нихъ щастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими; скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше произхожденіе; *слава была колыбелію народа Русскаго, а побѣда вѣстницею бы-*

тія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ни что не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ Сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра; имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ Русскіе, всегда превозходные храбростію, не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по Религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености; и во время Ярослава были переведены на Славянской языкъ многія Греческія книги. Къ чести твердаго Русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе Князей приготовили торжество Чингисъ-Хановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ нещастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное изтребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими нещастливыми временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ, и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ

завоеватели наши устрашали востокъ и западъ: Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому Государю. Народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Время Самозванцевъ представляетъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца; — граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ . . . Древняя и новая Исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго Патріотизма. Въ царствованіе АЛЕКСАНДРА позволено желать Русскому сердцу, чтобы какой нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству) обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Русской Исторіи. (*) Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный Монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ ЕГО *щастливое* время.

ПЕТРЪ Великій, *соединивъ* насъ съ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не на долго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ; они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою Европейскою арміею. Явились Генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы пока-

(*) Желаніе сіе изполнилось. *Изд.*

зали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ — и наконецъ Французовъ. Сіи славные Республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ Русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ изкусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмаго-надесять вѣка считался варварскимъ.

Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *переимчивость*; но развѣ она не есть знакъ превозходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну *переимчивость*.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Естьли бы наши молодые дворяне *учась могли доучиваться* и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи Литтературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя Науки) доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ шес-

том-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань; чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живости мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога! Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужею славою. Французскіе, Англійскіе Авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Русскихъ. Разположеніе души моей, слава Богу! совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской Литтературы, не хотятъ и взглянутъ на Русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о Русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе критическіе Журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ (*). Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умной человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Русскаго языка. Это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что Русской языкъ грубъ и непріятенъ, что charmant и séduisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены; и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мущины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой,

(*) Такимъ образомъ самой худой Французской переводъ Ломоносова одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ Журналистовъ.

живописной Поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели Французской; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по Французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка; мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный Министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга и тотчасъ должны прибѣгать къ Французскому? Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? — Языкъ важенъ для Патріота, и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ *свистать* и *шипѣть*, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра; какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую морально*! Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чёмъ ѣздятъ, и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, какъ и въ моральномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, и мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя *отрасли* и *развитія*; видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ

дѣятельность; девизъ его есть: *труды и надежда!* — Побѣды очистили намъ путь ко благоденствію; слава есть право на щастіе.

Карамзинъ.

II. О пользѣ физики.

Смотрѣть на роскошь преизобилующія натуры, когда она въ пріятные дни наступающаго лѣта поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ, и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ; когда текущія въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды съ тихимъ журчаніемъ къ морямъ достигаютъ, и когда обремененную сѣменами землю, то любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благорастворенная влажность; слушать тонкій шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пѣніе птицъ, есть чудное и духъ возхищающее увеселеніе. Ожидать плодородія отъ полей и садовъ, въ потѣ лица посѣянныхъ и насажденныхъ, взирать на зыблющіеся желтые класы и на плоды, обременившіе вѣтви, и руку господина своего уже къ себѣ привлекающіе, есть сладчайшая и трудъ понесенный въ забвеніе приводящая надежда. Собирать полныя рукоятія благословенныя жатвы и зрѣлые плоды неповинною рукою, и тѣми наполнять гумна и житницы свои, вожделѣнное и безопасностію огражденное есть удовольствіе. Но высшее всего, и сердце и умъ нашъ къ небу возводящее спасительное есть дѣло, представлять въ умѣ своемъ непостижимое величество и непонятную премудрость Всевышняго Зиждителя, показавшаго намъ сіе толь дивное позорище, сложенное изъ различныхъ тварей на увеселеніе и пользу нашу, и за сіе благодарить его щедротѣ. — Сіи суть истинныя блаженства рода человѣческаго и безпорочныя преимущества, которыми хвалятся древніе вѣки, успокоившіе первыхъ обитателей вселенныя, и которыми можетъ быть и нынѣ нѣкоторые, препровождая неповинную и

безмятежную жизнь, услаждаются. Но хотя оні толь пріятны, вожделѣнны, полезны и святы; однако могутъ приведены быть въ несравненно высшее достоинство, чего должно искать въ подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей, отъ которыхъ сіи блаженства и преимущества произходятъ. Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ разположеніе, взаимной союзъ и самую причину движенія; не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаетъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показанія времени, не вящше ли удивляется хитрому художеству и хвалитъ самаго мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ, кто знаетъ свойства и смѣшеніе и малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ разположеніе органовъ и движенія законы, натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ изкусствѣ, видитъ, какъ она почти умерщвленныя отъ зимняго хладу древа весною паки оживляетъ, какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовитъ сѣмена къ будуіцему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умаляетъ и умножаетъ, движетъ и удерживаетъ вѣтры, дождь низпускаетъ, зажигаетъ молніи и громомъ смертныхъ устращаетъ, управляетъ теченіе водъ, и прочія удивительныя дѣйствія производитъ; коль вящшее увеселеніе имѣетъ онъ предъ тѣмъ, кто только на внѣшній видъ вещей смотритъ, и вмѣсто самихъ почти одну тѣнь оныхъ видитъ. Кто таковыя мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ въ гражданскихъ или домостроителькихъ предпріятіяхъ въ дѣйствіе производитъ, того надежда объ оканчиваемыхъ его дѣлахъ тѣмъ тверже есть и увеселительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и полнѣе есть его удовольствіе по окончаніи оныхъ, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительныя натуры въ произведеніи самихъ оныхъ вещей. Но кто при томъ представляетъ еще

Всесильнаго Строителя и Начальника натуры, взираетъ просвѣщеннымъ и проницающимъ окомъ въ сокровенныя внутренности многообразныхъ тварей, видитъ взаимнымъ союзомъ соединенныя и стройнымъ чиномъ разположенныя ихъ части, таинства инымъ несвѣдомыя, въ которыхъ непостижимая Зиждителева премудрость тѣмъ великолѣпнѣе является, чѣмъ тончае есть оныхъ строеніе; тотъ не токмо легкими крилами благоговѣнія къ небу возхищается, но и самъ якобы въ нѣкое обоженіе приходитъ.

Изъ сихъ всѣхъ явствуетъ, что блаженства человѣческія увеличены и въ высшее достоинство приведены быть могутъ яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ натуры, котораго източникъ есть натуральная философія, обще называемая Физика. Она раздѣляетъ смѣшеніе, различаетъ сложеніе частей, составляющихъ натуральныя вещи, усматриваетъ въ нихъ взаимныя дѣйствія и союзъ, показываетъ оныхъ причины, описываетъ непоколебимо утвержденные отъ Создателя естественные уставы, и въ умѣ воображаетъ, что отъ чувствъ нашихъ долготою времени, дальностію разстоянія или дебелостію великихъ тѣлъ закрыто, или для безмѣрной тонкости онымъ не подвержено.

Ломоносовъ.

III. НРАВСТВЕННЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

1. *О красотѣ природы.*

Оставь меня, мой другъ, въ моемъ уединеніи, и не привлекай меня видѣть великолѣпіе города и пышность богатыхъ. Уединенная жизнь свойственнѣе моему нраву. Я довольно насмотрѣлся на суеты міра, и что въ нихъ болѣе всматривался, то болѣе отъ нихъ отвращался. Для чего мнѣ тратить краткой жизни спокойныя минуты?

Всегда ли къ жизни приготовляться, и никогда не жить? Что меня въ городѣ удивить можетъ? Все, что тамъ удобно приноситъ увеселеніе, и довольствоватъ любопытство человѣческое, нахожу я здѣсь въ бóльшемъ изобиліи. Огромныя зданія, потолоки и стѣны изпещренныя живописью, марморные полы, сады, біющіе къ верху и многою хитростію понуждаемые ключи: все то, на что въ городѣ смотрятъ люди съ удивленіемъ, нахожу я здѣсь не въ подражаніи, но въ естествѣ. Какое зданіе столько меня удивить можетъ, какъ огромная вселенная? какой потолокъ прекраснѣе свода небеснаго, съ котораго разкаленное солнце освѣщаетъ и огрѣваетъ подсолнечную, съ котораго блистаетъ луна и пригвожденныя къ небу звѣзды блестятъ предъ очами моими? какія стѣны могутъ быть толь украшены, какъ рощи и дубровы? какой полъ можетъ быть пріятнѣе зеленыхъ луговъ и мягкихъ муравъ, по которымъ извиваются шумящіе и прохлаждающіе источники? какая музыка можетъ уподобиться пѣнію прославляющихъ свою свободу птичекъ? Сіи предвѣстники багряныя зари возбуждаютъ меня не шумомъ несогласнымъ и слуху досаждающимъ. Ближайшая къ естественной музыкѣ свирѣльная игра, и простота пѣсней пастушекъ, мнѣ златой вѣкъ изображаютъ. Во время полудня тѣнь сплетенныхъ древесъ даетъ мнѣ чувствоватъ едину пріятность полудни, и излишества жара ко мнѣ не допускаетъ. Пріятный мнѣ вечеръ на бережкахъ журчащихъ и по камышкамъ быстро текущихъ потоковъ сладко утомляетъ мысли и радостно возбуждаетъ сердце. Не препятствуютъ моему сну тягостныя мысли; съ удовольствіемъ засыпаю и съ удовольствіемъ пробужаюся. Притворства я здѣсь не вижу, лукавство здѣсь неизвѣстно. Одѣваюся я, какъ мнѣ покойно; говорю и дѣлаю, что я хочу, и въ поведеніи своемъ, кромѣ себя, никому не даю отчеат. Что дѣлается на свѣтѣ, я знать не любопытствую, и удалившися свѣта, въ простотѣ и въ моемъ уединеніи обрѣтаю время злата го вѣка.

2. О большихъ бесѣдахъ.

Какое увеселеніе находятъ люди въ большихъ бесѣдахъ? Разномышленные разговоры, шумъ, споръ, а иногда и ссору. Тогда приноситъ бесѣда увеселеніе, когда въ ней согласно: но можетъ ли между множества людей быть согласіе, когда и малѣйшее число не всегда между собою соглашается, когда бываетъ то, что не только друзья, но и супруги между собою не всегда согласны? Изъ скучныхъ большихъ бесѣдъ я одинъ только балъ изключаю, ни мало танцоватъ не будучи охотникомъ. Описывать бальныя пріятности я оставляю, ибо то къ моему намѣренію не принадлежитъ. Въ бесѣдѣ, состоящей изъ четырехъ человѣкъ, одинъ говоритъ, а трое внимаютъ, и всякой всякаго рѣчью довольствуется. Въ большей бесѣдѣ многіе говорятъ, и шумомъ другъ другу говорить и слушать мѣшаютъ, подражая Жидовской школѣ. Разновидныя представленія не даютъ мыслямъ свободнаго бѣга и разумъ приводятъ въ замѣшательство. Большая бесѣда есть пустое и ребяческое увеселеніе. Важное увеселеніе, есть разумное размышленіе, разумная книга и разумный другъ. Малыя бесѣды скучнѣе и большихъ еще, ежели въ нихъ все о бездѣліи говорятъ, и скучнѣе еще, ежели все въ нихъ говорятъ важное. Бездѣліе всегда сухо, но суха также и важность, ежели она остротою разума не умягчается. Бездѣліе можно уподобить сухому дереву. Важные разговоры можно уподобить дереву, на которомъ много плодовъ, а ни одного листа, и которое представляетъ нашему зрѣнію кучу плодовъ, а не дерево, увеселяющее очи наши. Сухая важная бесѣда есть школа, наполненная учителями и учениками, а не бесѣда; и часы оной бесѣды суть часы труда, а не отдохновенія. Человѣкъ, всегда въ важныхъ размышленіяхъ и въ важныхъ дѣлахъ упражняющійся, разумъ свой отягощаетъ, и щадя времени употребить на отдохновеніе, больше его теряетъ, нежели сохраняетъ. Кто много спитъ, тотъ мало дѣлаетъ;

а кто мало спитъ, тотъ дѣлаетъ еще менше. Всему, говоритъ Соломонъ, есть время, и все свой часъ имѣетъ.

3. *О гордости.*

Гордость есть мать всѣхъ пороковъ, и естественно, и по откровенію Священнаго Писанія. За нее врагъ Божій и рода человѣческаго лишенъ на вѣки милосердія. Она есть дочь самолюбія, которое всѣмъ и добрымъ и худымъ нашимъ дѣйствіямъ основаніе. Добродѣтель есть источникъ славолюбія, а и тщеславіе произходитъ отъ гордости. Оно только единый видъ славолюбія имѣетъ. Всѣ похвальныя дѣла отъ славолюбія раждаются, а тщеславіе раждаетъ дѣла поносныя. Отъ первыхъ слѣдуетъ польза, отъ другихъ вредъ. Славолюбивый человѣкъ есть другъ ближняго, тщеславный ближнему врагъ. Первый не пресѣкаетъ другимъ достойнымъ людямъ путей ко благополучію; другой ненавидитъ достоинство, и пресѣкаетъ, сколько можетъ, пути его благополучія. Первый опирается на свои отечеству заслуги; другой, какъ Езоповъ оселъ, одѣянный львовою кожею, забывая естественное свое состояніе, пустымъ блистать устремляется. Первый самъ служитъ отечеству, и къ тому другихъ поощряетъ; другой напрасно хлѣбъ ѣстъ, и отъ полезныхъ трудовъ другихъ отвращаетъ, чтобъ и они хлѣбъ ѣли даромъ. Разумный человѣкъ, хотя бы онъ на высочайшей степени былъ, гордости имѣть не можетъ; ибо она благоразумію несвойственна, и первая примѣта беззаконія и безумства. Что больше Императора въ подсолнечной? можетъ ли человѣкъ имѣть менше гордости какъ Петръ Великій и Дщерь Его? а есть люди на самой низкой степени пребывающіе, которые гордостью, какъ пузыри воздухомъ, надуты. Снизхожденіе въ людяхъ производитъ усердіе и любовь, а спесь дѣлаетъ отвращеніе и производитъ ненависть. Непристойное высокомѣріе, и неумѣренная низость,

подобно какъ безбожіе и суевѣріе, хотя и разновидны, однако весьма сходственные пороки, и оба подлость. И тако гордый человѣкъ не слѣдуетъ подобію своему, по которому онъ созданъ: а слѣдуетъ подобію того, который возмущенъ гордостью возсталъ противу Вседержителя, неограничное имущаго снизхожденіе, человѣколюбіе, долготерпѣніе, и который отъ Обладателя всея вселенныя сверженъ во адъ, и въ вѣчные заключенъ узы.

4. *О скорости и медленности.*

Скорость и медленность суть два противные порока, подобно какъ мотовство и скупость. Отъ скорости произходятъ вредительныя изполненія, а отъ медленности къ изполненію теряется время. Узаконенія, разположенія, рѣшенія и прочее тому подобное, требуютъ великаго размышленія, и слѣдственно времени. Въ таковыхъ обстоятельствахъ скорость и обще и участно вредительны; ибо всякое учрежденіе отъ всѣхъ противныхъ ему околичностей долженствуетъ быть охранено, а скорость сей безопасности несвойственна. Отъ нея только краткія и безоколичныя дѣла зависятъ. Медленность, напротивъ того, не служитъ къ разобранію всѣхъ околичностей; но ею затмѣваются еще отъ забвенія въ изысканномъ подробности, не изчисляя потерянія полезныхъ предпріятій и недопущенія къ новымъ вымысламъ. Скорость во всѣхъ дѣлахъ, которыя времени требуютъ, не доходитъ до благоразсужденія, не проницаетъ истины и не полагаетъ основанія къ пользѣ. Медленность удаляется отъ благоразсужденія и погубляетъ драгоцѣннѣйшее на свѣтѣ, то есть время. Человѣкъ, по достойному любочестію, старается много совершить похвальнаго, а не того, чтобы многое только совершить. Онъ измѣряетъ силы разума человѣческаго и потребное къ изполненію своему время. Не предпріемлетъ столько дѣлъ единымъ разомъ, сколькихъ онъ благоразсудно окончать не можетъ, вѣдая, что мно-

гія размышленія приведутъ умъ его въ замѣшательство, затмятъ ясность воображеній его и всѣ его устремленія перепутаютъ. Силѣ нашего разума положены границы. Пути древностію уставлены, всегдашнимъ благоразуміемъ просвѣщены и проницаніемъ изысканы.

Сумароковъ.

V. РАЗМЫШЛЕНІЕ

о суетной жизни человѣческой.

(На случай смерти К. П. Т.)

Внезапная кончина вельможи, возшедшаго на самой верхъ могущества и славы, привела мнѣ на память нѣкоторыя мѣста изъ священныхъ твореній Царя Давида; и дѣйствительно я никого не знаю, кто бы такъ живо изобразилъ бренность суетной жизни человѣческой, какъ сей Богодухновенный мужъ. Поучительныя его мысли собралъ я здѣсь, съ присовокупленіемъ моихъ разсужденій, не для чего инаго, какъ въ собственное мнѣ душевное наставленіе, дабы прочитывая сіе, напоминалъ себѣ чаще часъ смертный, и къ нему всегда пріуготовлялся. Какъ скоро до слуха моего дошло извѣстіе о сей кончинѣ, то въ тужъ минуту я взпомнилъ сіе мѣсто изъ Давида: „*Видѣхъ человѣка яко кедры Ливанскія; мимо идохъ, и се небѣ.*" Преходя мысленно, какъ стремился онъ къ пріобрѣтенію славы міра сего и къ стяжанію земныхъ сокровищъ, ощутилъ я всю истину другаго псалма Давидова, въ коемъ сказалъ онъ: „*Внегда умрети „ему, не возметъ вся, ниже снидетъ съ нимъ слава его.*" И дѣйствительно, какъ можно было себѣ представить, чтобъ всѣ подъятые труды, всѣ предпріемлемыя мѣры къ изполненію дальновидныхъ разпоряженій, на кои почти весь свѣтъ обращалъ свое вниманіе, пресѣклись и изчезли мгновенно? Не ощутительналь истина, Давидомъ произнесенная: „*Суетна суть помышленія человѣ-*

ческая.“ Тщетно предпринимаемъ! Богъ располагаетъ! По волѣ его, смерть, не смотря ни на титла свѣтлости, ни на силу знатности, ни на блескъ сокровищъ, разитъ смертныхъ внезапнымъ ударомъ; она не даетъ имъ времени ни довершить благодѣяній своихъ тѣмъ, кому добра желаютъ, ни удовлетворить тѣхъ, предъ кѣмъ чувствуютъ себя виновными. — О вы! обманувшіеся въ надеждѣ будущаго своего щастія пресѣченіемъ жизни преставльшагося вельможи! вы негодуете теперь за то, для чего не успѣлъ онъ совершить истиннаго вашего щастія; но ужели забыли вы, что преселившійся нынѣ въ вѣчную жизнь благодѣтель вашъ не имѣлъ силы, ни на одно мгновеніе ока, отдалить конца своего? не самиль виноваты вы, не внемля остерегавшаго Пророка, глаголавшаго сіе: „*Не надѣйтеся ни на „князи, ни на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть „спасенія; изыдетъ духъ его и возвратится въ „землю свою; въ той день погибнутъ вся помы„шленія его.*“ Смерть сія есть великое поученіе сильнымъ міра сего. — Она являетъ, что слава міра есть суетна: „*и да не приложитъ къ тому „величатися человѣкъ на земли*“ Я обращу теперь разсужденіе на самаго себя: Всѣмъ, знающимъ меня, извѣстно, что я стражду самъ отъ слѣдствія удара апоплексическаго; — не болѣе, какъ въ теченіе года, поразили меня четыре таковыхъ удара, но Господь, защитникъ живота моего, всегда отвращалъ вознесшуюся на меня злобу смерти; — Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги, и части употребленія языка: „*Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*“ Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ его милосердія, ибо воспоминая, что лишился я пораженныхъ членовъ въ самое то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ, когда безумное на разумъ мой надѣяніе изъ мѣръ выходило, и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію меня въ суетную знаменитость: тогда Всевидецъ, зная, что таланты мои могутъ

быть болѣе вредны, нежели полезны, отнялъ у меня самаго способы изъясняться словесно и письменно, и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самаго. Съ благословеніемъ ношу я наложенный на меня крестъ, и не престану до конца жизни моей возклицать: *„Господи! благо мнѣ, яко „смирилъ мя еси!“*

Фонъ Визинъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Переводы.

I. О БОГѢ.

(Изъ Цицерона.)

Можно ли взирать на небо и землю, можно ли видѣть все сущее, все произходящее въ мірѣ, и не вѣрить, что есть вышній Правитель, есть Божественный Разумъ?

Человѣкъ, которой въ томъ сомнѣвается, можетъ усомниться и въ сіяніи солнца: одно очевиднѣе ли другаго? Сія вѣра, безъ сердечнаго убѣжденія, не была бы столь тверда и неизмѣнна, не укрѣпилась бы новыми силами отъ своей древности, не могла бы противиться быстрому теченію лѣтъ и дойти до насъ въ цѣлости чрезъ всю необозримость вѣковъ. Все вымышленное, все ложное наконецъ изчезаетъ. Кто вѣритъ нынѣ Иппоцентавру или Химерѣ (*)? Ужасныя чудовища, (**) которыми воображеніе населяло нѣкогда адъ подземный, пугаютъ ли теперь самую суевѣрную женщину? Людскія мнѣнія недолговѣчны; природныя чувства

*) Иппоцентавръ есть баснословное животное, съ головы человѣкъ, а съ ногъ лошадь. Ѳессалійцы, которые прежде всѣхъ начали ѣздить верхомъ, подали мысль къ этой баснѣ. — У Химеры, по словамъ Поэтовъ, была голова львиная, тѣло козье, а хвостъ змѣиной.

**) Церберъ, Парки, Фуріи и проч. —

живутъ и питаются временемъ. Народы зрѣютъ умомъ: истинное богослуженіе болѣе и болѣе отдѣляется отъ суевѣрія.

Аристотель говоритъ: „Вообразимъ людей, которые жили всегда подъ землею, въ великолѣпныхъ домахъ, украшенныхъ статуями и картинами, въ изобиліи всего нужнаго и пріятнаго „для жизни; вообразимъ, что они никогда не выходили изъ своей темницы, но слышали, что боги „существуютъ; вообразимъ, что земля вдругъ „разверзается, и что сіи люди выходятъ на „свѣтъ: что бы они подумали, видя землю, моря „волнуемыя бурными вѣтрами, — величественное небо, быстрыя облака, лучезарное солнце? „Что бы они сказали во время ночи, видя безчисленныя звѣзды на небесномъ сводѣ и чудесныя „измѣненія луны, возходъ и захожденіе сихъ свѣтилъ, „всегдашнюю стройность ихъ движеній? Могли ли „бы они сомнѣваться и въ бытіи боговъ и не воскликнуть: *се ихъ творенiе?*"

Такъ говоритъ Аристотель. Вообразимъ еще густую тьму, подобную той, которою гора Этна, извергая пламя, покрыла однажды всѣ свои окрестности, такъ что два дни люди не узнавали людей, а въ третій, когда снова явилось солнце, всякой человѣкъ какъ бы возкресъ въ душѣ своей; вообразимъ, говорю, что выходя изъ вѣчной ночи, мы въ первой разъ видимъ свѣтъ лучезарный: какое впечатлѣніе произвела бы въ насъ картина неба? Но видя то ежедневно, мы нечувствительны, и разумъ нашъ не вникаетъ въ причину обыкновенныхъ дѣйствій; — какъ будто бы одно новое, а не великое должно возбуждать наше любопытство!

Можно ли называться человѣкомъ и приписывать не разумной Причинѣ, а случаю, всегдашнее стройное теченіе небесныхъ свѣтилъ, удивительную связь вещей, чудесную сообразность и всѣ дѣйствія творческаго Ума, въ которыхъ самый умъ нашъ теряется? Видя изкусственныя машины, сферу, часы, полагаемъ, что разумъ произвелъ ихъ: какъ же не чувствовать, что міръ правится Премудро-

стію божественною? Здѣсь не нужны хитрыя, тонкїя доказательства; надобно только взглянуть, надобно только видѣть чудесный порядокъ и красоту вещей, видѣть перемѣну дня и ночи, перемѣну четырехъ годовыхъ временъ, нужныхъ для спѣянія плодовъ, для благосостоянія животныхъ; видѣть сіяніе неба, солнце, средоточіе всѣхъ небесныхъ движеній — луну, которая своимъ прибавленіемъ, своимъ ущербомъ дѣлитъ годъ на равныя части, — планеты, текущія всегда единообразно, — безчисленныя звѣзды, украшеніе ночнаго неба, — земной шаръ, основанный на моряхъ, поставленный въ срединѣ міра, и раздѣленный на пять частей, изъ коихъ двѣ обитаемы: сѣверная, гдѣ мы живемъ, и южная, неизвѣстная, называемая по Гречески *Антихѳоною* (а прочія необитаемы (*), потому что холодъ и жаръ въ нихъ несносенъ)... надобно только видѣть, какъ въ нашей части земнаго шара натура всякой годъ, послѣ зимняго сна,

Пробуждается весной,
Опушается травой,
Осѣняется древами,
Украшается цвѣтами,
Озлащается плодами;

какъ земля и воды наполнены животными, изъ которыхъ одни питаютъ, другія одѣваютъ насъ, работаютъ и служатъ намъ; какъ человѣкъ поставленъ въ мірѣ, взирать на небо и славословить боговъ, какъ суша и моря повинуются его гласу надобно только (повторяю) видѣть сіи чудеса, чтобы сказать: *есть, есть вышнее Существо*, Которое образовало міръ, какъ говоритъ Платонъ, или правитъ міромъ, какъ говоритъ Аристотель, полагая міръ безначальнымъ.

Удивляюсь, что былъ философъ (**), которой созданіе сего великолѣпнаго міра приписывалъ нестройному и случайному движенію какихъ то нераздѣльныхъ твердыхъ частицъ! Кто такъ мыслитъ, долженъ вѣрить, что выливъ изъ золота

*) Нынѣ извѣстно, что и между тропиками и между ледяными поясами живутъ люди.

**) Эпикуръ.

или другаго метала буквы алфавита и бросивъ ихъ нѣсколько тысячь на землю, человѣкъ могъ бы нечаянно произвести Энніевы лѣтописи? Не думаю, чтобы сіи безъ разбора кинутыя буквы составили и одинъ порядочный стихъ (*). Какъ могутъ доказать наши ложные мудрецы, что маленькія тѣла, которыя не имѣютъ ни цвѣта, ни свойства, ни чувства, и которыя случайно носятся въ пространствѣ, составили міръ, или по словамъ ихъ, безпрестанно творятъ новые? Естьли сліяніе атомовъ производитъ цѣлые міры, то для чего же оному не произвести вещи, гораздо легчайшей, напримѣръ, портика, храма, дома, города?

Бытіе вышняго Существа доказывается и тѣмъ, что нѣтъ такого варварскаго народа, нѣтъ такого дикаго человѣка, которой бы не имѣлъ о немъ понятія. Правда, что мысли многихъ народовъ въ разсужденіи сего неясны, недостаточны, и богослуженіе основано на суевѣрныхъ обыкновеніяхъ; но довольно, что всѣ они вѣрятъ божеству. И вѣра ихъ произошла не отъ уговора; люди не дали другъ другу слова покланяться Всевышнему; никакіе законы не принуждали ихъ къ тому. Общее согласіе народовъ, въ чемъ бы то ни было, можно назвать закономъ природы.

Вы спросите у меня: что такое Богъ? Я послѣдую Симониду, которому тиранъ Іеронъ предложилъ такой же вопросъ. Сперва требовалъ онъ день на размышленіе, по томъ два, а тамъ четыре, восемь, и такъ далѣе. Іеронъ хотѣлъ знать причину. *Чѣмъ болѣе думаю*, отвѣчалъ Симонидъ, *тѣмъ непостижимѣе кажется мнѣ существо его*. — Сей поэтъ былъ не только поэтъ, но и великой философъ; не смотря на свою ученость, онъ потерялъ надежду узнать истину; разумъ его только что терялся во мнѣніяхъ и въ тонкостяхъ.

Надобно воображать себѣ Бога чистымъ Духомъ, безплотнымъ, совершеннымъ, всевѣдущимъ, всемогущимъ, безначальнымъ, източникомъ жизни и движенія.

*) Думаютъ, что Цицеронъ симъ остроумнымъ примѣромъ подалъ мысль къ изобрѣтенію книгопечатанія.

Самый духъ человѣка заставляетъ насъ полагать, что есть Духъ вышній, божественный; ибо, какъ говоритъ Сократъ въ Ксенофонтѣ, *откуда взялся умъ нашъ?* Твердыя части нашего тѣла составлены изъ земли, воды, воздуха, огня; теплота, всѣ жидкости, самое дыханіе происходитъ отъ сихъ элементовъ; но то, что всего важнѣе: душа, разумъ, мысль, откуда заимствованы человѣкомъ?

И такъ все велитъ намъ вѣрить Богу; но вѣра наша должна быть благоразумная, просвѣщенная не суевѣріе, пагубное, нещастное. Чародѣй, предсказаніе, жертва, полетъ птицы, встрѣча съ Халдеемъ (*) или Аруспиціемъ, молнія, громъ, какое нибудь странное произведеніе земли, какой нибудь рѣдкой случай — все пугаетъ суевѣрнаго, и не даетъ ему жить покойно.

Боги требуютъ поклоненія святаго, невиннаго, чистосердечнаго; но какъ предки наши, такъ и философы отличали его отъ суесвятства.

Люди, живущіе въ обществѣ, должны вѣрить сердечно, что есть Богъ, Господь и Владыка всего, Который управляетъ случаями и всегда благотворитъ человѣческому роду, читаетъ въ сердцахъ людей, видитъ тайныя мысли и дѣла, любитъ благодѣтельнаго, не любитъ порока. Кто не согласится, что такія чувства весьма полезны въ обществѣ, гдѣ многое зависитъ отъ совѣсти, и гдѣ гражданскіе законы безъ религіи не всегда могутъ удержать людей отъ злыхъ дѣлъ? Какъ часто мысль о божескомъ наказаніи обезоруживаетъ самаго дурнаго человѣка! И какъ священно миролюбивое соединеніе людей, увѣренныхъ, что Богъ посреди ихъ; что Онъ свидѣтель и судія всѣхъ дѣлъ нашихъ!

Безъ внутренняго, сердечнаго благочестія нѣтъ ни святости, ни религіи; а гдѣ истребится истинная религія, тамъ истребится и честность, и гражданское общество, и первая изъ всѣхъ добродѣтелей: справедливость.

Карамзинъ.

*) Халдеи были у Римлянъ тоже, что у насъ Цыгане: ворожили, угадывали будущее и проч.

II. О ДОСУГѢ.

(Изъ Гарве.)

Подъ *досугомъ* разумѣю я то состоянiе человѣка, въ которомъ ему свободно заниматься тѣмъ, что для него прiятнѣе. И такъ существо онаго состоитъ во внутренней свободѣ духа, относительно къ предмету вниманiя его и вообще къ употребленiю его силъ.

Досугу противны два рода жизни: *жизнь дѣловаго человѣка* и *разсѣянная жизнь*. Въ первой принужденная работа, а во второй условныя забавы, или удовольствiя, нѣкоторое опредѣленное время занимаютъ душу, такъ что сiе не зависитъ уже отъ ея свободнаго выбора. Придворной во всей своей пышности имѣетъ также мало досуга, какъ поденщикъ или ремесленникъ, которой трудами достаетъ себѣ хлѣбъ. Оба они въ нѣкоторомъ смыслѣ невольники; оба идутъ по назначенному для нихъ пути, и проводятъ одинаковымъ образомъ какъ нынѣшнiй, такъ и завтрашнiй день.

Отъ досуга весьма отлична праздность; сiя послѣдняя есть бездѣйствiе, а досугъ есть внѣшняя возможность произвольной, самоизбранной, и слѣдственно благороднѣйшей дѣятельности.

Въ нѣкоторомъ положенiи одинъ находитъ свободное время, а другой нѣтъ; сiе происходитъ отъ *разной силы дѣйствующаго духа*: дѣла, которыя одного человѣка къ землѣ пригнетаютъ, и не даютъ ему перевести духа, суть для другаго забавы, и не мѣшаютъ ему заниматься иными предметами, хотя бы для сего и не могъ онъ назначать особливаго времени. Одинъ, такъ сказать, упивается общественными весельями, и забываетъ себя, должности свои и всякое умное размышленiе; другой живетъ въ томъ же шумѣ и бываетъ трезвымъ, свободнымъ, мыслящимъ человѣкомъ и — можетъ быть — наблюдающимъ философомъ. — Для всякаго человѣка вредно то положенiе, которое отнимаетъ у него душевную свободу и затмѣваетъ разумъ его. — Почему дѣя-

Из библиотеки
Н. Я. Голейзовского

тельная и разсѣянная жизнь имѣютъ весьма различное влiянie на разныхъ людей. Слабые дѣлаются въ первой *машинами*, а въ послѣдней легкомысленными, *пустыми* или *разпутными*. Напротивъ того сильные отъ работы становятся еще сильнѣе, а отъ разсѣянiя тонѣе въ разумѣ, не теряя ни мало своихъ природныхъ способностей.

Но какъ весьма рѣдкiе люди имѣютъ сiю превозходную силу, которая преодолѣваетъ множество представляющихся имъ предметовъ, важныхъ или увеселительныхъ, и переработываетъ ихъ, такъ что ни духовное, ни нравственное совершенство человѣка отъ того не повреждается: то для всякаго способнаго и внутренно дѣятельнаго духа полезно быть въ такомъ состоянiи, въ которомъ бы внѣшнiе предметы не тѣснили его, и чуждая власть или нужда не обременяла бы его дѣлами. Когда сiя внѣшняя независимость будетъ долею человѣка съ дарованiями и съ благороднымъ сердцемъ — человѣка, которой по собственному побужденiю занимается истиною и добродѣтелiю: тогда она, какъ Сократъ говорилъ, есть нѣчто святое — почтенное состоянiе, подобное тому, въ которомъ мы представляемъ себѣ Высочайшее Существо.

Спокойная дѣятельность есть уже сама по себѣ прекрасное свойство. Дѣятельность по собственному избранiю есть второе великое преимущество. Когда же безпрестанно обращена будетъ къ общеполезной цѣли, тогда можетъ она высоко возвести человѣка и быть для свѣта весьма полезною.

Но для человѣка несовершеннаго, который находится еще на первой степени своего образованiя, досугъ не весьма полезенъ. Подобно какъ внѣшнiе предметы должны *сперва* привести въ движенiе наши чувства, *прежде* нежели разумъ начинаетъ дѣйствовать: такъ и духовныя силы многихъ людей должны приведены быть въ порядочное дѣйствiе *данными дѣлами*, прежде нежели сiи люди, будучи оставлены са-

мимъ себѣ, могутъ быть для себя и для другихъ полезны.

Глупой человѣкъ засыпаетъ, какъ скоро нѣтъ работы ни рукамъ, ни ногамъ его. Несовершенно образованный человѣкъ требуетъ отъ другихъ предмета для его размышленія; онъ имѣетъ нужду въ побужденіи, въ должности, въ опредѣленномъ дѣлѣ. Только немногіе, избранные люди, — какъ говоритъ Цицеронъ о Африканѣ — наиболѣе занимаются тогда, когда они наиболѣе свободны отъ всякой принужденной работы.

Вихрю подобное движеніе атома есть образъ безпокойной дѣятельности; движеніе небесныхъ тѣлъ есть образъ дѣятельнаго досуга. Поспѣшность и безпрестанное *отскакиваніе* означаютъ первую; постоянство и хотя медленное, но вѣрное достиженіе цѣли, есть характеръ послѣдняго.

Кто можетъ говорить о досугѣ, не упомянувъ о сельской жизни и наукахъ? Нигдѣ досугъ такъ не пріятенъ, какъ въ деревнѣ; никакимъ предметомъ не можетъ онъ быть столь хорошо занятъ, какъ науками. Городъ есть мѣсто ремесла, государственныхъ дѣлъ и разсѣянія; деревня есть жилище спокойствія, размышленія, свободы. Одинъ видъ Природы и ея перемѣнъ представляетъ безпечному человѣку всегдашній източникъ продолжительнаго удовольствія и забавы. Но сколь богата сія Природа духовною пищею для того, кто или умѣетъ наблюдать ея сокровенную дѣятельность, или посредствомъ чувствованій, ею возбуждаемыхъ, возносится до высочайшихъ умозрѣній! Сколь щастливъ человѣкъ, когда онъ видитъ предъ собою часть вселенной, украшенную всѣми весенними прелестями, и когда живыя силы Природы въ его глазахъ развиваются; когда онъ размышляетъ о цѣломъ, о произхожденіи сей вселенной, о чувствительныхъ и разумныхъ ея жителяхъ, о перемѣнахъ, съ ними произшедшихъ, и будущей зудьбѣ ихъ! — Никогда Исторія и древность не сываютъ для меня столь *интересны*, какъ въ то время, когда общіе предметы, видѣнные всѣми бемнородными, и общія радости, которыми всѣ

люди наслаждались, моимъ глазамъ представляются и занимаютъ чувства и разумъ мой. Оные Герои, оные мудрецы временъ протекшихъ, видѣли также сіе солнце, согрѣвались также лучами его; и они радовались возвращенію весны, и на лугахъ своихъ возхищались тѣми же образами, красками, звуками и ароматами, какими я теперь возхищаюсь.

Когда же невидимый міръ, духъ человѣка, Богъ и вѣчность, бываютъ предметомъ моего размышленія, то всего болѣе вводятъ меня въ сіи сокровенности: (и помогаютъ разуму моему вознестися выше чувственности) оныя явносогласныя дѣйствія неба и земли, для рожденія и возрастанія изкусно образованныхъ травъ и цвѣтовъ, для жизни и удовольствія чувствительныхъ тварей.

Въ минуты разслабленія, когда изтощаются духовныя силы и нить размышленія перерывается, нахожу я вокругъ себя чувственные предметы, которые и безъ глубокомыслія могутъ увеселять меня, — предметы, которые успокоиваютъ духъ безъ разсѣянія, освѣжаютъ жизненныя силы, и черезъ нѣсколько минутъ отдохновенія дѣлаютъ человѣка снова способнымъ къ работѣ.

Сельская жизнь не можетъ долго нравиться тому, кто не обработываетъ или самой земли, на которой живетъ, или поля наукъ и литтературы. Съ другой стороны уединеніе и прилежное ученье скорѣе всего могутъ наскучить въ городскихъ стѣнахъ, даже и тому, кто безъ помощи другихъ людей умѣетъ находить удовольствіе.

Природа и Наука суть родныя, любезныя сестры. Оная представляетъ глазамъ человѣка внѣшніе образы и видимыя перемѣны вещей, а сія изслѣдываетъ ихъ внутреннее естество и тайныя пружины. Наслаждаясь вмѣстѣ и той и другою, можетъ онъ жить долго, не имѣя нужды въ другихъ дѣлахъ или удовольствіяхъ. И когда есть у него другъ, которой, подобно ему, любитъ Природу и Науку; естьли обстоятельства позволяютъ ему еще дѣлать благодѣянія нѣкоторымъ людямъ;

и служить другимъ: тогда въ сельской жизни своей будетъ онъ совершенно дѣятеленъ, и насладится всѣмъ щастіемъ, которымъ, человѣкъ, по ограниченной своей натурѣ, можетъ здѣсь наслаждаться.

Карамзинъ.

II. О ЧЕСТОЛЮБІИ.

(изъ Вейса.)

Желаніе возвысить себя раздѣляется на многія степени, по различію характеровъ и сужденій нашихъ. Любовь къ славѣ есть главнѣйшая; страсть благородная, хотя частію приводитъ насъ въ зависимость отъ мнѣнія другихъ; но она бываетъ зломъ, угнетающимъ человѣчество, ежели стремится къ достиженію своего предмета, не помышляя о послѣдствіяхъ. — Уже часто повторяемо было: завоеватель, который, не имѣя въ виду ничего, кромѣ собственной своей выгоды или мнимой славы, разпространяетъ повсюду опустошеніе, грабительство и смерть, производитъ въ большемъ видѣ то, что Картушъ дѣлалъ въ маломъ; и вмѣсто того, чтобъ таковая величественность внушала въ насъ удивленіе, должна она болѣе возбуждать нашу ненависть и презрѣніе — соразмѣрно вреду, причиняемому тѣмъ общественному благу.

Достопамятнѣйшій отрывокъ исторіи о властолюбивыхъ людяхъ былъ бы тотъ, въ коемъ изъяснилибъ поступки и сокровенныя побудительныя причины, руководствовавшія многими людьми, которые возвысились изъ самаго низкаго состоянія на первѣйщія степени. Намъ извѣстно, что болѣе пятнадцати Императоровъ, (*) столько же

(*) Вителлій былъ сынъ чеботаря, Пертинаксъ кирпичника, Макринъ отпущеннаго на волю раба; Діоклитіанъ и Василій Македонскій невольниковъ; Валентиніанъ веревочника; Левъ Исаврскій пастуха; Пуппіанъ кузнеца; Галерій былъ мясникомъ; Юстиній пастухомъ, Андрискъ валяльщикомъ, и проч. —

Королей, многіе Папы и другіе люди низкой породы, взошли на высшую степень могущества. Ежелибъ мы стали разсматривать употребленные ими способы, то вѣроятно увидѣли бы, что способности много тому споспѣшествовали, мужество еще болѣе, а щастіе равно обоимъ. —

Еще полезнѣе было бы имѣть историческое начертаніе, въ которомъ бы намъ изобразили, сколько честолюбивыхъ людей успѣли въ своихъ предпріятіяхъ, и сколько имѣли неудачу. Къ вящшему утѣшенію нашли бы мы, что число вторыхъ гораздо больше; и оное бы еще усугубилось, естьлибъ мы разсмотрѣли, сколь мало благополучныхъ и между самыми щастливыми. Проницая во глубину ихъ сердецъ, узрѣли бы мы, что при каждомъ успѣхѣ желанія ихъ содѣлывались неограниченнѣе; и безъ сомнѣнія ужаснулись бы мы шествовать по стезѣ, преизполненной толикими безпокойствами, преградами, опасностями, а часто и угрызеніемъ совѣсти.

Простолюдимъ воображаетъ, что для достиженія благополучія должно непремѣнно стремиться къ возвышенію; но мудрость вѣщаетъ намъ: предпочитай спокойствіе мятежной жизни, простоту ухищренію, основательность наружному блеску; сокрывайся отъ толпы, и знай, что надобно умѣть примѣняться къ участи, даже ниже той, которая судьбою тебѣ опредѣлена; ты былъ подчиненный въ твоемъ состояніи, но будешь начальствовать въ послѣдующемъ.

И смѣшное и сожалѣнія достойное зрѣлище представилось бы очамъ безпристрастнаго наблюдателя, ежелибъ онъ увидѣлъ, что мы, гоняясь за химерою благополучія, употребляемъ столько происковъ и пронырствъ, и терзаемся тоскою, не помышляя о томъ, что источникъ онаго находится въ насъ самихъ, а непреложность его особенно зависитъ отъ нашего охраненія. — Всякой иной предметъ честолюбія подверженъ случайности обстоятельствъ и своенравію другихъ; токмо достойнѣйшій зависитъ отъ насъ самихъ; и

тщетны были бы всѣ усилія людей изторгнуть изъ насъ оный; самыя ихъ угнетенія подали бы новые способы къ достиженію сея цѣли; потому что, какъ говоритъ Эпиктетъ, *не можно угнетать воли.* Изкусство нравиться знатнымъ трудно и ненадежно; есть другое гораздо удобнѣйшее, благороднѣйшее и вѣрнѣйшее, то есть изкусство умѣть обходиться безъ ихъ милостей.

Честолюбіе къ стяжанію богатствъ есть собственно скупость. — Простое честолюбіе, или желаніе владычествовать, бываетъ добродѣтелью, когда произтекаетъ отъ ревнія, побуждающаго насъ всѣми силами споспѣшествовать благополучію намъ подобныхъ. Къ нещастію обыкновенно бываетъ оно желаніемъ высокомѣрныхъ людей и невѣждъ, представляющихъ себѣ благополучіе неразлучнымъ съ величествомъ. Чтобъ свергнуть сей предразсудокъ, надлежитъ разсмотрѣть обстоятельно тѣхъ, коихъ возвышенію мы завидуемъ, и изыскивать въ самихъ себѣ, что мыслятъ собственно о ихъ особѣ, за изъятіемъ ихъ титлъ. Тогда убѣдимся мы, что не стоитъ труда безпокоиться о такой маловажности.

Подобно Фонтенелю надлежало бы часто спрашивать самаго себя: ,,На что нужны мнѣ „сіи чины, коихъ я домогаюсь? — Чтобъ быть пре„выше многихъ другихъ. — Какая въ томъ надоб„ность? — Чтобъ они оказывали уваженіе. — Ка„кую буду я имѣть пользу отъ воздаваемаго мнѣ „уваженія? — Оно будетъ для меня весьма лест„но. — Но какимъ образомъ можетъ оно для „меня быть лестно, когда я тѣмъ обязанъ моему „чину, а не самому себѣ?" — Ежели бы люди такимъ образомъ разсуждали о всѣхъ страстяхъ, ежелибъ самимъ себѣ отдавали отчетъ въ сокровеннѣйшихъ своихъ душевныхъ движеніяхъ, ежелибъ стали возходить до източника оныхъ и разсматривали ихъ предметъ, то малобъ было мнимыхъ нуждъ, коихъ бы они нечувствительно не уничтожили.

Честолюбивый! ты, который во глубинѣ сердца ропщешь на недостатокъ душевныхъ способно-

стей, разумъ одобряетъ твои сѣтованія; усугуби сіе рвеніе, но не ошибайся въ предметѣ, не гонись за мечтою, мня слѣдовать за истиною. — Стезя истиннаго честолюбія всѣмъ отверзта; вступи на поприще, изпытай силы свои и съ сего же дня непоколебимымъ духомъ скажи самому себѣ: *нѣтъ, я не потерплю, чтобы кто - либо на земли былъ честнѣе меня!*

Стругов щиковъ.

В. УЧЕБНЫЯ КНИГИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Подлинники.

I. О ВОЗБУЖДЕНІИ, УТОЛЕНІИ И ИЗОБРАЖЕНІИ СТРАСТЕЙ.

Хотя доводы и довольны бываютъ къ удостовѣренію о справедливости предлагаемыя матеріи; однако сочинитель слова долженъ сверхъ того слушателей учинить страстными къ оной. Самыя лучшія доказательства иногда столько силы не имѣютъ, чтобы упрямаго преклонить на свою сторону, когда другое мнѣніе въ умѣ его вкоренилось. Мало есть такихъ людей, которые могутъ поступать по разсужденію, преодолѣвъ свои склонности. И такъ что пособитъ Ритору, хотя онъ свое мнѣніе и основательно докажетъ, ежели не употребитъ способовъ къ возбужденію страстей на свою сторону, или не утолитъ противныхъ?

А чтобы сіе съ добрымъ успѣхомъ производить въ дѣло, то надлежитъ обстоятельно знать нравы человѣческіе; должно самымъ изкусствомъ чрезъ рачительное наблюденіе и философическое остроуміе высмотрѣть, отъ какихъ представленій и идей каждая страсть возбуждается, и

извѣдать чрезъ нравоученіе всю глубину сердецъ человѣческихъ. Изъ сихъ източниковъ почерпнулъ Димосѳенъ всю свою силу къ возбужденію страстей: ибо онъ не малое время у Платона учился философіи, а особливо нравоученію. Также и Цицеронъ оттуду же имѣлъ чрезвычайную свою власть надъ сердцами слушателей, которой и самые жестокіе нравы не могли противиться. Для сего предлагаются здѣсь правила къ возбужденію страстей, которыя по большей части изъ ученія о душѣ и изъ нравоучительной философіи произходятъ.

Страстію называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная съ необыкновеннымъ движеніемъ крови и жизненныхъ духовъ; при чемъ всегда бываетъ услажденіе или скука. Въ возбужденіи и утоленіи страстей, во первыхъ три вещи наблюдать должно: 1) состояніе самаго Ритора, 2) состояніе слушателей, 3) самое къ возбужденію служащее дѣйствіе и сила краснорѣчія.

Что до состоянія самого Ритора надлежитъ, то много способствуетъ къ возбужденію и утоленію страстей, 1) когда слушатели знаютъ, что онъ добросердечный и совѣстный человѣкъ, а не легкомысленный ласкатель и лукавецъ, 2) ежели его народъ любитъ за его заслуги, 3) ежели онъ самъ туже страсть имѣетъ, которую въ слушателяхъ возбудить хочетъ, а не притворно ихъ страстными учинить намѣренъ, ибо онъ тогда не токмо словомъ, но и видомъ и движеніемъ дѣйствовать будетъ, 4) ежели онъ знатенъ породою или чиномъ, 5) съ важностію знатнаго чина и породы, купно не мало помогаетъ старость, которой честь и повелительство нѣкоторымъ образомъ даетъ сама натура. Довольно было Августу ко внезапному усмиренію замѣшательства, учинившагося между знатными молодыми дворянами, сказать:

Слушайте, молодые люди, старика, котораго во младости старики слушали.

Нравы человѣческіе коль различны и коль отмѣнно людей состояніе, того и сказать не воз-

можно. Для того разумный Риторъ прилежно наблюдать долженъ хотя главныя слушателей свойства, то есть 1) Возрастъ: ибо малыя дѣти на пріятныя и нѣжныя вещи обращаются и склоннѣе къ радости, милосердію, боязни и стыду; взрослые способнѣе приведены быть могутъ на радость и на гнѣвъ; старые передъ прочими страстьми склоннѣе къ ненависти, къ любочестію и къ зависти; страсти въ нихъ возбудить и утолить труднѣе, нежели въ молодыхъ. 2) Полъ: ибо мужескій полъ къ страстямъ удобнѣе склоняется, и скорѣе оныя оставляетъ; но женскій полъ, хотя на оныя еще и скорѣе побуждается, однако весьма долго въ нихъ остается, и съ трудомъ оставляетъ. 3) Воспитаніе: ибо кто къ чему привыкъ, отъ того отвратить трудно; напротивъ того большую къ тому же возбудить склонность весьма свободно. Спартанскаго жителя, въ потѣ и въ пыли воспитаннаго, трудно принудить, чтобы онъ сидѣлъ дома за книгами; напротивъ того Аѳинеанина едва вызовешь ли отъ ученія въ поле. 4) Наука: ибо у людей, обученныхъ въ политикѣ и многимъ знаніемъ и изкусствомъ важныхъ, надлежитъ возбуждать страсти съ умѣренною живностію и съ благочинною бодростію, предложеніями важнаго ученія изполненными; напротивъ того у простаковъ и у грубыхъ людей, должно употреблять всю силу стремительныхъ и огорчительныхъ страстей, для того, что нѣжныя и плачевныя столько у нихъ дѣйствительны, сколько лютна у медвѣдей. При всѣхъ сихъ надлежитъ наблюдать время, мѣсто и обстоятельства. И такъ разумный Риторъ при возбужденіи страстей долженъ поступать, какъ изкусной боецъ умѣчать въ то мѣсто, гдѣ не прикрыто; а особливо того наблюдать, чтобы тѣмъ приводить въ страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

Симъ слѣдуетъ главное дѣло, то есть, самая сила къ возбужденію или утоленію страстей и дѣйствіе краснорѣчія. Оно долженствуетъ быть велико, стремительно, остро и крѣпко, не пер-

вымъ токмо стремленіемъ ударяющее и потомъ упадающее, но безпрестанно возрастающее и укрѣпляющееся. Здѣсь присовокупить должно крѣпость голоса и напряженіе груди. И такимъ образомъ ежели кто хочетъ пріятную или скучную страсть возбудить; то долженъ онъ своимъ слушателямъ представить все къ предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло въ великомъ множествѣ и скоро одно послѣ другаго. Къ сему требуется, чтобы Риторъ имѣлъ великое остроуміе и раченіе, для изысканія идей къ сему дѣлу пристойныхъ. Буде же онъ какую нибудь страсть утолить хочетъ, то долженъ слушателямъ показать, что онаго добра или зла въ предлагаемой вещи нѣтъ, къ которому они толь страстны, или по послѣдней мѣрѣ изъяснить, что оное добро или зло не толь велико, какъ они думаютъ. Здѣсь не менше надлежитъ употребить силы и стремленія въ словѣ, а притомъ еще надобно больше имѣть предосторожности, нежели въ первомъ случаѣ.

Больше всѣхъ служатъ къ движенію и возбужденію страстей живо представленныя описанія, которыя очень въ чувства ударяютъ, а особливо какъ бы дѣйствительно въ зрѣніи изображаются. Глубокомысленныя разсужденія и доказательства не такъ чувствительны, и страсти не могутъ отъ нихъ возгорѣться; и для того съ высокаго сѣдалища разумъ къ чувствамъ свести должно и съ ними соединить, чтобы онъ въ страсти возпламенился. Сему въ примѣръ служитъ можетъ слѣдующее описаніе. Когда преславный городъ Смирна отъ трясенія земли разорился, тогда посланный къ Антонинамъ Кесарямъ Римскимъ Аристидъ представлялъ:

> Смирна, украшеніе Азіи, честь вашей Имперіи, огнемъ и трясеніемъ земли повержена и сотренна (потомъ списавъ ея бывшую красоту, говоритъ) Сіе все нынѣ покрыто пепеломъ; затворилась оная пристань, разрушились прекрасныя площади, изчезли преизрядныя улицы, училища съ учительми и отроками упали, храмы иные разсыпались, иные поглощены землею. Пріятнѣйшій зрѣнію городъ и

по имени своему прекраснѣйшій сталъ непріятное позорище, громада разрушенныхъ зданій и труповъ. Уже нынѣ по опустошенному только Зефиры провѣваютъ.

При сихъ словахъ оба Кесаря не могли отъ слезъ удержаться. Во время замѣшательства, которое между солдатами и чернью въ Римѣ весьма кровопролитно было, Пупіанъ Кесарь ни словомъ, ни властію онаго утолить не могъ. Но какъ только сына своего Гордіана младенца бунтующимъ показалъ, то немедленно все смятеніе утолилось. Обнаженная раненыхъ солдатовъ грудь, сѣтующіе ихъ родители, жены и малыя дѣти въ слезахъ и рыданіи представленныя великую силу имѣютъ къ возбужденію жалости и милосердія. Изкусной Риторъ при возбужденіи и утоленіи страстей долженъ стараться, какъ бы подобные случаи такъ живо слушателямъ въ словѣ изобразить, чтобы они предлагаемое дѣло какъ передъ глазами ясно видѣли.

Ломоносовъ.

II. СОКРАЩЕНІЕ СЛАВЯНСКАГО БАСНОСЛОВІЯ.

Славянскіе боги принадлежатъ всѣмъ поколѣніямъ Славянъ, разселившимся по Европѣ; иные изъ нихъ принадлежатъ Славянамъ Померанскимъ, другіе заимствованы отъ Варягъ, Цельтовъ и прочихъ сосѣдственныхъ народовъ. Весьма неудивительно, естьли въ Славянскомъ баснословіи одно и тоже божество нарицалось разными именованіями, по той причинѣ, что разныя были племена Славянъ, которыя по соображенію давали имена и принадлежности. Такъ напримѣръ у Грековъ и Римлянъ Веста, Земля, Юнона, Венера, Беллона, Сивилла, Луна, Діяна, Изида и Церера почитались одна за другую, а часто всѣ за какую-нибудь изъ нихъ одну.

Перунъ. — Симъ именемъ Славяне называли Верховное Существо (подобное Греческому Юпитеру), бога грома и молній. Истуканъ Перуна составленъ былъ изъ разныхъ веществъ: туловище изъ дерева, голова изъ серебра, усы и уши изъ золота, а ноги изъ желѣза. Въ рукахъ онъ держалъ камень вмѣсто грома. Предъ кумиромъ пылалъ неугасаемый огонь. Въ жертву ему приносились животныя разнаго рода; посвящались многіе лѣса и рощи; храмы созидались на холмахъ.

Свѣтовидъ или *Святовидъ* былъ у Славянъ богомъ свѣта, (что у Грековъ Фебъ или Аполлонъ): имя его означало *святый свѣтъ* или *всевидящій*. Кажется, что Славяне подъ симъ божествомъ разумѣли солнце. Огромный истуканъ Свѣтовидовъ дѣлали изъ дерева о четырехъ лицахъ, обращенныхъ къ четыремъ сторонамъ міра, и каждое лице означало одно изъ четырехъ временъ года. — Вѣчноюный Свѣтовидъ изображался безъ бороды съ разпущенными кудрями по плечамъ, въ длинной одеждѣ; въ правой рукѣ держалъ онъ рогъ, а въ лѣвой натянутый лукъ; близь него висѣли мечъ, сѣдло и конская сбруя. — Славяне каждый годъ по окончаніи жатвы (въ мѣсяцѣ Августѣ), отправляли въ честь ему празднество, состоявшее въ жертвоприношеніяхъ разнаго скота и плодовъ. — Храмы созидались на холмахъ.

Лада, Леля, Полеля, Дидилія. И Славяне, народъ, провождавшій всю жизнь свою на поляхъ брани, имѣли сердце, чувства, и потому самому обоготворяли любовь. По твердости своего нрава, они умѣли пылкость чувствъ своихъ покорять разсудку; удивляясь всему изящному, они избирали себѣ изъ всего полезное, нравственное: — слѣдствіе ихъ образа жизни, мнѣній.

И такъ, *Лада* была богиня красоты; семейство ея: *Леля*, богъ любви, *Полеля* богъ брака. *Дидилія*, богиня дѣторожденія. Что можетъ быть нравственнѣе сего вымысла? Красота (разумѣется наружная и душевная) присвоиваетъ себѣ любовь, которая укрѣпляется бракомъ, а залогомъ въ томъ служатъ — дѣти.

Лада. Вѣчноюная богиня красоты, изображалась съ шиповымъ вѣнкомъ на головѣ, въ Русскомъ одѣяніи, убранная бисеромъ, опоясанная золотымъ поясомъ; ей служили куреніемъ ароматъ и приношеніемъ цвѣтовъ съ пѣніемъ и бряцаніемъ лиръ. *Леля* изображался въ видѣ златовласаго, нагаго юноши; онъ металъ изъ рукъ искры. *Полеля,* въ шиповомъ вѣнкѣ, въ тонкой, легкой ризѣ, одною рукою подаетъ вѣнокъ изъ шиповъ, а въ другой держитъ рогъ съ напиткомъ. *Дидилія* изображалась въ видѣ молодой, прекрасной женщины, съ богатоубранною повязкою на головѣ; одна рука разпростертая, другая сжатая.

У древнихъ Грековъ подобное семейство составляли: *Венера,* богиня красоты, *Купидонъ* сынъ ея, богъ любви, *Гименей,* богъ брака. Для супружней вѣрности призывали Венеру же или богиню *согласія* (Concordia), а при дѣторожденіи, у Римлянъ Юнону *Луцину,* у Грековъ *Илиѳію.*

Коледо. Усладъ. Туръ. Богъ мира, богъ веселій и богъ сладострастія; какая вѣрная постепенность душевныхъ наслажденій! Каждый изъ сихъ боговъ вѣчно юнъ, вѣчно веселъ; одѣтъ въ тонкую, легкую ризу. Увѣнчанный цвѣтами *Туръ* играетъ на кобзѣ. *Усладъ,* въ хмѣлевомъ вѣнкѣ и съ ковшемъ въ рукѣ, пляшетъ нерадиво. Въ честь имъ установлены были празднества, которыя состояли въ пирахъ, пляскахъ и пѣніи. Всѣ таковыя игры и пляски сходствуютъ съ Римскими *Сатурналіями* и *Луперкаліями.* Въ праздникъ *Коледы* собирались всѣ старые и молодые, переодѣтые въ особенныя платья, и обнаживъ сабли, плясали и пѣли вокругъ кумира или около своихъ жилищъ. Въ честь *Тура* установленъ былъ особый праздникъ, который и нынѣ отправляется подъ названіемъ *семика:* плетутъ вѣнки, пляшутъ хороводами и прочія веселія всякаго рода составляютъ сей праздникъ.

Зимцерла. Купало. Сѣва, или *Сиба* или *Дзиба. Зимерзла.* Богиня весны, богъ лѣта, богиня осени, богиня зимы. Первая изображалась въ прелестномъ цвѣтѣ юности, одѣта я въ легкое бѣлое

Русское платье съ шиповымъ вѣнкомъ на головѣ и цвѣтами препоясанная, въ рукахъ также цвѣтки.... Второй изображался веселымъ, прекраснымъ юношею, одѣтымъ въ легкую одежду, съ вѣнкомъ на головѣ изъ цвѣтовъ, называемыхъ *купальницами*; въ рукахъ полевые плоды. Праздникъ ему отправляли въ началѣ жатвы: собирались юноши и дѣвицы, заплетали вѣнки, плясали хороводами около разложенныхъ огней, украшали цвѣтами жилища свои и свой скотъ. Также купались въ водѣ или орошали водою себя и свой скотъ. — Третья изображалась въ видѣ нагой женщины, съ разпущенными волосами до колѣнъ; въ правой рукѣ держала яблоко, а въ лѣвой гроздъ виноградный. — Четвертая изображалась въ видѣ суровой и пожилой женщины, одѣтой звѣринымъ мѣхомъ; на головѣ льдяный вѣнецъ.

Древніе Греки и Римляне изображали четыре времени года: *Весну* въ видѣ *Меркурія* или *Флоры*, *Лѣто* въ видѣ *Аполлона* или *Цереры*, *Осень* въ видѣ *Бахуса* или *Помоны*, *Зиму* въ видѣ *Геркулеса*. Изображали ихъ также въ видѣ крылатыхъ младенцевъ съ обыкновенными признаками каждому времени года.

Догода. Позвиздъ или *Стрибогъ.* Богъ пріятнаго, прохладнаго вѣтра, богъ непогодъ и бурь, тоже, что у Грековъ *Зефиръ* и *Эолъ.* Первый юный, веселый русокудрый юноша въ сребоблестящей голубой одеждѣ, въ вѣнкѣ изъ васильковъ, съ крыльями бабочки, держитъ въ рукѣ цвѣтокъ. Второй имѣлъ видъ свирѣпый, волосы и бороду взклокоченную, въ долгой одеждѣ, съ крыльями.

Сильный-богъ. Ледъ. Радегастъ. Полубоги. Война была единственнымъ упражненіемъ нашихъ предковъ: слава дѣлъ ихъ обратилась въ собственное ихъ наименованіе. — Нравы, обычаи и мнѣнія древнихъ, относительно къ сему предмету, единственно только можно почерпнуть изъ самаго баснословія, и тѣмъ самимъ дополнить исторію преданій. *Сильный-богъ* почитался у Славянъ богомъ тѣлесной крѣпости. Сильные люди, симъ

божествомъ охраняемые, назывались *богатырями*. Его изображали въ видѣ стройнаго и крѣпкосложеннаго мужа: въ правой рукѣ копье, въ лѣвой серебряный шаръ. Онъ попиралъ ногою человѣческую и львиную голову. — *Ледъ* изображался во образѣ страшнаго воина, вооруженнаго въ Славянскую броню, при бедрѣ мечъ, въ рукахъ копье и щитъ. Изъ древнихъ лѣтописцевъ видно, что за отдаленіемъ отъ храмовъ *Леда*, чтили его въ мечѣ или саблѣ, вынутой изъ ноженъ и воткнутой въ землю. Истуканъ *Радегаста*, былъ изъ золота, имѣлъ на шлемѣ птицу съ разпростертыми крыльями, на груди щитъ съ изображеніемъ воловьей головы, который придерживалъ правою рукою, а въ лѣвой имѣлъ копье. — *Ругевитъ* изображался чудовищемъ, имѣвшимъ семь лицъ. На немъ висѣло семь же мечей, а осьмый держалъ онъ въ рукѣ. Сей истуканъ былъ чрезвычайной величины и сдѣланъ изъ дуба. Обоготворяли его на островѣ Ругенѣ. — Всѣ сіи четыре Славянскія божества могутъ уподобиться Греческому *Марсу* или *Арею*.

Славяне имѣли также своихъ полубоговъ, то есть обоготворяемыхъ богатырей или героевъ. Первый полководецъ ихъ *Славенъ*, построившій на рѣкѣ Волховѣ городъ *Славенскъ*, почитался полубогомъ, подобно Греческимъ *Персеямъ* и *Өезеямъ*. — *Волхвъ* и братья его были дѣти Славена; они извѣстны по своимъ подвигамъ на морѣ, и могутъ быть сравнены съ Греческими Аргонавтами, *Язономъ* и пр. — *Волоты* были у Славенъ тоже, что у Грековъ *Гиганты*. — *Полканы* сходны съ Греческими *Кентаврами*.

Преисподніе боги. У всѣхъ народовъ въ мірѣ есть карательныя божества. Человѣкъ, по естеству своему, непричастенъ злу; но слабость ума, сердца и тѣла вовлекли его во зло. Злодѣй есть человѣкъ, незнающій истиннаго своего блага. Естьли злодѣя не льзя обратить на путь правый ни примѣромъ, ни собственною его совѣстію, то страхъ есть послѣднее средство къ его обузданію... Твердые, основательные умы Славянъ, обоготворяя жизнь добродѣтельную, блаженство и

утѣхи, обратили взоръ свой и на жизнь злодѣя, и въ наказаніе ему вообразили преизподнихъ существъ. *Ній* былъ богъ ада, какъ у Грековъ *Плутонъ*. Можно положить, что его изображали подобно *Черно-богу*; съ яростію на лицѣ, съ зубчатымъ вѣнцемъ на головѣ, въ рукѣ свинцевый скипетръ и огненный бичь. *Черно-богъ* или *Чернбухъ*, было божество всѣхъ золъ, подобно какъ у Персовъ *Ариманъ* или у Грековъ *Немезида*, божество карающее злодѣянія. *Флинцъ*. Утверждаютъ, что сіе божество Лаузицскихъ Славянъ было образомъ смерти. Его изображали остовомъ, у котораго на одномъ плечѣ висѣлъ плащъ, въ рукѣ держалъ онъ пламенникъ, а на другомъ плечѣ изображенъ былъ левъ котораго, переднія лапы лежали на головѣ остова.

Прочія божества: *Золотая баба*, *Бѣл-богъ* или *Бѣл-бугъ*, *Даждь-богъ*, податели всѣхъ благъ. Первая изображалась женщиною, держащею младенца: это былъ внукъ ея *Свѣтовидъ*: вокругъ золотаго ея истукана разбросаны мусикійскія орудія, на которыхъ жрецы возпѣвали ей хвалу. Храмъ ея стоялъ при рѣкѣ Оби и почитался прорицалищемъ; къ истукану ея всегда подходили съ дарами. — *Триглава* или *Тригла*, Богиня, изображающая землю. Она не имѣла храмовъ. Истуканъ ея ставили на открытыхъ поляхъ: онъ изображалъ женщину о трехъ лицахъ. Греки также обоготворяли землю, поручивъ ее подъ надзоръ всевидящему генію *Демогоргону*. — *Зничъ*, священный, неугасимый огнь, во многихъ Славянскихъ городахъ имѣлъ храмы: ему жертвовали частію изъ полученной отъ непріятелей корысти. Зничъ не имѣлъ ни какого изображенія, но только былъ неугасимо горящій огнь, наподобіе огня *Весты* въ Римѣ. Всегда во время глубокихъ ночей жрецы стояли со страхомъ предъ *Зничемъ*, и давали народу отвѣты. — *Велесъ* и *Мокошъ*, боги скотоводства. *Велесъ* почитался вторымъ послѣ *Перуна*, и имъ клялись только въ важныхъ случаяхъ. Онъ изображался съ рогами, въ простой одеждѣ, въ рукахъ сосудъ съ молокомъ. Вторый изображался съ длинною бородою,

съ рогами и съ посохомъ въ рукѣ. Полагаютъ, что *Мокошъ* былъ тоже, что у Грековъ *Панъ.* — *Родомыслъ*, богъ мудрости и блюститель надъ законами, изображался въ видѣ мужа, погруженнаго въ думу, упершаго въ лобъ указательнымъ перстомъ правой руки, а въ лѣвой держащаго щитъ и копье. Сіе божество Славянъ Варяжскихъ, кажется, соединяло достояніе Греческой *Минервы* и *Ѳемиды.* — *Зѣвана* или *Зѣванія*, богиня звѣриной ловли, что у Грековъ была *Діана*. Одежда ея состояла изъ звѣриной кожи, въ рукахъ лукъ, въ ногахъ собака. Храмы ей сооружали въ лѣсахъ.

Мерцана или *Марцана* не имѣла, кажется, никогда подобія человѣческаго, потому что она существенно только есть *зарница*, которую Славяне мысленно божествомъ представляли, подобно Греческой *Аврорѣ*. Истуканъ сей богини возили на колесницѣ въ извѣстное время и погружали въ рѣку со многими празднествами.

Прцве или *Проно*. Подъ симъ божествомъ Балтійскихъ Славянъ, кажется, разумѣли *судьбу*. Истуканъ сего божества почитался оракуломъ и стоялъ на высокомъ, густолиственномъ дубѣ. Проно изображался въ вѣнцѣ на головѣ съ длинными ушами; въ правой рукѣ держалъ желѣзо, а въ лѣвой хоругвь. Греки имѣли подобное божество съ другими только признаками.

Кродо. Его изображали въ видѣ старика съ непокрытою головою, стоящаго босыми ногами на рыбѣ (окунѣ) и опоясаннаго бѣлымъ льнянымъ убрусомъ. Нѣкоторые признаютъ его за Греческаго *Хрона* или *Сатурна*, другіе за бога всякаго зла, а иные за самую природу. Сему божеству поклонялись въ городѣ Гарцбургѣ.

Порснутъ. Иные полагаютъ, что онъ былъ богъ беременныхъ женщинъ, другіе начальникъ мореходства. Истуканъ его имѣлъ четыре головы и пятую на груди. Былъ онъ обоготворяемъ на островѣ Ругенѣ; другой подобный сему былъ *Гаревитъ* съ шестью лицами, а седьмое на груди.

Іомалла или *Ямалла*, божество Чудскихъ Славянъ. Сей идолъ былъ сдѣланъ изъ дерева; на

шеѣ имѣлъ дорогое ожерелье, а въ рукахъ держалъ великую серебряную чашу, въ которую покланяющіеся клали деньги, принося оныя въ жертву. — *Царь морской*, подобенъ Греческому *Нептуну*. *Чуръ* тоже, что у Грековъ *Термъ*, богъ межей. Спокойствіе и безопасность обществъ укрѣпляются только сохраненіемъ священныхъ законовъ собственности. Вотъ начало огражденія помѣстьевъ.

Кикимора, богъ сна, тоже что у Грековъ *Морфей*; ихъ было множество. — *Чуды морскія*, тоже что у Грековъ *Тритоны*. *Лѣшіе*, *Домовые*, *Водяные Духи*, *Русалки* и проч. тоже что въ Греческомъ баснословіи: *Сатиры*, *Пенаты* или *Лары*, *Нереиды*, *Наяды* и проч.

Славяне также приписывали нѣчто божественное *озерамъ* и *рѣкамъ*, подобно Египтянамъ и древнимъ Грекамъ: *Ильменю озеру* и *Студенцу* озеру, на островѣ Ругенѣ, въ густомъ лѣсу; рѣкамъ *Бугу* и *Дону*. Имъ посвящались лѣса, растущіе по берегамъ, въ которыхъ не ловили ни звѣрей, ни въ водѣ рыбы; однѣ молодыя дѣвушки, украшенныя цвѣтами, черпали воду изъ сихъ озеръ и рѣкъ съ великимъ благоговѣніемъ и молчаніемъ.

Въ семъ описаніи Славянскаго баснословія упомянуто о *храмахъ* и *жрецахъ*; оное выписано изъ многихъ лѣтописей и исторій. — Въ краткой церковной Россійской исторіи, сочиненной Преосвященнымъ *Платономъ*, Митрополитомъ Московскимъ, замѣчено, что въ Руси едва ли были храмы и жрецы, что на холмахъ ставились одни истуканы боговъ, и что всякой, что хотѣлъ, могъ приносить въ жертву идоламъ на открытомъ мѣстѣ и безъ священнослужителей. Таковое обыкновеніе можетъ быть и было у Славяно-Руссовъ; но у прочихъ Славянъ, разселившихся по Европѣ, были *храмы и жрецы*, какъ видно по ихъ исторіямъ.

Писаревъ.

А.З. Кокорева

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Переводы.

I. ОБЪ ОРУДІЯХЪ ЧУВСТВЪ.

(Изъ Леске.)

Чувственныя жилы живопныхъ, въ тѣхъ частяхъ, чрезъ которыя сообщается чувствованіе, или которыя перемѣняютъ ихъ чрезъ впечатлѣнія постороннихъ тѣлъ и сходныя съ ними представленія въ душѣ производятъ, такъ сплетены и распространены, что вмѣстѣ образуютъ нѣкоторыя махины, кои *орудіями чувствъ* называются.

Орудіе зрѣнія, или *глазъ*, есть шарообразное тѣло, изъ разныхъ кожицъ, влажностями и огустѣвшими частями наполненыхъ, составленное, которое у наибольшей части живопныхъ особливыми глазными мышцами движется. Кожицы покрываютъ одна другую въ слѣдующемъ порядкѣ. Самая наружная есть *жесткая кожица*, которой передняя, больше выдавшаяся, прозрачная часть называется *роговая кожица*. Подъ жесткою кожицею лежитъ *темноцвѣтная*, которая съ оною совокуплена только нѣжными кровными сосудами, но впереди на *бѣлкѣ* крѣпче съ нею соединяется. Здѣсь произходитъ изъ темноцвѣтной немного возвышенная, почти плоскопротянутая *цвѣтная кожица*, въ срединѣ которой находится отверзтіе, *зрачекъ* называемое: внѣшняя сторона цвѣтной кожицы называется *радуга*. Позади темноцвѣтной кожи лежитъ *мозговая кожица*, или сѣточка, сплетенная изъ тончайшихъ чувственныхъ жилъ и кровныхъ сосудовъ, которые произходятъ отъ *зрительной чувственной жилы*. Кожицы сіи содержатъ такъ называемыя влажности, изъ коихъ только одна есть настоящій жидкій сокъ, *водою* называемый, которой въ переднемъ пространствѣ позади роговой и цвѣтной кожицъ находится. Стеклянное тѣло мягко, составлено изъ клѣточекъ, содержащихъ прозрачную воду, и заключено въ собственной прозрачной кожицѣ.

Напереди за отверзтіемъ цвѣтной кожицы во впадинкѣ стекляннаго тѣла лежитъ *сочевица*, которая состоитъ изъ листочковъ или пленочекъ, другъ на другѣ лежащихъ и клѣтчатыми волокнами совокупленныхъ; равнымъ образомъ заключена въ тонкой прозрачной кожицѣ, а можетъ быть еще больше укрѣплена волокнами, отъ бѣлка произходящими.

Лучи свѣта падаютъ отчасти перпендикулярно на роговую кожицу, идутъ прямо чрезъ влажности безъ преломленія, и изображаются на мозговой сѣточкѣ; другіе же, падающіе на роговую кожицу подъ косымъ угломъ, преломляются къ перпендикулу въ оной роговой кожицѣ и въ водѣ, а особливо въ сочевицѣ и въ стеклянномъ тѣлѣ, соединяются въ мозговой сѣточкѣ, такъ что они образъ предмета, отъ котораго приходятъ, хотя въ надлежащемъ положеніи и порядкѣ каждой части, но ради неминуемаго своего пресѣченія представляютъ наизворотъ, какъ въ темномъ покоѣ. Движеніе глаза посредствомъ мышицъ, также разширеніе и суживаніе зрачка, по мѣрѣ лучей свѣта, даютъ глазу способъ всегда ясно видѣть предметы въ сходственномъ отдаленіи.

Такимъ образомъ предметъ изображается на мозговой сѣточкѣ, а не на темноцвѣтной кожицѣ, какъ Маріотъ утверждаетъ: послѣдняяжъ служитъ къ тому, чтобъ лучи собирались въ одной мозговой сѣточкѣ и производили чувствованіе. Положеніе частей видимаго предмета представляетъ себѣ душа такъ, какъ оныя на самомъ предметѣ находятся, а не наизворотъ, какъ изображаются онѣ на мозговой сѣточкѣ.

Наибольшая часть животныхъ имѣетъ по два глаза; однако есть нѣкоторыя насѣкомыя и черви, кои больше двухъ глазъ имѣютъ. У большихъ животныхъ глаза защищены разными наружными покрывалами. Такимъ образомъ млекопитающія, птицы и многія земноводныя имѣютъ *вѣжди*, а нѣкоторыя изъ нихъ подъ вѣждями еще *мигательную перепонку*.

У одних только млекопитающих находится *волокнистое кольце* и въ мозговой сѣточкѣ кровяные сосуды.

Глаза у рыбъ по большей части бываютъ со внутреннимъ покрываломъ, или довольно защищены они хрящемъ, въ которомъ лежатъ. Жесткая ихъ кожица почти хрящевая. Зрительная чувственная жила въ нѣкоторыхъ промежуткахъ даетъ отъ себя кожицы; темноцвѣтная только кожица отдѣлена отъ внутренней оныя поверхности собственною кожицею. Сочевица у нихъ шарообразная, дабы онѣ въ водѣ тѣмъ лучше видѣть могли.

На глазахъ у насѣкомыхъ и червей нѣтъ никакихъ покрывалъ, но роговая ихъ кожица тверже, или довольно защищены они своимъ положеніемъ. Не можно также у нихъ примѣтить всѣхъ вышесказанныхъ частей для особливой ихъ мѣлкости.

Орудіе *слуха*, или ухо состоитъ по большей части изъ другихъ хрящей или чрезвычайно крѣпкихъ костей, около которыхъ слуховая чувственная жила внутри разпростирается. Наружное ухо суживается въ *наружной слуховой проходъ*, во внутреннемъ коего концѣ лежитъ *барабанная кожа*, которою отдѣляется отъ онаго прохода *барабанная полость*. Въ сей полости лежатъ четыре *слуховыя косточки*. *Молотокъ* рукояткою своею прикрѣпленъ къ барабанной кожѣ; головка его совокупляется съ наковальною, у которой на должайшемъ отрогѣ находящаяся весьма малая *кругловатая косточка* соединяетъ *стремя* съ наковальною. Стремя нижнею своею плоскостію наполняетъ отверзтіе, называемое *овальнымъ окномъ*, которое отворяется во внутренность уха или въ *лавиринѳъ*. Сей состоитъ изъ круглой полости, водою наполненной, *преддверіемъ лавиринѳа* называемой, изъ трехъ *полыхъ дугъ*, которыя отворяются въ преддверіе, и изъ *улитки*, которая лежитъ впереди, и состоитъ изъ пустаго наподобіе винта извитаго хода, которой идетъ около костяной конической оси, и отчасти костя-

ною, отчасти изъ чувственныхъ жилъ состоящею преградою, называемою *извитымъ листомъ*, раздѣляется на двѣ полутрубки или лѣсенки, изъ коихъ внутренняя и задняя начинается возлѣ *круглаго* кожею закрытаго *окна*, и чрезъ то съ барабанною полостію имѣетъ сообщеніе, а передняя отворяется въ преддверіе. Находится еще въ барабанной полости *Евстахіева труба*, которая проведена въ ротъ. Ось улитки преизполнена безчисленнымъ множествомъ дирокъ, которыя отворены во *внутренній слуховый проходъ*. Чрезъ нихъ слуховая чувственная жила входитъ въ улитку и въ преддверіе, а отсюда въ полыя дуги, и въ нихъ разпростирается.

Когда звучащія волны воздуха чрезъ внѣшній слуховый проходъ касаются барабанной кожи, то въ ней и въ соединенныхъ съ нею слуховыхъ костяхъ производятъ онѣ дрожащія движенія; отъ чего наипаче стремя такъ трогается, что задняя часть нижней его плоскости склоняется къ преддверію, и при томъ натягивается нѣжная завязка, которою прикрѣплено оно къ овальному окну. Въ тоже время ударяетъ дрожащій воздухъ въ кожицу круглаго окна, и при каждомъ движеніи воздуха дрожатъ костяныя стѣны лавиринѳа. Чрезъ сіе находящаяся въ лавиринѳѣ вода въ подобное приводится движеніе, касается слуховой чувственной жилы по лавиринѳу разпростертой, и причиняетъ чувствованіе слуха.

Такъ сдѣлано орудіе слуха у млекопитающихъ животныхъ, не изключая и въ водѣ живущихъ, у которыхъ нѣтъ только внѣшняго уха; птицы, земноводныя и рыбы внѣшняго уха также не имѣютъ; но есть у нихъ барабанная кожа, слуховыя кости и лавиринѳъ. Птицы имѣютъ еще внѣшній слуховый проходъ; но слуховыя ихъ кости такъ плотно между собою соединены, что почти одну только кость составляютъ. Лягушки имѣютъ хрящеватую барабанную кожу, и такъ какъ прочія земноводныя, только двѣ слуховыя косточки, которыя весьма различно сдѣланы. Лавиринѳъ состоитъ у нихъ только изъ нѣсколькихъ

трубокъ, а улитки совсѣмъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ она, по причинѣ тонкости частей, еще не усмотрѣна.

Рыбы также имѣютъ совершенное внутреннее слуха орудіе, хотя у нихъ внѣшній слуховый проходъ и барабанную кожу найти и трудно. Три слуховыя косточки соединены тонкими завязками. Полыя ихъ дуги дугамъ млекопитающихъ весьма подобны, и отворяются въ ноздреватое тѣло, какъ бы въ преддверіе; вмѣсто улитки находится маленькой мѣшечекъ съ маленькою косточкою.

У насѣкомыхъ и червей по сіе время не могли еще открыть никакого особливаго слуховаго орудія.

Носъ или орудіе *обонянія* есть пустота, изъ разныхъ костей и хрящиковъ изкусно составленная, которая внутри обтянута ноздреватою и мяздреною кожею, въ которой кровяные сосуды и обонятельная чувственная жила разпростираются: части сіи, а особливо обонятельныя чувственныя жилы, предохраняются отъ сухости и сильнѣйшаго раздраженія жидкою слизью.

Обоняніе возбуждается, когда тонкія летучія, соляныя или масляныя частицы, изъ премногихъ тѣлъ выходящія, при вдыханіи чрезъ ноздри втягиваются въ носъ, и прикасаются къ чувственнымъ жиламъ, по кожѣ разпростертымъ. Чрезъ то различаются разные виды масла и солей, и узнается вредная гнилость, очень великая острота и благоразтворенность вещей.

Видъ внѣшняго носа, которой находится только у млекопитающихъ и нѣкоторыхъ земноводныхъ, равно какъ и видъ, число и положеніе ноздрей у прочихъ большихъ животныхъ бываютъ весьма различны, и подаютъ отличительные признаки рода. Всѣ животныя имѣютъ обоняніе. Тѣ, которыя или вдали добычу свою искать, или между подобными растеніями отличать должны вредныя, имѣютъ весьма тонкое обоняніе и большія обонятельныя орудія. У насѣкомыхъ и червей не могли еще точно опредѣлить обонятель-

ныхъ орудій, хотя и они дѣйствительно имѣютъ обоняніе.

Орудіе *вкуса* состоитъ наипаче въ языкѣ, и притомъ въ верхней части и краяхъ онаго. Сей у животныхъ первыхъ четырехъ статей есть мясистая, многими чувственными жилами снабженная часть: чувственныя сіи жилы на поверхности оканчиваются многими бородавочками, кои суть собственно чувствующія языка части, и потому *сосочками вкуса* называются. Между ими находятся отверзтія тонкихъ сосудовъ, отдѣляющихъ сокъ, которой смачиваетъ языкъ, смягчаетъ его сосочки, разпускаетъ соли, и смѣшивается съ тонкими масляными частицами. Когда сіи масляныя и соляныя частицы прикоснутся къ сосочкамъ, то онѣ бываютъ ощущаемы; и тѣмъ кислые, сладкіе, острые, горькіе, соленые, щелочные, спиртовые, пряные, гнилые и другіе роды вкуса различаются.

Сосочки вкуса охраняются отъ весьма великой остроты солей кожею и слизкимъ веществомъ, которое представляетъ сѣточку.

Впрочемъ видъ и движимость языка у животныхъ весьма различны. У насѣкомыхъ и червей настоящаго языка для ихъ малости также еще не открыли.

Орудіе *осязанія* суть вообще маленькіе внѣшніе концы чувственныхъ жилъ, которыя по всей кожѣ расположены, и, такъ какъ на языкѣ, соединены клѣтчатою перепонкою и сосудами въ маленькіе *осязательные сосочки*, а покрыты *сѣтчатою слизью* и тонкою нечувствительною *кожицею*. Сіи осязательные сосочки на концахъ пальцевъ величиною больше; потому и осязаніе тамъ гораздо чувствительнѣе.

Когда сіи осязательные сосочки немного приподнимутся и тихимъ треніемъ прижаты будутъ въ ощутимому предмету, то получаютъ они его впечатлѣніе, то есть, мы его чувствуемъ, или различаемъ жесткость, шероховатость, влажность, теплоту, и симъ противуположенныя тѣлъ свойства.

Многія животныя толь чувствительное имѣютъ осязаніе, что они и перемѣны воздуха за нѣсколько времени напередъ чувствуютъ.

Озерецковскій.

II. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ СВОЙСТВА РАЗНЫХЪ ПРОЗАИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ.

(Изъ Эшенбурга).

I.) Письма.

Письмо есть не что иное, какъ письменная рѣчь одного лица къ другому отсутствующему; оно замѣняетъ недостатокъ словесной рѣчи, которую можно бы было обратить къ сему лицу, когда бы оно было въ присутствіи. И такъ переписка есть письменный разговоръ между отсутствующими лицами. Всѣ правила для писемъ основываются на языкѣ и тонѣ словеснаго обращенія въ различныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ жизни.

Существенное *свойство* хорошаго письма есть легкое, простое, благородное и безъизкусственное изъясненіе нашихъ мыслей. И такъ письма вообще болѣе, нежели другой какой родъ прозаическихъ сочиненій, принадлежатъ къ простому народному языку. Способность хорошо писать письма пріобрѣтается рачительнымъ наблюденіемъ и точнымъ подражаніемъ языка общественнаго, употребляемаго въ образованномъ обращеніи. Письма измѣняютъ свой тонъ сообразно намѣренію и содержанію оныхъ, сообразно состоянію нашихъ чувствованій, характеру и званію тѣхъ лицъ, къ которымъ мы пишемъ, и отношенію, какое между нами находится. Все это производитъ безчисленное множество различій въ языкѣ и въ расположеніи письменномъ.

Поелику письменное изъясненіе нашихъ мыслей предполагаетъ болѣе труда, болѣе размышленія, нежели словесное, то письма не во всемъ должны слѣдовать совершенно языку разговорно-

му. Они избѣгаютъ слишкомъ обыкновеннаго, небрежнаго, отъ частаго употребленія состарѣвшагося образа выражаться. Въ простыхъ разговорахъ простительны такіе обороты; но въ письмахъ, которыя читаются съ большимъ вниманіемъ, нежели рѣчь, въ минуту родящаяся и изчезающая, терпѣть ихъ не можно. Мы сказали, что письма должны быть писаны легкимъ и натуральнымъ *слогомъ*; слѣдовательно ясность и точность составляютъ ихъ главное достоинство.

2.) Разговоры.

Діалогъ или *разговоръ* есть взаимное изъясненіе между двумя или многими лицами; онъ есть письменное подражаніе разговора словеснаго о предметахъ важныхъ или занимательныхъ. Предметъ сего рода сочиненій состоитъ въ томъ, чтобъ живѣе показать образъ мыслей разговаривающихъ лицъ; въ такомъ случаѣ вы видите ихъ своими глазами и характеръ ихъ самъ собою живописуется. Рѣчь разговорная всегда имѣетъ болѣе живости и вѣрности, нежели повѣствованіе.

Разговоръ бываетъ или *драматическій*, и заключаетъ въ себѣ *дѣйствіе*, которое имѣетъ начало, средину и конецъ (объ немъ говорится въ Піитикѣ); или *философическій*, котораго предметъ — истина, или просто занимательный и живописующій, имѣющій своею цѣлію прелести остроумія, любопытныя картины Природы и изображеніе чрезвычайныхъ характеровъ.

Первое достоинство философскихъ разговоровъ есть важность и богатство *содержанія*. Оно должно быть таково, чтобъ всякій изпытатель истины нашелъ въ немъ достойную себя пищу, и чтобы оно достаточно было какъ для завязки, такъ и для развязки. Писатель разговора всегда имѣетъ выгоду предъ писателемъ обыкновенныхъ философскихъ разсужденій; онъ можетъ показать истину изъ разныхъ точекъ зрѣнія, не нарушая единства; онъ открываетъ причины, связь и составъ мыслей съ легкостію и живостію, опровер-

ваетъ предразсудки, разрѣшаетъ сомнѣнія, преодолѣваетъ всѣ трудности быстрѣе, и притомъ съ такою простотою, которая дѣлаетъ его понятнымъ для всѣхъ. Самыя отвлеченныя матеріи могутъ быть объяснены въ видѣ діалога, которой можно назвать разговоромъ съ самимъ собою, или послѣдствіемъ рѣчей, принадлежащихъ къ одному предмету. Другое лице, предполагаемое въ особѣ того же Автора, служитъ для того, чтобъ подать случай къ сужденію, или обратить читателя на главную точку предмета. Такимъ образомъ каждая рѣчь содержитъ въ себѣ или возраженія, или новыя мысли, или наконецъ совершенно уничтожаетъ мнѣніе, утверждаемое въ началѣ разговора.

3.) Учебныя сочиненія.

Догматическими или *учебными* сочиненіями называемъ мы тѣ, въ которыхъ предлагаются или доказываются истины общеполезныя, служащія къ наученію ума, или образованію нашего сердца. Сей родъ сочиненій можно раздѣлить на два класса: на *разсужденія* и *учебныя книги*. Первыя занимаются обыкновенно одною отдѣльною истиною; другія представляютъ намъ многія истины въ связи и порядкѣ.

Отличительныя *свойства* сихъ сочиненій суть тѣ, которыя приписаны слогу низкому или народному. Писатель въ семъ случаѣ имѣетъ главною своею цѣлію наученіе и убѣжденіе разсудка; слѣдовательно ясность и точность въ мысляхъ и слогѣ должны быть необходимымъ условіемъ догматическаго творенія. Всѣ Ораторскія украшенія, служащія къ воспламененію страстей и воображенія, не имѣютъ здѣсь мѣста. Впрочемъ, для того, чтобъ сей слогъ не былъ слишкомъ сухъ, однообразенъ и утомителенъ, позволяется Автору употреблять историческія отступленія, примѣры и живопись характеровъ.

Подъ *разсужденіемъ* разумѣемъ мы связное прозаическое сочиненіе, въ которомъ Писатель объясняетъ или доказываетъ теоретическую или

практическую истину. Сія истина должна имѣть собственную важность, и можетъ относиться или къ наукамъ, или къ изслѣдованіямъ Историческимъ, такъ какъ предметъ защищенія, или опроверженія. Содержаніе разсужденій можетъ быть столько же многоразлично, сколько безчисленны предметы въ Природѣ и наукахъ. Самый способъ сочинять ихъ измѣняется безпрестанно, по существу матерій, по намѣренію Автора; — и смотря по тому, требуетъ болѣе или менѣе остроумія, точности и строгости въ изслѣдованіяхъ.

4. Исторія.

Философъ и Историкъ отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что одинъ имѣетъ въ виду своемъ всеобщую истину, а другой, напротивъ того, занимается отдѣльными случаями и произшествіями жизни. И такъ историческое повѣствованіе разнится отъ догматическаго, или отъ учебныхъ разсужденій, тѣмъ, что сіи послѣднія имѣютъ предметомъ своимъ умствованія и предположенія, а первое — дѣянія и приключенія людей. Исторія почти не обязана изыскивать и открывать причины произшествій; но она должна разсказать ихъ въ томъ самомъ порядкѣ и связи, въ какой они другъ за другомъ слѣдовали.

Прежде нежели разсмотримъ мы различные роды историческаго повѣствованія, представимъ теперь нѣкоторыя всеобщія правила, которыя непосредственно произтекаютъ изъ его существа и цѣли. Первое и необходимое свойство всякаго разсказа есть *ясность*, которая состоитъ въ томъ, чтобъ всѣ обстоятельства произшествія, сами по себѣ и по взаимному ихъ отношенію, представлены были въ надлежащемъ свѣтѣ, чтобъ они продолжались и разкрывались въ порядкѣ натуральномъ и въ свое время. — Историкъ долженъ опредѣлить ихъ точно и основательно, и не пропустить ничего, что служитъ къ утвержде-

нію подлинности произшествія, или что можетъ показать ихъ съ лучшей стороны, дабы тѣмъ удобнѣе возбудить и удовлетворить любопытство читателя. И такъ подъ историческою ясностію разумѣть должно и *порядокъ* и *полноту*.

Не менѣе нужна для хорошаго повѣствованія *краткость* въ мысляхъ и выраженіяхъ. Она зависитъ отъ правильнаго понятія о вещахъ, и отъ нѣкоторой мудрой скромности въ образѣ объясненія. Сюда принадлежитъ также хорошій *выборъ* обстоятельствъ, принадлежащихъ къ главному предмету. Историкъ избираетъ изъ нихъ важнѣйшія, опускаетъ незанимательныя, и не мучитъ читателя малозначущими эпизодами и отступленіями.

Занимательность повѣствованія зависитъ или отъ важности самаго содержанія, или отъ изкуснаго разположенія историческихъ произшествій.

Исторической *слогъ* по большей части относится къ слогу среднему; умѣренныя украшенія возвышаютъ его предъ народнымъ, но онъ рѣдко позволяетъ себѣ великолѣпіе высокаго. Сіи красоты заключаются или въ самомъ существѣ содержанія, или въ мысляхъ и оборотахъ, или въ приличной живописи характеровъ и мѣстоположенія, въ которомъ производится дѣйствіе, или въ чувствахъ, возбуждаемыхъ трогательными сценами и проч. Кромѣ того совершенно исторической слогъ требуетъ какой-то безъизкусственной простоты, которую можно почесть лучшимъ средствомъ для доставленія ему живости и силы. Излишество вездѣ вредно. Историкъ, неумѣряющій себя въ украшеніяхъ, можетъ сдѣлать самую истину подозрительною.

Главныя вспомоществующія части повѣствовательнаго рода суть слѣдующія: *Характеры* (когда они представляются отдѣльно); — *Жизнеописаніе* или *Біографія*, *вымышленныя Повѣствованія* и *истинная Исторія*. Мы скажемъ кратко о каждой изъ сихъ частей.

а). *Характеры.*

Подъ именемъ *Характера* разумѣемъ мы собственное отличіе всякой вещи, посредствомъ котораго получаетъ она свою видимую отдѣльность и разнится отъ всѣхъ другихъ предметовъ. И такъ характеръ человѣка составляютъ ему только принадлежащія нравственныя и физическія свойства, и особливо первыя, то есть, врожденныя и пріобрѣтенныя способности чувствованія, склонности и привычки, образъ мыслей и поведенія. Главная основа характеровъ весьма многоразлична; она измѣняется по народамъ, по временамъ, по состоянію, по возрасту, образу жизни и возпитанія, по духу народа, по темпераментамъ и привычкамъ.

На сіи-то основы характера долженъ обращать Писатель особенное вниманіе; его дѣло угадать, которые изъ нихъ, въ томъ или другомъ случаѣ, суть подлинные источники мыслей, чувствованій и поступковъ человѣка. Сіе разсужденіе предполагаетъ въ немъ духъ наблюдательный и глубокое познаніе сердца человѣческаго, — плодъ продолжительнаго чтенія, замѣчаній и опытовъ.

ѣ.) *Біографія.*

Біографія или жизнеописаніе есть повѣствованіе о судьбѣ, поступкахъ и свойствахъ какой нибудь знаменитой особы. — Біографъ долженъ избирать такія лица, которыхъ жизнь, сама по себѣ, занимательна и богата произшествіями; которыя, или саномъ своимъ, или отмѣнными заслугами, или страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ и перемѣнъ щастія, обратили на себя всеобщее вниманіе. Цѣль Біографа и цѣль Историка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ различны другъ отъ друга. Послѣдній описываетъ произшествія въ связи и порядкѣ; первой, болѣе всего смотритъ на дѣйствующую особу, и старается со всею возможною подробностію отличить и выставить ея характеръ.

Біографія, кромѣ высокаго и занимательнаго, должна имѣть еще статьи нравоучительныя и ученыя, служащія къ умноженію познаній. Для достиженія сего, Писатель въ жизни знаменитой особы избираетъ только такія обстоятельства, которыя могутъ довести читателя до новыхъ важнѣйшихъ и полезныхъ замѣчаній о человѣкѣ и его природѣ. Между многоразличными случаями жизни, превратностями, слабостями и дѣйствіями, онъ замѣчаетъ особенно тѣ, которые могутъ служить урокомъ или спасительнымъ примѣромъ для подражанія. Біографія оправдываетъ древнее мнѣніе всѣми принятое, что хорошій примѣръ гораздо дѣйствителнѣе всѣхъ философскихъ наставленій и правилъ. —

c.) *Романы.*

Романъ бываетъ по большей части повѣствованіе *вымышленное*; но правила въ разсужденіи разположенія и слога суть тѣже самыя, которыя относятся и къ истиннымъ повѣствованіямъ.

Вымышленныя повѣствованія отличаются другъ отъ друга содержаніемъ, формою и слогомъ. Самыя короткія изъ нихъ называются *повѣстями*; а когда ихъ содержаніе основано на народныхъ разсказахъ и несбыточныхъ чудесностяхъ, принимаютъ онѣ названіе *сказокъ*. Главное достоинство ихъ состоитъ въ слогѣ, который отличается легкостію, натуральною живостію и нѣкоторою простотою. Отъ сказокъ не требуется ни особливой точности въ разположеніи, ни строгаго вѣроятія: довольно, естьли вымыслъ повѣствованія не останавливаетъ и не оскорбляетъ вниманія своею уродливостію, естьли онъ не далѣе областей возможности. Времена рыцарскія и баснословныя царства фей суть обыкновенные магазины для сего рода сочиненій.

Романами собственно называются гораздо пространнѣйшія повѣствованія. Ихъ содержаніе всегда разнообразнѣе, плодовитѣе; слогъ изполненъ

большихъ измѣненій. По существу своему и по правиламъ сочиненія, они весьма сходны съ Героическими Поэмами; но басня Романовъ не имѣетъ ни величія, ни важности эпопеи; она не представляетъ намъ многихъ лицъ героическихъ и многихъ подвиговъ, но по большей части относится къ одному человѣку. Сверхъ того чудесное въ Романѣ никогда не должно выходить изъ предѣловъ Природы, такъ какъ бываетъ въ Поэмѣ: самый слогъ его долженъ быть менше стихотворнымъ, менѣе смѣлымъ, менѣе украшеннымъ; онъ ограничивается пріятностями чистой и легкой прозы. —

d.) *Исторія.*

Главныя правила Историческаго повѣствованія, или Исторіи сказаны нами прежде; теперь упомянемъ еще о тѣхъ немногихъ, которыя относятся къ такъ называемой подлинной Исторіи. Поелику область ея весьма обширна, поелику она обнимаетъ всѣ произшествія, взятыя изъ Природы, изъ жизни гражданственной, изъ церковнаго и ученаго свѣта: то и примѣненіе сихъ правилъ, смотря по разности предметовъ, должно быть весьма многоразлично.

Впрочемъ, какъ бы сіи предметы различны ни были, всегда находятся они въ нѣкоторой извѣстной связи, и потому имѣютъ многія общія всѣмъ свойства. Искренность, любовь къ справедливости, безпристрастіе, остроуміе и быстрый проницательный взглядъ, точность и постоянное терпѣніе при разсматриваніи произшествія, свобода отъ всѣхъ страстей, отъ всѣхъ изступленій воображенія, свѣденія о всѣхъ другихъ государствахъ и народахъ, богатство въ источникахъ вѣрныхъ, здравый разсудокъ и глубокое познаніе сердца человѣческаго: вотъ существенныя качества и способности хорошаго Историка.

Философъ обыкновенно поясняетъ свои истины примѣрами историческими; Историкъ напротивъ того самое произшествіе старается украшать

краткими *разсужденіями*; особливо, когда надобно открыть тайныя причины отдаленныхъ или близкихъ слѣдствій. Сіе изкусство, кромѣ основательности въ *доказательствахъ*, требуетъ умѣренности скромной и благоразумной. Такія разсужденія должно позволять себѣ сколько можно рѣже, и дать случай читателю самому пользоваться догадкою. Самохвальство, самоувѣренность и напыщенное краснорѣчіе здѣсь совсѣмъ неприлично.

5.) Рѣчи Ораторскія.

Слово *рѣчь*, въ тѣсномъ смыслѣ, означаетъ разсужденіе, составленное по правиламъ изкусства и назначенное къ изустному произношенію. Сіе разсужденіе заключаетъ въ себѣ одну какую-нибудь главную мысль, которая объясняется или доказывается для убѣжденія слушателей. Слушатель можетъ быть убѣжденъ очевидностію предлагаемыхъ истинъ, изчисленіемъ вѣроятныхъ причинъ и помощію доводовъ или доказательствъ. Завидной талантъ составлять такого рода сочиненіе, соединенный съ способностію произносить ихъ пріятно и сильно, называется обыкновенно *краснорѣчіемъ*; обладающій всѣми дарованіями, для того потребными, именуется *Ораторомъ*.

Рѣчи, по ихъ *содержанію* и *намѣренію*, бываютъ различныхъ родовъ. Главное содержаніе рѣчи можетъ быть или всеобщее, или частное; всеобщее бываетъ теоретическое, или практическое. Частное имѣетъ многіе виды. Такимъ образомъ есть рѣчи *духовныя*, въ которыхъ предлагаются истины и обязанности религіи; есть рѣчи *политическія*, въ которыхъ Ораторъ разсуждаетъ о выгодахъ и потребностяхъ общества; — *судебныя*, гдѣ защищается невинно притѣсненный, или обличается преступникъ; *похвальныя*, заключающія въ себѣ описаніе заслугъ умершихъ, или живыхъ, знаменитыхъ особъ; — *Академическія* рѣчи, касающіяся ученыхъ предметовъ; и такъ далѣе. —

У древнихъ всѣ рѣчи раздѣлялись на три рода: на *похвальныя, совѣтовательныя* и *судебныя.*

Рѣчь, принятая вообще, весьма много сходствуетъ съ разсужденіемъ, о которомъ говорили мы прежде, и многія правила сего послѣдняго могутъ быть къ ней принаровлены. — Впрочемъ цѣль Оратора простирается гораздо далѣе, нежели цѣль философа, предлагающаго свои разсужденія. Сей послѣдній доволенъ простымъ изложеніемъ своего предмета; связь и порядокъ, сохраненные между мыслями, составляютъ для него единственное орудіе къ убѣжденію. Ораторъ напротивъ того старается не только убѣдить разумъ, но и особенно хочетъ дѣйствовать на волю. Убѣжденіе разсудка служитъ ему средствомъ къ достиженію своей цѣли, то есть, къ воспламененію страстей.

Слогъ рѣчей измѣняется до безконечности, сообразно ихъ содержанію. Ораторъ употребляетъ всѣ три главные рода слога, какъ-то: *низкій* или *народный*, въ объясненіи своего дѣла, въ предложеніяхъ, или разбирательствахъ мнѣній; — *средній* для того, чтобы нѣкоторыми приличными украшеніями замѣнить сухой и скучной образъ доказательствъ и объясненій, чтобы оживить его картинами, описаніемъ и разсужденіемъ, и наконецъ *высокой*, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ страсть, гдѣ употребляется все, дабы воспламенить воображеніе и потрясти сердце.

* * *

III. ОТРЫВКИ О ВЫСОКОМЪ.

(Изъ творенія Діонисія Лонгина.)

Какъ можно узнать высокое?

Надобно знать, любезный другъ (*), что въ общежитіи ничто не можетъ назваться великимъ

*] Лонгинъ въ семъ мѣстѣ обращается къ другу своему, Постумію Теренціану. Въ семъ отрывкѣ упо-

такое, презрѣніе чего почитается за великое дѣло; какъ напримѣръ: богатство, почести, слава, достоинства, власть и другія блага, которыя прельщаютъ только наружностію, а въ очахъ разумнаго человѣка никогда не могутъ быть превозходнымъ благомъ; ибо самое презрѣніе оныхъ не малое составляетъ достоинство. Отсюда произходитъ, что мы больше удивляемся тѣмъ, которые могутъ все то имѣть, но по душевному величію презираютъ, нежели имѣющимъ оное (*).

Тоже самое наблюдать должно и въ разсужденіи поэмъ и рѣчей, дабы въ нихъ не счесть возвышеннымъ такого, что имѣетъ только видъ онаго и что обыкновенно состоитъ въ наборѣ громкихъ словъ, которыя, по строгомъ разсмотрѣніи, оказываются пустыми, надутыми и потому достойными больше презрѣнія, нежели удивленія. Ибо душа наша, услышавъ истинно высокое, естественнымъ какимъ-то образомъ возвышается, и принявъ на себя нѣкоторую гордую осанку, изполняется радостію и тщеславіемъ, какъ бы слышанное ею было собственнымъ ея произведеніемъ. И такъ, естьли какое мѣсто въ сочиненіи, слышанное нѣсколько разъ кѣмъ нибудь знающимъ и изкусившимся въ краснорѣчіи, не разположитъ души его къ высокомѣрію, и ничего кромѣ произнесеннаго не оставитъ въ умѣ для умозрѣнія, а напротивъ, часто будучи разсматриваемо, отъ часу болѣе будетъ понижаться и наконецъ вовсе упадетъ: въ такомъ мѣстѣ нѣтъ истинно высокаго, потому что оно нравится только слуху, и не проходитъ далѣе. — Истинно великое есть то, что заставляетъ душу долго заниматься онымъ, чему не только трудно, но и не возможно противиться и что оставляетъ по себѣ сильное и неизгладимое впечатлѣніе въ памяти. Сло-

минается часто о Цециліи, Риторѣ Сицилійскомъ, котораго сочиненіе о высокомъ слогѣ Лонгинъ разсматривалъ съ Теренціаномъ. *Прим. Издат.*

*] Фокіоны и Фабриціи гораздо болѣе удивляютъ насъ, нежели Лукуллы и Крассы. *Примѣч. Переводч.*

вомъ: истиннымъ и дѣйствительно высокимъ должно почитать такое, которое всегда и всѣмъ нравится. Ибо естьли о чемъ-нибудь всѣ, будучи различныхъ склонностей, нравовъ, обычаевъ, лѣтъ и знаній, будутъ одинакаго мнѣнія: то сіе единомысленное несогласныхъ впрочемъ между собою умовъ сужденіе и одобреніе твердую и несомнительную внушаетъ вѣру къ тому, что произвело удивленіе *).

*) Слово *удивленіе* въ концѣ сего періода есть то, что Логики называютъ *отличительнымъ знакомъ*; ибо прочее все прилично также и *прекрасному* либо *изящному*. Трудно и для самаго Лонгина, какъ примѣтно, оттѣнить словами впечатлѣніе *высокаго* отъ впечатлѣнія производимаго *прекраснымъ* или *изящнымъ*, хотя разность между ими въ душѣ нашей весьма ощутительна. Первое изъ нихъ есть родъ какого-то внутренняго, такъ сказать, расширенія, возноситъ духъ гораздо выше обыкновенной степени, и производитъ въ немъ сильное движеніе, которое конечно имѣетъ въ себѣ пріятность, но важнаго рода, и нѣкоторымъ образомъ приближается къ суровому и строгому. Послѣднее такъ же производитъ въ духѣ сильное движеніе, но смѣшанное съ какою-то веселостію и живостію. Впрочемъ мы легко можемъ дать отчетъ въ чувствованіяхъ произведенныхъ изящнымъ и прекраснымъ; но въ произведенныхъ *высокимъ* сдѣлать того не въ силахъ. Когда мы слышимъ прекрасную сцену, прекрасной отрывокъ поэзіи или прозы, и насъ спросятъ, для чего онъ приноситъ намъ удовольствіе: то всякой по своимъ знаніямъ можетъ сказать тому причину, и болѣе либо менѣе хвалитъ въ такомъ сочиненіи сложность или подробности мыслей, украшенія, согласіе, словомъ: все, о чемъ изкусство научаетъ хорошо судить. Но когда великій Сципіонъ, осужденный Трибунами, является въ собраніе народа и вмѣсто всякаго защищенія говоритъ: *Римляне! двадцать лѣтъ тому, какъ я въ такой же день побѣдилъ Аннибала и покорилъ Карѳагенъ. Пойдемъ въ Капитолію принесть богамъ благодареніе*; когда при сихъ словахъ поднимается всеобщій крикъ и всѣ за Сципіономъ послѣдуютъ: тогда, естьли бы кто нибудь спросилъ народъ, для чего онъ находитъ слова сіи такъ прекрасными; то кто бы захотѣлъ отвѣчать на странной сей вопросъ, да и что такое можно

О пяти источникахъ высокаго.

Я считаю пять обильнѣйшихъ источниковъ *высокаго*, предполагая какъ бы въ общее основаніе онымъ даръ краснорѣчія, безъ котораго все прочее ничего не значитъ.

Первый и превозходнѣйшій изъ нихъ есть *щастливая отважность мыслей*, такъ какъ сіе показано уже нами въ толкованіи Ксенофонтовыхъ сочиненій (*); второй, *сильная и изступленная страсть*; и сіи два источника по большей части суть даръ природы; а послѣдніе три пріобрѣтаются изкусствомъ. Третій источникъ есть *пристойное составленіе фигуръ*, изъ коихъ однѣ суть фигуры *мыслей*, а другія *реченій*. Четвертый, *благородное словвыраженіе*, которое состоитъ изъ двухъ частей: изъ выбора словъ и тропическаго и украшеннаго слога. Пятой, заключающій въ себѣ всѣ другіе источники, есть величественное и возвышенное *словорасположеніе*.

Показавъ источники высокаго вообще, разсмотримъ теперь въ частности, что каждой изъ нихъ имѣетъ достойнаго примѣчанія. Но скажемъ прежде, что нѣкоторые изъ нихъ Цециліемъ пропущены, какъ напримѣръ *страсть*.

Естьли онъ сдѣлалъ сіе для того, что высокое и страстное почиталъ за одно, такъ что они другъ безъ друга быть не могутъ, то онъ обманулся; ибо бываютъ такія страсти, которыя весьма далеки отъ высокаго и даже низки, каковы суть: сожалѣніе, печаль, страхъ; и на оборотъ, бываетъ высокое безъ всякой страсти. Сверхъ того похвальныя слова Ораторовъ и другія сочиненія, которыя пишутся только для показанія

было бы тогда отвѣтствовать кромѣ того, что это прекрасно потому, что мы приведены внѣ себя, что Сципіонъ имѣетъ высокія чувствованія и что *высокому* свойственно всѣхъ покорять себѣ? *Прим. Переводч.*

*) Сіе сочиненіе вмѣстѣ со многими другими не дошло до нашихъ временъ. *Прим. Переводч.*

ума, хотя много заключаютъ въ себѣ высокости и великолѣпія, но страстнаго по большей части лишены бываютъ. Отсюда произходитъ, что весьма немногіе способны къ похвальнымъ словамъ изъ тѣхъ Ораторовъ, которые способны къ возбужденію страстей, и напротивъ тѣ, которые отличаются въ похвальныхъ словахъ, къ возбужденію страстей неспособны.

Впрочемъ, естьли Цецилій думалъ, что страстное ни мало не служитъ къ высокому, и потому за ненужное счелъ и упомянуть объ ономъ, то еще гораздо болѣе обманулся. Ибо я смѣло могу сказать, что ничего не бываетъ въ краснорѣчіи величественнѣе благородной и кстати употребленной страсти; тогда рѣчь произносится какъ бы съ нѣкоторымъ изступленіемъ и одушевляется божественнымъ вдохновеніемъ *).

О высокости мыслей.

Хотя первый и превозходнѣйшій изъ пяти показанныхъ мною източниковъ, состоящій въ величествѣ духа, есть даръ больше природы, нежели изкусства; однакожъ надобно какъ можно стараться возпитывать, такъ сказать, душу къ величеству и безпрестанно изполнять оную благородными и высокими мыслями. Но какимъ образомъ это сдѣлать? спроситъ кто нибудь. — Я уже и въ другомъ мѣстѣ гдѣ-то сказалъ, что высокое есть какъ бы нѣкоторой отголосокъ душевнаго величія; и посему иногда удивляемся мы нагой и непроизнесенной голосомъ мысли,

*) Величіе Оды Ломоносова *къ Іову* весьма много обязано сему източнику. Страсть оныя есть гнѣвъ, съ которымъ Богъ говоритъ къ ропщущему на провидѣніе человѣку. Самая начальная строфа сей оды столь уже грозна, что никогда нечитавшій ея едва ли можетъ дочитать до конца, не погрузясь въ долговременное изумленіе и забвеніе самого себя. *Прим. Перев.*

по причинѣ видимаго въ ней возвышенія духа. Сему примѣромъ служить можетъ Аяксово въ Одиссеѣ молчаніе *), по истинѣ величественное и превозходящее высокостію своею всякое слово **).

И такъ прежде всего положить надобно, что истинному Оратору не должно имѣть низкаго и подлаго духа. Ибо невозможно, чтобы имѣющій во всю жизнь свою маловажныя и рабскія мысли, произвелъ что нибудь удивительное и достойное потомства. Напротивъ, тѣхъ только сочиненія могутъ быть высоки, коихъ мысли всегда стремятся къ величественному; откуда происходитъ и то, что чрезвычайное свойственно токмо тому, кто имѣетъ духъ возвышенной. Посмотримъ, напримѣръ, что Александръ отвѣчалъ, когда Дарій предложилъ ему половину Азіи и дочь свою въ замужство. „Что касается до меня, сказалъ ему Парменіонъ, естьлибъ я былъ Александръ, то согласился бы на сіи предложенія.“ — „И я, отвѣтствовалъ Александръ, естьлибъ я былъ Парменіонъ ***).“ Не надлежало ли быть Александромъ, чтобы такъ отвѣтствовать? Равнымъ образомъ,

*] Т. е. въ пѣсни IX, гдѣ Улиссъ бесѣдуетъ во адѣ съ тѣнями усопшихъ. „Другія души усопшихъ сѣтовали и повѣствовали каждая о своихъ напастяхъ; одна только душа Аяксова вдали стояла безмолвна, негодуя на побѣду мною надъ нимъ одержанную.“ *Прим. Перев.*

**] Высокое можетъ быть даже и въ молчаніи. Лагарпъ приводитъ въ примѣръ сему славнаго заговорщика Бюси ле Клерка, когда онъ явился со своими соумышленниками въ Парламентъ. Онъ повелѣваетъ градоначальникамъ отдать приговоръ противъ правъ Бурбонскаго дома, или слѣдовать за нимъ въ Бастилію. Никто ему не отвѣтствуетъ, и всѣ встаютъ съ мѣста, чтобъ за нимъ слѣдовать. *Прим. Перев.*

***] Какъ примѣры лучше научаютъ, нежели правила, то я приведу нѣсколько оныхъ въ дополненіе къ Лонгиновымъ. Престарѣлый Горацій, услышавъ, что изъ трехъ его сыновей, сражавшихся противъ трехъ же Куріацієвъ, двое убиты, а третій бѣжалъ, весьма вознегодовалъ на поступокъ послѣдняго. Бывшая при томъ дочь его, въ извиненіе

естьли что доказываетъ величество Омирова духа, то наиболѣе его описаніе *Раздора*.

Онъ ходитъ по землѣ, главу скрылъ въ небесахъ*).

Можно сказать, что сія величина не столько

брата своего, говоритъ ему: „чтожъ осталось ему одному дѣлать противъ троихъ?“ Старикъ отвѣтствуетъ: умереть! qu'il mourût.“ Смотри въ Корнелевой трагедіи *Гораціи*... — Юлій Цесарь, прогнѣвавшись на кормчаго, что онъ боится бури, сказалъ ему: Quid times? Caesarem vehis. „Чего боишься? Цесаря везешь.“ — Поръ Царь Индійскій, по храбромъ защищеніи себя, взятъ былъ въ плѣнъ, и спрошенъ будучи Александромъ, какъ онъ хочетъ, чтобъ было съ нимъ поступлено: „какъ съ Царемъ!„отвѣтствовалъ. — Одна женщина изъ простаго состоянія отвѣтствовала священнику при случаѣ, когда онъ говорилъ о повелѣніи Божіемъ, дабы Авраамъ принесъ на жертву сына своего Исаака: — *Богъ никогда бы не повелѣлъ матери принесть такую жертву*. Во всѣхъ сихъ примѣрахъ видно высокое чувствованіе. — Теперь слѣдуютъ примѣры высокаго въ мысляхъ. Боссюетъ во всеобщей Исторіи своей говоритъ о идолопоклонникахъ: „Все было Богъ, кромѣ самаго Бога: и міръ, сотворенный Богомъ для показанія своего могущества, учинился по видимому храмомъ идоловъ.“ — Нашъ Ломоносовъ преизполненъ высокими мыслями; таково напр. слѣдующее мѣсто въ его Одѣ, выбранной изъ Іова:

„Ты можешь ли Левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океана
Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ, какъ мѣдными щитами;
Копье и мечъ и молотъ твой
Щитаетъ за простникъ гнилой.

Какъ жерновъ, сердце онъ имѣетъ
И зубы страшный родъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ.
Для крѣпости великихъ силъ
Щитаетъ ихъ за мягкой илъ..“ *Прим. Перев.*

(* До слова такъ: въ небесахъ утвердилъ главу и хо-

служитъ мѣрою *Раздора*, сколько Омирова таланта. Но какая разность между симъ и Исіодовымъ стихомъ, въ которомъ онъ описываетъ печаль, естьли только правда, что щитъ Геркулесовъ есть его твореніе?

„И возгри изъ ноздрей ея текли.“ *).

Такимъ образомъ онъ представилъ богиню не страшною, но отвратительною. Напротивъ, какое величіе даетъ богамъ Омиръ, напримѣръ, когда говоритъ:

Колико можетъ взоръ обнять поля воздушны,
Когда съ утеса кто на синій смотритъ Понтъ,
Толико Божески высоковыйны кони
Стремленіемъ однимъ перепрыгиваютъ вдругъ.

Стремленіе или скочекъ коней онъ измѣряетъ пространствомъ міра. При столь чрезвычайномъ стремленіи, кто не возкликнетъ вдругъ, что естьли божескіе кони два раза сряду скакнутъ, то не найдутъ уже мѣста въ мірѣ? Столько же величественно и описаніе сраженія боговъ:

Потрясся весь Олимпъ, сѣдалище боговъ;
Плутонъ, усопшихъ Царь, во адѣ ужаснулся,
И съ трепетомъ вскоча съ престола, возопилъ,
Боясь, дабы Нептунъ земны разверзши нѣдра,

дитъ по землѣ. — Виргилій въ четвертой книгѣ Энеиды почти отъ слова до слова перевелъ сей стихъ, примѣнивъ оной, вмѣсто Раздора, къ Молвѣ: Ingrediturque solo, et caput inter nubila condit. Подобно сему, Державинъ изображаетъ гору *Сенъ-Готаръ* въ своемъ переходѣ въ Швейцарію чрезъ Алпійскія горы Россійскихъ войскъ:

„Ведетъ — и нѣкая громада,
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути,
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ идти.“

Читая сіе мѣсто, не тоже ли самое сказать можно о талантѣ Державина, что Лонгинъ говоритъ объ Омировомъ? *Прим. Перевод.*

*) Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что природа безобразная, когда она будетъ изображена со всѣмъ совершенствомъ, дѣлаетъ столько же чести живописцу, какъ и природа прекрасная. Напр. довольно ли безобразна лягушка, змѣя, обезьяна, скорпіонъ, трупы, и пр.? Но сіи предметы подъ изкусною кистію плѣняютъ знатоковъ.

Небеснымъ жителямъ и смертнымъ не открылъ
Жилища адскаго, самимъ богамъ ужасна.

Видишь ли, любезный другъ *), какъ земля разверзается до основаній, открывается тартаръ, громада вселенныя разрушается; небеса, адъ, смертные и безсмертные: — словомъ, все купно сражается съ богами и участвуетъ въ ихъ опасности? — Но сіи ужасы, естьли не принять ихъ за иносказаніе, будутъ нарушать пристойность и противны величію боговъ. Ибо Омиръ, описывая язвы боговъ, раздоры, наказанія, слезы, узы и разныя страсти ихъ, по моему мнѣнію, старался, сколько можно, осаждавшихъ Трою людей содѣлать богами, а боговъ людьми. Онъ сдѣлалъ ихъ и самихъ людей нещастнѣе, поелику намъ служитъ пристанищемъ въ нещастіяхъ смерть, а бѣдствія боговъ, по причинѣ ихъ безсмертія, должны быть вѣчны. Напротивъ, сколь превозходнѣе сего тѣ мѣста, въ которыхъ описываетъ онъ боговъ съ истинными ихъ свойствами, изображая ихъ великими, никакимъ слабостямъ и бѣдствіямъ неподверженными! Таково, напримѣръ, есть слѣдующее мѣсто, многими до меня уже приведенное, гдѣ онъ говоритъ о Нептунѣ:

Тряслися горы и лѣса высоки,
Куда Нептунъ стопы безсмертны направлялъ**).,,

Такъ же:

,,Нептунъ съ величествомъ стремится по волнамъ;
,,Узрѣвъ его, киты изъ водныхъ безднъ повсюду
,,Встаютъ и прыгаютъ въ весельи вкругъ его;
,,Отъ радости валы морскіе разступились;
,,А кони между тѣмъ летятъ поверхъ зыбей.“ и проч.

Il n'est point de serpent ni de monstre odieux
Qui par l'art imité, ne puisse plaire aux yeux,

Такъ, это неспорно. Но нужно помнить цѣль, съ которою мы говоримъ, и мѣсто, гдѣ говоримъ. Разборчивая кисть никогда не выставитъ тѣхъ самыхъ естественныхъ впрочемъ дѣйствій и признаковъ, которые родили бы дурную мысль о художникѣ. *прим. пер.*

*) Видишь ли, любезный читатель, какъ Лонгинъ дышетъ духомъ Омировымъ; какъ разсматривая сіе высокое мѣсто, самъ дѣлается высокимъ? *прим. пер.*

**) Иліады пѣснь XIII. — Г. Ломоносовъ подобное сему мѣсто изъ V. пѣсни Иліады такъ перевелъ:

Такимъ образомъ и законодатель Іудейскій, сей необыкновенный мужъ, получивъ достойное о могуществѣ Божіемъ понятіе, достойнымъ образомъ изобразилъ оное въ самомъ началѣ своихъ законовъ: „*Рече Богъ*, говоритъ онъ, — *да будетъ* „*свѣтъ, и бысть свѣтъ. Да будетъ земля, и бысть* „*земля*„. *)

Думаю, что тебѣ, любезный другъ, не противно будетъ, когда я приведу изъ Омира еще одинъ примѣръ, и притомъ такой, въ которомъ говоритъ онъ о людяхъ, дабы показать тебѣ, какъ онъ, изображая величіе Ироевъ, вмѣстѣ съ ними возвышается. Онъ представляетъ, что внезапной туманъ и глубокая ночь остановили сраженіе Грековъ. Аяксъ, негодуя на то, возклицаетъ:

„О Боже! прогони отъ нашихъ мракъ очесъ,
И насъ карай, но лишь при свѣтлости небесъ.“

Вотъ подлинно достойныя Аякса чувствованія! Онъ не проситъ жизни; это унизило бы Ироя; но поелику въ густомъ мракѣ лишается случая оказать свою храбрость; то негодуя, что долженъ сраженіе на время отложить, проситъ какъ можно скорѣе возвратить свѣтъ, дабы получить ему совершенно достойную ироиства его кончину, хотя бы надлежало сражаться и съ самимъ Юпитеромъ. Въ семъ мѣстѣ Омиръ есть благо-

„Внезапно всталъ Нептунъ съ высокія горы,
Пошелъ, и тѣмъ потрясъ и *лѣса* и бугры;
Трикраты онъ ступилъ, четвертый шагъ достигнулъ
До мѣста, въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.“
Г. Державинъ въ своемъ *переходѣ чрезъ Альпійскія горы* говоритъ о Суворовѣ:
„На Галла сталъ ногой Суворовъ
„И горы треснули подъ нимъ.“ *прим. перев.*.

*) Изъ сего видно, что Лонгинъ не имѣлъ предъ глазами нашей Библіи, когда писалъ на сіи слова примѣчаніе; ибо всѣмъ извѣстно, что въ ней нѣтъ словъ: „да будетъ земля, и бысть земля.“ *прим. перев.*

пріятный для сражающихся вѣтръ и точно таковъ:

Какъ Марсъ съ сверкающимъ на брани копіемъ;
Иль какъ всежгущій огнь стремящійся по рощамъ;
Отъ гнѣва пѣнятся уста его. и проч.

Мартыновъ.

С. КРИТИКА.

1.) *Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе, въ двухъ частяхъ. — Москва, въ Университетской типографіи* 1789.

Сіе твореніе должно по справедливости возбудить вниманіе всѣхъ любящихъ Россійскую Литтературу.

Кому не извѣстна басня Кадма и Гармоніи или Герміоны, которую разсказываетъ Овидій? Но изъ сей басни Авторъ нашъ взялъ, такъ сказать, только одну *одежду* для своего творенія.

Философъ не-Поэтъ пишетъ моральныя диссертаціи, иногда весьма сухія; Поэтъ сопровождаетъ мораль свою плѣнительными образами, живитъ ее въ лицахъ, и производитъ болѣе дѣйствія. Такимъ образомъ сочинитель Кадма хотѣлъ въ привлекательной миѳологической одеждѣ сообщить свои нравоученія, политическія наставленія и понятія о разныхъ вещахъ, важныхъ для человѣчества; учитъ насъ, такъ сказать, непримѣтно, питая наше любопытство пріятнымъ повѣствованіемъ вещей чудесныхъ; — однимъ словомъ, онъ хотѣлъ написать намъ втораго Телемака.

Почтенный Авторъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что Кадмъ его есть не Поэма, а простая повѣсть; но когда повѣсть есть не исторія, а вымыселъ, то она, кажется, есть Поэма — Эпическая или нѣтъ, но все Поэма — стихами или прозою писанная, но все Поэма, которая по общепринятому понятію на другихъ языкахъ озна-

чаетъ всякое твореніе вообразительной силы. Такимъ образомъ Комедія, Романъ есть Поэма.

Теперь предложимъ кратко содержаніе. — Кадмъ, сынъ Царя Агенора Финикійскаго, ищетъ сестры своей Европы, похищенной Юпитеромъ; находитъ въ Критскомъ лавиринѳѣ Гармонію, дочь Марса и Венеры, женится на ней, по велѣнію Оракула заводитъ новое царство въ Беотіи, сперва царствуетъ со славою, потомъ развращается, изгоняется подданными, странствуетъ въ бѣдности съ добродѣтельною своею супругою Гармоніею, отвергаетъ новую корону, потомъ снова оскорбляетъ боговъ, разлучается съ Гармоніею, вдается въ сладострастіе, изправляется, находитъ Европу, но не сестру свою, а землю сего имени, и, слѣдуя волѣ боговъ, остается тамъ навсегда жить въ мирѣ среди Славянскаго народа, отправя царствовать въ Беотію сына своего. — Авторъ начинаетъ свое твореніе описаніемъ благополучнаго Кадмова царствованія; предшедшіе случаи его жизни разсказываются потомъ имъ самимъ, то есть Кадмомъ.

Въ семъ сочиненіи найдетъ читатель, кромѣ разсужденій, прекрасныя піитическія описанія, любопытныя завязки, *интересныя* положенія, чувства возвышенныя и трогательныя; слогъ же всегда пріятенъ и высокопаренъ безъ надутости. Въ доказательство сказаннаго нами, разкроемъ Кадма, и выпишемъ изъ него тѣ мѣста, которыя намъ въ глаза попадутся.

Открылась вторая книга. Кадмъ становится недостоинъ царствовать, и боги посылаютъ Ѳивамъ другаго Царя. Вотъ описаніе сего посланнаго:

Кадмъ зритъ нѣкоего мужа, съ лирою въ рукахъ грядущаго, священныя пѣсни возпѣвающаго, и великимъ числомъ народа сопровождаемаго. Чело его лавровымъ вѣнцемъ было увязенно, багряница рамена его покрывала; былъ онъ вида красиваго и величаваго; при каждомъ перстовъ его прикосновеніи ко златострунной лирѣ древеса и камни казались одушевленными и съ мѣстъ своихъ тронуться хотящими; птицы, тихимъ пареніемъ надъ нимъ извиваясь, крилами своими его главу пріосѣняли; дикіе звѣри, смягчивъ свою свирѣпость,

притекали лобызать ноги пѣснопѣвца; окруженный младыми Нимфами, несущими въ рукахъ жезлы, обвитые цвѣтами, и главы гроздіями покровенны имѣющими, шествовалъ онъ прямо ко граду; врата предъ нимъ отверзлись, и Ѳивяне свои колѣна предъ нимъ преклонили. Казалось, нѣкій богъ вступилъ въ Беотійскую столицу; но то не богъ былъ " — Прекрасная картина! истинная Поэзія! Здѣсь читатель жаждетъ узнать сего богоподобнаго мужа.

Перевернемъ еще нѣсколько листовъ, и послушаемъ разсужденіе о разныхъ образахъ правленія. Кадмъ говоритъ въ собраніи Ѳессалійскаго народа, обращаясь къ вельможамъ, хотящимъ установить Аристократическое правленіе.

„Мужи знаменитые, отцы и защитники Ѳессалійскаго народа! я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы не истинная къ вашему отечеству любовь побуждала васъ поработить царство ваше собственному вашему чиноначальству. Вы находите образъ такого правительства для васъ конечно удобнѣйшимъ и народу полезнѣйшимъ; но помыслите, о богобоязненные старцы и юноши! коль дивный истуканъ на Ѳессалійскомъ престолѣ соорудить вы дерзаете! Вы предпріемлете составить единый ликъ Царя изъ разныхъ членовъ вашего общества; уничтожая Царя, царскую силу и мощь изъ раздробленныхъ частицъ слепить вы покушаетесь: трудное и едваль возможное предпріятіе! Сліяніе разныхъ веществъ въ едину груду, рѣдко твердымъ и прочнымъ тѣломъ бываетъ. Но ежели вы уповаете обрѣсти между вами нѣкое число ни въ чемъ неразнящихся вельможей въ ихъ умоключеніяхъ, образы мыслей никогда другъ другу непротиворѣчащихъ, чувствъ, воли и желаній къ единой цѣли завсегда стремящихся; ежели вы сіи божественныя качества въ себѣ ощущаете, устройте правленіе чиноначальственное! Въ противномъ случаѣ вы многихъ мучителей, а не единодушныхъ отцевъ и защитниковъ народныхъ устроите."

При сихъ словахъ вельможи потупили очи свои, а народъ возопилъ: *Не хотимъ, не хотимъ чиноначальственнаго вельможей правленія! Да будетъ оно общенародное!* — Кадмъ, укротивъ возклицанія народныя, рѣчь свою простеръ тако: „Ежели немногое число избранныхъ вельможей вашихъ, о Ѳессалійцы! отечеству вредно: то какимъ злощастіемъ угрожается ваше царство, всѣмъ народомъ управляемое? Вы заключаете въ самомъ корнѣ вашего намѣренія великое зло, день отъ дня возрастать могущее, и всю Ѳессалію въ бездну погибели низверг-

нуть долженствующее. Кто ваше благоденствіе устроивать будетъ? Вы сами! — Какому суду поработиться чаете? Собственному своему! — Кто вами будетъ начальствовать, и кто начальникамъ вашимъ покоряться? Вы сами и начальниками и повинующимися быть долженствуете! — Странный образъ правительства! Но я изъясню мои мысли простыми ради васъ изреченіями. Вообразите, ежели бы земля наша, отвергнувъ солнечное сіяніе, сама себя освѣщать возхотѣла: въ какой бы мракъ она погрузилась? Ежели бы члены наши, отрекшись отъ назначеннаго Природою имъ долга, всѣ купно господствовать возхотѣли: долго ли бы тѣло наше въ цѣлости пребыть могло? Скоро бы оно разрушилось, а съ нимъ и члены его купно бы погибли. Каждое царство есть цѣлое тѣло, главу для управленія и прочіе члены для служенія имѣть долженствующее."

Выслушавъ рѣчь сію, народъ возопіялъ: *Законы, законы да управляютъ нами*! Тогда Кадмъ вѣщалъ: „Законы сами собою управлять и дѣйствовать не могутъ; мусикійскія орудія, сколь ни былы бы совершенно устроены, не въ рукахъ каждаго человѣка, но въ рукахъ изкуснаго играте я пріятные издаютъ гласы. Законамъ потребна дѣятельность; дѣятельность относится къ Судіямъ и народнымъ попечителямъ; попечителямъ и Судіямъ нужна глава, выше законовъ поставляемая, могущая охранять святость законовъ, наблюдать цѣломудріе Судей, общее благосостояніе, ненарушимость и единообразіе судопроизводства, а паче всего добро отъ зла, истину отъ коварства, тщательность отъ лѣности отличать могущая, и наконецъ вѣрность и заслуги въ отечествѣ награждать, а нерадивость пробуждать долженствующая. Сія-то глава есть Царь, самодержавствующій подданными. О Ѳессалійцы! почто не избираете Царя самодержавнаго, Царя, которой бы имѣя въ своихъ рукахъ вожди правленія, управлялъ народомъ по законамъ, изъ самаго естества и вашихъ склонностей предками вашими почерпнутымъ, или для вашего общаго блага вновь установляемымъ? Устроя ваше благо, мудрый Царь собственное сооружаетъ благо; разрушая общее, собственной гибели поспѣшествуетъ. Мы имѣемъ во всей вселенной нѣкій напечатлѣнный знакъ единоначальства. Проникните вашими мыслями во всю громаду сего міра: не единъ ли Зевсъ небомъ, землею и всѣми подчиненными ему божествами верховно управляетъ? Не единое ли солнце обращаетъ кругъ небесный съ его прочими свѣтилами? Не единую ли главу мы имѣемъ, члены наши въ стройномъ порядкѣ содержащую? — Вельможи и граждане! ежели боги ваши моимъ вѣщаютъ гласомъ, то совѣтую вамъ, отвергнувъ

всѣ роды другихъ правленій, избрать Царя, и вы паки благоденствовать будете.“ — Кто не почувствуетъ убѣдительности сихъ разсужденій?

Пѣснопѣвецъ, убѣленный временемъ, говоритъ вельможамъ Ѳессалійскимъ, подозрѣвающимъ, что онъ черезъ союзъ родства съ Царемъ хочетъ присвоить себѣ верховную власть. „Юность мою проводилъ я въ ученіи; зрѣлыя мои лѣта и старость мою посвятилъ я пѣснословію и славѣ боговъ моихъ, боговъ и знаменитыхъ Героевъ. Привыкъ я къ сему небесамъ любезному упражненію, и промѣняю ли нынѣ сіи увеселяющіе мои чувства восторги; сіе безмятежное, но благочестивое провожденіе дней моихъ промѣняю ли на саны и преимущества вельможескія, съ толикими безпокойствами и суетностями сопряженныя, коихъ и тѣни едины въ страхъ и сомнительства ввергаютъ? О нѣтъ, Ѳессалійскіе вельможи! не опасайтесь, дабы отъ Природы сотворенный пѣснопѣвецъ, славитель боговъ и героевъ, возгнушался влïянными ему дарованіями, и взалкалъ жаждою сіять паче на степеняхъ верховнаго сана, нежели сіять чрезъ многіе вѣки носящеюся о немъ славою! Такой пѣснопѣвецъ не былъ бы другомъ своихъ боговъ, или былъ бы онъ дерзкимъ похитителемъ сихъ священныхъ дарованій. Вамъ сладостны преимущества сана вашего, а мнѣ сладостна моя лира. Можетъ быть, не важно для васъ, о вельможи! мое пѣснопѣніе; можетъ быть, и дарованія мои въ моемъ только понятіи нѣкоторую цѣну составляютъ: но для меня они важны и неоцѣненны, ибо они блаженство моей жизни содѣлываютъ. Оставьте мнѣ мое малое жилище и убогіе мои вертограды, трудами моими пріобрѣтенные; оставьте, и не опасайтесь ни моего пѣснословія, ни алчности моей достигнуть высокихъ почестей въ Ѳессалійскомъ царствѣ.)“ — Вотъ языкъ Поэта, чувствующаго свою цѣну! Заглянемъ во вторую часть.“ Самгесъ, законный Египетской Царь, приближается съ Кадмомъ къ своему воинству, вдоль береговъ Меридова озера устроенному. Уже зримы имъ яко густый лѣсъ копія ополченныхъ ратниковъ; колеблющіяся знамена видимы, дивнаго Сфинкса изображающія, и дыханіемъ вѣтровъ развѣваемыя; ржаніе и топотъ коней далеко слышится.“ Краткое, но сильное описаніе — мастерская картина въ первыхъ чертахъ! — Тамъ слѣдуетъ подробнѣйшее описаніе воинства бунчуковщиковъ.

„Въ третій вечеръ шествія ихъ Кадмъ и воинство Египетское узрѣло Амазисово ополченіе, въ Гечеенской долинѣ разположенное. Густые пары, изъ блатной земли тамо изходящіе, яко облако, станъ его покрывали. Воинство его развратные мятежники Египетскіе и наемники составляли. Тамо видимы были Мадіамляне, жизнь свою при стадахъ провождающіе. Непривычные ко сраженіямъ, были они и въ ратоборствѣ неизкусны; но дерзновенны и неустрашимы; рамена ихъ покрыты овчею кудрявою шерстію; бритыя главы ихъ, опаленныя дубины, на ихъ раменахъ лежащія, и короткія копія, кои въ хищныхъ звѣрей съ ловкостію они метали, придавали угрюмымъ видамъ ихъ нѣкій ужасъ и отвратительную суровость. Не ненавистію движимы, но паче страшась нападенія на ихъ пажити отъ Амазиса, съ его общниками противу Египта они вооружились, и со множествомъ верблюдовъ притекли подъ ихъ знамена. Средину ополченія мятежническаго составляли Мамелюки, народъ дикій и кровожаждущій, одними грабежами и разбойничествомъ на разпутіяхъ питающійся. Сіи желѣзною бронею покровенны, имѣли длинные бердыши, острыя сабли и щиты крѣпкіе, кои на хребтахъ у нихъ висѣли. Кони ихъ борзы и къ оборотамъ пріученны. Ими начальствовалъ Фраморъ, Князь порожденія великановъ, рыцарь неустрашимый и жестокій. Онъ превышалъ своею главою всѣхъ его воиновъ; грабежъ и кровопролитіе составляли его утѣшеніе, а наглое убійство первое правило. Онъ совокупилъ свои разбойничьи полчища со Амазисомъ, алкая токмо Египетскихъ корыстей и сраженій. Лѣвое крыло воинства состояло изъ Амонитовъ, Моавлянъ, Ливійцевъ и другихъ народовъ, изъ ихъ жилищъ Іудеями изжененныхъ, и прибѣжища въ бѣдственномъ ихъ странствованіи всюду ищущихъ. Лишенны отечества, съ отчаянною лютостію на брань они дерзали." — Какія сильныя черты! Я вижу предъ собою угрюмыхъ Мадіамлянъ, и дикихъ, свирѣпыхъ Мамелюковъ; — вижу, зажимаю глаза и хвалю описателя.

Діафанъ, главной Египетской жрецъ, показавъ Кадму мѣсто погребенія добрыхъ Царей, ведетъ его на другую сторону Меридова озера.

„Уклонясь въ лѣво, грядутъ они между колючими тернами, и приближаются ко пещерѣ мрачной и каменистой. Тамо заключены были во гробницахъ, сѣдымъ мхомъ порощенныхъ, прахи Царей злочестивыхъ и священнаго погребенія всѣмъ Египтомъ отчужденныхъ. Никто не смѣлъ приближаться къ сему ужасному кладбищу; никто не дерзалъ приносить моленій о душахъ

сихъ мучителей, и никто не хотѣлъ о заслуженномъ ими осужденіи сѣтовать. Тамо ехидны вкругъ заржавленныхъ сосудовъ извивались, и ядовитыя скорпіи пресмыкались по онымъ. — Діафанъ, остановясь при входѣ въ пещеру, рекъ Кадму: Обрати очи твои ко десной странѣ, и тамо узришь погребательный сосудъ, хранящій въ себѣ прахъ злочестиваго Тифона, лютаго убійцы божественнаго Озирида; но священная Изида, мстя смерть Озиридову, огнемъ изтребила Тифона, сего врага боговъ и человѣковъ, и память его предана вѣчному проклятію. Зри, коль страшныя зміи желѣзный сосудъ сей облегаютъ! Онѣ, мнится, изрыгаютъ ядъ и пламень, да не отважится никто приступить къ сему гнусному праху, коимъ онѣ питаются." — Удалимся и мы съ читателемъ отъ сего ужаснаго мѣста и поищемъ чего нибудь нѣжнѣйшаго.

Кадмъ съ Гармоніею видятъ своего сына, не зная того. „Едва прешли они едино поприще, густыми тѣнями вѣтвистыхъ древесъ осѣняемое, увидѣли внедалекѣ отъ себя краснаго отрока, тонкія сѣти на уловленіе птицъ разставляющаго; бѣлые власы его, яко чистая волна, по раменамъ простирались; ланиты разпускающимся розамъ подобны зрѣлися; за плечами висѣлъ у него тулъ со стрѣлами, и малый лукъ по бедрѣ его двигался. Кадмъ и Гармонія чаяли зрѣть Эрота, Афродитина сына. Взоръ ихъ плѣняется красотою отрока сего; сердца ихъ трепещутъ. Они приближаются къ нему; вопрошаютъ его: кто онъ есть? сынъ ли небесъ, или сынъ человѣческій? Отрокъ взираетъ на нихъ внимательно, не страшится ихъ и не удаляется. Онъ съ пріятною усмѣшкою отвѣчаетъ имъ: Не есмь сынъ небесъ, но сынъ человѣческій; четыре лѣта въ сей дубровѣ съ моимъ отцемъ обитаю; рѣдко странниковъ мы видаемъ; я провождаю мое время въ ловлѣ птицъ и въ стрѣляніи малыхъ звѣрей, вредныхъ нашему вертограду. — Но какая страна сія? вопросилъ Кадмъ отрока, коего сердце его уже возлюбило. Гармонія, не отъемля очей отъ него, вопрошаетъ о его имени, и лицезрѣніемъ его утѣшается." — Прекрасно описаніе отрока; прекрасно описаніе темныхъ чувствъ родительской любви. Имъ еще неизвѣстно, что онъ ихъ сынъ, но они уже любятъ его. Не знаю, кто здѣсь не тронется, кто не почувствуетъ красоты сего мѣста; но знаю, что тотъ не имѣетъ чувства ни къ красотамъ Натуры, ни къ красотамъ Поэзіи.

„Славный въ цѣломъ мірѣ прорицатель, слѣпый Ти-

Из библіотеки
К. Я. Голейзовскаго

резіясъ, два вѣка человѣческіе уже преживый, шествовалъ изъ верхней Азіи въ Колхиду, и посѣтивъ гостепріимныхъ Славянъ, возвѣстилъ имъ между многими частными прорицаніями о ихъ потомствѣ, что они въ грядущія времена на сѣверѣ усилятся, пріобрѣтутъ громкую въ мірѣ славу, прострутъ свои побѣды отъ моря полунощнаго до водъ полуденныхъ, и нарекутся, подъ державою мудраго, кроткаго и человѣколюбиваго правленія, народомъ щастливымъ, сильнымъ и просвѣщеннымъ." — Кто изъ Россіянъ будетъ читать сіе безъ удовольствія?

Довольно. Изъ сихъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что Кадмъ есть твореніе, достойное всего вниманія читателей.

Но говорятъ, что нѣтъ сочиненія во всемъ совершеннаго. Естьли такъ, то и въ Кадмѣ должны быть несовершенства, или ошибки, или неисправности. Рецензентъ, читая Кадма, при многихъ мѣстахъ, думалъ: *это слишкомъ отзывается новизною*; *это противно духу тѣхъ временъ, изъ которыхъ взята басня*. Однакожъ, вообразивъ себѣ всю трудность писать нынѣ такъ, какъ писывали древніе, столь отдаленные отъ насъ по образу жизни, образу мыслей и чувствованій, согласился онъ самъ съ собою не почитать сихъ *знаковъ новизны* за несовершенство сочиненія, имѣющаго цѣль моральную. Кто не знаетъ Телемака Гомерова и Телемака Фенелонова? Кто не чувствуетъ великой разности между ими? Возьми какого нибудь пастуха — Швейцарскаго и Русскаго, все одно; одѣнь его въ Греческое платье, и назови его сыномъ Царя Итакскаго: онъ будетъ ближе къ Гомерову Телемаку, нежели чадо Фенелонова воображенія, которое есть не что иное, какъ идеальной образъ Царевича Французскаго, ведомаго не Греческою Минервою, а Французскою философіею. Попадаются въ Кадмѣ мысли и выраженія, которыя кажутся не совсѣмъ справедливыми. Такъ наприм. говоритъ Авторъ: „Таковыя помышленія яко мрачное облако составлялись въ Кадмовомъ воображеніи, *и зараждая въ немъ сѣмена самолюбія, источникъ гордости на сердцѣ его начертавали*." Но не поздно ли уже зараж-

дашься въ человѣкѣ сѣменамъ самолюбія, когда онъ родится съ онымъ? Говоря фигурнѣе, можно сказать, что онъ родится съ сѣменами его. — Выраженіе, *начертавать источникъ*, останавливаетъ читателя. — Найдешь еще нѣсколько словъ, къ которымъ наше ухо не привыкло; наприм. *умоключенія* вмѣсто мыслей и разсужденій; *понурность* вмѣсто ската или свѣса, и нѣкоторыя слова во множественномъ, которыя мы обыкновенно употребляемъ только въ единственномъ; какъ-то. *поведенія*, *роскоши*, и проч. Но не будемъ искать бездѣльныхъ ошибокъ — естьли это и подлинно ошибки — въ такомъ сочиненіи, которое наполнено красотами разнаго рода. Одинъ Англійскій Поэтъ сказалъ, что погрѣшности въ сочиненіи подобны соломѣ, плавающей сверхъ воды, а красоты перламъ, лежащимъ на днѣ. И такъ мало чести пріобрѣтетъ себѣ тотъ, кто будетъ всегда собирать первыя.

Кадмъ будетъ жить съ Россіядою и Владиміромъ.

Карамзинъ.

II) Сочиненія и переводы Ивана Дмитріева; съ эпиграфомъ: Il veut le souvenir de ceux qu'il a cheri.

Кто не знаетъ Русскаго ла-Фонтена? кто не читалъ книги его подъ скромнымъ названіемъ Бездѣлокъ?.. Нынѣ та же книга напечатана съ прибавленіемъ новыхъ піэсъ.

Господинъ Дмитріевъ занимался *не однимъ* родомъ стихотворства: Лирическія сочиненія и Басни, Эпиграммы и Мадригалы, Каррикатуры и Элегіи, Пѣсни и Эпитафіи, Надписи и Сказки — равно были предметами его упражненія. Должно ли сожалѣть, что онъ, въ теченіе десяти, или пятнадцати лѣтъ Авторской жизни своей, подарилъ читателямъ не болѣе двухъ сотъ пятидесяти маленькихъ страницъ? Толстыя книги, подобно толстымъ людямъ, рѣдко бываютъ долговѣчны. Любимецъ Музъ теряетъ много времени,

устремляя взоръ на вѣнокъ безсмертія, которой онѣ ему плетутъ.

Разноцвѣтная живопись, вѣрное подражаніе натурѣ, гармонія стиховъ, обиліе въ мысляхъ, строгой вкусъ, легкія пріятности и благородная простота — составляютъ главныя достоинства Поэзіи Г. Дмитріева. Онъ прославился баснями и сказками; но его лирическія сочиненія дѣлаютъ ему столько же чести: по крайней мѣрѣ мы такъ думаемъ. Чтобъ цѣнить сего любезнаго Стихотворца по достоинству, надобно чувствовать преодолѣнныя трудности, видѣть, какъ онъ старался укрывать ихъ подъ *колоритомъ* легкости; надобно *угадывать* мѣста, которыя подъ другимъ перомъ вышли бы хуже, и различать *прекрасное*, созданное изкусствомъ и талантомъ, отъ *хорошаго*, которое можетъ произвести всякой умной человѣкъ со вкусомъ. Для изъясненія сего возьмемъ примѣръ изъ сказки его: *Модная жена.*

(Мужъ неожидаемо возвращается домой).

Фиделька рѣзвая, ея (*) надежный другъ,
Которая лежала
Свернувшися клубкомъ
На солнышкѣ передъ окномъ,
Вдругъ взтрепенулася, вскочила, побѣжала
Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
Приставила ушко, потомъ толкъ лапой въ дверь,
Ушла, и возвратилась съ лаемъ.

Здѣсь *живая Натура*! здѣсь краткость описанія и даже звукъ рѣчей выражаетъ дѣйствіе, точно какъ извѣстной стихъ: et le moment où je parle est déjà loin de moi, выражаетъ скорость улетающаго времени. Такихъ мастерскихъ стиховъ у нашего Поэта очень много, но ихъ почувствуютъ единственно знающіе изкусство.

Вотъ еще примѣръ музыки словъ:

(изъ басни: Дубъ и Трость.)

. Вдругъ завыла
Отъ Сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ — все рушитъ и валитъ;

(*) Модной жены.

Летитъ, кружится листъ, тростъ гнется, дубъ стоитъ.
Вѣтръ пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи, —
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ....
Упалъ.

Въ сказкѣ *Причудница* есть одно мѣсто, которымъ знатоки возхищались. Вѣтрана была перенесена волшебною силою въ поднебесный міръ, гдѣ она двои сутки наслаждалась райскими удовольствіями:

Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная *Вѣтрана*
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ. —
И гдѣ-жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!

Описаніе ночныхъ ужасовъ въ этомъ лѣсу такъ прекрасно, такъ забавно, что, надѣемся, всякой прочтетъ его съ удовольствіемъ:

Ночь адская была: ни звѣзды, ни луна,
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка зарываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ,
И ждать, когда луны забрезжетъ блѣдный свѣтъ?
Но это часъ воровъ! И такъ она рѣшилась
Не мѣшкая идти; и такъ перекрестилась,
Вздохнула, и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ ногою,
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ *куку*!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ за деревьевъ роги;
То слышится *ау*, то взпыхнулъ огонёкъ,
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенёкъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,

То вой волковъ, то конской топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то изпыталъ,
Когда мои стихи въ журналы посылалъ.

Для пользы нашей Литтературы надлежало бы разсмотрѣть всѣ лучшія піесы Г. Дмитріева, каждую особливо. Но люди, которые пишутъ на срокъ, и въ теченіе года обязаны говорить по крайней мѣрѣ о шестидесяти книгахъ, могутъ ли долго останавливаться на одной изъ нихъ? Сверхъ того и предѣлы сего Журнала (*) не дозволяютъ ученыхъ диссертацій. Любителей критики не много; а прочіе будутъ недовольны, естьли наполнитъ книжку содержаніемъ такого рода. Выпишемъ, однакожъ, нѣсколько стиховъ изъ *Ермака* — лирическаго сочиненія, которое мы почитаемъ лучщимъ.

Начало содержитъ картину, писанную рукою самой Поэзіи. За тѣмъ слѣдуетъ бой Ермака съ братомъ Царя Сибирскаго.

Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ,
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ;
Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплетъ потъ какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце страшно бьется
И ребра обоихъ трещатъ.
То сей, то оный на бокъ гнется,
Крутятся, и.... Ермакъ сломилъ.

Кажется, видишь своими глазами, какъ мускулы единоборцевъ напрягаются, какъ жилы ихъ вытягиваются! слышишь, какъ *ребра ихъ трещатъ*!... И нѣтъ иперболъ! по крайней мѣрѣ онѣ такъ изкусно употреблены, что едва примѣтны; все естественно, возможно! — Пропустимъ нѣсколько *хорошаго*, чтобы скорѣе предложить *лучшее*. Авторъ говоритъ, обращаясь къ Ермаку:

(*) *Московскаго Меркурія*, въ которомъ была помѣщена сія критика. *Издат.*

Но будь утѣшенъ ты, Герой!
Парящій стихотворства геній
Всякъ день съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ
И сладку пѣснь гласитъ надъ нимъ:
„Великій! гдѣбъ ты ни родился;
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотябъ изчезъ твой самый прахъ,
Хотябъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ,
И жили съ алчными волками.
Но ты, великій человѣкъ!
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И время на косу падетъ.“

Тѣмъ кончилась піэса. Не льзя было прибавить ни двухъ стиховъ: нѣкому и нѣгдѣ писать: громада вселенной рушилась; едвали и хаосъ существуетъ. Жалѣемъ о читателѣ, который съ холоднокровіемъ скажетъ: *это прекрасно*. По нашему, это выше *прекраснаго*; это самое то, что Французы называютъ sublime. — Замѣтимъ еще два мѣста, которыя хотя не всякому *бросятся въ глаза*, однакожъ доказываютъ піитическій духъ Автора. Разговариваютъ два Шамана:

Младый.

Сбылось пророчество ужасно!
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!....
Но что! уже ли стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ....

Старецъ.

Вѣчный! вѣчный!

Что бы почувствовать это слово *вѣчный*, надобно заглянуть въ книгу — *Вѣчный! вѣчный!* Такъ говоритъ отчаяніе; оно не изливается многорѣчіемъ. Но такъ пишетъ единственно тотъ,

кто не выпускаетъ сердца человѣческаго изъ виду.

. Мы не знаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! онъ вепремъ попираемъ,
Или Остякъ по немъ бѣжитъ.

Другой кончилъ бы — нашъ Поэтъ — отъ того, что онъ *Поэтъ* — отъ того, что картины невольно рисуются въ его воображеніи — прибавляетъ еще:

За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

И въ прочихъ лирическихъ сочиненіяхъ Г-на Дмитріева есть много хорошаго. *Гласъ Патріота* кончается такимъ образомъ:

Речешь: — и двигнется полсвѣта!
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ,
Башкирецъ съ мѣткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ,
Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами
И прахъ подымутъ до небесъ!
Твой Россъ весь міръ дрожать заставитъ;
Наполнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
И тамъ столпы свои поставитъ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ.

Осталось выписать примѣръ той любезной простоты, по которой Господина Дмитріева уподобляютъ ла-Фонтену:

Горлица и Прохожій.

Прох. Что такъ печально ты воркуешь на кусточкѣ?
Горл. Тоскую по моемъ дружечкѣ.
Прох. Неужель онъ тебѣ невѣрный измѣнилъ?
Горл. Ахъ! нѣтъ, стрѣлокъ его убилъ.
Прох. Нещастная! страшись и ты его руки.
Горл. Что нужды! вѣдь умружъ съ тоски.

Надлежало бы еще показать читателямъ нѣкоторыя *сентенціи*; но время не дозволяетъ намъ выбирать ихъ. Слѣдующія двѣ попались нечаянно:

„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ!
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ."
(*Часть* 1 *стр*. 87.)

„Веселье веселитъ, когда его дѣлишь."
(*Часть* 2 *стр*. 41.)

Мы, незнакомые съ Аполлономъ, и слѣдственно чужестранцы на высотахъ Парнасскихъ; мы понимающіе *языкъ боговъ* единственно въ такомъ случаѣ, когда онъ не удаляется отъ *общаго разсудка* людей — имѣемъ особливое почтеніе къ стихотвореніямъ Г. Дмитріева за то, что они, будучи переложены въ прозу, не лишились бы красотъ своихъ (опытъ, которой не многія сочиненія выдержатъ! доказательство, что нѣтъ пустаго набора словъ для замѣны мыслей, для риѳмы или мѣры!); любимъ Автора, которой показываетъ много остроумія, не гоняясь за остроуміемъ, а похищаетъ похвалу, не выставляя требованій на похвалу. — Есть у него по мѣстамъ стихи нѣсколько слабые, и даже грамматическія ошибки (три, или четыре, притомъ весьма неважныя); но мы оставимъ ихъ безъ замѣчанія: наша Критика не для Авторовъ и Переводчиковъ, а единственно въ *пользу тѣхъ любителей чтенія, которые для выбора книгъ не имѣютъ другаго руководства, кромѣ газетныхъ объявленій.* — Заключимъ сію рецензію слѣдующимъ мнѣніемъ:

Г. *Дмитріевъ неоспоримо принадлежитъ къ маленькому числу нашихъ первокласныхъ Поэтовъ; а по Баснямъ и Сказкамъ онъ между ими первой. — Имя его останется всегда украшеніемъ Россійскаго Парнасса.*

Макаровъ.

III. РАЗСМОТРѢНІЕ

Рѣчи, говоренной Георгіемъ, Архіепископомъ Могилевскимъ. (*)

Оставимъ Астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше солнце вкругъ насъ ходитъ. Какое важное и великолѣпное начало! достойное толь великой Монархини и купно чадолюбивой матери, каковую Россія созерцала въ Екатеринѣ Второй. По истинѣ была она для ней сіе прекрасное, лучезарное, благотворящее всей природѣ свѣтило. И такъ, при таковомъ разположеніи чувствъ народныхъ, единое изреченіе: *наше солнце* наполняетъ уже сердца слушателей сладкимъ восторгомъ и благоговѣніемъ къ Той, Которая дѣйствительно въ сіе время, подобно солнцу, обтекающему міръ, путешествуя, обтекала Россію. Но изкусный проповѣдникъ не удовольствовался изображеніемъ одного Ея великолѣпія, возбужденіемъ одного въ душѣ моей благоговѣнія; нѣтъ, онъ въ тожъ самое время возбуждаетъ еще благодарность и любовь мою къ Ней, сказавъ: *и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ.* По томъ обращаясь къ ней говоритъ: *изходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего.* Какъ пристойно помѣщены здѣсь сіи взятыя изъ священнаго писанія слова! Женихъ изходитъ изъ чертога своего украшенъ, благозраченъ, веселъ: такъ и она представляется мнѣ блистающею лучами славы, изходящею изъ великолѣпныхъ храминъ своихъ, осклабляющеюся лицемъ во утѣшеніе предстоящимъ окрестъ ея народамъ. *Радуйся яко исполинъ тещи путь.* Какъ кратко и сильно сіе выраженіе! Одинъ Славянскій языкъ удобенъ въ толь немногихъ словахъ соумѣщать такое богатство мыслей. Выраженіе сіе значитъ: „имѣя

(*) На случай прибытія Екатерины II въ Мстиславль. Рѣчь сія помѣщена ниже, въ своемъ мѣстѣ. *Изд.*

въ себѣ духъ и силы, однимъ великимъ мужамъ свойственныя, имѣя въ себѣ душу, любящую благодѣтельствовать роду смертныхъ; ты съ радостію, съ веселіемъ устремляешься на всякій подвигъ; чѣмъ больше предлежитъ трудъ, тѣмъ сильнѣе возгараешься ты желаніемъ предпріять оный для блага народнаго." *Отъ края моря Балтійскаго до края Эвксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется.* — Мы нынѣ охотнѣе говоримъ *укроется.* Чего укроется? *благодѣтельныя теплоты твоея.* Прекрасно! холодъ всю природу умерщвляетъ, холодъ есть образъ жестокости. Теплота напротивъ, солнечная, благотворная теплота всякое существо, всякую травку согрѣваетъ, оживляетъ, питаетъ. Теплота есть образъ милосердія: слово сіе весьма здѣсь прилично: *И не негорькими хожденіями твоими сидимъ сладко.* Двѣ отрицательныя частицы дѣлаютъ здѣсь красоту. Скажемъ и не *совсѣмъ* или *не вовся горькими*, хуже. Отнимемъ ихъ, выйдетъ: *и горькими хожденіями* — не хорошо! слишкомъ много сказано; положена чрезъ мѣру яркая, досаждающая взору краска; надлежитъ пристойною тѣнію смягчить оную, надлежитъ сказать: *и не негорькими хожденіями твоими.* — Но что такое *хожденія?* труды, подвиги, бдѣнія, попеченія, смѣшанныя съ нѣкоторыми отдохновеніями, особливо же съ удовольствіемъ видѣть народъ свой благоденствующимъ. Сими-то *не негорькими ея хожденіями* пребываемъ мы въ противномъ тому состояніи: *сидимъ сладко.* Гдѣ? *всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею.* То есть въ дому своемъ, посредѣ семейства своего, подъ кровомъ безопасности, въ тѣни изобилія и спокойства, питаясь отъ собираемыхъ рукою трудолюбія въ мирѣ и тишинѣ плодовъ земныхъ. *Яко же Израиль во дни Соломона.* То есть: какъ народъ Израильскій во времена премудрѣйшаго изъ царей. *Однако солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, амо же теченіе твое.* Какое чувствительное и нѣжное изъявленіе люб-

ви и усердія! можетъ ли что быть естественнѣе и приличнѣе сего уподобленія? Извѣстно, что цвѣтокъ, называемый солнечникомъ или подсолнечникомъ, обращаетъ всегда лице свое въ ту страну, гдѣ солнце, такъ какъ бы имѣя смыслъ и зрѣніе, любовался имъ и не хотѣлъ ни на минуту выпустить его изъ глазъ своихъ. Таковыми и насъ дѣлаетъ проповѣдникъ, вѣщая, что мы, хотя сидя на мѣстѣ и не слѣдуемъ за сею Великою Путешественницею, однако же и очи и сердца наши туда обращаемъ, гдѣ видимъ, или слышимъ быть наше лучезарное солнце, возлюбленную нашу Владычицу. *Тецы убо, о солнце наше! спѣшно; тецы исполиными стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ.* Весьма хорошо; но послушаемъ, какой послѣ сего прекраснаго взыванія удивительный слѣдуетъ оборотъ: *Къ западу только жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая, къ небу возопіемъ: стой солнце и не движись, дондеже вся, великимъ твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши.* Вотъ что называется превыспреннимъ въ словесности изреченіемъ, о которомъ Лонгинъ говоритъ, что оно внезапу, какъ молнія, поражаетъ души наши, и производитъ въ нихъ чувствованія восторга и удивленія. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь *стой солнце* есть такое превыспреннее выраженіе, которому едва ли не уступятъ славныя Корнелевы moi (*) и qu'il mourût (**). Ѳеофанъ, при погребеніи ПЕТРА Великаго, началъ проповѣдь свою сими словами: *что слышимъ? что видимъ, о Россіяне? Петра Великаго погребаемъ!* Съ произношеніемъ послѣдняго изъ сихъ словъ самъ онъ не могъ удержаться отъ рыданія, и все, что ни было въ церкви, вмѣстѣ съ нимъ горько зарыдало: толико то важность обстоятельствъ дѣлаетъ сильнымъ приличествующее онымъ слово.

(*) Médée, Tragédie de P. Corneille. Acte I Scène V.
(**) Horace, Tragédie du même Auteur. Acte III Scène VI.

Здѣсь въ Георгіевой рѣчи тожъ примѣчаемъ; тожъ сила обстоятельствъ съ силою краснорѣчія соединяется. Когда я представляю себѣ знаменитаго первосвященника сего во храмѣ, въ облаченіи, предъ лицемъ вельможъ и народа, простирающаго слово свое къ премудрѣйшей, человѣколюбивѣйшей, величайшей изъ вѣнценосныхъ главъ; когда онъ уже и безъ того давно дышущія къ Ней усердіемъ сердца, изкусствомъ велерѣчивыхъ словъ своихъ еще болѣе возпламенилъ, такъ что они въ сіе время ничего кромѣ славы Ея не видятъ, ничего кромѣ блаженства своего и любви къ Ней не чувствуютъ; когда, говорю, онъ, доведя ихъ до сего сладкаго очарованія, вдругъ мысль свою на противное обращаетъ, и какъ бы пораженный страхомъ, чтобъ текущее къ западу солнце сіе, отрада и утѣшеніе человѣчеству, опустясь въ воды, вселенную не погрузило въ вѣчную тьму, съ ужасомъ возопіетъ: *стой солнце и не движись:* тогда вподлинну сердце мое, трепетомъ и радостію колеблемое, содрогается и чаетъ внимать превысшему смертныхъ существу, повелительнымъ гласомъ своимъ теченіе природы останавливающему!

Шишковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РѢЧИ.

А. Духовныя.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Подлинники.

I. СЛОВО ПРИВѢТСТВИТЕЛЬНОЕ (*).

Благодарствуй велегласной и радостной вѣсти, богоспасаемый граде Кіеве, яко возвеселивши тебе возвѣщеніемъ пришествія Пресвѣтлаго Монарха нашего, не солга, яко же обыче. Се обѣщаніе ея изполнися. Се очима зриши, Его же умомъ токмо разсматрѣвалъ еси. Се лономъ объемлеши, Его же въ сердцѣ носилъ еси. Коею убо трубою на приходъ Его лучше возгласити приличествуетъ, аще не ею же гласитъ Псаломникъ на приходъ самаго Царя славы: *Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ.* Сугубое пѣнія сего приличіе: Царь пріиде, иже между толь многими Царями земными единъ Христу истиною послѣдуетъ, единъ не токмо лучами величества, но и свѣтомъ Православія сіяетъ: а пріиде во градъ, егоже святыхъ ради и чудодѣйственныхъ мѣстъ обычно есть вторымъ Іерусалимомъ нарицати. *Сынове убо Сіони* и проч. Наше се есть пѣніе, намъ нынѣ свойственное; да гласится сіе во вратѣхъ градскихъ: да слышано будетъ по стѣнамъ, по домамъ, по стогнамъ; да поютъ сіе церкви; да дадятъ гласъ горы; наипаче же да возпѣваетъ сія престольная церковь Премудрости Божія. Яко

(*) На прибытіе въ Кіевъ ПЕТРА Великаго, проповѣданное Іюля 5 дня 1706 года.

же бо, когда радуется человѣкъ, и очи, и уста, и руцѣ, и нозѣ, и вси прочіи члены являютъ на себѣ нѣкое веселіе, обаче наибольшее движеніе радости въ сердцѣ обитаетъ: тако аще и весь градъ сей изполняетъ нынѣшняя радость, обаче на семъ мѣстѣ, аки въ сердцѣ градскомъ, множае изобилуетъ. Здѣ убо пріими отъ всѣхъ торжественное привѣтствіе, желаемый гостю, вина веселія нашего, всея Россіи Царю и Повелителю. Толикаго же и всѣмъ общаго утѣшенія не требѣ бы здѣ изчисляти вины, вѣси бо самъ, и ни кому же нетайныя суть; обаче самая радость не попущаетъ молчати. Вѣстно и явно всѣмъ есть, яко въ той часъ радуемся, когда нѣчто желаемое получаемъ, и по мѣрѣ желанія, такожде и радость малая и великая бываетъ. Сердце бо человѣческое, егда нѣкоей вещи желаетъ и ищетъ, въ той часъ аки бы въ пути шествуетъ, или въ морѣ плаваетъ: егда же обрѣтаетъ искомое, тогда аки во пристанище или намѣренное мѣсто достигши, веселится. Яко же убо вельми пріятный покой по трудномъ пути, и вельми радостная пристань по долгоплаваніи: тако аще получаемъ нѣчто, его же великимъ и долговременнымъ искахомъ желаніемъ, вельми радуемся. Кто жъ изрещи возможетъ желаніе, которымъ долго желаше зрѣти нынѣшняго гостя градъ и Церковь Кіевская? Коль стужательное вожделѣніе было видѣти того, Его же иногда преславный родъ на семъ мѣстѣ долго престолъ княженія содержали! Видѣти того, Его же праотцы здѣ погребены суть, и отъ нихъ мнози чудодѣйствіями сіяютъ! Видѣти того, отъ Его же родоначальниковъ многая святая зданія воздвиженная видимъ! Сія вся коликимъ желаніемъ ко зрѣнію Твоему разжизаху сердца наша! И что глаголю о сихъ? Безъ всего того само собою кому невожделѣнно есть лице Царское? Что о солнцѣ Анаксагоръ Философъ, то я глаголю о Царскомъ зрѣніи. Учаше той древній любомудрецъ, аки бы человѣкъ тоей ради вины созданъ былъ, дабы смотрѣлъ на солнце: тако солнечному свѣтилу удивляшеся! Но поистинѣ

аки природное всѣмъ желаніе есть Царя видѣти; вси вся оставльше на пришествіе Царское спѣшатъ: и аще кто видѣлъ, щастіемъ своимъ зоветъ, въ благополучіе себѣ вмѣняетъ и тѣмъ вельми хвалится, яко Царя видѣлъ. Кое же было желаніе Кіеву узрѣти Царя своего, и Царя того, Его же рода единою памятію зѣло защищается; и кое стуженіе сущему отечеству Царскаго любимаго его зрѣнія не получити?

Правда то, яко Ты, Пресвѣтлый Монархо Нашъ, и прежде пришествія твоего присутствовалъ еси здѣ, и всегда обитаеши. Обитаеши на судѣхъ правдою, обитаеши въ церквахъ поминаніемъ Твоимъ, обитаеши въ монастырехъ Твоими милостынями, обитаеши во всемъ градѣ державою, обитаеши во всѣхъ мысляхъ славою, во всѣхъ сердцахъ любовію; но сіе мысленное обитаніе и присутствіе большее еще въ насъ разжизаше вожделѣніе, еже бы и тѣлеснымъ твоимъ присутствіемъ возрадоватися. Кая убо днесь сладость по толикой жаждѣ, егда Егоже толь зѣльнымъ, и толь долгимъ ожиданіемъ искахомъ, Того уже надъ все достоинство наше радостно обрѣтаемъ, видимъ, привѣтствуемъ?

Не единымъ нынѣ веселіемъ веселится градъ нашъ: приводитъ себѣ въ память первое блаженство свое: въ Тебѣ Отчичѣ и Наслѣдникѣ мнится видѣти вся владычествованія, въ Тебѣ отцы и праотцы Твоя. И колико радуется хваляся предъ Тобою ихъ памятьми, гробами, и зданіями, сіесть своимъ и Твоимъ сокровищемъ, яже аки общее съ Тобою сокровище имѣетъ Россія. Воистину, Пресвѣтлый Нашъ Монархо! горы сія, аще бы глаголати возмогли, хвалили бы ся предъ Тобою древними Вашими благочестія знаменіями. Гдѣ бо здѣ и ступати можеши, идѣже бы не узрѣлъ еси родства Твоего слѣдовъ? Мимо шелъ еси церковь Богородичну Десятинную прозываемую; то зданіе есть Благочестиваго и Великаго Князя, родоначальника Твоего Владиміра, и Святаго Его тѣлесе сокровище. Храмъ сей, въ немъ же стоиши, отъ Ярослава созданный есть, и Его тѣло погре-

бенное въ себѣ крыетъ. Пойдеши ли во Обитель во Святую и Чудотворную Лавру Печерскую? тую созда Великій Князь Святославъ. Пойдеши ли въ монастырь Выдубицкій? той воздвигнулъ Великій Князь Всеволодъ. Пойдеши въ церковь Святаго Михаила Архангела? тую воздвиже Святополкъ, и неоцѣненнымъ сокровищемъ тѣломъ Мученическимъ обогати. Пойдеши въ домъ Троицкій Кириловскій? то зданіе Княжны Кіевской Королевы Польской Маріи Всеволодовны. Пойдеши на Вышъ-градъ? тутъ Борисъ и Глѣбъ почиваютъ. Пойдеши во Обитель Межигорскую, ту иждивеніе Великаго Князя Боголюбскаго. Что подробну изчисляти дерзаю? Воззри на вся страны Кіевскія: все то есть Царскаго Вашего благородія и пресловутыхъ Его памятей, аки единая сосудовъ хранительница. Но не память только и не самую кровь видитъ въ Тебѣ Кіевъ помянутыхъ отецъ Твоихъ: видитъ и познаваетъ въ Тебѣ добродѣтели ихъ, и нравы и обычаи. Видитъ побѣды и ревность Владимірову. Той многіи народы мечемъ плѣнилъ, и Россію Евангеліемъ просвѣтилъ: Ты многіи грады Отеческіи отъ ига Оттоманскаго и отъ узъ еретическихъ мечемъ свободилъ еси. Видитъ любомудріе Ярославово. Той Писанія Божественная и инныя многія книги отъ языка Еллинскаго на Славенскій преведе: Ты Академію въ царственномъ Твоемъ градѣ воздвиглъ еси, и вездѣ людьми учительными разширяти мудрость не престаеши. Видитъ въ Тебѣ градъ нашъ Святославово благочестіе. Той основаніе Церкви Печерской рукама своима не устыдился копати: ктожъ своима очима и Тебе въ подобныхъ дѣлѣхъ не токмо безъ срама, но и съ радостію трудившася не видѣ? Видитъ и инныхъ Праотецъ многихъ, ихъ же не токмо кровію Наслѣдникъ еси, но и любленіемъ Вѣры истинныя и благолѣпія церковнаго, аки не инныя, но тыяжде добродѣтели въ Тебѣ оживилъ еси. Когдаже возпомянемъ любовное Ваше и согласное Царствованіе Блаженныя памяти со Іоанномъ, Братомъ Твоимъ, не видимъ ли въ Тебѣ братолюбія Святыхъ Страстотерп-

цевъ, Романа и Давида? Се есть истинное наслѣдіе, тако доброму родству подобствовати, яко видимъ во древесѣхъ и цвѣтѣхъ избранныхъ, которыи не токмо видомъ послѣдуютъ роду своему; но доброплодіемъ; не токмо лицемъ, но и благолѣпіемъ подобны суть.

Сіи толь многіи и пресвѣтлыи позоры не довлѣютъ ли къ великой радости града и Церкви Кіевской? Довлѣютъ воистину. Но множайшіи паче суть, неже довлѣютъ; ибо и Пресвѣтлому Нашему Монарху не довлѣетъ вся славная Праотецъ своихъ на Себѣ изобразовати: но еще своими безприкладными похвалами умножаетъ славу Царскую. Мнози имѣютъ иніи славу отческую, но своими дѣлами не умножаютъ. Мнози иніи имѣютъ славу свою своими дѣлами рожденную: но отъ отецъ не пріяша. Нашъ же Повелитель есть воистину великое блаженство Царства Россійскаго: нашъ Пресвѣтлый Монархъ обоя величія совокупи. Пріятъ отъ корене своего цвѣтъ великаго имене и другій отъ дѣлъ своихъ изпускаетъ; обоя же толикая суть, яко и единому безъ другаго къ вѣчному прославленію довлѣти возможно. Кому убо нѣсть вѣдомо, яко сугубое Царемъ дѣло предлежитъ: правити Царскимъ Скипетромъ и оружіемъ прогоняти враги Царствія? Сія тако согласуютъ въ Монархѣ Нашемъ, яко лѣть есть познавати, что знаменуетъ Царскій Его сугубоглавный Орелъ. Не сугубой ли знаменіемъ силы его сіяетъ, правды и смотрѣнія въ правленіи отечества, и непреодолѣннаго мужества во брани?

Правосудіе толикое есть, яко на престолѣ Россійскомъ не человѣкъ, но самая правда сидѣти мнится. Кто нынѣ боится смерти, или раны, защиту имѣя неподвижную? Кто немощенъ и убогъ сый, трепещетъ сильныхъ крѣпости, или богатыхъ наважденія? Кому аще и худѣйшему страшно есть и ужасно благородіе, преуспѣваніе или достоинство? Не много воистину въ иныхъ народѣхъ и Государствахъ такихъ прикладовъ обрящеши, якіе въ Отечествѣ нашемъ ви-

димъ нынѣ: видимъ различіе людей въ одеждахъ, въ домовыхъ зданіяхъ и именахъ; на судѣ различія не видимъ: вси равни суть: не побѣждаетъ неповинности злаго нападеніе, не погубляетъ ни кого нищета и убожество, но грѣхъ единый. О семъ же что рещи, яко чины, достоинства, чести градскія и рыцарскія, не благородію, не богатству, но добродѣтелямъ, изкусству и разуму подаются. Честныи пріимаютъ честь, достойніи возносятся на достоинства; прочіему же строенію кто можетъ не удивлятися? Въ краткомъ времени толь добрѣ устроися все Царство, елико чрезъ многіи вѣки не чаяли бѣхомъ. Словомъ рещи, основаніе рода и державы Россійской Отцемъ Твоимъ возписуемъ, Монархо Пресвѣтлый; а что лучше есть, украшеніе, и толикое изправленіе тогожде рода Тебѣ и Твоему Лицу возписовати должно есть. Но сіе твое благоразумное правленіе не токмо нынѣ Отечеству есть полезно; но и Наслѣдникомъ Твоимъ, по Тебѣ царствовати имущимъ, во образъ будетъ. То первая глава Орла Твоего. А о другой, чрезъ которую мужество и храбрость воинскую разумѣемъ, неудобь вѣрительное слово было бы, аще бы не всему міру явно было. Не требѣ здѣ ни единой повѣсти; зритъ весь міръ избранныи Твои полки: удивляются иноземніи кавалеріи Россійской. Кая равная похвала быти можетъ рыцарству сему? Не достоитъ ли рещи, яко не отъ воиновъ, но отъ вождовъ собрано есть? Не прилично ли рещи или повѣсти о семъ, еже историкъ Курцій о воинствѣ Александровомъ? „Воины, отъ нихъ же всякъ учитель воинства есть." Воины достойны толикаго Царя, и Царь достоинъ есть толикихъ воевъ. Но сіе еще паче всѣхъ страннѣйшее быти мнится и всякое удивленіе превозходитъ той, иже всѣхъ есть Царь и Владыка купно, себе, аки проста воина показуетъ. Ему же Царіе не равни суть, той трудами, службами, бдѣніемъ, дѣлами и съ простымъ воиномъ равна Себе творитъ. Сея славы толь въ мірѣ мало обрѣтается, яко и вси древніи историки не много намъ таковыхъ образ-

цевъ оставища, и аще о коихъ Царяхъ повѣствуютъ, съ великимъ удивленіемъ похваляютъ ихъ. За сіе возноситъ Курцій Александра; удивляется о семъ вельми и Плиній Траяну. Аще бы воскреснути могли славныи историки и вси любомудрыи древности, новый бы въ насъ образъ увидѣли. Самъ прежде творитъ вся, яже инымъ повелѣвати хощетъ, и толикій Повелитель, прочихъ повелѣнію подчиняется, и аще бы кто не видалъ, мужествомъ удивленный, не позналъ бы Величества. Обаче, Пресвѣтлый Монархо Нашъ! множае удивляемся Величеству Твоему, видяще Тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы видѣнъ былъ еси въ Царскомъ украшеніи; Величество бо Царское не въ порфирѣ свѣтлой, ни въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрыхъ и удивленія достойныхъ дѣлѣхъ. Приходитъ здѣ на память, что въ похвалу изрече Соломону Царица Савская: *большая*, рече, *премудрость твоя отъ дѣла твоего, нежели слухъ, егоже слышахъ.* Подобно и мнѣ, похвалъ Твоихъ ни мало недостизающу, рещи подобаетъ: храбрость большая есть, и дѣла Твоя, нежели не токмо моему малорѣчію, но и преизящнѣйшимъ риторомъ и витіямъ изповѣсти возможно. Сія же азъ не къ явленію радости нашей воспомянухъ. Како бо не желательно всякому было видѣти толикая преславная и дивная на себѣ носящаго! Образъ Твой и начертаніе лица вси видѣти желаютъ; чтожъ возглаголю о Твоемъ мужествѣ? Познавъ отъ исторіи, коль храбръ былъ Александръ, Помпей Великій, Юлій Кесарь и иныи, обычнѣ желаемъ, аще бы можно, гдѣ ихъ изображеніе увидѣти; но егда желаемое получаемъ, егда не изображеніе Твое, но лице Твое видѣти удостояемся, что речемъ о сердцахъ нашихъ, Пресвѣтлый Нашъ Монархо! Ангелу твоему Петру нечаянно въ домъ Апостольскій пришедшу, не отверзе рабыня дверей отъ радости! мы же на твое пришествіе отверзаемъ Тебѣ любовію сердца наша: но коликая любовь и коликая въ нихъ обрѣтается радость, сего словомъ отверзти не

можемъ. О благополучія! О необычнаго блаженства нашего! Возкликнути подобаетъ: *якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ.* Слышахомъ о Владимірахъ, о Ярославахъ, о Всеволодахъ: нынѣ всѣхъ тѣхъ въ единомъ истинномъ Нашемъ Наслѣдникѣ видимъ. Слышахомъ Царя и воина, не токмо воинскимъ повелѣніемъ Своимъ, но и рукою Своею воюющаго; и уже очима нашима въ самомъ Его лицѣ всю истину познаваемъ. Се есть покой и конецъ желанія, се есть верхъ благополучія нашего!

Но что Тебѣ принесемъ въ даръ, толикихъ радостей виновный Гостю, Пресвѣтлый Нашъ Монархо! Принесемъ все то, еже Твое есть. Приносимъ Тебѣ богоспасаемый сей отеческій градъ Твой и Церковь, всѣхъ сердца къ любленію, всѣхъ главы къ подчиненію, всѣхъ колѣна къ поклоненію, всѣхъ очеса, руцѣ и нозѣ, всѣхъ всяко подаемъ къ потребѣ и службѣ Твоей. Сія вся и безъ приношенія быша Твоя; обаче и приносити сія подобаетъ: ибо Вседержитель Богъ нашъ вся имѣетъ во области и въ руцѣ своей: *Аще взалчу, не реку тебѣ: моя бо есть селенная и исполненіе ея;* обаче самъ повелѣваетъ намъ, да ему различныя приносимъ дары. Ты убо послѣдуй Господу Твоему, пріими Твоя отъ Твоихъ, мѣста сія сродная Твоя и Твое сокровище крыющееся, въ непремѣнную любовь Твою, въ крѣпкое и безбѣдное защищеніе. Прочее же вся Церковь Кіевская приноситъ и приносити не престанетъ о Тебѣ мольбы и моленія: да яко новаго сего Сіона посѣтити не презрѣлъ еси, тако да благословитъ Тя Господь отъ Сіона, да сотворитъ любима и пріятна всему отечеству и людемъ Твоимъ, страшна и неприступна врагомъ Твоимъ, и на долгая времена въ житіи семъ побѣждающа и торжествующа да сохранитъ. Аминь.

Θеофанъ.

II. СЛОВО

при случаѣ совершаемыхъ молитвъ надъ гробомъ Петра Великаго, по причинѣ одержанныя флотомъ Россійскимъ надъ Оттоманскимъ флотомъ во Архипелагѣ славныя побѣды, 1770 года, Іюня 24 дня. (*)

Естьли мужа праведнаго память должна быть съ похвалами, да и съ похвалами вѣчными, по словамъ Духа Святаго; то, собравшись мы въ сей священный храмъ, ничего прежде вообразить не можемъ, ни на что прежде съ большею похвалою языкъ нашъ не долженъ устремиться, какъ на Основателя сего храма и царствующаго града сего, Петра, глаголю, именемъ славнаго, дѣлами Великаго, истиннаго Отца отечества нашего.

Но при семъ случаѣ видя насъ пріуготовляющихъ уже Мужу сему сердечныя приношенія, и наши жертвы уже курящіяся, можетъ кто удивившися вопросить: какая бы причина была, которая бы возбудила насъ къ нынѣшнему Мужа сего особливому прославленію? ибо имя Его никогда въ забвеніи быть не можетъ. Аще мы умолчимъ, каменіе сіи возопіютъ: аще мы умолчимъ, возопіютъ о Немъ стѣны града сего, безчисленные дѣлъ и рукъ Его останки. Ибо на что ни обратимъ взоръ свой, все Ему одолжено началомъ, все плодъ Его благоразумія и просвѣщенія. Онъ ввелъ во отечество наше художества и науки. Его рука открыла намъ завѣсу видѣть случаи свѣта, и въ нихъ проникая, предварять всѣ противныхъ замыслы. Его геройскій духъ привелъ воинство въ сіе состояніе, въ которомъ мы его нынѣ видимъ и радуемся; въ которомъ его нынѣ видитъ свѣтъ и удивляется. Его десница отрыла намъ

(*) Сказывано въ присутствіи Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II. въ Петропавловскомъ соборѣ тогожъ года Сентября 15 дня.

сокровища земная, и насъ обогатила. Его просвѣщенію самая церковь признаетъ себя одолженною: ибо новое отъ него получила свѣтило. И сіе бо самое, что съ сего мѣста народу поученія провозглашаемъ, и сіе самое есть плодъ его благоразумія; словомъ, все что ни видимъ, что ни вообразимъ, Петръ или изобрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случай подалъ.

При толикихъ Его славныхъ дѣлахъ и отечеству великихъ одолженіяхъ, можетъ ли Россія столь забыть себя, чтобъ Петрово имя всегда не прославлять, и имъ при всякомъ случаѣ не увеселять себя?

Такъ что же возбудило насъ къ нынѣшнему особливому имени Его прославленію?

На сей любопытнаго вопросъ отвѣтъ готовъ: Петръ Великій воскресъ, воскресъ въ Великой Преемницѣ своей, Екатеринѣ Второй. Ибо не можетъ живѣе изображенъ быть характеръ Петрова Божественнаго духа, какъ онъ сіяетъ въ Монархинѣ нашей. Дѣла, коими нынѣ отечество наше прославляется, можно сказать, что или воскресшій Петръ, или паче вселившаяся въ Екатерину Петрова душа производитъ.

Предоставивъ удобнѣйшему времени ихъ всѣхъ изчисленіе, коснемся хотя кратко нынѣшнихъ славныхъ военныхъ произшествій, произшествій. которыя колеблютъ свѣтъ, а Россію заставляютъ лить слезы радости.

Удары, которыми сокрушаются рога гордыя луны, уже слышны вездѣ по вселенной. Воинство, Петромъ учрежденное, а Екатериною правимое, прослыло непобѣдимымъ. Всѣ страхи, которые бы могли смертнаго поколебать, суть для него токмо большее къ мужеству поощреніе.

Каждое его движеніе дѣлаетъ новое торжество. Россіянинъ уже обыкъ не оставлять своихъ слѣдовъ, развѣ съ славою; и путь, гдѣ проходитъ, замѣчаетъ трофеями: ибо руки его яко желѣзны, мышцы мѣдяны, грудь адамантова, а душа геройская.

И для того не всегда можно и непріятелю нашему въ слабость причитать, что онъ противу лица таковаго воинства стоять не можетъ и въ бѣгъ обращается. Ибо иногда отъ мужественнаго и побѣдиму быть слава есть.

Но какъ бы то ни было, слава побѣдъ трубою своею непрестанно оглашаетъ уши наши. Не успѣемъ, такъ сказать, окончить одно торжество, какъ другое начинать надобно. Новая вѣсть! Какая? Извѣстная: непріятель побѣжденъ, прогнанъ; Россіянинъ торжествуетъ; получилъ величайшую добычу; завладѣлъ лагеремъ, да въ немъ же Богу и благодарныя возсылаетъ молебствія. Летятъ сюда знамена: и се ихъ множество предъ очами нашими: знакъ мужества и слабости, слабости сопротивныхъ, храбрости воинства нашего.

Хотѣлъ бы я болѣе въ сей пріятной *матеріи* удержать слово свое; но се къ другому не менше пріятному, или и славнѣйшему предмету оно стремится.

Помянувъ мы въ началѣ Петровы дѣла, прешли было молчаніемъ славнѣйшее ума и тщанія Его изобрѣтеніе, изобрѣтеніе Ему единому свойственное, изобрѣтеніе, какого и для Него самого ничего не было пріятнѣе и вниманія Его достойнѣе. Сіе изобрѣтеніе есть флотъ Россійскій. Извѣстно, что держава наша со всѣхъ сторонъ окружена морями, да и сосѣдами, кои тѣми морями владычествовали. Россіяне, по нещастію тогдашнихъ временъ, на сіе взирали невнимательнымъ окомъ. Морское плаваніе имъ было несвѣдомо или и ужасно. И когда мы такимъ образомъ дремали, недоброжелатели не безъ удовольствія внутренняго взирали на сіе, и чтобъ не пробудились мы, крайне опасалися.

Сей нужный случай не могъ укрыться отъ добраго ока Петрова. И что не возможно Монарху мудрому, тщательному и любимому народомъ своимъ? Божія судьба, которая уже положила прославить Россію, подала Ему случай видѣть малой ботикъ, который въ семъ мѣстѣ хранится, и вѣчно храненъ быть достоинъ. Отъ сего

въ пространномъ Петровомъ умѣ великія родилися мысли. Началъ созидать морскія плавающія крѣпости, и составилъ изъ нихъ великій Россійскій флотъ: великій не числомъ токмо кораблей, но великій и силою и славою: ибо въ своемъ, такъ сказать, младенчествѣ получилъ онъ уже побѣды надъ тѣми, которые давно сею славою превозносилися.

Но возстань теперь, Великій Монархъ, отечества нашего Отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе Твое; оно не изтлѣло отъ времени, и слава его не помрачилася. Возстань и насладися плодами трудовъ Твоихъ. Флотъ, Тобою устроенный, уже не на морѣ Балтійскомъ, не на морѣ Каспійскомъ, не на морѣ Черномъ, не на Океанѣ Сѣверномъ. Но гдѣ? онъ на морѣ Медитерранскомъ, во странахъ возточныхъ, во Архипелагѣ, близь стѣнъ Константинопольскихъ, въ тѣхъ, то есть, мѣстахъ, куда Ты не рѣдко око Свое обращалъ, и гордую намѣревалъ смирить Порту. О какъ бы Твое, Великій Петръ, сердце возрадовалося, естьли бы.... Но слыши! мы Тебѣ, какъ живому вѣщаемъ, слыши: флотъ Твой во Архипелагѣ, близь бреговъ Азійскихъ, Оттоманскій флотъ до конца изтребилъ. Россійскіе высокопарные орлы торжествуя, именемъ Твоимъ весь возтокъ наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны Византійскія.

Симъ славнымъ произшествіемъ обрадовано отечество Твое, а особливо Помазанница Господня, любезнѣйшая сродница Твоя, по Бозѣ сію побѣду Твоему имени посвящаетъ, и насъ чадъ своихъ привела предъ лице блаженныхъ мощей Твоихъ, прославить имя Твое, а въ имени Твоемъ прославить добродѣтель, въ добродѣтели же прославить самаго Бога. Услыши наши сіи къ Тебѣ провозглашенія; или паче Ты, Господи Боже духовъ и всякія плоти, упокой въ нѣдрахъ Твоихъ любезную намъ Петрову душу, и въ радости вѣчной и сего торжества удовольствіе чувствовать ей благоволи.

Тебѣ же, Великая Монархиня, столь благородно славу нынѣшнія побѣды приписывающей Петрову имени; славу, въ которой Сама наибольшее имѣеши участіе; какія Тебѣ жертвы благодарности принесетъ отечество, и чѣмъ возвеличимъ мы имя Твое? Твои наставленія были руководствомъ воинамъ Твоимъ, и главною побѣдъ ихъ причиною. Твои молитвы воздвизали вѣтры, и обращали ихъ на лице сопротивныхъ. Слава Твоя превознесенна: но она тѣмъ еще есть большая, что Ты славу свою поставляеши не просто въ побѣдахъ, но поелику они доставляютъ благополучіе народу Твоему. Мы привѣтствуя Тебя, Великая Государыня, съ таковымъ Вышняго о Тебѣ благоволеніемъ, Его же благость усердно молимъ, да оное вѣчно надъ Тобою сохраняетъ.

Да возрадуется же и Твое сердце, Благовѣрный Государь, Высокоповелительный Генералъ-Адміралъ! Сіе торжество есть Тебѣ свойственно: ибо оно сопряжено съ званіемъ, Тебѣ отъ Монархини порученнымъ. Радуемся же и мы съ Тобою: ибо надѣемся несомнѣнно, что Ты снисканную славу не токмо сохранишь, но и умножишь. Аминь.

Платонъ.

III. РѢЧЬ,

говоренная Января 19 дня 1787 года, на случай прибытія Екатерины II. въ Мстиславль. (*)

Пресвѣтлѣйшая Императрица!

Оставимъ Астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше *Солнце* вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Изходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко исполинъ, тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Эвксинскаго шествіе Твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется благодѣтельныя теплоты твоея. Хотя же мы и покоимся твоимъ безпокойствіемъ, и не негорькими хожденіями твоими сидимъ сладко всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, яко же Израиль во дни Соломона; однако, солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое.

Тецы убо, о *Солнце* наше! спѣшно; тецы исполиными стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая, къ небу возопіемъ: стой, *Солнце*, и не движись, дондеже вся, великимъ твоимъ намѣреніямъ противная торжественно побѣдиши!

Георгій.

(*) Разсмотрѣніе сей Рѣчи помѣщено выше на стр. 315.

IV. СЛОВО,

говоренное при погребенiи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Ивана Ивановича Бецкаго. (*)

И такъ — мужъ, изполненный долготою дней, скончался вмалѣ! — Рука приближенныхъ закрыла хладными вѣждями померкшiй на вѣки взоръ его. — Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. Признательность начертаетъ на камени имя его. — Чувствительное сердце ороситъ слезою гробницу его. — И симъ ли свершилось воздаянiе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ Престолу, Отечеству, свѣту? — Потомство соплететъ ему вѣнецъ хвалы? — Но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанiя возвѣстятъ дѣла его? — Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшiй къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь, или мраморъ? — Но подъ тяжестiю сего изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ манiемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.

Боже Великiй! Для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сiю отцевъ и матерей, дабы только родиться и умереть? — Чтожъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ; или предъ муравiемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Богоподобная добродѣтель! для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душею, всею крѣпостiю силъ и самою жизнiю, дабы, собравъ всеобщiя хвалы дань, оставить ее у отверзтiя гроба? — Но и сего стяжанiя не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога!

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ: но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами: ибо не можемъ украсить ея нетлѣнными. — Такъ! *самая смерть*

(*) Род. 1702, сконч. Августа 31 1795 года.

добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія, и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности!

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено ли оно къ Богу? На немъ изображено исполненіе всѣхъ тѣхъ отношеній, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено ли оно къ человѣку? На немъ сіяютъ сіи сердечныя мысли: се ближній мой! я люблю его, яко самаго себя. Обращено ли оно на грудь свою? На немъ зрится напечатлѣнно вниманіе къ собственнымъ и достоинствамъ и обязанностямъ своимъ: азъ есмь церковь Бога живаго; прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлеси моемъ.— Добродѣтель и во свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе: она блистательна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце, или паче Богъ; да будетъ истина и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественна въ порфирѣ, она и въ рубищахъ любезна; преславна подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ; достохвальна во храмѣ у священнаго олтаря, благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія, дабы повергнуться предъ Нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божія, дабы прославить премудрость Его. Познаетъ совершенства Господа своего, дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. — Любитель мудрости уже есть нѣчто больше, нежели человѣкъ, который иногда предъ очами высокомѣрія является презрѣннѣе праха; но когда при мудрости сіяетъ душа его красотою добродѣтели, не есть ли онъ, яко Ангелъ Божій?

Воодушевлено ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лице-

пріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ; мирно яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ въ плѣнъ рабства чувственныя прелести. Не намъ, не намъ токмо таковое сердце любезно. Оно обращаетъ на себя взоръ Сердцевѣдца. Небесная нѣкая радость и неизобразимое удовольствіе суть или знаменіемъ присутствующаго уже въ немъ Божества, или вѣстниками приближенія его.

Сопутствуетъ ли добродѣтель по степенямъ щастія, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть, яко матернія крылія для птенцевъ невозперенныхъ. Тогда богатство и изобиліе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава есть торжественный примѣръ: или мужества, коего трепещетъ не менше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ; или великодушія, столь же терпѣливо преносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды; или ревности къ вѣрѣ и закону, или вѣрности къ отечеству и любви къ Государю. — Сіи опыты добродѣтели не суть плодъ воображенія и мечты.

Воскресите, воскресите въ памяти вашей тѣхъ мужей, кои были красотою и утѣшеніемъ человѣческаго рода. Всевышній хранилъ ихъ яко зѣницу ока, и для добродѣтелей ихъ усугублялъ благословенія свои въ людяхъ. Онъ, взирая на нихъ, преклонялся долготерпѣніемъ и къ тѣмъ, кои служили идолу порока, кои достойны были его праведнаго пораженія. — Вообразите и нынѣ, въ теченіе сея нашея жизни, въ нашемъ Отечествѣ, въ Россійстѣй церкви, во градѣ семъ, и въ семъ, безъ сомнѣнія, храмѣ находящихся, кои красотою души и сердца своего, красотою дѣяній своихъ плѣняютъ сердца и души наши. Мы съ радостію жертвуемъ имъ удивленіемъ, любовію, благодарностію, прославленіемъ: ибо принесть другой жертвы не можемъ. Такъ уже ли мысль, возпаря-

ющая чрезъ предѣлы міра къ престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства Его, и на земли для служенія Ему сооружающая духовный олтарь, мысль, обтекающая въ едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Уже ли тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣденія и благочестія, духъ страха Господня, погаснетъ подобно смертному факелу? Уже ли то сердце украшенное благостію и правдою, истиною и святостію, кротостію и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожертто будетъ тлѣніемъ? Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя, изчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такія степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Для сего ли хвалимся носити образъ Предвѣчнаго Создателя нашего, дабы содѣлаться тѣмъ вожделѣннѣйшею добычею все чувственное поглощающія смерти?— Гдѣ же тѣ обѣщанія Евангельскія: *Вѣруяй въ мя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* *)? Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горестей нещастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность ни по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? Гдѣ вѣра? Гдѣ законъ? Гдѣ праведный Богъ? — По понятію, какое имѣли ненаказанные еще во дни Соломона, что съ тѣломъ, обратившимся въ пепелъ, *и духъ разліется яко мягкій воздухъ* **), по сему немилосердому и вмѣстѣ богохульному понятію, что была бы жизнь наша, какъ не время проклинать день рожденія своего, и оплакивать будущее свое изчезновеніе? О таковой кончинѣ праведника не воздохнутъ ли небеса, гдѣ душа его полагала

*) Іоан. 6, 47.
**) Прем. Сол. 2, 3.

отечество свое? Не возстенаетъ ли вѣчность, которыя блаженствомъ уже преднаслаждалось сердце его? По сему понятію Богъ, нѣсть Богъ живыхъ и мертвыхъ.

Упоенный прелестями нечестія и разврата порокъ! Онъ-то плѣннику своему льститъ конечнымъ бытія разрушеніемъ. По его внушеніямъ вѣчность мечта: ибо всѣ удовольствія его остаются по сію сторону гроба. Онъ, возхищая иногда временное достояніе добродѣтели, мнитъ быти честность и правоту ея суетными, и тщетными всѣ подвиги ея. — — Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и его закона, остаться безъ воздаянія, есть то же, что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Естьли бы праведнику за подвиги его, кои онъ сѣетъ иногда при толикихъ озлобленіяхъ, орошаетъ нерѣдко толь многими слезами, предоставлено было собирать здѣсь на земли воздаяній жатву: то возмогъ ли бы кто лишить его принадлежащаго ему права? Злымъ зло, благо добрымъ: истина сія вѣчна. Гдѣ же она воздѣйствуетъ во всей силѣ, когда жизнь сія есть брань, гдѣ побѣда не рѣдко остается на противной сторонѣ? Судъ Бога нѣсть якоже судъ человѣка. *Азъ*, глаголетъ Господь, *азъ воздамъ комуждо по дѣломъ его* *). Есть Богъ, Богъ праведный. Воздаяніе добродѣтели въ руцѣ его. Оно столь же нетлѣнно, какъ безсмертная душа; столь велико, сколь благъ мздовоздаятель Господь. — Такъ мужъ, изполненный небесныхъ надеждъ, совершивъ подвиги благіе, возлегаетъ съ веселіемъ на смертный одръ! Святая вѣра разсыпаетъ весь тотъ страхъ, отъ котораго не можетъ не содрогаться сердце, воображающее, кто есть Богъ, и какая къ нему обязанность человѣка? Онъ оставляетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ. Въ имени? написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота. Въ дѣлахъ? увѣнчанныхъ небесною славою. Естьли память его можно по достоинству

*) Іерем. 17, 10.

почтить на землѣ: то подражанїемъ жизни его, взирая на кончину его. Добродѣтель не преселяется во страну вѣчности, не напечатлѣвъ красными стопами на мѣстѣ бытїя своего любезнѣйшихъ слѣдовъ. — —

Такъ!... и гдѣ почившаго нынѣ сего знаменитаго Мужа, предлежащаго въ сей гробницѣ, въ семъ храмѣ предъ очами нашими, гдѣ душа его не ознаменовала доброты своея! Священная память временъ Отца Отечества, *Петра Великаго*, есть началомъ бытїя его, яко человѣка, и жизни его, яко сына Отечества: тридесять пятой годъ благословеннаго царствованїя Премудрой *Екатерины II.* Матери нашея, есть предѣломъ девятидесятилѣтнаго теченїя дней его. Сїи едины, толь великїя, толь высокознаменитыя во вселенной эпохи, уже дѣлаютъ перїодъ жизни его достопримѣчательнымъ. Но при благородномъ сердцѣ, при нѣжномъ чувствованїи честнаго и похвальнаго, при свѣтѣ любомудрїя Божественнаго и человѣческаго, при мудромъ правленїи толь великихъ скипетровъ, стяжалъ онъ и по личнымъ достоинствамъ право на общее отъ всѣхъ уваженїе къ особѣ своей. — Кто сидящаго на престолѣ Человѣколюбїя изполнилъ ревностно волю призрѣть на нещастныхъ сиротъ, повергаемыхъ на разпутїи? — Онъ. Кто въ храмѣ художествъ воздвигнутомъ Мудростїю, пекущеюся о просвѣщенїи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣренїямъ Ея? соблюлъ свято Ея уставы? — Онъ. Кого Великая *Монархиня*, при излїянїи щедротъ своихъ на новое учрежденїе и разпространенїе возпитанїя благороднаго юношества обоего пола, удостоила быть правителемъ! — Его. Кому Высочайше благоволила повѣрить смотрѣнїе надъ сооруженїемъ безсмертнаго памятника *Петру Первому Екатерина Вторая*? — Ему. Нева! Нева, гордясь красотою бреговъ, свидѣтельствуетъ о тщанїи его къ изполненїю велѣнїй Монаршихъ. — Его любовь къ человѣчеству не щадѣла иждивенїй, не болящимъ токмо подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденїемъ во свѣтъ

безсильнаго младенца. — Сколько возпитанниковъ напечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія! Великая Государыня благоволила наконецъ, при многихъ знакахъ отличностей, украсить его собственнымъ его изображеніемъ, такъ онъ былъ подобенъ себѣ въ намѣреніяхъ, въ совѣтахъ, въ благоразуміи, въ некорыстолюбіи, въ вѣрности, въ любви къ Отечеству и законамъ.

Боже праведный! Боже Спасителю! у Тебе мѣрило нашихъ дѣлъ. Къ Тебѣ, яко Создателю своему, возходитъ духъ, когда мертвенное жилище его разрушается. — Тебѣ любезна добродѣтель; ибо Ты Святъ; упокой душу раба Твоего, Болярина Іоанна, идѣже праведные водворяются!

Анастасій.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Переводы.

I. ОТРЫВКИ ИЗЪ МАССИЛЬОНА.

1. *Смерть Праведнаго.*

Знаю, что смерть имѣетъ всегда что нибудь страшное и для праведныхъ. Непроницаемыя тайны будущаго суда Божія, — сомнѣнія совѣсти, всегда предполагающей сокровенныя скверны сердца, Богу единому извѣстныя — горячая любовь къ вѣрѣ, всегда увеличивающая предъ ними малѣйшія погрѣшности, — наконецъ, самое разрушеніе состава тѣлеснаго, естественная робость при видѣ могилы, все придаетъ смерти нѣкоторую ужасность, такъ что и праведные, по словамъ Апостола Павла, желалибъ облещися въ безсмертіе, имъ обѣтованное, не совлекаясь смертнаго покрова.

Не менѣе впрочемъ и то справедливо, что благодать препобѣждаетъ въ нихъ естественный ужасъ къ смерти, и что послѣднія обстоятель

ства, устрашающія грѣшника, претворяются для праведнаго въ источникъ веселія и радованія.

Вопервыхъ утѣшаетъ мысль о прошедшемъ. Теперь вы почитаете нещастіемъ страдать ради Бога. Малѣйшія пожертвованія, вѣрою предписываемыя, кажутся вамъ изнурительными; постъ, самъ по себѣ васъ печалитъ и смущаетъ; одна мысль о наступающихъ дняхъ покаянія наводитъ скуку и горе; не безъ сожалѣнія взираете на подвижниковъ вѣры, несущихъ иго Христово, и отрекшихся міра и утѣхъ его ради Бога.

Но на одрѣ смерти, ничего нѣтъ усладительнѣе, какъ возпоминать о сдѣланныхъ пожертвованіяхъ ради Бога. Тогда-то поминаешь, сколь несправедливо отказываютъ Богу въ одной минутѣ сокрушенія, за которую въ будущемъ безконечное обѣщано возмездіе; отказываютъ въ пожертвованіи удовольствіями скоротечными, да и такими, послѣ которыхъ остался бы одинъ стыдъ и разкаяніе! Все, что ни терпимъ ради міра, вмѣнится ни во что; напротивъ одна капля слезы, одна умерщвленная страсть, одно воздержанное пожеланіе, пріятно будетъ предъ Богомъ, и останется безсмертно, яко же самъ Богъ.

Вотъ, что представляетъ прошедшее умирающему праведнику: время изкушенія и напастей наконецъ миновалось; соблазны міра, благочестію поставляемые, уже не существуютъ; опасности, коимъ могъ онъ подвергаться, навсегда удалены; вѣчная борьба со страстьми наконецъ прекращена; преграды ко спасенію, со стороны плоти и крови, разрушены. — Мореходецъ, вошедши въ пристань, не охотно ли возпоминаетъ о претерпѣнныхъ буряхъ и непогодахъ? Герой, совершивъ славный подвигъ, не съ удовольствіемъ ли измѣряетъ взоромъ своимъ опасности и затрудненія предлежавшаго ему поприща? — Въ лицѣ умирающаго праведника, кажется, видишь другаго Моисея, кончающагося на святой горѣ, отъ Господа показанной. Взыди на гору... и скончайся тамо. Пророкъ Божій, предъ послѣднимъ часомъ жизни, съ вершины горы объемля взоромъ все простран-

ство земель и Государствъ, чрезъ которыя проходилъ, зритъ, коликихъ наконецъ освободился опасностей; зритъ всѣ сопротивныя полчища, побѣжденныя имъ на брани; зритъ осады Мадіанитянъ, ропотъ и клеветы братьевъ; зритъ горы сокрушенныя, трудность въ пути преодолѣнную, Чермное море для прехожденія разступившееся; зритъ гладъ, жажду, усталость, всепобѣжденнымъ, — и касаясь щастливаго предѣла толикихъ подвиговъ, привѣтствуя, хотя издалече, обѣтованное праотцамъ его отечество, спокойно изпускаетъ послѣдній вздохъ жизни.

Не говорю, чтобы мысль о прошедшемъ приводя на память умирающему праведнику прежнія опасности, не представляла вкупѣ его слабостей и отступленій: но сіи отступленія омыты слезами покаянія; но сія слабость наипаче укрѣпила его любовь къ Богу, надежду на милосердіе Отца небеснаго. Въ послѣднюю минуту жизни, болѣзнованіе о грѣхахъ прошедшихъ составляетъ уже утѣшеніе, и слезы, еще изторгаемыя таковымъ напоминаніемъ, суть слезы радости и благодаренія. Тогда представляетъ онъ Бога, не такъ, какъ прежде, во дни скорби и покаянія, Судіею страшнымъ и неумытнымъ, но Отцемъ щедротъ и всякія милости, отверзающимъ нѣдра свои для успокоенія его отъ толикихъ напастей.

Возстани, душа вѣрная, глаголетъ къ ней тайно Господь ея и Богъ ея: возстани, возстани, воскресни, Іерусалиме; ты изпила всю чашу горести; забуди наконецъ слезы и скорби твоя; время изкушенія прошло: и не приложиши къ сему пити ея. Совлецыся, дщи Іерусалимля, одѣянія плача; остави бренный покровъ смертности, и возложи на себя одежду славы. Вниди въ радость Господа твоего, граде святый, присное жилище мое. Облецыся въ славу твою, Іерусалиме, граде святый. Разторгни наконецъ оковы плѣненія и рабства; изыди отъ среды Вавилона, гдѣ толико сѣтовала о продолжительности заточенія своего. Совлецы узы твоя, плѣненная дщи Сіоня. Не-

вѣрные не будутъ болѣе обитать купно съ тобою: соблазны беззаконныхъ не оскорбятъ болѣе вѣры твоей. Время возпріяти мнѣ сущихъ моихъ; время внити въ права наслѣдія моего. Се, изъемлю тя отъ міра, отъ него же нѣси, міра недостойнаго обладать тобою. И къ тому не приложитъ прошти сквозѣ тя необрѣзанный и нечистый.

И такъ, первое утѣшеніе для праведнаго, есть мысль о прошедшемъ: второе — созерцаніе настоящаго. Мы видѣли, что грѣшникъ находилъ въ немъ одни ужасы; праведникъ, напротивъ, утѣшеніе: ибо ничто не изумляетъ его незапностію; ничто не разлучается съ нимъ; ничто не премѣняется для него.

Не изумляетъ пришествіе дня Господня: онъ ожидалъ его; онъ желалъ его. Мысль о послѣднемъ часѣ входила во всѣ дѣла и предпріятія, управляла всѣми желаніями, одушевляла всю жизнь его. Каждый часъ, каждую минуту, казалось ему, долженъ стать на судъ, гдѣ и самая правда будетъ судима, — и потому, ежеминутно готовился къ смерти; а при наступленіи оной, разстается съ міромъ спокоенъ и благонадеженъ, видя при концѣ дней своихъ смерть не ближе къ себѣ, какъ и всегда видѣлъ ее! Грѣшникъ, умирая приходитъ въ отчаяніе отъ того, что міръ, на котораго столько полагался, есть одна мечта, или призракъ, въ глазахъ его изчезающій. Но праведникъ обрѣтая міръ суетнымъ и ничтожнымъ, радуется, что всегда судилъ о немъ, какъ должно; что не имѣя привязанности къ тлѣнію, уповалъ на Бога, иже единъ во вѣки пребываетъ. Коль пріятно въ сію минуту рещи себѣ: и такъ я сдѣлалъ самой лучшій выборъ! Люди смѣялись надо мною, находили страннымъ, что я не сообразовался съ правилами міра; но послѣдняя минута все объясняетъ. Смерть рѣшитъ участь премудрыхъ вѣка сего, и буіихъ о Христѣ Іисусѣ.

И когда священникъ приходитъ къ умирающему праведнику бесѣдовать о Богѣ и ничтожности вещей земныхъ, ахъ! не новымъ для него языкомъ изъясняется. Такъ говорило всегда соб-

ственное сердце его: такъ онъ самъ чувствовалъ въ продолженіе жизни, и всякой другой языкъ былъ бы для него несносенъ. Съ какимъ удовольствіемъ внемлетъ утѣшеніямъ пастыря, глаголющаго о щедротахъ Отца небеснаго, и какъ жалѣетъ о тѣхъ минутахъ, которыя надобно еще погубить на управленіе земной храмины, на разпоряженіе наслѣдіемъ предковъ! Великій Боже! какимъ свѣтомъ, какимъ спокойствіемъ, какою любовію, радостію, упованіемъ, благодареніемъ преизполнена душа праведника! Вѣра его пріемлетъ новую силу, а любовь, новый пламень: чѣмъ ближе разрушеніе внѣшняго человѣка, тѣмъ паче внутренній обновляется и приходитъ къ совершенству. Чѣмъ сильнѣе потрясается перстная храмина, тѣмъ скорѣе разрѣшается душа отъ узъ, ее удерживающихъ. Такъ чистый пламень свѣтитъ живѣе, когда отдѣляется отъ остатковъ матеріи, въ которой заключался.

Увы! бесѣды о Богѣ только утомляютъ грѣшника на одрѣ смерти. Тогда побуждаются въ немъ всѣ ощущенія скорби; голова мѣшается; спокойствіе изчезаетъ. Надобно пощадить немощнаго, и знать время, когда что говорить; надобно выбрать минуту, чтобъ начать рѣчь о Богѣ, который будетъ судить его, и котораго онъ не познавалъ. Надобно, изъ человѣколюбія, почти обманывать его, чтобъ тѣмъ успѣшнѣе возбудить мысль о покаяніи. Отъ него удаляютъ служителей церкви; ибо присутствіе ихъ всегда грѣшнику въ тягость; отводятъ разговоры о спасеніи, яко вѣсть смертную и печальную: стараются усыпить скорби его повѣствованіемъ о суетныхъ вещахъ міра, толико занимавшихъ его. Великій Боже! и Ты попущаешь, чтобъ сей нещастный имѣлъ отвращеніе отъ истины, даже до послѣдняго часа, и чтобъ ближніе боялись говорить ему о Богѣ, котораго онъ всегда боялся познавать и любить!...

Но не потеряемъ изъ вида нашего праведника. Спокойно разстается онъ съ міромъ; ибо ничего не оставляетъ въ мірѣ, о чемъ бы довлѣло

плакать и жалѣть. Въ самой вещи, кого онъ покидаетъ? Міръ? ахъ! міръ, въ которомъ жилъ, яко странникъ; вездѣ встрѣчалъ соблазны для вѣры, во всемъ изкушенія для невинности, и часто, ради суетныхъ правилъ жизни, невольно раздѣлялъ сердце свое между небомъ и землею!... О томъ не жалѣютъ, чего не любили. Покидаетъ богатство? но истинное сокровище на небеси. Его имущество было достояніемъ бѣдныхъ; и это не потеряно. Все обрящется нетлѣннымъ въ нѣдрахъ самаго Бога. Покидаетъ чины и почести? скажите лучше: иго тяжкое слагаетъ. Единое титло, дражайшее паче всѣхъ, есть имя Христіянина, и онъ представитъ его Богу, яко право на блаженство обѣтованное. Покидаетъ ближнихъ и друзей? нѣтъ онъ токмо предваряетъ ихъ пришествіе. Не состоитъ во власти смерти, разлучать на вѣки, связуемыхъ любовію Христіанскою: они паки соединятся въ вѣчности, составятъ ту же церковь, тотъ же народъ Божій и насладятся красотою безсмертнаго сожитія. Покидаетъ дѣтей? онъ оставляетъ имъ Бога, вмѣсто отца; въ наслѣдство, благіе примѣры и совѣты; въ отраду, молитвы и благословеніе. Умираетъ, яко Давидъ, не благъ земныхъ изпрашивающій сыну своему Соломону, но сердце непорочное, любовь къ закону и страхъ Господень. Соломону же сыну моему даждь сердце благо. Покидаетъ тѣло? Ахъ! тѣло, этого врага, который, порабощая его чувствамъ и плоти, подавлялъ тяжестію нуждъ, всегда унизительныхъ... Онъ давно желалъ, по примѣру Св. Павла, смерти тѣла сего; желалъ совлещися толь тягостнаго покрова, дабы свободнѣе возпарить къ горнимъ селеніямъ. Такимъ образомъ смерть ни чего не отъемлетъ у праведника; ибо вѣра давно отдѣлила его отъ всѣхъ вещей мірскихъ. Я не присовокупляю, чтобы перемѣны при послѣднемъ часѣ, толь огорчительныя для грѣшныхъ, не имѣли вліянія на праведнаго. Согласенъ, что свѣтильникъ разума въ немъ погасаетъ: но онъ давно плѣнилъ разумъ свой подъ иго вѣры, и погасилъ безполезной свѣтъ

его во глубинѣ таинствъ Божіихъ. Померкаютъ очи, и закрываются для всѣхъ вещей видимыхъ: но они давно не зрѣли болѣе ни чего, кромѣ невидимыхъ. Уста безмолвствуютъ; но онъ давно положилъ имъ дверь огражденія, и размышлялъ токмо втайнѣ о щедротахъ Бога своего.

Всѣ чувства притупляются и теряютъ свое дѣйствіе; но онъ давно самъ умертвилъ ихъ для себя — и совершенно въ другомъ смыслѣ, нежели въ какомъ сказано объ идолахъ, — имѣя очи, не видѣлъ, и уши, не слышалъ. Наконецъ наружная красота увядаетъ: но онъ давно помѣстилъ всю красоту внутри себя, и обогащалъ душу дарами благодати: и такъ пусть разсыпается тѣлесный составъ его, пусть изчезаетъ міръ, и вся природа погружается въ ничтожество: среди сихъ измѣненій, онъ одинъ всегда тотъ же. Сколь величественно зрѣлище умирающаго праведника, — зрѣлище, достойное Бога, Ангеловъ и человѣковъ! Тогда-то являетъ онъ себя владыкою міра и всѣхъ тварей; тогда-то душа его, истѣе пріучаясь величію и неизмѣняемости Бога, возносится выше всего видимаго. Еще онъ въ мірѣ, и чуждъ міру: еще въ бренномъ тѣлѣ, и не связанъ имъ: еще среди ближнихъ, друзей своихъ, и не видитъ, ниже познаетъ ихъ: въ шумѣ рыданій и вздоховъ, и не слышитъ ихъ; среди всеобщаго смятенія, произходящаго отъ близкой кончины его — и ни мало не теряетъ спокойствія. Въ мертвыхъ свободь. Паки глаголю: коль великъ праведникъ, при послѣдней минутѣ жизни! это минута славы и торжества его: средоточіе, въ которомъ сливается весь блескъ его жизни и добродѣтелей.

Прежде не дерзалъ онъ приникать во глубину судебъ Божіихъ: содѣлывалъ спасеніе свое втайнѣ, со страхомъ и трепетомъ, боялся вообразить о страшномъ судѣ, на которомъ самые праведники не увѣрены въ помилованіи, ежели судитъ ихъ по всей строгости законовъ; но на одрѣ смертномъ, Богъ міра является ему — и онъ успокоивается. Мгновенно изчезаетъ страхъ и трепетъ его; кроткая надежда оживляетъ

сердце. Уже проникаетъ онъ умирающими глазами сквозѣ облако смертности, его одѣвающее, и зритъ, яко же Стефанъ, Сына Человѣческаго, сѣдяща одеснук Отца, и простирающа къ нему объятія свои, зритъ горнее, истинное свое отечество, въ которомъ обиталъ духомъ; зритъ святый Сіонъ, изполненный славы Господней, градъ народа Божія, жилище праведныхъ, присно хвалящихъ и благодарящихъ Изкупителя.

И потому, когда Служитель церкви приходитъ благовѣстить ему радость, что наконецъ послѣдній часъ насталъ, и вѣчность приближается; когда вѣщаетъ къ нему: изъиди, душа Христіянская, отъ земли, гдѣ толико лѣтъ содержалась въ заключеніи; время напастей и изкушеніе кончилось. Се, праведный Судія разрѣшаетъ тебя отъ плѣницъ смертности: остави міръ, недостойный обладать тобою. Спѣши къ возлюбленному Жениху своему, съ которымъ ты еще была разлучена въ тѣлѣ. Умирающіе о Господѣ не погибаютъ. Церковь теряетъ тебя на земли, въ надеждѣ паки обрѣсти во царствіи небесномъ: тѣло твое, оставляемое въ добычу тлѣнія, скоро возвратится къ тебѣ препрославленно и безсмертно: оживятся кости сухія, и паче свѣта возсіяещи. — Съ какимъ возторгомъ пріемлетъ праведникъ вѣсть сію! Подобно старцу Симеону, возводя очи свои горѣ, и взирая на Господа, къ нему приближающагося, тайно глаголетъ со умиленіемъ: разторгни, Боже мой, аще благоизволиши нынѣ, разторгни сіи слабыя узы, еще меня удерживающія; съ миромъ и любовію ожидаю изполненія превѣчныхъ обѣтованій Твоихъ. — Се образъ смерти истиннаго Христіянина.

Братія мои! размышленія здѣсь неумѣстны. Тако умираютъ вси, боящіися Господа: ихъ смерть толико же драгоцѣнна предъ Богомъ, какъ и жизнь ихъ. Тако умираютъ вси, забывающіи Бога даже до послѣдняго издыханія: ихъ смерть проклята предъ Господемъ, какъ и жизнь. Естьли вы живете во грѣхѣ, то васъ постигнетъ смерть достойная грѣшника, и сія смерть будетъ вѣч-

ною. Естьли живете въ незлобіи и правотѣ сердца; скончаетесь, яко праведные, и ваша смерть будетъ прехожденіемъ къ блаженному безсмертію.

2.) *О маломъ числѣ избранныхъ.*

Кто спасенъ будетъ? Вы желаете знать. Спасутся дѣлающіе спасеніе свое со страхомъ и трепетомъ; живущіе въ мірѣ, но не сущіе отъ міра. Спасется Христолюбивая жена, которая ограничиваясь въ кругу домашнихъ обязанностей, воспитываетъ чадъ своихъ въ вѣрѣ и благочестіи; Богу предоставляетъ назначеніе судьбы ихъ: дѣлитъ сердце свое между Господомъ и супругомъ; украшается цѣломудріемъ и скромностію; не посѣщаетъ суетныхъ собраній, и не почитаетъ для себя закономъ безразсудные обычаи, но паче изправляетъ обычаи сіи закономъ Господнимъ, и уполномочиваетъ въ мірѣ добродѣтель своимъ примѣромъ.

Кто спасенъ будетъ? Спасется мужъ вѣрный, при всеобщемъ разслабленіи временъ нашихъ подражающій житію первобытныхъ Христіянъ; мужъ *) *неповинный руками и чистый сердцемъ, иже не пріятъ всуе душу свою,* но среди самыхъ опасностей міра недремленно хранящій чистоту ея; мужъ праведный **), *иже не клятся лестію искреннему своему,* и непорочнымъ возвышеніемъ ко щастію не одолжается средствамъ подозрительнымъ; мужъ благосердый, милостію ущедряющій врага, искавшаго погибели ему, соперника же посрамляющій своими достоинствами; мужъ прямодушный, не жертвующій правдою подлой корысти, и не любящій угождать людямъ съ оскорбленіемъ своей совѣсти; мужъ благопривѣтливый, который домъ свой и силу свою въ народѣ творитъ убѣжищемъ ближнихъ, а свое имущество имуществомъ сирыхъ; тотъ, кто со смиреніемъ переноситъ всякія скорби, любовію побѣждаетъ

*) Псал. XXIII. 4. **) Тамъ же.

озлобленія, и въ самомъ благоденствіи сокрушается о грѣхахъ своихъ.

Кто спасенъ будетъ? Спасетесь и вы, любезные слушатели, когда будете подражать таковымъ примѣрамъ. Но число сихъ избранныхъ мужей конечно не можетъ быть всеобщимъ.

Истина сія не относится къ роду тѣхъ неопредѣленныхъ истинъ, которыя можно предлагать всякому, и коихъ никто не пріемлетъ на свой счетъ. Вѣроятно, нѣтъ здѣсь человѣка, который не долженъ бы сказать: я живу такъ, какъ и большая часть людей, такъ, какъ и другіе въ моемъ чинѣ, въ моихъ лѣтахъ, въ моемъ состояніи. Горе, ежели умру таковымъ! — Чѣмъ еще болѣе сего можно бы устрашить душу, сколько нибудь пекущуюся о спасеніи? Однако же большая-то часть людей и не безпокоится; малое токмо число праведныхъ втайнѣ содѣлываетъ спасеніе со страхомъ; все прочее спокойно. Каждый знаетъ, что большее число пойдетъ въ муки вѣчныя, и каждый ласкается предъ смертію отличить себя, — хотя жилъ, какъ и другіе! Всякой дѣлаетъ, на счетъ свой, мечтательныя изключенія; всякой гадаетъ о будущемъ въ свою пользу.

И здѣсь-то хочу остановиться на васъ, слушатели мои! не говорю о прочихъ людяхъ. Вообразимъ, что вы какъ бы одни остались въ мірѣ; и вотъ о чемъ помышляя ужасаюсь! Я полагаю, что здѣсь послѣдній вашъ часъ и кончина міра: что скоро небеса разверзутся надъ вашими главами; Іисусъ Христосъ явится во славѣ своей среди сего храма, и вы собрались сюда срѣтить пришествіе Господа, съ трепетомъ ожидающе, яко преступники, милости или смерти; ибо сколько бы вы ни льстили себѣ, но умрете такими же, каковы теперь. Всѣ сіи обольщающія желанія изправиться, будутъ обольщать васъ до послѣдней минуты. Сіе уже изпытано вѣками. Все, что вы обрящете тогда въ себѣ новаго, можетъ быть увеличитъ токмо отчетъ вашъ противу того, какой могли бы дать теперь; и соображаясь съ тѣмъ, въ какомъ видѣ постигъ бы васъ судъ Божій въ

сію минуту, почти можно рѣшить, что съ вами послѣдуетъ при кончинѣ дней вашихъ.

И такъ васъ спрашиваю, и спрашиваю пораженный ужасомъ, не отдѣляя моего жребія отъ вашего, и входя самъ въ тоже разположеніе, въ какомъ желалъ бы васъ видѣть; отвѣтствуйте! естьли бы Іисусъ Христосъ явился здѣсь, въ семъ храмѣ, среди сего собранія, воистину величественнѣйшаго въ мірѣ — да судитъ насъ, да содѣлаетъ страшное разлученіе козлищъ отъ овецъ; думаете ли вы, что большая часть станетъ одесную? Думаете ли, что нашлось бы между нами хотя десять праведныхъ, которыхъ не могъ древле Господь обрѣсти въ цѣлыхъ пяти градахъ? Я васъ спрашиваю; вы не знаете . . . и я самъ не знаю... Ты единъ, о Боже! вѣси сущихъ Твоихъ. Но аще мы не вѣдаемъ, кто они таковы; то по крайней мѣрѣ знаемъ, что грѣшные не суть Твои. Кто же суть вѣрные, во святый храмъ сей пришедшіе? — Достоинства, чины, отличія отложимъ въ сторону; ибо мы безъ нихъ должны предстать предъ судилище Іисуса Христа. — Кто же они таковы? Много изъ нихъ грѣшныхъ, не желающихъ обратиться; болѣе хотящихъ, и откладывающихъ обращеніе; еще болѣе обращающихся, и паки множицею согрѣшающихъ; наконецъ великое число такихъ, которые не почитаютъ за нужное обратиться. Вотъ часть осужденныхъ! Изключите сіи четыре рода грѣшниковъ изъ сего благочестиваго собранія: ибо они отлучены будутъ въ день страшнаго суда. Явитесь теперь, праведные; гдѣ вы? остатки Израиля, станите одесную! Пшеница Іисуса Христа, отдѣлись отъ сихъ плевелъ, назначенныхъ къ сожженію . . . О Боже! гдѣ убо Твои избранные? и что Тебѣ остается въ наслѣдіе?

3.) *Развратъ міра.*

Міръ, среди всеобщаго разтлѣнія нравовъ, еще сохранилъ нѣкоторые остатки чести и правоты; что не взирая на поверхность пороковъ и страстей, есть еще, по мнѣнію его, люди вѣрные въ

дружбѣ, ревнители о благѣ отечества, любящіе истину, хранящіе данное слово, отмстители неправды, покровители слабыхъ, словомъ, рабы міра, и тѣмъ не менше друзья добродѣтели.

Се, праведники свѣта! Се герои чести и правоты, которыми пщеславится міръ, съ поруганіемъ истинныхъ поклонниковъ Господа Іисуса. Онъ уничижаетъ послѣднихъ, да вознесетъ первыхъ; хвалится, якобы честь и правота у него единаго; намъ предоставляетъ подлость, неизвѣстность, лицемѣріе и только личину добродѣтели, а себѣ присвояетъ доблесть оныя и славу геройства. О! сколь легко защитить честь Божію противъ суетнаго и надменнаго чествованія кумировъ свѣта! Довольно дхнуть на сіе зданіе гордости, и слѣды его изчезнутъ.

Сіи герои добродѣтели, которыми толико гордится свѣтъ, въ самомъ существѣ, обязаны славою своею заблужденію народному. Такъ! есть въ мірѣ люди, вѣрные въ дружбѣ; но узы ихъ связаны корыстію и пщеславіемъ: слѣдственно таковые друзья любятъ въ ближнемъ — токмо себя. Есть граждане добрые и преданные отечеству; но ихъ привязываетъ къ нему личная корысть, честь и награды. Есть любители истины; но не истины таковые ищутъ, а уваженія, которымъ пользуются всѣ любящіе истину. Есть блюстители даннаго слова; но его хранятъ единственно по тому побужденію, что боятся унизить гордость свою, изобличеніемъ себя во лжи и обманѣ. Есть мстители неправды; но, когда наказуютъ оную въ другихъ, хотятъ только себя выставить людьми честными и справедливыми. Есть покровители сирыхъ; но они принуждаютъ ихъ провозглашать въ народѣ о своемъ великодушіи. Похвалы, отъ лица угнетаемыхъ пріемлемыя, суть именно то, что имъ болѣе нравится въ состояніи уничиженія.

Ястребцовъ.

II. Какъ должно размышлять о смерти?

(Изъ Мозгейма).

Охотно признаюсь, что склоняю васъ къ такому дѣлу, которое по свойству своему и тягостно и непріятно. Двѣ причины не дозволяютъ намъ употребить воображеніе наше такимъ образомъ, какъ мы обыкновенно употребляемъ оное: вопервыхъ самая жизнь наша, наполненная разными упражненіями, препятствами, заботами и перемѣнами, которыя весьма удобно изтребляютъ впечатлѣнія, отсутствующими предметами въ насъ произведенныя. Отъ новаго впечатлѣнія ослабляется старое. Образъ предлежащей вещи изглаживаетъ образъ вещи удаленной отъ нашихъ взоровъ. Отъ того происходитъ, что мысль, которою по утру вся душа наша была наполнена, къ вечеру совсѣмъ изчезаетъ. Въ продолженіе цѣлаго дня мы видимъ столь много вещей, что первое впечатлѣніе необходимо должно уступить мѣсто послѣдующимъ, и наконецъ изгладиться совершенно. Другая причина заключается въ самомъ предметѣ, о которомъ помышлять долженствуемъ. Онъ печаленъ, слушатели, противенъ естественнымъ склонностямъ нашимъ, несовмѣстенъ съ желаніями. Кто изъ насъ охотно знакомится съ такою вещію, которая ужасаться заставляетъ? Кто изъ насъ охотно предается такимъ мыслямъ, которыя безпокоятъ душу, мучатъ ее и терзаютъ? Естлибъ я теперь сказалъ вамъ: представьте въ умѣ своемъ богатое наслѣдство, которое получите въ скоромъ времени; представьте себѣ удовольствіе, которымъ наслаждаться будете, занимаясь тѣми или другими забавами; какъ можно живѣе вообразите себѣ множество раболѣпныхъ посѣтителей, которыхъ найдете у себя въ прихожей, когда получите желаемое достоинство. О какъ быстро, какъ сильно все сіе изобразилось бы въ умѣ вашемъ! какъ мало труда стоило бы мнѣ разгорячить и самыхъ холодныхъ изъ моихъ слушателей! Я могъ бы надѣяться желаемаго успѣха, впрочемъ не имѣя

нужды ни въ отличной мудрости, ни въ особенномъ даръ краснорѣчія. Но мое намѣреніе совсѣмъ другое. Вообразите себѣ, слушатели, что тѣлесной вашъ составъ не можетъ долго быть въ такомъ состояніи, въ какомъ теперь находится. Представьте себѣ одръ, на которомъ будете безотрадно томиться. Привыкайте заблаговременно смотрѣть на покровъ, подъ которымъ будетъ лежать бездушное ваше тѣло. Заглядывайте въ могилу, въ которую опустятся ваши кости. Напрягите всѣ силы разума, помышляйте прилежно о смерти, о вѣчности, о судѣ Божіемъ. Кого усладятъ сіи слова? кто охотно станетъ внимать такимъ увѣщаніямъ? Но тягостныль они для Христіянина, желающаго ходить по пути благоразумія? Кто хочетъ достигнуть отечества, того остановятъ ли непріятности, когда онѣ суть единственное средство къ вѣрному достиженію? Старайтесь преодолѣть сіи неудобства; старайтесь обстоятельства и слѣдствія кончины своей имѣть всегда передъ глазами.

Надежнѣйшаго въ семъ дѣлѣ пособія ожидать надлежитъ отъ Бога, по волѣ своей управляющаго нашимъ сердцемъ. Моисей не просилъ бы его о низпосланіи возможности размышлять о смерти, когда бы ощущалъ въ себѣ достаточныя къ тому силы. Однакожъ, слушатели, и отъ насъ зависитъ споспѣшествовать, чтобы благость не тщетно дѣйствовала надъ нами. Обстоятельства и слѣдствія нашей смерти суть не такіе предметы, которые не могли бы вмѣщаться въ предѣлахъ разума, и до которыхъ мы не могли бы достигнуть посредствомъ размышленія. Они суть не такія вещи, о которыхъ узнаемъ не иначе какъ посредствомъ подобій и переносныхъ выраженій, и которыхъ постигнуть намъ не возможно въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи. Знаю, что о невѣдомыхъ предметахъ трудно составить себѣ ясное понятіе, и что они едва ли могутъ сдѣлать въ душѣ нашей сильное, разительное впечатлѣніе. Но обстоятельства нашей смерти не таковы; всегда можно видѣть ихъ, можно слышать ихъ и

даже можно ихъ чувствовать. Они представляются взорамъ нашимъ въ ежедневныхъ примѣрахъ, и событіе ихъ можемъ видѣть надъ подобными намъ людьми, прежде нежели на себѣ испытаемъ оное. Они всегда около и подлѣ насъ случаются; слѣдственно всѣмъ необходимо должны быть свѣдомы, всѣмъ, говорю, кромѣ только тѣхъ, кои сами хотятъ забыть о нихъ и уничтожить ихъ въ душѣ своей. Желающій навсегда въ памяти своей удержать и живо напечатлѣть сію картину имѣетъ къ тому самой удобной способъ: пускай часто посѣщаетъ тѣ мѣста, гдѣ въ примѣрахъ, надъ другими сбывающихся, можетъ читать свою будущую исторію. Правда, что прочіе окружающіе насъ предметы уменшаютъ силу впечатлѣнія, но вы старайтесь вознаградить потерю чрезъ повтореніе. Послѣдуйте моему совѣту. Вы сами примѣтите, что воспоминаніе о смерти тогда будетъ въ васъ дѣйствовать гораздо сильнѣе, нежели нынѣ. Посѣщайте прилежно людей, на смертномъ одрѣ лежащихъ. Замѣчайте поступки ихъ, слова и движенія. Наблюдайте безпокойство то умирающаго, то предстоящихъ одру ближнихъ его. Но одни только наблюденія ваши будутъ недостаточны. Все замѣчаемое вами примѣняйте къ самимъ себѣ, и говорите въ сердцѣ своемъ: „И для меня день смертный настанетъ; и я, не знаю когда, но непремѣнно буду тѣмъ, чѣмъ сталъ сей нещастный; и со мною то же случится, когда наступитъ время разлуки съ жизнію. Можетъ быть, кончина моя будетъ еще горестнѣе и плачевнѣе; можетъ быть, мною еще большая скорбь овладѣетъ; можетъ быть, во мнѣ еще менѣе разсудка останется; можетъ быть, моя болѣзнь будетъ гораздо тягостнѣе и въ страданіяхъ моихъ еще менѣе получу пособія.“ Не лѣнитесь быть часто между тѣми, которые, по кончинѣ больнаго, приготовляютъ бездушной трупъ его къ погребенію. Взирая на сіи бѣдные остатки человѣка, который въ жизни своей часто безъ нужды потѣлъ надъ великими и обширными предпріятіями; взирая на сію груду персти, которая мало по малу по-

селяетъ отвращеніе въ оставшихся; взирая на старанія, съ какими живые поспѣшаютъ очистить домъ свой отъ сего противнаго трупа, взпомните, что нѣкогда и съ вами то же послѣдуетъ. Положите самихъ себя, или лучше сказать, положите свое тѣло, которое вы столь тщательно бережете и украшаете, на мѣсто лежащаго передъ вами бездушнаго трупа; вообразите себѣ, что самихъ васъ тотчасъ понесутъ къ могилѣ; заставьте себя думать, что тѣсной домъ, принесенной для покойника, для васъ приготовленъ; по крайней мѣрѣ увѣрьте себя при семъ позорищѣ, что и для вашего гроба доски уже готовы. Приходите почаще туда, гдѣ сложены въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ кости тѣхъ людей, которые, живучи на семъ свѣтѣ, весьма различествовали между собою и возрастомъ, и званіемъ, и способностями, и достоинствомъ. Тамъ наблюдайте, какъ по смерти сдѣлались равными всѣ тѣ, кои въ здѣшней жизни ревностно желали и старались быть отличными. Помышляйте, что все видимое вами останется послѣ васъ въ мірѣ, столь страстно вами любимомъ. Являйтесь часто въ тѣхъ собраніяхъ, гдѣ, по смерти сильныхъ, великихъ и знаменитыхъ, бесѣдуютъ о качествахъ и поведеніи умершаго. Изъ того, что услышите въ сихъ собраніяхъ, учитесь познавать ничтожность заботъ и попеченій, коими обременяютъ себя люди, во всю жизнь свою ни о чемъ болѣе какъ о суетныхъ почестяхъ непомышляющіе. Какъ часто будете вы слышать презрительные отзывы и хуленіе о тѣхъ, кои почитали себя чуждыми порицанія! какъ часто будете слышать, что люди, кои думали о себѣ, будто стяжали неоспоримыя права на отличное уваженіе, навлекли на себя стыдъ и безчестіе! какъ часто будете слышать, что называютъ честолюбивыми глупцами тѣхъ, передъ коими въ жизни раболѣпно покланялись; что осуждаютъ на вѣчное забвеніе тѣхъ, которые въ мірѣ семъ хотѣли быть безсмертными; что радуются о смерти тѣхъ, которые въ жизни чаяли

по себѣ слезъ и рыданій; что вовсе не уважаютъ разпоряженій, сдѣланныхъ тѣми, которые почитали себя вѣчными законодателями! Вотъ воздаяніе тѣмъ, которые душею преданы міру, и всѣ труды свои и заботы посвящаютъ или себѣ, или другимъ людямъ! Вотъ корысть, получаемая нами въ семъ свѣтѣ за то, что мы ни тѣла, ни души не щадимъ для пріобрѣтенія имени героя, мудреца, ученаго мужа! Естьли сердце ваше наполнится сими чувствіями, то постарайтесь удержать ихъ при себѣ какъ возможно долѣе. Многіе, ощутивши въ себѣ мысли суровыя и непріятныя, тотчасъ поспѣшаютъ въ общество безпечныхъ весельчаковъ, чтобы разсѣять грусть и развеселиться. Не подражайте симъ людямъ, а иначе никогда не испытаете полезнаго размышленія о смерти. Естьли хотите короче узнать самихъ себя, удалитесь на короткое время отъ свѣтскаго шуму, и въ такомъ уединеніи разсудите о томъ, что произвело въ васъ такое сильное впечатлѣніе. Пребудьте, говорю, на малое время въ уединеніи, и вмѣстѣ съ Моисеемъ молите Господа Бога, да научитъ васъ размышлять о смерти. Сіе благочестивое, безмолвное созерцаніе укрѣпитъ васъ, и подастъ способы сохранить память о кончинѣ и тогда, когда упражненія, съ должностію неразлучныя, когда разные житейскіе случаи, когда обхожденіе съ людьми не благопріятствовали бы оной.

Каченовскій.

В. Свѣтскія рѣчи.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Подлинники.

I. СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
Императрицѣ Елисаветѣ I. (*).

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ который подъ благословенною державою Всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій престолъ возшествіи, возможно было намъ, радостію возхищеннымъ, вознестися до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ возходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся возклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою

(*) Говоренное Ноября 26 1749, въ собраніи С. П. Б. Академіи Наукъ.

Всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся. Тамъ со благоговѣніемъ предстоя олтарю Господню, чинъ священный, съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ, сошедшись на праздничное пиршество градоначальники и граждане, въ любовной бесѣдѣ возпоминаютъ труды Петровы, совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшія Его Дщери; индѣ, по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ ликуя, скачутъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели, покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе возпоминаютъ, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ, по пространнымъ полямъ Асійскимъ разъѣзжая, степные обитатели, хитрымъ изкусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ, и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея Повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенія достигнуть и толикимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду, вожделѣннымъ присутствіемъ Всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное Ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается, и разсѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ: на немъ истинное благочестіе, веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость, укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе, примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ

прозорливую премудрость, на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для разпространенія наукъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное Общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Ни горы, ни лѣсы закрыть не могутъ божественнаго Ея зрака, начертаннаго въ душахъ нашихъ. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайщія уста, повелѣвающія насъ возставить, и очи, человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука, подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, не щадя Своихъ иждивеній; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное Свое покровительство; отворить имъ къ Себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхотному предстателю изъ Своихъ ближайшихъ, есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи наукъ, и превозносся великую благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Не изображаю словомъ блистающія лѣпоты лица Ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста, Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы, къ ношенію вѣнца рожденной, ни устъ, щедроту източающихъ, ни очей, воззрѣніемъ оживляющихъ: ибо ко всѣмъ человѣколюбивая Государыня взоръ свой обращаетъ; всякъ видитъ, всякъ въ умѣ своемъ изображаетъ, что такъ Великій Петръ обращалъ свои очи, взирая на обновляющуюся Россію; такъ произносилъ свой голосъ, укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ подданныхъ; такъ простиралъ свою руку, учреждая художества и науки, повелѣвая устроить полки ко брани и выходить флоту въ море; такъ возносилъ главу, въѣзжая въ побѣжденные грады, и попирая поверженное непріятельское оружіе;

толь бодро шествовалъ, осматривая свои начинающіяся стѣны, строящіеся корабли, изправляющіяся суда, и среди моря со дна возстающія пристани и крѣпости. Не представляю внѣшнихъ Монархини нашея достоинствъ, но внутренніа душевныя токмо изобразить потщусь Ея дарованія, которыхъ лику предходитъ любезное Богу, любезное человѣкамъ благочестіе, крѣпкое утвержденіе государствъ, красота вѣнцевъ Царскихъ, непостыдная надежда во брани, неразрывное соединеніе человѣческаго общества. Коль великія нестроенія, брани и человѣкоубійства въ народахъ единой крови и единаго языка отъ раздѣленія вѣры произходятъ; толь напротивъ того крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаетъ ихъ единство вѣры, которая хотя много ученіемъ, однако больше примѣрами укрѣпляется! Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру изповѣдуетъ, и, единою благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ Ней примѣръ къ утвержденію въ православіи видитъ. — Коль горячимъ усердіемъ возпаляются сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предстоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзаютъ противъ сопостатовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ крѣпкій въ брани, Богъ, благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходитъ! Коль великою радостію возхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея богоугоднымъ присутствіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ, аки невѣста въ день брачный, торжествующая Россійская церковь, блистая порфирою и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышается окружена славою къ пресвѣтлому жениха своего престолу, и показуя ему свое великолѣпіе, вѣщаетъ: такъ украшаетъ меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета; украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею добротою славы: возноситъ рогъ мой въ поднебесной; вознеси Ее надъ всѣми обладателя-

ми земными: посѣщаетъ меня посѣщенїемъ усерднымъ; посѣти Ее благодатїю твоею неотступно: утверждаетъ столпы мои въ Россїи; утверди здравїе Ея непоколебимо: споспѣшествуетъ мнѣ въ побѣжденїи невѣрїя; споспѣшествуй Ей въ побѣжденїи гордыхъ и завистливыхъ супостатовъ, и благословенїемъ твоимъ и силою твоею свыше осѣни Ея воинства. Сему священному церкви святыя гласу согласуется всѣхъ подданныхъ желанїе; по сему вѣруемъ, что непобѣдимый благочестивыхъ поборникъ, славы Господь, во всѣхъ предпрїятїяхъ и дѣлахъ Августѣйшїя Единодержицы нашея есть предводитель и защитникъ, и высокою десницею своею управляетъ Ея мужествомъ, которому ни внутрь Россїи вкоренившїеся, ни отвнѣ наступающїе непрїятели не могли стать противу. Сїи побѣждены въ едино лѣто, а оные въ едину ночь низвержены. Окруженный крѣпкою стражею вѣнецъ отеческїй и скипетръ, сильною рукою держимый, и великою властїю объятую Россїю взять въ свое повелительство — есть дѣло и мужескому сердцу страшное, и великому Герою едва преодолимое. Но Богомъ предводимая Героиня наша съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества презираетъ всѣ препятства, безъ пролитїя крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости прїемлетъ свое наслѣдство. Просвѣтился Монаршескїй домъ Ея входомъ, возсїялъ престолъ вступленїемъ, и веселящимся Россїянамъ казалось, что и стѣны Петровы двигались радостїю оживленны. Ужаснулись тогда вѣроломные Балтїйскїе бреги; приступающїе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые супостаты оцѣпенѣли, и завистливый взоръ свой вспять обращая, больше о бѣгствѣ нежели о сраженїи помышляли. Изображался въ устрашенныхъ умахъ ихъ Петръ Великїй, въ мужественной своей Дщери живущїй; представлялись имъ отцы ихъ въ мысли, лежащїе въ крови своей на поляхъ Полтавскихъ, и многїя тысячи ихъ народа, ведомаго въ плѣнъ на отдѣленныя половиною свѣта степи; мечтались имъ горящїе ихъ грады и веси, приго-

товленныя Россійскія галеры ходить по суху, какъ по морю; Россійскія галеры и выѣзжающіе противъ ихъ изъ волнъ морскихъ всадники. — Побѣждена Швеція Ея великодушіемъ; страшится Ея непобѣдимыя силы, но больше чудится великому и благородному духу. Ибо пріобрѣтши толь великія преимущества, непобѣдимая Государыня, съ побѣжденными въ конецъ, миръ заключаетъ; но справедливѣе сказать, преступившимъ, вину прощаетъ. Кто всю врага своего силу въ рукахъ имѣетъ, и всю свою волю надъ нимъ исполнить можетъ, однако отдаетъ все обратно, и уже поверженнаго и противиться немогущаго возставляетъ, тотъ не больше ли прощаетъ, нежели примиряется? Но далѣе простирается прехвальная сія Монархини нашея добродѣтель; большій примѣръ великодушія показуетъ Россійская Героиня. Ибо не токмо отпустивъ врагамъ своимъ продерзость, миръ и тишину и земли покоренныя возвращаетъ, но и оружіе свое простираетъ къ ихъ защитѣ; отвращаетъ съ другой страны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ престола купно съ вольностію утверждаетъ.

Изкусный мореплаватель, не токмо въ страшное волненіе и бурю, но и во время кротчайшія тишины бодрствуетъ, укрѣпляетъ орудія, готовитъ парусы, наблюдаетъ звѣзды, примѣчаетъ перемѣны воздуха, смотритъ на возстающія тучи, изчисляетъ разстояніе отъ береговъ, мѣритъ глубину моря, и отъ потаенныхъ водою камней блюдется. Подобнымъ образомъ премудрая Елисавета, хотя радуяся взираетъ на своихъ подданныхъ, наслаждающихся дарованнымъ отъ Ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печется; ограждаетъ разпростертымъ по земли и по морю оружіемъ, и тѣхъ, которые мечемъ не могутъ, но мыслями воюютъ, проницательнымъ окомъ назираетъ; открываетъ потаенныя тихими струями лести непріятельскія коварства; разсуждаетъ о прошедшемъ, разсматриваетъ настоящее, будущее предвидитъ.

Того ради естьли кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый Ея промыслъ: и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако почувствовавъ свое наказаніе, помыслитъ, что изсякло море, прекратили теченіе рѣки, и горы опустившись, въ равныя поля претворились: помыслитъ, что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его пристала. Покойся въ радости, возлюбленное отечество, и безмятежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ премудрыя твоея Повелительницы наслаждайся! Коль безопасно твое благополучіе! Коль несравненно съ прочими твое блаженство! Другіе на дымящіяся развалины разоренныхъ отъ непріятеля градовъ своихъ со слезами взираютъ; но ты на возходящія къ облакамъ новыя великолѣпныя зданія радостный взоръ возводишь. Другіе день и ночь страхомъ объяты трепещутъ, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ граждань и единородную кровь по стогнамъ проливающихъ; но ты единодушныхъ сыновъ единыя общія всѣхъ Матери согласнымъ подданствомъ укращаешься! Иные отъ пресѣченія купечества, отъ разрушенія художествъ, отъ попранія земледѣльства нагоmу и алчбу претерпѣваютъ; но въ тебѣ купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатствомъ торжища, возрастаютъ науки и художества, и житницы твои преизобилуютъ. Иные хотя отъ военнаго шума и страха свободись, однако видятъ плачевные слѣды своихъ сопостатовъ, и суровой оныхъ видъ ясно еще изображается въ ихъ мысляхъ; но тебя, въ безпрерывной тишинѣ покоящуюся, ниже въ сонныхъ привидѣніяхъ военные страхи возмущаютъ. Сіе твое дражайшее и святое спокойство отъ единаго премудраго попеченія прозорливыя твоея Государыни происходитъ. Ея провидѣніе и промыслъ довольствуетъ тебя изоби-

лїемъ, увеселяетъ общимъ согласїемъ, обогащаетъ купечествомъ и безмятежнымъ земледѣльствомъ, украшаетъ возлюбленнымъ миромъ, и громкою твоею славою вселенную наполняетъ. Сїе совершенное наше удовольствїе, общее увеселенїе, обильное обогащенїе, прїятное украшенїе, сїю всемїрную нашу славу умножаетъ несравненная Монархиня божественнымъ своимъ человѣколюбїемъ, когда возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой все человѣческое могущество превзойти не можетъ, крайнимъ къ подданнымъ своимъ снизходительствомъ превыше смертныхъ жребїя возходитъ. — Таковую Ея Величества особливую добродѣтель хотя всякъ вѣрный подданный, хотя все Россїйское Государство чувствуетъ, хотя повсюду щедрая Ея рука обильные дары изливаетъ, такъ что скорѣе голосъ мой ослабѣетъ, языкъ притупится и слово оскудѣетъ, нежели подробну Ея благодѣянїя изчислитъ; однако учрежденное отъ дражайшихъ Ея Родителей сїе собранїе великодушнымъ щедролюбивыя Государыни призрѣнїемъ такъ удовольствовано и такъ снабдено, что крайнѣйшею благодарностїю усердствуя, ни вящшаго себѣ благополучїя представитъ, ниже къ засвидѣтельствованїю своего удовольствїя и рабской искренности удобныхъ способовъ изобрѣсти можетъ. Сїе благодѣянїе тѣмъ больше, тѣмъ преславнѣе и Петровой Дщери достойнѣе, что не токмо до насъ единыхъ, не токмо до учащагося здѣсь юношества, но до всякаго чина и званїя, до всего Россїйскаго Государства, до всего рода человѣческаго касается. Ибо не токмо мы, довольствуясь Ея Величества щедротами, иные въ откровенїи естественныхъ таинъ и въ изслѣдованїи пречудныхъ дѣлъ премудраго Создателя въ спокойствѣ услаждаемся; иные, преподая наставленїе учащимся, съ радостїю чувствуемъ являющїеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащїеся питаемы обильною Ея рукою безъ попеченїя о своихъ потребностяхъ, только о наученїи стараться могутъ, но общее благополучїе предлагается. Нѣтъ

ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, который бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы его престолъ взирать мысленно, и проповѣдывать его величество, премудрость и силу? Къ сему отворяетъ Астрономія пространное рукъ его зданіе; весь видимый міръ сей и чудныхъ дѣлъ его многообразную хитрость Физика показуетъ, подая обильную и богатую матерію къ познанію и прославленію Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду ко взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ Государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, теченіе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? Сіе ясно показуетъ Географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вящше къ мужественному противъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ Героевъ? Сіи приводитъ на память Исторія и Стихотворство, которое прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ; обоими прехвальныя дѣла Великихъ Государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности изторгаются. Что превозходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показуетъ непрелестный путь произволенію, укрощаетъ человѣческія страсти, и естественные и гражданскіе законы утверждаетъ? Сіе изполняетъ Философія. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? Обои сіи Медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ махинъ и знанія внутренняго вещей сложенія? Сіе открываетъ Химія; Механика оныя составляетъ. Всѣ

сіи точною и осторожною Математикою управляются. Всѣ къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣяніе въ Россіи умножатся, процвѣтутъ, и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произраститъ здѣсь насажденное Петромъ, огражденное милостію и напоенное щедротою достойныя толикаго Родителя Дщери, прекрасное премудрости древо; возраститъ и вѣтви свои разпростретъ по всей вселенной. Отверзта богатою Ея Величества рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности разпростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрящутъ, и въ новомъ великолѣпіи, на нечаянной высотѣ, на самомъ верху своего совершенства поставленномъ, себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной Ея Величества державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило возходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ, великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верхахъ и въ нѣдрахъ горъ, выше облаковъ возходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ протекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ, полныхъ дивными Божіими чудесами, подъ Елисаветиною державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимою Ея силою огражденной? Толи-

кою добродѣтелію украшенъ престолъ Всероссійскій! Таковыхъ Монарховъ посылаетъ Богъ на землю, когда онъ смертныхъ милуетъ; толь благочестивыхъ, когда моленія ихъ слышать и приношенія пріимать соизволяетъ; толь мужественныхъ и великодушныхъ, когда враговъ ихъ повергнуть и посрамить хочетъ; толь премудрыхъ, когда блаженство ихъ умножить предпріемлетъ; толь человѣколюбивыхъ, толь милосердыхъ и толь щедрыхъ, когда ихъ утѣшить, умножить и ущедрить преклоняется! Красуйся великими сими Вышняго дарами, Всемилостивѣйшая Государыня, и божественными Твоими благодѣяніями увеселяйся! Куда Твое пресвѣтлое око ни обратится, вездѣ радостныя лица Твоихъ подданныхъ, вездѣ избавленныхъ Твоимъ великодушіемъ, и только милосердіемъ Твоимъ живущихъ, вездѣ обильно Тобою награжденныхъ и Тобою возвышенныхъ видитъ. Вся Сѣверная страна хотя во всякое время, однако особливо въ сей пресвѣтлый праздникъ, по прошествіи плодоноснаго лѣта и при окончаніи благословенной осени, отъ земли плодами, отъ моря богатствомъ, отвсюду Твоимъ щастіемъ изобилующая, многочисленными торжествующихъ гласы превозноситъ Твое преславное на отеческій престолъ возшествіе, и оныя восклицанія, которыя тогда отъ внезапной радости и отъ истинной любви происходили, нынѣ многократно повторяетъ.

Ломоносовъ.

II. РѢЧЬ,

говоренная Сентября 2го 1793 года отъ лица Сената и народа Россійскаго Екатеринѣ II. по заключеніи мира съ Турками въ Яссахъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Больше тридцати лѣтъ, что Россы, Тобою блаженны, о Тебѣ радуются; но днесь услыши, трикраты торжествующая Побѣдительница, гласъ Сената, возклицанія усерднаго народа, Тобою превознесеннаго. Мы громко вопрошаемъ вселенную, кто Царь велій, яко Царица и Матерь наша? И не слышимъ ни кого же уподобляемаго Тебѣ. Паче всѣхъ и Ты едина стяжала вѣнецъ непомраченныя славы, будучи кротка, премилосерда и благотворительна своимъ подданнымъ, врагамъ однимъ ужасна, когда поправъ законы міра, принуждали Тебя извлекать острый мечь въ оборону Отечества и да накажутся по дѣламъ своимъ. Три войны отъ странъ южной и полунощной зависть и злоба на насъ устремляли, терзаяся блаженствомъ Россіи, которое во дни Твои зиждется. Не оскудѣло мужество Твое, ратуя во многіе годы: отъ духа Твоего вождь мудрость, воинъ храбрость пріяли: Ты ихъ руку направила, да вознесутъ имя Твое, да прославятъ ополченную Россію знаменитыми побѣдами въ моряхъ и на сушѣ; народъ же Твой не позналъ отъ того ни раны, ни тягости, воеже дивитися міру. Сыны Отечества, взыграйте радостію! Враги повержены и не возстанутъ! Наша Владычица во мзду своихъ трудовъ свѣтло торжествуетъ! Возстани Петръ Первый, и удивися второму преображенію Россіи! Воззри на полки, какъ въ новомъ устройствѣ и во умноженіи выводитъ Екатерина II. въ Европѣ, въ Азіи всегда побѣждающая. Взгляни на флотъ Балтійскій, во младенчествѣ Тобою оставленный, колико раченіемъ Ея возросшій въ исполина, сокрушаетъ въ ближнемъ и отдаленныхъ моряхъ водныя силы нашихъ супостатовъ. Три части свѣта многіе вѣки

устрашавшая Турецiя и собственно Тобою напряженный подвигъ преломившая, виждь, съ какими ранами двукратно падаетъ подъ оружiемъ мужественныя Екатерины: Ты оставилъ поверженнымъ Азовъ, Меотiйскiя и Эвксинскiя воды Россiи заперты; сильная рука Екатерины воздвигла сей градъ и многiе вновь; разторгнула поносные узы, овладѣла царствомъ Тавриды, страною древнею Тьмутаракань, гдѣ властвовало колѣно Князей Россiйскихъ; потребила отъ лица земли хищные роды Татаръ, вѣчно враждовавшихъ нашему Отечеству; создала флотъ новой на Черномъ морѣ, что при своемъ рожденiи уже побѣдоносецъ; а чрезъ оной простерла предѣлъ Россiи во всѣ концы тѣхъ водъ; ибо на оныхъ Ея созданiе владычествуетъ. Для Персовъ, для Грековъ, и самыхъ Римлянъ, во свое время всесильныхъ, Кавказъ неприступный, отверзаетъ входъ оружiю Екатерины, и власть Россiи въ него вливается. Отъ сихъ пространныхъ завоеванiй обрати душевныя очи на десную страну: Се Двина и Днѣпръ текутъ въ нашихъ объ онъ полъ предѣлахъ: отъ Самогицiи на долготу Днѣстра простерта наша граница. Страны намъ единоплеменныя, отторгнутыя Сарматами, обрѣли свое избавленiе въ вѣкѣ Екатерины Второя. Рукою и разумомъ Ея присоединены яко оторванные члены къ тѣлу Россiи и составляютъ нынѣ пять нашихъ Провинцiй многолюдныхъ и преизобильныхъ. Внимай не единымъ бранноноснымъ подвигамъ, но и внутреннему нашему блаженству, колико пресыщается онымъ мирный гражданинъ, пользуясь разпространенными науками, Тобою насажденными, новыми судилищами, обширными способами торговли и безчисленными милостями всѣмъ и непрестанно благотворящей Монархини. Ты шествовалъ въ страны чужiя обрѣсти знанiя, недостававшiя въ Отечествѣ. Очи наши видѣша приходящихъ Царей къ Екатеринѣ Второй созерцати дѣянiя Ея и поучатися царствовать. Потомство Грецiи, разливавшей мудрость всѣмъ народамъ, пiетъ теперь источникъ наукъ въ нашемъ Отечествѣ. Насладившися ра-

достію отъ сихъ преуспѣяній, почій душа безсмертная, пріосѣненная толикою славою Екатерины; ибо ни единъ какъ Она изъ преемниковъ Твоего престола не почтилъ и Твоей памяти толь достойно.

А Ты, Всеавгустѣйшая Монархиня, даждь намъ волю, да въ сей торжественный день возторжествуетъ предъ Тобою народа Твоего совершенная благодарность. Ты возлюбила его яко свое чадо; благотвореній Твоихъ, что въ краткомъ словѣ не вмѣщаются, всѣ состоянія изполнишася. Ни единъ изъ подданныхъ не уронилъ капли слезъ, чего либо лишенный, а проливали отъ радости източники оныхъ, когда Ты каждаго заслуги награждала, когда милости и прощенія текли миліонами. За сію добродѣтель премилосердаго Твоего сердца, за неусыпныя попеченія о благѣ общемъ, мы должны провозгласить Тебя Матерію Отечества; по величію же Твоего духа, что Ты оружіемъ преодолѣла враговъ, а чрезъ свою мудрость возвратила вѣками утраченное достояніе Россіи, прославила и умножила Отечества могущество, разширивъ предѣлы онаго пріобрѣтеніемъ странъ пространныхъ, миліонами людей населенныхъ, посвятить Твоему имени проименованіе Великая. Хотя мы изъ устъ Твоихъ слышали, что въ жизнь Свою не хощеши сихъ нареченій, а оставляешь потомству безпристрастно судить Твои дѣла: но почто же, Всемилостивѣйшая Государыня, честью достойною не намъ, Тебѣ служившимъ, но будущему роду возхвалитися? Почто желаеши, да видящіе умолчатъ и вѣрующіе о Тебѣ возглаголютъ? Когда же не благоволиши о сей жертвѣ сердецъ нашихъ, да знаменуются на Тебѣ вѣчно любовь и благодарность щастливыхъ чадъ Твоихъ: то мы въ оправданіе своихъ чувствъ не предъ Тобою, а предъ лицемъ Свѣта, предъ согражданами и нашими потомками провозглашаемъ, что титло Матери, титло Великія, принадлежитъ Тебѣ по благости сердца, по дѣламъ Твоего духа. Подвигомъ добрымъ Ты возбудила и возвеличила въ Своемъ народѣ сродныя ему дарованія; аще хощеши прославить и

благодарность его, реки: буди вамъ по глаголу вашему; и то даруя простри намъ въ милость десницу Твою, враговъ сокрушившую, Россію возносящую.

* * *

III. РѢЧЬ

о пользѣ просвѣщенія. (*)

Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего, дерзаю посредѣ градскаго стогна возвысить голосъ мой, и не взирая на мое низкое состояніе и на мою убогую одежду, просить тебя, да услышанъ буду. Не безъизвѣстно вамъ, высокоименитые слушатели, что иногда самый простый и сѣрый камень содержитъ въ себѣ вещество огненное; едва коснется ему сталь, онъ испускаетъ изъ себя сильныя искры. По воспитанію моему и по рожденію я человѣкъ грубый; я бѣдный однодворецъ и теперь только отъ сохи; но услыша, что Всемилостивѣйшая Государыня благоволила приказать, въ здѣшнемъ городѣ открыть народное училище, почувствовалъ я нѣкое возхитительное потрясеніе въ душѣ моей. Вѣсть сія, подобно крѣпкому желѣзу, ударила въ мое сердце, разверзла его жесткія поры и произвела пламень, котораго я угасить не въ силахъ. Онъ, поядая мою внутренность, изливается на языкъ мой и никакъ не остается подъ спудомъ. Сіи то самыя искры усердія, сіи то самые блески радости и пламенныя чувствованія благодарности, пришелъ я возвѣстить на теперешнее позорище, отъ лица всего низкаго народа, получающаго днесь

(*) Говоренная 22 Сент. 1786 года при открытіи въ Тамбовѣ Главнаго Народнаго Училища, Козловской округи, села Никольскаго, что на Суренѣ, Однодворцемъ Петромъ Михайловымъ сыномъ *Захарьинымъ*.

начатокъ своего просвѣщенія отъ Тебя, Премилосердая Матерь отечества! Тебѣ да изліется благодарность отъ грубыхъ и едва словесныхъ устъ моихъ. Прочихъ Монарховъ проповѣдывали великіе Риторы; у Екатерины Великой занимаетъ простый поселянинъ ихъ мѣсто.

Но прежде, нежели я простру слово мое къ прославленію и благодарности несравненной Монархини, прошу васъ, почтеннѣйшіе слушатели, удостоить вашимъ вниманіемъ слабое мое разсужденіе о простомъ народѣ, для котораго учреждено сіе училище.

Ежели испытатели природы, раздѣляя оную въ разсужденіи совершенствъ на царства, не токмо въ особенности, между находящихся въ ней тварей, усматриваютъ въ преимуществахъ или недостаткахъ ихъ разность; но хотя не ясно, однако вѣроподобно, угадываютъ и тѣ таинственныя колѣна или переходы отъ одного царства къ другому, которыми связывается и содержится великая цѣпь твореній: то разсматривая роды животныхъ, одаренныхъ движеніемъ, внутреннимъ чувствованіемъ, раждающихся, растущихъ, производящихъ себѣ подобныхъ и умирающихъ, безъ сомнѣнія думать должно, замѣтили они и ту степень, которая сближаетъ скота съ человѣкомъ. Сію непостижимую смежность ни въ коихъ тваряхъ лучше, кажется, предопредѣлить не возможно, какъ между дикими людьми и обезьянами. Въ самомъ дѣлѣ, ежели отнять даръ смысла и даръ слова отъ Готтентота, то какое животное ближе сего сравняться можетъ съ Орангутангомъ? Сія обезьяна, какъ организаціею внутреннихъ чувствъ, такъ и наружнымъ устроеніемъ тѣла, имѣетъ удивительное съ человѣкомъ сходство. Подобно все и дѣйствія людей дикихъ весьма сходствуютъ съ механическимъ движеніемъ безсловесной твари. Рѣдко они имѣютъ о чемъ понятіе; рѣже еще тѣ понятія свои сравниваютъ между собою, и производятъ собственно отъ себя свободныя мысли; но безъ всякаго разсужденія, подражая себѣ подобнымъ или въ кругу себя находящимся другимъ

животнымъ, или по единственному побужденію естественныхъ тѣлесныхъ нуждъ своихъ, производятъ они тѣ или другія дѣйствія. Изъемля нѣкоторыя разности нравовъ, обычаевъ, влiянныхъ отъ климатовъ, отъ окружающихъ предметовъ, и обстоятельствъ, по которымъ дикіе народы, иные больше, другіе менше сходствуютъ съ людьми просвѣщенными, чернь, разсѣянная по лицу земному, вездѣ себѣ подобна. Не имѣя расширеннаго нужными свѣденіями разума, ни исправленнаго добрыми навыками сердца, весьма близко она подходитъ къ Орангутангамъ, Понгамъ, Іоккамъ и тому подобнымъ безсмысленнымъ и безсловеснымъ животнымъ. Она или свирѣпствуетъ, устремляясь за добычею, или погружается въ сонъ, насытясь оною. Съ самаго начала свѣта, лѣтописи царствъ земныхъ представляютъ намъ ее въ разсужденіи различныхъ ея дѣйствій подобною медвѣдицѣ, которую поводильщикъ, возхитивъ въ самой ея младости изъ берлога, продѣвъ ей въ ноздри кольце, водитъ всюду за собою; то приласкивая ее пищею, то усмиряя дубиной, повелѣваетъ лежать или прыгать по своему произволенію. Часто, наполняя слѣды свои кровію, разсвирѣпѣвъ разтерзывала она и своихъ поводильщиковъ. Часто утомленная гладомъ, по неволѣ плясала, коверкалась и оказывала странныя дурачества, или живя на свободѣ, скиталась по пустынямъ, бродила туда и сюда, съѣдала меншихъ себя животныхъ и засыпала въ ямахъ. Се бѣдственный и печальный образъ твари, имѣющей божественное дарованіе быть человѣкомъ, быть малымъ чѣмъ менше Ангеловъ! Се образъ Кафровъ, Акридофаговъ, Негровъ, Лопарей, Камчадаловъ и имъ подобной Чуди! Се образъ вообще непросвѣщенной черни! Се образъ едва ли не собственнаго моего состоянія! Я содрогаюсь, взирая на столь низкую и сожалѣнія достойную степень человѣчества!

Хотя многіе великіе мужи и истинные любители человѣческаго рода, съ самой древности

въ разныхъ временахъ бывшіе, прилагали всевозможные труды и попеченія, возвысить уничижившееся достоинство человѣка, просвѣтить его умъ и изправить его сердце, но большая часть звѣроподобныхъ вождей и обладателей вселенной или лучше собственное самихъ народовъ невѣжество преобращало въ ничто ихъ благодѣтельскія намѣренія. Свѣтъ едва появляющійся или угасалъ при первыхъ его возпаленіяхъ, или безсиленъ былъ обнять всю землю. Доказывается сіе чрезъ то, что благовѣстіе Христа Спасителя не всюду еще разпространилось. Находятся народы, ни малаго о томъ понятія неимѣющіе. Россія хотя имѣла и у себя Героевъ, вводившихъ просвѣщеніе, начавъ съ Великія Княгини Ольги, возпріявшей первоначальное въ Россіи крещеніе, и не нарицая по именамъ многихъ Великихъ Князей и Царей, разпространившихъ благочестіе и ученіе книгъ церковныхъ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ основалъ Заиконоспасскую Духовную Академію, а Петръ I. училище навигаціи, цыфирныя школы и Академію Наукъ; Императрица Анна Іоанновна Кадетскій корпусъ; Императрица Елисаветъ Петровна Московскій Университетъ и Гимназіи. Нынѣ же благополучно царствующая Всемилостивѣйшая наша Государыня Екатерина II. не токмо всѣмъ онымъ учрежденіямъ предковъ Своихъ и Семинаріямъ благоволила даровать новую лѣпоту и блистаніе, проліяніемъ обильныхъ щедротъ Своихъ, къ разпространенію ихъ служащихъ, опредѣля на всѣхъ достаточныя суммы; но еще сверхъ оныхъ соизволила учредить разные наукъ и художествъ Корпусы, возпиталище женскаго пола, Россійскую Императорскую Академію, и повелѣла особой коммиссіи во многихъ губерніяхъ учредить Университеты. А наконецъ провидя, что и сихъ училищъ для обширнѣйшей Имперіи Ея недостаточно; что оныя устроены почти для дворянства и духовныхъ; что простому народу, находящемуся въ селахъ и деревняхъ, неудобно и невозможно по отдаленности мѣстъ занимать просвѣщенія въ Академіяхъ, Университетахъ и Семинаріяхъ; что

надобно имѣть разсадники первоначальныхъ знаній, откуда бы наполнять вышепомянутыя вышнія училища, и разширять садъ просвѣщенія въ обширной Ея державѣ, безъ коихъ никогда бы онъ не дошелъ до желаемаго цвѣтущаго состоянія: ибо никогда тотъ садовникъ не разбогатѣетъ плодами, который только плодоносныя деревья выписываетъ изъ чужихъ земель, не заготовляя въ собственныхъ своихъ разсадникахъ на смѣну ихъ младыхъ лѣторраслей; для того сія Прозорливая Монархиня обратила человѣколюбивый взоръ Свой на простый народъ, и не взирая на адскую политику коварныхъ умовъ, что ни обогащать, ни научать черни не должно, повелѣла установить и открыть нынѣ народныя школы, въ которыхъ всякаго состоянія людямъ отверзты къ просвѣщенію двери, и въ которыхъ, ежели мнѣ поздно уже получить украшеніе неочищенному моему разуму и неустроенному моему сердцу, то сынъ мой, сей принесенный теперь сюда на рукахъ матери его, будетъ невозбранно почерпать източникъ свѣта отъ сокровищъ Великія Екатерины.

Проснитесь, въ Бозѣ почивающіе блаженные и человѣколюбивые Россійскіе Монархи, вводившіе въ народъ сей просвѣщеніе! проснитесь, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и ты Великій Императоръ Петръ! проснитесь и воззрите на Преемницу Вашу Екатерину Вторую! Она наполняетъ садъ Вашъ юными лозами, который съ сего времени никогда не оскудѣетъ. Вы основали духовную и свѣтскую Академіи, а Она народныя школы. Вы обучали дворянъ и духовенство, а Она, усугубя ваши заведенія, просвѣщаетъ чернь! Кто изъ васъ болѣе? — Предвѣчная Премудрость, для возстановленія падшаго человѣческаго естества снизходила съ небесъ сими стезями. Она излила отъ духа своего, и пророкла всяка плоть. Она основала храмъ благовѣстія своего среди простыхъ сердецъ. Въ сей храмъ, въ сіе народное училище, изторгая изъ объятій матернихъ сына моего, съ радостнымъ восторгомъ предаю я, да будетъ онъ человѣкъ!

Слушай, сынъ мой, услышь меня и ты, простый народъ, ты будешь человѣкомъ: здѣсь, почерпая твердыя основанія православной вѣры нашей и понимая великія истины Евангельскаго благовѣстія, ты будешь безъ суевѣрія и безъ ханжества прямымъ Христіяниномъ. Здѣсь, навыкая обязанностямъ гражданина, ты будешь послушнымъ сыномъ, вѣрнымъ супругомъ, надежнымъ пріятелемъ, мирнымъ сосѣдомъ, чадолюбивымъ отцемъ, благопокорнымъ начальству подчиненнымъ, ревностнымъ къ службѣ Государя твоего подданнымъ. Ты не преломишь совѣсти на судѣ, не пощадишь груди своей въ сраженіяхъ за пользу отечества и за славу своего Монарха; здѣсь пріобыкнешь ты быть не тунеядцемъ, помня, что всякъ земнородный долженъ въ трудахъ своихъ снѣсти хлѣбъ свой. Здѣсь уразумѣешь ты движеніе тѣлъ, и будешь разумнымъ ремесленникомъ. Здѣсь обрѣтешь познаніе причинъ естества, и будешь домовитымъ хозяиномъ, богатымъ нивъ пахаремъ, разумѣющимъ свойство земли, и время повѣрить оной сѣмена свои. Словомъ, ты будешь человѣкомъ: ибо Екатерина Великая желаетъ управлять людьми.

Наконецъ, когда ты вѣдаешь, сынъ мой, чѣмъ ты будешь; равномѣрно обязанъ съ младыхъ твоихъ ногтей знать и то, какою благодарностію преизполненъ быть ты долженъ во всѣ дни живота твоего Премилосердой Матери твоего Отечества, Всемилостивѣйшей твоей Возпитательницѣ и Просвѣтительницѣ; какими душа твоя преизобиловать должна чувствіями при воззрѣніи на божественный образъ Ея, при возпоминаніи безсмертнаго имени Ея, при торжествѣ великаго дня сего, когда Она взошла на Высочайшій престолъ, а ты вступилъ въ храмъ просвѣщенія. *Я* мысленно вхожу во внутреннее движеніе сердца твоего. *Я* изступаю и повергаюсь вмѣстѣ съ тобою предъ священнымъ образомъ Ея, и воздѣвши ко Всевышнему земледѣльческія мои руки, изъ глубины души моея молю: „да про„длится долговременно безцѣнное Ея здравіе, да

„вознесется Престолъ и Царство Ея надъ всѣ-
„ми врагами Ея, да разширится и утвердится
„въ роды родовъ высочайшее наслѣдіе Ея и ис-
„тинная Ея слава, что Она есть изящнѣйшая
„Преобразительница и Просвѣтительница Рос-
„сійскаго народа.“ Заклинаю тебя, сынъ мой,
продолжать сію молитву по всякое утро до по-
слѣдняго твоего издыханія!

Державинъ.

IV. *ПОБѢДЫ ЕКАТЕРИНЫ II.*

Сколь часто Поэзія, Краснорѣчіе и мнимая Философія гремятъ противъ славолюбія завоевателей! Сколь часто укоряютъ ихъ безчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный Философъ различаетъ, судитъ и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта всемірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою? Мораль народовъ и Государей не есть мораль частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть — могущество! Слабый народъ трепещетъ; сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для Монарховъ. Изчезни, память кровожадныхъ *Аттилъ*, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти, имя Героевъ, которые разили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! Петръ и Екатерина хотѣли пріобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо ненадежно. Монархиня знала, что Имперія Оттоманская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только краткимъ перемиріемъ; и что единственный способъ утвердить покой нашего Государства есть осла-

бить сего природнаго и вѣчнаго непріятеля Христіянъ; — знала и совершила. Но Европа видѣла, что Екатерина, будучи всегда готовою къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости, никогда Сама не разрывала мира; когда же мечъ, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукѣ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархиня успѣла привести въ лучшій порядокъ внутреннее правленіе Государства, уже дерзостный *Мустафа* оскорбилъ величіе Россіи, объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мятежниковъ, требовалъ, чтобы войско наше оставило *Станислава* имъ въ жертву, и наконецъ, презирая священныя права народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его Дворѣ былъ образомъ Екатерины!

Уже Ея войны разили Оттомановъ; уже на берегахъ Днестровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена; — но взоръ Екатерины еще искалъ Полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превозходнаго ума предписать законъ року. Искала, и нашла — *Румянцева*! Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости изкуснаго *Фридриха*, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и Екатерина, избравъ *Румянцева*, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріявъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія разпоряженія; отвергнулъ всѣ малодушныя осторожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огнь и мечь защита ваша*, сказалъ онъ Россійскимъ легіонамъ — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Оттомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи страшные завоеватели востока, ужасъ Европы, истребители славныхъ армій ея, не могутъ стоять предъ лицемъ *Румянцева*! Восемьдесятъ тысячь отборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, изчезло какъ прахъ на берегахъ Прута; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало — туда, гдѣ рѣка Прутъ вливаетъ быстрыя воды свои въ величественный Дунай; туда, гдѣ Великій Петръ, окруженный невѣрными, отчаялся быть побѣдителемъ и требовалъ мира, — туда Геній Екатерины привелъ *Румянцева*, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить стыдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сограждане! каждый изъ васъ слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя Русскаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему повѣствованію, Герои именитые, щастливые сподвижники *Румянцева*! и никогда въ моемъ воображеніи не затмится сія величественная картина. Семнадцать тысячь Русскихъ, на разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идутъ умереть со славою противъ ста пятидесяти тысячъ непріятелей; тихое веселіе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были отданы, и Вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его взорахъ. — Вдругъ громы возвѣстили явленіе солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова возсіяло — и гдѣ враги многочисленные? Я вижу трофеи наши и среди ихъ Героя *Румянцева*, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монархинѣ донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ въ мірѣ. Духъ Петра Великаго! Ты утѣшился. Отнынѣ сліяніе Прута съ Дунаемъ будетъ радостнымъ памятникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ Екатерининой славы, міръ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама Природа заграждаетъ, кажется, дальній путь

нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на двѣ трети года; но Геній Монархини побѣждаетъ Природу, и волны изумленнаго Геллеспонта пѣнятся подъ рулями Россійскими. Священныя возпоминанія Исторіи волновали сердце нашихъ плывущихъ Героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. Имъ казалось, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ древней Республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на гордый и симъ морямъ неизвѣстный флагъ Екатерины; имъ казалось, что Россія есть новый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши Аргонавты приближались къ странамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и равно богатымъ великими *идеями*; они надѣялись воскресить тамъ геройство Ликурговыхъ и Солоновыхъ *питомцевъ*; надѣялись именемъ новой Аѳинеи воззвать къ жизни и великимъ дѣламъ потомковъ Мильтіада, Аристида, Ѳемистокла. Но долговременное рабство навѣки умертвило тамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и Герои Россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ Екатерины. Не за тѣмъ окружили они Европу, не за тѣмъ оставили за собою берега Африканскіе, чтобы творить дѣла обыкновенной храбрости... и Геллеспонтъ пылаетъ!... О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное! мысль смѣлая и великая! исполненіе дерзостное и щастливое! Молніеносные Россіяне повелѣваютъ стихіями: огнь и волны истребляютъ врага! вѣками утопованныя морскія силы его изчезаютъ съ дымомъ! Все Оттоманское гибнетъ, кромѣ однихъ трофеевъ для побѣдителя, — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! — Чесма безсмертна, подобно Полтавѣ и Кагулу; и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы (*).

*) Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ.

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Что началъ Царь Іоаннъ Грозный, то довершила Екатерина Великая. Сіи славные глубокіе окопы, которые отъ Чернаго моря простираются до Азовскаго, не могли остановить торжественнаго теченія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего отечества, палъ къ стопамъ Россійскаго Генія. — Берега Дуная не преставали обагряться кровію невѣрныхъ, и Константинополь трепеталъ, внимая близкимъ громамъ нашего флота. Мустафа смирился, и Румянцевъ опустилъ мечъ свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдствіямъ Оттомановъ. Мирные переговоры не имѣли щастливаго успѣха, и Полководецъ Екатерины украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, истребляяль, очистилъ себѣ путь къ Адріанополю, отрѣзалъ, окружилъ Визиря — и Геройскою рукою своею подписалъ славный для Россіи мирный трактатъ, который открылъ намъ моря Турецкія и Дарданеллы, даровалъ независимость Крыму, обогатилъ казну государственную милліонами, утвердилъ за Россіею Азовъ и Таганрогъ. Никогда еще отечество наше не заключало толь блестящаго мира съ Портою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго Дворянства тремя именами славы. Римъ имѣлъ Сципіоновъ Африканскихъ, Азіатскихъ; Екатерина воскресила сію награду, достойную Ея величія — и Россія имѣетъ своего *Задунайскаго*, *Чесменскаго*, *Крымскаго*.

Послѣднимъ торжествомъ *Румянцева* былъ тотъ день, когда Екатерина именемъ отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, онъ сходитъ съ театра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія пріемлетъ его во святилище безсмертія. Такъ, она скажетъ Россіянамъ: „Во дни Екатерины *Румянцевъ* открылъ вамъ тайну всегда побѣждать невѣрныхъ, малымъ числомъ безчисленность; усѣвать поля трупами ихъ, и сохранять цѣлость рядовъ вашихъ!" — Естьли таланты изъясняются сравненіемъ, то

Задунайскаго можно назвать Тюренемъ Россіи. Онъ былъ *мудрый* Полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ нещастіи доказать свое изкусство и величіе; обязанный Геніемъ Натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу Науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ сердца, естьли бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту, нѣкогда мощную Республику, которой имя и бытіе уже изчезли въ Европѣ. Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищною рукою хватала въ свое подданство цѣлыя Княжества Россійскія? Давно ли древняя столица Владиміра носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго вождя Сарматскаго? Но Россія, подобно спавшему исполину, возстала въ гнѣвѣ своемъ: враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвратили похищенное. Такъ Монархиня взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ ветхія Республики не могъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества Екатерины и любви Ея къ Россіи. Полотскъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго въ горестномъ отсутствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра щастливаго родительскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ разбойниковъ, опасныхъ для Россіи. Сія прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ Природа столь щедро награждаетъ трудолюбіе, и за каждое лону ея ввѣренное зерно даетъ богатый класъ земледѣльцу; гдѣ на тучныхъ паствахъ разсыпаются стада безчисленныя; гдѣ свирели и нѣжныя пѣсни веселыхъ пастырей, простота нравовъ, миролюбіе и общее добродушіе жителей напоминаютъ воображенію щастливые берега Ладона—Малороссія не могла быть покойною въ сосѣдствѣ неукротимыхъ варваровъ. Екатерина повелѣла — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную въ Исторіи и въ самой Миѳологіи. Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмутараканское или столицу его, которая скрывалась доселѣ (*) отъ любопытства нашихъ Историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь бѣдственные для нашего отечества. Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ земель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную страну, которая представляетъ взору и гранитныя горы Швейцаріи, и плодоносныя долины Піэмонтскія; страну, гдѣ творческая Натура съ нѣжными красотами соединила величественныя; гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдатель Природы находитъ для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце, наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Оттоманская Порта содрогнулась, и хотя, по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила

(*) На островѣ Таманѣ.

мирный трактатъ съ Россіею, но скоро тайная злоба ея возпылала...

Здѣсь напомню вамъ, сограждане! славное путешествіе Монархини въ страны, Ею населенныя или завоеванныя; Она желала видѣть Тавриду и новые плоды своего щастливаго царствованія. Зрѣлище возхитительное, достойное Екатерины! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понта Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя возклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упадали предъ Нею какъ предъ Божествомъ благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій, шествовала по цвѣтущимъ областямъ ея, изумляя подданныхъ своимъ величіемъ и щедротами!... Какъ сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердіе вѣщало Ей: „Сіи трудолюбіемъ и художествомъ украшенныя мѣста недавно были горестною пустынею, дикою степью; гдѣ сіи обширные сады зеленѣютъ и гордыя палаты возвышаются, тамъ одни песчаные холмы представлялись унылому взору! Въ семъ юномъ городѣ (*), „Тобою сотворенномъ, уже цвѣтетъ торговля. „Здѣсь востокъ и западъ мѣняются своими богатствами. Здѣсь все изполнено *имени* и славы „Твоей!“ — Тамъ два Вѣнценосца встрѣтили Монархиню, какъ будто для того, чтобы еще болѣе украсить торжество Ея. Екатеринѣ обязанъ былъ *Станиславъ* короною, и славился тѣмъ предъ свѣтомъ. *Іосифъ* внималъ Ея премудрымъ намѣреніямъ для блага человѣчества, когда Она чрезъ волны Эвксинскія устремляла священный взоръ на градъ Константина. Цари Италіи спѣшили посольствами изъявить радость свою о приближеніи Сѣверной Царицы къ странамъ ихъ.

(*) Въ Херсонѣ.

Сіе путешествіе и догадки Европы о свиданіи Екатерины съ Іосифомъ послужили Оттоманскому Двору предлогомъ къ разрыву мира. Война снова возгорѣлась. Уже Румянцевъ не былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ его жилъ въ Россійскихъ арміяхъ — и невѣрные, увидѣвъ ихъ, возтрепетали; они узнали прежнихъ своихъ разителей, узнали по ихъ быстрымъ движеніямъ, смертоноснымъ громамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни Изкусство, ни Природа не могли защитить ихъ — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и щастливыми приступами. Только Россіяне могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ. Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитростями Изкусства, Теперь падаетъ онъ во всемъ своемъ величіи, чтобы тѣмъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ человѣколюбія Екатерины и доказательствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ воиновъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархиня щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда Военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, Герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей. — Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія — все обѣщало ему безопасность. Пришелъ *Суворовъ*! казалось для того, чтобы видѣть неприступность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россіянъ на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ видитъ смятеніе нашего Героя; что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства Ночь прошла — и Суворовъ въ Измаилѣ! 20,000 Оттомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины,

подъ начальствомъ Героя, превращаются въ фалангу Македонскую и берутъ крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но щастіе и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья наши, не хотѣли его признать своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго вопля невѣрныхъ и страшнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннатъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ нещастій. Оттоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разили воиновъ Іосифа, тѣхъ, которые прежде сами побѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами старецъ, совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія спасти отечество. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но кратковременнымъ; и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легіоны Австрійскіе; одинъ *Рымникскій* могъ принести славу и щастіе въ станъ ихъ — и принесъ. Семь тысячъ Русскихъ указали имъ путь къ побѣдѣ... Австрійцы сразились храбро... Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена Екатерины, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ тылъ нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова; и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ противъ храбрыхъ Республиканцевъ поставить вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали Героя Рымникскаго.

Екатерина въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порта, Англія и Пруссія обольстили Густава; онъ дерзнулъ обьявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ отечеству и къ Монархинѣ. Всѣ возпылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказать его; всѣ мирные граждане готовы были летѣть на поле брани. Сіе возпоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане — возпоминаніе незабвенное и радостное для Патріотовъ! Могли

ли Готθы, неохотные изполнители беззаконной воли (*), стоять противъ сынов обожаемой Екатерины, сильныхъ любовію къ отечеству и ненавистію къ виновнику сей войны неправедной? Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ трепетъ Россію, и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ, столь ужасныхъ для его предковъ! Сіи Герои стремились возобновить прежнюю славу свою въ каменистомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что стража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Готθы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Густавъ изтощилъ всѣ способы ума и дерзости своей — напрасно и безъ успѣха! Екатерина внимала грому флотовъ его, но покойно и величественно гуляла въ садахъ Своихъ. Король, ослѣпленный высокомѣріемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини. Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

Порта Оттоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; страшные Янычары страшились одного имени Россіянъ; море, отверзтое для нашихъ флотовъ, всякой день могло представить очамъ Султана флагъ Екатерины.... Но Монархиня желала успокоить Своихъ воиновъ, и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ Турецкаго владѣнія изтребился на семъ берегу Днестра. Всѣ Дворы удивились ея умѣренности; но Екатерина знала время, обстоятельства; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнъ (**), и отсрочила дальнѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей Республики волновались и ки-

(*) По законамъ Швеціи, Король не могъ начинать войны безъ согласія других властей, то есть, сейма.
(**) Французской Революціи.

пѣли злобою на Россію. Безпокойные умы изпровергли древніе законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные требовали заступленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: толпы мятежниковъ были разсѣяны горстью нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою. . . . Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя ратоборствовать съ Героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоцѣнная кровь Россійская обагрила стогны Варшавскіе. Слабодушные убійцы! стыдъ Сѣвера, который, издревле довольствуясь славою побѣждать Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напомнила ужасы Сициліянскіе! . . . Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука Ея бросила въ урну сей недостойной Республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно Ангелу грозному, обнажилъ мечъ изтребленія; пошелъ — и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ отчаяніемъ, дымится въ своихъ развалинахъ — и Варшава падаетъ къ стопамъ Екатерины. Совершилось! . . . Но Монархиня, подобно Божеству, самымъ наказаніемъ благотворитъ человѣчеству. Польши нѣтъ; но мятежные и нещастные жители ея, утративъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою трехъ союзныхъ Государствъ. Республика, безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству, есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ, театромъ ихъ своевольства и народнаго униженія. Развалины храмовъ добродѣтели горестны для сердца; но пусть вѣтръ развѣваетъ пепелъ тѣхъ капищъ, гдѣ тиранство было идоломъ! Никто не жалѣетъ о Польшѣ. Богатѣйшія страны ея достались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при Екатеринѣ подвиги свои Герой, котораго имя и дѣла гремятъ

еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго какъ будто еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ щастливѣйшихъ Полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю, ставилъ себя выше Рока, и Рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ, а летѣлъ ко Славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ (*): *взоръ*, *быстрота*, *ударъ* — но *взоръ* сей даетъ Природа не многимъ; но *быстрота* сія была тайною для самихъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромы славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ изкусствѣ Военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ *любилъ* побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ изкусный Полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго нещастнаго сраженія былобъ ему могилою. — Изображеніе Героевъ Задунайскаго и Рымникскаго принадлежитъ къ царствованію Екатерины: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ стоящіе: тамъ юные воины отечества будутъ произносить обѣты геройства. И въ семъ ревностномъ твореніи слабаго моего таланта да

(*) Написанныхъ имъ въ его тактикѣ, краткомъ, но любопытномъ сочиненіи.

сіяютъ вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ Военачальниковъ! Уничтоженіе Польской Республики возвратило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ рыцарей, странѣ плодоносной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на брегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ нещастіемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать Екатеринѣ. Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми портами, драгоцѣнными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ туманныхъ, то спускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ *вратъ Каспійскихъ*; уже *стѣна Кавказская*, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персіи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его пріялъ сребряные ключи Дербента изъ рукъ старца, который въ юности своей вручалъ ихъ Петру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ, осѣнился знаменами Екатерины когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и теченіе побѣдъ Ея. Таинство великой Души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла Екатерины, могли быть увѣнчаны новымъ чудомъ; война Персидская могла имѣть предметъ важный; могла открыть путь въ Россію несмѣтнымъ богатствамъ востока: могла успокоить народы мятежные, которые, подъ вліяніемъ щастливѣйшаго неба, служатъ примѣромъ бѣдствій; могла... Но, повторяю: таинство великой Души намъ неизвѣстно.

Монархиня оставила Россію на вышней степени Геройскаго величія, обогащенную новыми странами, гаванями и милліонами жителей; безопасную внутри, страшную для внѣшнихъ непріятелей. Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіянъ, и Россіяне не знали, какъ не сокрушить врага.

Ихъ стихія была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскія заслуги достойнымъ ихъ образомъ: отличала воинскія дарованія лестнымъ благоволеніемъ — и Герой, который имѣлъ щастіе лобызать Ея державную руку, слышать возхитительныя слова милости, пылалъ новою ревностію геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цвѣтами роскоши, среди столицы усыпленные нѣгою; при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки Грацій, и стремились на поле чести искать опасностей и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время Екатерины видѣли мы сіи, можно сказать, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи Россійскихъ Алкивіядовъ! — Европа съ благоговѣніемъ взирала на Тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо вслѣдъ за нимъ готовы были летѣть непобѣдимые!

Не только благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ Вѣнскимъ! Новый Магометъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдственны успѣхи Оттоманскаго оружія для человѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже неопасны для Европы; теперь слабый Паша Виддина презираетъ могущество Порты! И сія безопасность есть дѣло Великой Екатерины, Которая потрясла и отчасти разрушила сей колоссъ ужасный.

Карамзинъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Переводы.

I. РѢЧИ ИЗЪ ТИТА ЛИВІЯ.

I.) Римлянина Муція Сцеволы къ Клузинскому Царю Порсеннѣ, осадившему Римъ. Муцій покушался умертвить Порсенну, и вмѣсто его закололъ ошибкою Царскаго письмоводителя.

Я Римлянинъ, именемъ Муцій, хотѣлъ убить врага согражданъ моихъ; также готовъ на смерть, какъ былъ готовъ къ убійству. Римляне рождены для всего великаго. Не одинъ я, Порсенна, покусился на жизнь твою, нѣтъ! многіе дышатъ тою же славою. Приготовься, ежели хочешь, къ сей опасности. Тебѣ ежечасно надобно защищаться. Враги твои, съ оружіемъ въ рукахъ, явятся въ самой твоей ставкѣ. Войну сію объявляемъ тебѣ мы — мы, Римское юношество! Войска твои останутся въ покоѣ. Одинъ ты съ каждымъ изъ насъ порознь — будешь имѣть дѣло.

II.) Римлянки Ветуріи къ изгнаннику Коріолану, сыну ея, осадившему Римъ съ арміею Вольсковъ.

Коріоланъ, услышавъ, что мать его приближается къ стану Вольсковъ, бѣжитъ къ ней на встрѣчу съ отверзтыми объятіями.

,,Постой" — говоритъ Ветурія — ,,прежде нежели обнимешь меня, хочу знать, къ кому я пришла, къ сыну, или непріятелю? Хочу знать, именоваться ли мнѣ матерію Коріолана, или плѣнницею? Вотъ до чего довела меня долговременная жизнь и нещастная старость! Прежде видѣла я тебя Римскимъ изгнанникомъ, теперь вижу врагомъ отечества. И ты смѣешь опустошать страну, въ которой рожденъ и возпитанъ? При всемъ твоемъ ожесточеніи, какъ могъ ты не укротить гнѣва, вступивши въ наши предѣлы? какъ могъ,

увидѣвъ Римъ, не сказать самъ себѣ: въ этихъ стѣнахъ мой домъ, мои боги, мать моя, жена, дѣти !. . . Когдабъ не произвела я тебя на свѣтъ — Римъ не былъ бы въ опасности; когдабъ не имѣла я сына — умерла бы свободною въ свободномъ отечествѣ! Твой поступокъ для тебя самый посрамительный, а для меня самый бѣдственный. Но что бы со мною ни случилось, мнѣ страдать не долго! Подумай о судьбѣ жены, о судьбѣ дѣтей — ихъ ожидаютъ или преждевременная смерть, или всегдашняя неволя." — Жена и дѣти бросились на шею Коріолана. Онъ повелѣлъ своимъ войскамъ отступить отъ Рима.

III.) Пакувій и Перолла.

Кампанецъ Пакувій убѣдилъ согражданъ своихъ сдать Аннибалу Капую. Аннибалъ, вступивши въ городъ, ужиналъ у Пакувія; къ ужину приглашены были трое Кампанцевъ, въ числѣ коихъ находился Пакувіевъ сынъ Перолла, который преданъ былъ Римлянамъ, и всегда держалъ ихъ сторону: Аннибалъ, по прозьбѣ отца, простилъ его. Всѣ прочіе за ужиномъ веселились; одинъ Перолла былъ задумчивъ и мраченъ. — Послѣ ужина Пакувій пошелъ въ садъ; Перолла послѣдовалъ за нимъ, и объявилъ ему свой умыселъ противъ Аннибала.

Перолла. Родитель, я намѣренъ тебѣ открыть тайну — хочу загладить проступокъ нашъ предъ владѣтельнымъ Римомъ, въ разсужденіи преданности нашей Аннибалу, и доставить Кампанцамъ большее уваженіе и милость, нежели какими они пользовались прежде.

Пакувій. Какая тайна?

Перолла. (показывая мечъ, скрытый подъ платьемъ его) Кровію Аннибала хочу утвердить союзъ нашъ съ Римлянами.

Пакувій. О Перолла! не дѣлай отца свидѣтелемъ такого поступка, который самъ по себѣ законопреступенъ, а послѣдствіемъ для тебя гибеленъ. — Заклинаю тебя священными правами природы, — не покушайся на сіе злодѣяніе.

„Давно ли обязались мы съ Аннибаломъ самыми торжественными клятвами? Давно ли оказали ему знаки ненарушимой дружбы? И не успѣвъ съ нимъ разстаться, вооружимъ ли на него руки, данныя ему въ залогъ вѣрности. Неужели столъ сей, къ которому, по снизхожденію Аннибала, приглашенъ ты былъ съ прочими Кампанцами — неужели, говорю, столъ сей оставилъ ты съ тѣмъ, чтобъ обагрить его кровію гостя? — Я могъ упросить Аннибала за моего сына. Ужели не могу упросить моего сына за Аннибала.“

„Но пренебрежемъ все священное: и вѣрность, и Боговъ, и человѣчество! Дерзнемъ на всякое злодѣйство, естьли только несопряжена съ нимъ наша погибель!“

„Ты одинъ хочешь напасть на Аннибала! Но вообрази тысячи его окружающихъ, вообрази тысячи взоровъ, на него устремленныхъ; тысячи рукъ, готовыхъ для его защиты. Думаешь ли, что воины его спокойно станутъ смотрѣть на безразсудную твою дерзость? Устоишь ли противъ одного взора Аннибалова — противъ того страшнаго взора, котораго не могутъ сносить цѣлые легіоны, передъ которымъ трепещутъ Римляне?“

„Но пусть будетъ онъ одинъ, беззащитенъ — и тогда осмѣлишься ли поразить отца своего, когда онъ прикроетъ его собою, когда онъ станетъ между имъ и твоимъ кинжаломъ? Чрезъ грудь мою только можешь достигнуть до груди Аннибала.“

„Сынъ, оставь теперь ужасное свое предпріятіе — послѣ будетъ поздно. О, когда бы прозьба моя имѣла столько же силы надъ тобою, сколько за тебя была убѣдительна!“

Перолла Приношу въ жертву отцу любовь, которою обязанъ я отечеству! Жалѣю о твоей участи, родитель! Предавъ отечество, тройное ты сдѣлалъ преступленіе: ты виновенъ, что оно измѣнило Римлянамъ; ты причиною, что поддалось оно Аннибалу; ты теперь возпрепятствовалъ ему опять возвратиться къ Риму. Отечество! Отечество! . . . прими мечъ сей, мечъ, ко-

торымъ хотѣлъ я тебя спасти! Отецъ изторгаетъ его изъ рукъ сына!

Ѳ. Серязевскій.

II. РѢЧИ ИЗЪ ТАЦИТА.

I.) Галгака, вождя Британскаго, къ своимъ воинамъ.

Чѣмъ болѣе размышляю о предметѣ сей войны, о нашей крайности, тѣмъ болѣе душа моя возпламеняется ревностію. Такъ — нынѣ, нынѣ должна воскреснуть свобода всей Британніи! мы еще не были рабами всеобщихъ тирановъ; но за нами нѣтъ уже земли. И море не спасетъ насъ; тамъ корабли Римскіе. Что же намъ остается? Оружіе, всегда лучшее средство для мужественныхъ, а теперь и для самыхъ малодушныхъ вѣрнѣйшее. Пока другіе народы Британскіе съ премѣннымъ щастіемъ противились Римскому властолюбію, тогда мы составляли ихъ надежду, ихъ послѣднюю опору, мы, благороднѣйшіе сыны Британніи, живущіе въ таинственной глубинѣ ея, удаленные отъ бреговъ порабощенныхъ, такъ что и глаза наши не видали еще ужасовъ тиранства. Здѣсь, на краю міра, въ послѣднихъ окопахъ вольности, защитою намъ были и сокровенность, и молва, которая все отдаленное увеличиваетъ. Но теперь извѣстны уже предѣлы Британніи. За нами нѣтъ ничего, кромѣ бурныхъ волнъ и дикихъ скалъ, предъ нами Римляне, гордые, неумолимые. Разоривъ землю, сіи всемірные грабители ищутъ теперь на моряхъ добычи. Естьли непріятель богатъ, они хищны; естьли бѣденъ, властолюбивы; ни востокъ, ни западъ не можетъ ихъ насытить. Народъ единственный въ мірѣ! изобиліе, скудость, ему все равно, все завидно. Грабежъ, убійства называетъ онъ правленіемъ; обращая землю въ пустыню, говоритъ, что усмиряетъ ее!

Природа вселила въ сердца людей нѣжнѣйшую любовь къ дѣтямъ и родственникамъ: жестокіе Римляне берутъ въ плѣнъ вашихъ милыхъ, уводятъ ихъ съ собою въ земли отдаленныя. Естьли супруги и сестры ваши спаслись во время кровопролитія отъ насилія враговъ, то соблазнители, подъ именемъ дружелюбныхъ гостей, лишаютъ ихъ невинности, добродѣтели. Отъ тяжкихъ налоговъ скудѣютъ казнохранилища народовъ, отъ пропитанія войска житницы. Силы ваши изнуряются низкими трудами: здѣсь велятъ вамъ рубить лѣса, тамъ засыпать болота; а наградою служатъ — удары! . . . Нещастный, рожденный невольникомъ, продается только одинъ разъ, и господинъ долженъ кормить его; Британнія всякой день чувствуетъ на себѣ новыя цѣпи, всякой день должна питать своихъ тирановъ. Рабъ, вновь купленный, бываетъ въ домѣ послѣднимъ и презрѣннѣйшимъ изъ невольниковъ; въ семъ общемъ рабствѣ міра готовится намъ такая же участь, мѣсто послѣднее, должность самая низкая. Мы же не имѣемъ ни земли плодородной, ни металловъ, ни пристаней; не можемъ обогатить Римлянъ, не можемъ слѣдственно ожидать отъ нихъ никакой пощады. Сіи цари не любятъ подданныхъ великодушныхъ и гордыхъ; и чѣмъ отдаленнѣе, неприступнѣе наша страна, тѣмъ подозрительнѣе для нихъ будемъ.

И такъ, лишенные всякой другой надежды, вооружитесь храбростію, и вы, обожающіе славу, и вы, любящіе жизнь съ ея благоденствіемъ! Бриганты, подъ начальствомъ женщины, превратили въ пепелъ селеніе Римлянъ, завладѣли ихъ окопами, и могли бы совершенно избавиться отъ тиранскаго ига, естьли бы щастіе не усыпило ихъ. А мы, еще не униженные рабствомъ, еще незабывшіе пользоваться свободою, не должны ли въ самой первой ошибкѣ показать Римлянамъ, какимъ мужамъ ввѣрила Британнія храненіе святыхъ остатковъ своей независимости?

Не думайте, чтобы Римляне были такъ храбры на войнѣ, какъ они въ мирѣ разпутны. Ихъ

слава есть плодъ нашихъ несогласій, раздоровъ, ошибокъ; ихъ воинство есть безпорядочная смѣсь народовъ; соединяемое успѣхомъ, оно разсѣется въ бѣдствіи Галлы, Германцы и (стыжусь сказать) наши единоземные, ліющіе кровь свою для утвержденія чуждой власти, могутъ ли быть вѣрны Риму? могутъ ли любить его? Нѣтъ, нѣтъ! одинъ страхъ управляетъ ими, повиновеніе ненадежное! страхъ изчезнетъ, обнаружится ненависть. Все, чѣмъ мужество возпламеняется, и что даетъ побѣду, все съ нашей стороны. У Римлянъ нѣтъ супругъ, которыя могли бы ободрять ихъ; нѣтъ отцевъ и матерей, которыхъ бы страшились они оскорбить своимъ бѣгствомъ; у многихъ нѣтъ и самаго отечества — или оно далеко. Когорты ихъ многочисленны, и всего боятся въ землѣ неизвѣстной. Устремятъ ли взоръ свой на море, на лѣса, на самое небо: все для нихъ ново, все ужасно. Такъ! боги, боги предаютъ ихъ намъ въ жертву; они пришли сюда умереть отъ руки нашей. Не пугайтесь наружности: драгоцѣнные металлы, блестящіе на ихъ оружіи, не могутъ ни язвить, ни отвращать ударовъ. Среди самаго ихъ воинства найдете друзей и сообщниковъ; сынъ Британніи узнаетъ своихъ, и пристанетъ къ нимъ. Галлъ взпомнитъ древнюю независимость Галліи, и не захочетъ быть орудіемъ тиранства; Германцы обратятся въ бѣгство. Что же останется предъ нами? Пустыя крѣпости; селенія, гдѣ томятся одни ветхіе старцы, города, въ которыхъ жители ненавидятъ злобныхъ начальниковъ. Здѣсь вождь Римскій, здѣсь Римское воинство; а тамъ народы, угнетенные налогами, осужденные на всегдашнюю работу въ мрачныхъ нѣдрахъ земли, на постыдное рабство. Вѣчны ли будутъ такія бѣдствія, или мы прекратимъ ихъ, рѣшитъ сей день, сія битва. Друзья! къ оружію! взпомните своихъ предковъ, и не забудьте потомства!

II.) Агриколы, вождя Римскаго, къ своимъ воинамъ.

Восемь лѣтъ покоряете вы Британнію всемогущему Риму, и дѣла ваши достойны вѣрныхъ сыновъ его. Надлежало побѣдить не только враговъ многочисленныхъ, но и самую природу; труды неимовѣрные! терпѣніе чудесное! вождь и воинство другъ другомъ довольны. Ни мои, ни ваши предшественники здѣсь не бывали. Уже не по слуху только овладѣли мы всею Британніею, но въ самомъ дѣлѣ стоимъ съ оружіемъ въ рукахъ у крайнихъ ея предѣловъ. Найденъ и покоренъ міръ новый. Часто, преходя крутыя горы, глубокія рѣки, храбрѣйшіе изъ васъ вопрошали: *Когда сразимся? гдѣ непріятели?* Вотъ они! . . . Вышли изъ тайныхъ своихъ убѣжищъ, и готовы быть жертвою вашего геройства. Еще одна побѣда, и все совершится! Славно, что мы умѣли пробраться сквозь лѣса дремучіе, сквозь опасныя болота; но въ случаѣ бѣгства погубитъ насъ самое то, чѣмъ теперь гордимся. Британцы лучше нашего знаютъ мѣста, имѣютъ болѣе припасовъ; но у насъ есть руки, оружіе — слѣдственно все наше! въ бѣгствѣ нѣтъ спасенія: вотъ мое правило! Римлянину честь всегда милѣе жизни; но теперь онѣ неразлучны; — а естьли должно умереть, то всего славнѣе умереть тамъ, гдѣ конецъ Природѣ.

Когда бы вы имѣли дѣло съ народами неизвѣстными, съ непріятелями новыми; тогда бы я поставилъ вамъ въ примѣръ другія Римскія войска; но здѣсь нужно только взпомнить собственныя дѣла ваши. Кого видите передъ собою? Тѣхъ, которые за годъ передъ симъ, во время ночи, хотѣли тайно окружить одинъ изъ нашихъ легіоновъ, и вдругъ разсѣялись, какъ скоро услышали голосъ Римскихъ героевъ. Скорое бѣгство спасло ихъ отъ смерти. Звѣри сильные сражаются съ ловцами: звѣри слабые бѣгутъ, слыша въ лѣсу голосъ ихъ. Такъ храбрые сыны Британніи давно уже пали подъ вашими ударами; остались робкіе, малодушные. Не они ожидали васъ здѣсь, но вы нашли ихъ, изумленныхъ, въ непо-

движномъ ужасѣ, готовыхъ умереть отъ руки вашей, и своею погибелью обратить на Римскихъ героевъ вниманіе міра. Друзья! товарищи! еще одинъ день славы, и конецъ войнѣ осмилѣтней! и республика довольна вами!

Карамзинъ.

III. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО МАРКУ АВРЕЛІЮ.

(соч. Томаса.)

По двадцатилѣтнемъ правленіи, Маркъ Аврелій умеръ въ Вѣнѣ. Тогда упражненъ онъ былъ войною противъ Германцевъ. Тѣло его пренесено было въ Римъ, куда вступило оно провождаемо рыданіемъ и отчаяніемъ народнымъ. Сенатъ въ печальномъ одѣяніи шелъ предъ колесницею. За нимъ народъ и войско. Сынъ Марка Аврелія слѣдовалъ за гробомъ. Шествіе было медленно, и молчаніе глубокое. Вдругъ старецъ нѣкій предсталъ среди народа. Ростъ его былъ высокій и видъ сановитый. Всѣ познали Аполлонія, Стоическаго философа, почтеннаго въ Римѣ, и болѣе за качества, нежели за старость уважаемаго. Онъ былъ добродѣтеленъ во всей строгости своего любомудрія, а сверхъ того учитель и другъ Марка Аврелія. Остановился онъ близъ гроба: воззрѣлъ на него съ скорбію, и вдругъ возвыся гласъ свой:

Римляне! вѣщалъ онъ, вы лишились великаго мужа, а я лишился друга. Не пришелъ я слезами орошать его праха. Злыхъ токмо людей оплакивать должно; ибо содѣяннаго собою зла уже изправить не могутъ. Но о томъ, кто шестьдесять лѣтъ былъ добродѣтеленъ, и кто двадцать лѣтъ сряду былъ человѣчеству полезенъ; кто въ теченіе жизни своей не совращался съ пути истиннаго, и кто на престолѣ не имѣлъ слабости; кто былъ всегда благъ, праведенъ, милосердъ, ве-

ликодушенъ... почто о немъ жалѣть? Римляне! погребеніе праведника есть торжество добродѣтели, возвращающейся къ существу Вышнему. Освятимъ сей праздникъ нашими хвалами. Знаю, что добродѣтель въ нихъ нужды не имѣетъ: но да будутъ оныя залогомъ благодарности нашея. А ты, присутствуяй здѣсь, наслѣдникъ и сынъ его, внемли добродѣтелямъ и дѣяніямъ отца своего! Днесь ты царствовать будешь. Уже ласкательство заразить тебя готово. Гласъ вольности, можетъ быть, въ послѣдній разъ услышится тобою. Отецъ твой, знаешь ты, не пріучилъ меня изъясняться раболѣпно. Онъ любилъ истину: истина составитъ хвалу его. Да возгласитъ она же и твою въ будущее время!

Похвала мертвымъ обыкновенно начинается хвалою ихъ предковъ, какъ будтобъ великій человѣкъ имѣлъ нужду въ знатномъ произхожденіи, и какъ будтобъ малая душа могла быть возвышена достоинствомъ, не ей принадлежащимъ. Да не раздражимъ, о Римляне! самыя добродѣтели, помысля, что ей нужна порода. Колѣно ваше Кесарей дало вамъ сряду четырехъ тиранновъ: но Веспасіянъ, первый возвысившій вашу Имперію, былъ внукъ сотника.

Благодареніе богамъ, что не родился онъ наслѣдникомъ престола! Вышній санъ болѣе душъ повредилъ, нежели возвысилъ. Рожденный быть простымъ гражданиномъ, сталъ онъ великимъ человѣкомъ. Можетъ быть, былъ бы онъ простолюдиномъ, естьлибъ родился Государемъ.

Корыстолюбивый наслѣдникъ съ веселіемъ щитаетъ тѣхъ, послѣ коихъ ему сокровища достались. Маркъ Аврелій, возрастая, изчислялъ всѣхъ тѣхъ, кому во младенчествѣ своемъ одолженъ былъ примѣромъ добродѣтели. Отецъ мой, вѣщалъ онъ намъ, училъ меня не быть малодушнымъ и женонравнымъ. Мать моя научала меня убѣгать и отъ злой мысли. Дѣдъ училъ благотворенію, а братъ предпочтенію истины предъ всѣмъ на свѣтѣ. За сіе, Римляне, точно за сіе благодаритъ онъ боговъ въ началѣ своего творенія, въ

коемъ начерталъ онъ всѣ чувствованія сердца своего. Скоро потомъ учители наставили его въ должностяхъ человѣческихъ, не словами, но примѣромъ. Не твердили ему: люби нещастныхъ; но предъ очами его нещастнымъ помогали. Никто не внушалъ ему: заслуживай друзей; но онъ зрѣлъ единаго изъ наставниковъ своихъ, жертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ другу утѣсненному. Я видѣлъ воина, который, подавая ему наставленіе въ храбрости, обнажилъ предъ нимъ грудь свою, всю ранами покрыту. Тако вселяли въ него кротость, великодушіе, правосудіе, твердость въ предпріятіяхъ.

Еще не вышелъ онъ изъ младенчества, уже горячность къ добродѣтели явилась въ его сердцѣ. Двѣнадцати лѣтъ посвятилъ онъ себя роду строжайшей жизни: на пятомъ-надесять уступилъ онъ сестрѣ своей все родительское свое наслѣдіе: на седьмомъ-надесять онъ усыновленъ былъ Антониномъ, и (я вѣщаю вамъ видѣнное мною) онъ плакалъ о своемъ величіи. О день, чрезъ сорокъ лѣтъ оставшійся въ моей памяти! Ходилъ онъ въ саду своей матери: я былъ возлѣ него. Мы бесѣдовали о должностяхъ человѣка, въ тотъ часъ, какъ пришли ему возвѣстить о его возвышеніи. Я узрѣлъ въ лицѣ его премѣну, и долго казался онъ смущенъ и опечаленъ. Между тѣмъ сродники въ радостномъ восторгѣ его окружили. Удивленные его печалію вопросили мы о причинѣ: „Можетель вопрошать меня о ней?“ отвѣтствовалъ онъ намъ: „я царствовать буду.“

Съ самаго того времени Антонинъ сталъ для него новымъ учителемъ, наставлявшимъ его въ великихъ добродѣтеляхъ. Человѣческая кровь почитаемая, законы процвѣтающіе, Римъ спокойный, вселенная блаженна: се новое ученіе, чрезъ двадцать лѣтъ Марку Аврелію подаваемое.

Оно довольно было къ содѣланію человѣка великимъ; но сей великій мужъ имѣлъ свойство, отличившее его отъ всѣхъ вашихъ Государей: философія даровала ему оное. О Римляне! воззрите на сей гробъ. Оплакиваемый вами Государь былъ

единый изъ премудрыхъ. Философія на престолѣ содѣлывала двадцать лѣтъ блаженство цѣлаго свѣта. Отирая людскія слезы, опровергала она клевету тирановъ.

Маркъ Аврелій съ самаго младенчества возлюбилъ ее страстно. Не искалъ онъ заводить себя въ познанія, для человѣка безполезныя. Скоро узрѣлъ онъ, что изпытаніе естества есть бездна, и для того всю философію къ единымъ нравамъ обратилъ. Прежде всего обозрѣлъ онъ окрестъ себя различные роды ученій; и умѣлъ избрать тотъ, который поставляетъ человѣка превыше самаго себя. Тутъ увидѣлъ онъ, можно сказать, новый міръ, въ коемъ веселіе и скорбь вмѣняются въ ничто; въ коемъ чувства потеряли надъ душею всю свою силу; гдѣ бѣдность, богатство, жизнь, смерть не значатъ ничего; гдѣ существуетъ едина добродѣтель. Сія есть та самая философія, о Римляне! которая вамъ Катона и Брута даровала. Сія подкрѣпляла ихъ среди развалинъ падающей вольности. Она научала жить, научала умирать, и когда тиранство повергало души въ уныніе, она воздвигала ихъ съ большею силою и величествомъ. Маркъ Аврелій предался ей ревностно. Съ того часа имѣлъ онъ ту единую страсть, чтобъ быть удобнымъ къ труднѣйшимъ добродѣтелямъ. Все могущее способствовать ему въ ономъ намѣреніи, было для него благодѣяніемъ небеснымъ. Для вящшаго утвержденія добродѣтели въ сердцѣ своемъ, хотѣлъ онъ проникнуть самъ до източника должностей своихъ; хотѣлъ познать, естьли возможно, истинное намѣреніе природы въ разсужденіи человѣка. Здѣсь, Римляне, разверзется предъ вами душа Марка Аврелія, связь его понятій, и правила, на коихъ основалъ онъ свою нравственную жизнь. Не я, но самъ Маркъ Аврелій представитъ очамъ вашимъ сіе изображеніе. Я прочту вамъ писаніе, начертанное тому болѣе придцати лѣтъ, его собственною рукою. Тогда не былъ онъ еще Императоромъ. ,,Аполлоній!" вѣщалъ онъ мнѣ: — ,,прими сіе писаніе, и естьли когда нибудь удалюся я отъ чув-

ствованій, моею рукою начертанныхъ, то посты-ди меня предъ очами вселенной." Римляне и ты, наслѣдникъ и сынъ его! судите нынѣ сами, сообразилъ ли Маркъ Аврелій свои дѣянія, съ сими великими понятіями, и отступилъ ли хотя единожды отъ правилъ, кои чтилъ онъ уставомъ самыя природы.

Здѣсь философъ нѣсколько остановился. Неизчисленное множество гражданъ, ему внемлющихъ, придвинулось ближе для слышанія его. Сему великому движенію послѣдовало тотчасъ глубокое молчаніе. Одинъ между народомъ и философомъ, новый Императоръ былъ смущенъ и задумчивъ. Аполлоній, оперщись одной рукою на гробъ, а другою державъ писаніе, начертанное самимъ Маркомъ Авреліемъ, сталъ читать слѣдующее:

Бесѣда Марка Аврелія

съ самимъ собою.

„Я размышлялъ нощію. Искалъ я, въ чемъ состоитъ благо? на чемъ истина основана? Маркъ Аврелій! вѣщалъ я самъ себѣ, донынѣ былъ ты добродѣтеленъ, или, по крайней мѣрѣ, таковымъ быть желалъ; но кто ручаться можетъ, что ты сего вѣчно желать станешь? и кто тебѣ сказалъ, чтобъ то дѣйствительно была добродѣтель, что называешь ты симъ именемъ? Устрашился я сего сомнѣнія, и рѣшился проникнуть, естьли возможно, до первыхъ основаній, чтобъ быть мнѣ вѣрну въ самомъ себѣ, и познать стезю, по которой человѣкъ послѣдовать долженъ; мѣсто и время способствовали моимъ размышленіямъ. Нощь была глубокая и тихая. Все окрестъ меня наслаждалося покоемъ. Я слышалъ токмо близь моихъ чертоговъ нѣсколько движущіяся Тибровы воды: но сей непрерывный и глухій шумъ самъ способствовалъ мысли, и я слѣдующимъ размышленіямъ предался."

„Я познала, какое имѣю мѣсто во вселенной; разсматривалъ, какое мѣсто въ обществѣ имѣю,

и съ ужасомъ узрѣлъ, что въ ономъ поставленъ я на череду земныхъ владыкъ. Маркъ Аврелій! естьлибъ смѣшанъ ты былъ въ толпѣ народной, тыбъ только за себя отвѣтствовалъ природѣ: но миліоны людей повиноваться тебѣ будутъ; степень щастія, коею каждый можетъ наслаждаться, есть опредѣленна; все то, чего недосмотрѣніемъ твоимъ не достанетъ къ сему щастію, будетъ твое преступленіе. Естьли въ цѣломъ свѣтѣ прольется одна слеза, которую ты могъ предупредить, ты уже виновенъ. Оскорбленная природа тебѣ скажетъ: я ввѣрила тебѣ дѣтей моихъ, для содѣланія ихъ блаженства, чтожъ ты съ ними сдѣлалъ? Почто на земли я слышала стенанія? Почто люди, подъемля ко мнѣ длани, просили прекращенія дней своихъ? Почто мать плакала надъ младенцемъ, въ свѣтъ рожденнымъ? Почто жатва, опредѣленная мною на пищу бѣдному, исторгнута изъ его хижины? Что скажешь на сіе? Народныя бѣдствія будутъ тебѣ обличеніемъ, а правосудіе, стрегущее тебя, впечатлѣетъ имя твое между именами недостойныхъ Государей!"

Здѣсь народъ возопилъ: *никогда, никогда!* Множество гласовъ вдругъ возстало. Одинъ кричалъ: *ты былъ намъ отецъ!* другой: *ты не терпѣлъ утѣснителей!* иные: *ты помогалъ намъ въ бѣдствіяхъ!* и тысящи людей единогласно: *мы тебя благословляли, мы тебя благословимъ. О мудрый, благодушный, правосудный Государь! да будетъ священна твоя память, да будетъ она вѣчно обожаема.* — Вы истину рекли, вѣщалъ Аполлоній, память его вѣчно пребудетъ незабвенна: но онъ, ужасаясь самъ тѣхъ бѣдствъ, кои вамъ могъ бы причинить, достигъ до того, что содѣлалъ блаженство ваше и заслужилъ возклицанія, раздающіяся надъ гробомъ его. — Внемлите, что онъ продолжаетъ.

,,Дабы именемъ твоимъ не возгнушались, познай свои должности. Онѣ объемлютъ всѣ племена людскія. Онѣ возраждаются ежечасно и ежеминутно. Одна смерть гражданина, оканчиваетъ

твои предъ нимъ обязательства: но рожденіе каждаго налагаетъ на тебя новую должность. Ты обязанъ трудиться днемъ; ибо день для человѣка къ дѣйствію назначенъ. Часто долженъ ты безъ сна проводить и нощь; ибо злодѣяніе тогда не дремлетъ, когда Государь покоится во снѣ. Потребна слабости подпора; потребно силѣ обузданіе. Маркъ Аврелій, не помышляй болѣе о покоѣ. Онъ дотолѣ сокрылся отъ тебя, доколѣ нещастные люди и злодѣи на земли пребудутъ."

„Наконецъ я вопросилъ себя, благонадеженъ ли я самъ на волю мою? Вопроси же себя, не все ли окружающее тебя имѣетъ надъ душею твоею такую силу, чтобъ совратить или отвлещи тебя отъ пути истиннаго? Маркъ Аврелій (здѣсь Аполлоній устремилъ взоръ свой на новаго Императора) трепещи паче всего тогда, когда ты будешь на престолѣ. Тысящи людей устремятся изторгнуть отъ тебя волю твою, чтобъ дать тебѣ свою; гнусныя страсти свои поставятъ на мѣсто твоихъ страстей великодушныхъ. Чтожъ тогда ты будешь? игралище всего. Чая повелѣвать, будешь повиноваться. Наружность твоя будетъ Царская, а душа рабская. Сему не удивляйся. Тогда душа въ тебѣ будетъ не твоя. Она принадлежать станетъ тому недостойному и дерзновенному человѣку, который ею овладѣть захочетъ."

„Сіи разсужденія повергли меня почти въ отчаяніе. О Боже! возопилъ я, когда поверженный тобою родъ человѣческій на землю долженъ быть управляемъ, почто людей же избралъ ты онымъ управлять? О существо благодѣтельное! Подвигнись о царяхъ на жалость. Они, можетъ быть, болѣе сожалѣнія достойны, нежели народы; ибо конечно ужаснѣе зло творить, нежели терпѣть. Въ сей часъ разсуждалъ я, не отречьсяль мнѣ отъ сея опасныя и страшныя власти, и уже рѣшился было, совсѣмъ рѣшился сложить вѣнецъ...

При сихъ словахъ казалось, что внимавшіе въ глубокомъ молчаніи Римляне, какъ будто

убоялись лишиться своего Государя. Забыли они, что нѣтъ болѣе на свѣтѣ сего великаго мужа. Скоро мечта сія изчезла. Тутъ казалось, что они въ другой разъ его лишаются. Въ смятенномъ движеніи, всѣ они преклонились ко гробу его; жены, младенцы, старики, всѣ въ ту сторону тѣснились; всѣ сердца печалью возкипѣли; изъ всѣхъ очей лилися слезы. Скорбный и возмущенный шумъ разносился во всемъ безчисленномъ народѣ. Самъ Аполлоній возмутился; свитокъ упалъ изъ рукъ его. Онъ обнялъ гробъ Марка Аврелія. Казалось, что видъ сего отчаяннаго старца умножалъ общее смятеніе. Скоро потомъ шумъ уменшился. Аполлоній пришелъ въ себя, какъ человѣкъ отъ сна пробудившійся; и съ утомленными скорбію очами поднялъ онъ бумагу съ гроба, и продолжалъ колеблющимся гласомъ:

„Я не долго остановился на мысли, чтобъ отречься отъ правленія. Видѣлъ я, что велѣніе боговъ призываетъ меня на служеніе отечеству, и что я повиноваться долженъ. Когда, сказалъ я самъ себѣ, казнится смертію воинъ, оставляющій мѣсто свое, то тебѣ ли свое оставить возможно? Или нужда быть на престолѣ добродѣтельну тебя устрашаетъ? Тогда чаялъ я слышать тайный нѣкій гласъ, мнѣ вѣщающій: чтобъ ты ни творилъ, всегда пребудешь человѣкъ; но постигаешь ли точно, до какой степени совершенства человѣкъ возвыситься можетъ? Зри разстояніе отъ Антонина до Нерона. Я симъ гласомъ ободрился, и не могши увеличить моихъ чувствъ, рѣшился я искать всѣхъ способовъ возвеличить мою душу, то есть, просвѣтить разумъ и утвердить волю. Сіи способы находилъ я въ самомъ понятіи о должностяхъ своихъ. Маркъ Аврелій, когда Богъ поставляетъ тебя главою надъ родомъ человѣческимъ, то пріобщаетъ онъ тебя частію къ правленію міра. И такъ отъ самаго Бога долженъ ты пріять разумъ на благоцарствіе. Возвысься до него; размышляй о семъ великомъ существѣ; почерпни изъ нѣдръ его любовь къ порядку

и ко благу общему; да устройство вселенныя научитъ тебя, какову быть устройству твоего государства. Предразсудки и страсти, владычествующія толикими людьми и Царями, къ тебѣ не прикоснутся. Ты будешь токмо имѣть предъ очами своими должности и Бога, и сей вышній разумъ, который твоимъ примѣромъ и закономъ быть долженствуетъ."

„Укрощу страсти мои, и изъ всѣхъ ихъ ужаснѣйшую, ибо она есть и пріятнѣйшая, укрощу сластолюбіе. Жизнь есть битва. Должно непрестанно братися. Уклонюсь отъ роскоши; ибо роскошь чрезъ всѣ чувства душу разслабляетъ. Уклонюсь отъ нея; ибо у Государя роскошь изтощаетъ сокровища прихотямъ на удовольствіе. Буду жить малымъ, какъ будтобъ былъ я бѣденъ: хотя я Государь, но нужды мои суть нужды человѣка. Я не дамъ сну болѣе того времени, котораго отнять у него не возмогу. Каждое утро скажу себѣ: се часъ, въ который усыпленныя злодѣянія пробуждаются, въ который страсти и пороки вселенную объемлютъ, въ который къ почувствованію скорби возраждается нещастный, въ который утѣсненный, возставая въ темницѣ, паки тяжесть оковъ своихъ обрѣтаетъ; въ сей самый часъ должны возстать добродѣтель, благотвореніе, и власть священная законовъ. Да будутъ единые труды отдохновеніемъ въ трудахъ моихъ. Естьли ученіе и дѣла занимать будутъ всѣ мои часы, то забавы не найдутъ уже ни одного празднаго изъ нихъ на похищеніе себѣ.„

Здѣсь Коммодъ колеблющимся гласомъ еще прервалъ чтеніе, вопросивъ Аполлонія: *неужель Государю всѣ забавы возпрещены?* — И отецъ твой вопрошалъ себя о томъ же, отвѣтствовалъ Философъ. Внемли его отвѣту. —

„Нѣтъ, Маркъ Аврелій, ты не со всѣми забавами разлученъ будешь. Боги чистѣйшія и сладчайшія тебѣ предоставили. Веселись, утѣшая скорбныхъ, услаждая жизнь нещастныхъ. Веселись,

взпомогая единымъ словомъ цѣлой области, творя ежедневно щастіе двухъ сотъ людскихъ племенъ. Вѣщай: сему ли предпочтешь ты сладострастныя забавы, или зрѣлище бойцевъ, или жестокосердое увеселеніе видѣть людей, сражающихся на площади съ лютыми звѣрями? Каждый часъ ознаменованъ должностію; каждая должность да будетъ для тебя източникомъ забавы."

Государь! Таковъ былъ отвѣтъ отца твоего на вопросъ учиненной мнѣ тобою.

Онъ остановился мысленно. Видѣлъ, чего природа отъ него требуетъ. Позналъ Бога, свою душу, свой разумъ, мѣсто свое во вселенной, мѣсто свое въ обществѣ, должность человѣка, должность Государя. Старался онъ укрѣпить душу свою противъ всѣхъ препятствъ могущихъ впредь останавливать его въ теченіи; и тогда, воздѣвъ на небо руки, возопилъ: (и ты, юный Императоръ, возкликни купно съ нимъ:)

,,О Боже! Не создалъ ты ни Царей быть утѣснителями, ни народы быть утѣсненными. Я не требую, чтобъ ты меня изправилъ. Развѣ нѣтъ во мнѣ самомъ дѣйствующей воли на то, чтобъ преуспѣвать въ совершенствѣ сражаться съ собою и побѣждать себя; но даждь мнѣ то, чего я самъ себѣ подать не могу, даждь мнѣ познать и слышать правду. Пошли мнѣ нужнѣйшее для Царей благо. Пошли ты мнѣ друзей. Сотвори, да умретъ прежде Маркъ Аврелій, нежели престанетъ быть правосуденъ."

По сихъ словахъ узрѣлъ онъ, что протекла нощь, и солнце возходило. Уже множествомъ людей улицы Рима наполнены были. Уже слышалъ онъ возклицанія, знаменующія, что Антонинъ шествуетъ къ народу.

,,Я пошелъ на срѣтеніе отцу моему, продолжаетъ Маркъ Аврелій. Во всѣхъ его дѣяніяхъ зрѣлъ я изполненіе того, что я творить предпріялъ, и тѣмъ былъ я еще болѣе ободренъ къ добродѣтели."

Римляне внимали сему въ глубокомъ молчаніи. Во время сего чтенія, сердца ихъ наполнены были то скорбію, то благоговѣніемъ, то нѣжностію. Они видѣли дѣянія сего великаго мужа. Сорокъ лѣтъ были свидѣтелями его добродѣтелей: но не вѣдали правилъ его. Очи ихъ съ большимъ огорченіемъ устремились на гробъ его; и потомъ, какъ будто невольнымъ движеніемъ, обратились почти въ тоже время на сына Марка Аврелія, который долженствовалъ быть весьма недостоинъ сего имени, и который стоялъ, потупя взоръ свой.

Сынъ Марка Аврелія! возопилъ Аполлоній, сіи очи, на тебя обращенныя, вопрошаютъ тебя: будешь ли ты подобенъ отцу своему? Не забудь ліющихся слезъ, зримыхъ днесь тобою. (Обратясь къ народу) Остановимъ скорбь нашу, и довершимъ хвалу его добродѣтелямъ. Я представилъ вамъ половину токмо изображенія Марка Аврелія; надлежитъ видѣть его въ ненарушимости правилъ своихъ, послѣдующа составленному отъ него себѣ начертанію, и чрезъ двадцать лѣтъ присвоявшаго къ блаженству міра тѣ нравственныя понятія, кои внушала философія ему, бывшу еще далеко отъ престола.

Маркъ Аврелій, вооруженный всею силою неограниченныя власти, слагаетъ ее съ себя добровольно. Дабы не употребить во зло своего могущества, ограничиваетъ оное со всѣхъ сторонъ; умножаетъ силу законовъ, которую многіе Императоры истребить хотѣли; возвращаетъ отъятую власть судіямъ, кои часто были или рабы, или подобны истуканамъ. Въ царствованіе его ни одинъ Сенаторъ, ни одинъ безчестный гражданинъ не дерзалъ никогда промолвить, что Государь не подчиненъ законамъ. „О подлая душа!“ сказалъ бы таковому Маркъ Аврелій: „за что ты „меня унижаешь? знай, что я въ честь себѣ вмѣ„няю таковое подчиненіе; знай, что власть дѣ„лать неправосудіе есть слабость.“ Римляне! я не страшусь сего вамъ изрещи, никогда въ наи-

лучшее время Рима, никогда при самыхъ вашихъ Консулахъ, предки ваши свободнѣе васъ не были. Не всель равно быть управляему единымъ или многими? Цари, Диктаторы, Консулы, Децемвиры, Императоры, всѣ сіи различныя имена едино знаменуютъ, то есть служителей закона. Законъ все составляетъ: образъ государственнаго правленія перемѣниться можетъ, но права гражданъ всегда тѣже. Они не зависятъ ни отъ властолюбца похищающаго, ни отъ низкія души, себя продающія. Они, будучи основаны на природѣ, суть, какъ она, неразрушаемы.

И такъ могу я свидѣтельствоваться всѣми вами, и вопросить васъ: утѣснилъ ли кого изъ гражданъ Маркъ Аврелій? естьли таковый найдется хотя одинъ, да приступитъ ко мнѣ, и обличитъ меня во лжи.

Весь народъ возопилъ: *никого! никого!*

Въ крайнихъ случаяхъ зрѣли вы его, прощающаго всѣ долги, когда почиталъ онъ поборы весьма тягостными. Въ тѣ самыя времена, когда умножались нужды, умножалъ онъ къ народамъ свои благодѣянія. Но повѣствуя о Маркѣ Авреліи, стыжусь я употреблять изреченія, посвященныя Государямъ отъ ласкательства. Что я нарицаю благодѣяніями, онъ нарицалъ правосудіемъ. Онъ самъ подалъ еще знаменитѣйшій примѣръ. Обрѣтшись между лютымъ непріятелемъ и отягощенными народами, на самого себя, о Римляне! наложилъ онъ тѣ подати, кои вы не моглибъ платить безъ отягощенія. Вопрошенъ онъ былъ, гдѣ найдетъ для войны сокровища? Се они, отвѣчалъ онъ, указуя на уборы своихъ чертоговъ. Обнажите сіи стѣны, отнимите сіи кумиры и живописанія, отнесите сіи златые сосуды на площадь, да именемъ государства будутъ они проданы, да сіи тщетныя украшенія, служившія убранствомъ чертоговъ Императорскихъ, послужатъ защитою Имперіи. Я стоялъ возлѣ него, когда онъ подавалъ, и когда изполнялося его повелѣніе.

Я казался удивленнымъ. Онъ ко мнѣ обратился. „Аполлоній!" рекъ мнѣ:„ и ты дивишься, подобно „народу! Развѣ можно мнѣ велѣть вмѣсто сихъ „златыхъ сосудовъ продавать бреніе бѣднаго, и „хлѣбъ, питающій младенцевъ? О другъ мой!" вѣщалъ онъ мнѣ потомъ:„ можетъ быть, всѣ сіи со„кровища стоили слезъ тысящамъ людей; прода„жа сія будетъ слабое заглажденіе бѣдствъ, при„ключенныхъ человѣчеству." О Римляне! тѣ чертоги безъ убранства, тѣ стѣны обнаженныя, были для васъ блистательнѣе и величественнѣе златыхъ палатъ, въ коихъ тираны ваши жили. Домъ Марка Аврелія въ таковомъ состояніи походилъ на почтенный храмъ, не имѣющій другаго украшенія, кромѣ божества, въ немъ обитающаго.

Не довольно того, что самъ отъ себя похищалъ, имѣлъ онъ еще бодрость духа отказывать другимъ то, чего давать не имѣлъ права. Научился онъ защищаться отъ той щедрости, которая иногда бываетъ болѣзнію великихъ душъ, и которая есть тѣмъ опаснѣйшее изкушеніе, что походитъ на добродѣтель, но часто, для щастія одного, приключаетъ бѣдствія нѣсколькихъ тысящъ.

Недостойные Императоры подкупали воиновъ для подпоры своей противу Рима, и злато, въ войскахъ разсыпаемое, служило на изваяніе оковъ, налагаемыхъ на вселенную неограниченнымъ самовластіемъ. Маркъ Аврелій устыдилсябъ подкупать войско Имперіи противъ самой Имперіи. Онъ отъ имени государства, давалъ ему все то, чѣмъ оно ему должно: но ничего не давалъ ему отъ имени Государя. Не хотѣлъ онъ, чтобъ богатясь отъ руки его, обыкало оно раздѣлять качество гражданина отъ качества воина.

Аполлоній хотѣлъ было продолжать слово свое, но вдругъ прервалъ оное Сотникъ нѣкій, стоявшій близь его.

„Философъ!" вѣщалъ онъ: — „позволь возвѣстить воину такое дѣяніе нашего великаго Госу-

даря, которое можетъ быть тебѣ и неизвѣстно. Мы были въ Германіи, и онъ едва одержалъ побѣду, уже стали мы просить у него денежной награды. Вотъ, что онъ намъ отвѣтствовалъ. Я помню и то, что всѣ мы были тогда на мѣстѣ сраженія, и онъ держалъ въ рукахъ шлемъ, изъязвленный стрѣлами. ,,Друзья мои!" сказалъ онъ намъ: ,,мы побѣдили: но естьли мнѣ вамъ дать имуще- ,,ство гражданъ, то что пользуетъ государству ,,побѣда наша? все, что ни дамъ вамъ сверхъ о- ,,клада, изтощу я изъ крови вашихъ ближнихъ и ,,отцевъ вашихъ." Мы устыдились отъ словъ его и ничего больше не просили."

,,Я вѣдалъ сей отвѣтъ Марка Аврелія" — рекъ старецъ воину: — ,,но мнѣ любезнѣе, что тобою возвѣщенъ оной Римскому народу." Тогда Аполлоній продолжалъ слово свое. Онъ обратилъ его на правосудіе и на образъ отправленія онаго, введенный въ Римъ Маркомъ Авреліемъ. Что въ томъ, разсуждалъ онъ, что Государь не тиранъ и не утѣснитель, естьли граждане утѣсняютъ гражданъ? Самовластіе каждаго изъ подданныхъ, буде оно необуздано, есть тольже страшно, какъ и самовластіе Государево. Повсюду частная корысть препятствуетъ общей; благополучіе одного подрываетъ благосостояніе другаго; всѣ страсти межъ собою ударяются: правосудіе долженствуетъ со всѣмъ онымъ сражаться, и упреждать таковое безначаліе. — При немъ былъ слѣдственно судъ немздоимный, нелицепріятный, ни весьма спѣшный, ни весьма медленный. Не надлежало покупать его дарами: не надлежало изторгать его докучательствомъ.

О вы, невозшедшіе на степень ни Патриціевъ, ни Сенаторовъ, не изобилующіе богатствомъ! о граждане и люди! не страшусь я, чтобъ тайныя ваши нареканія сообщались съ похвалами, коими чту память Государя вашего. Сострадательная благость его зрѣла во всѣхъ чинахъ Государственныхъ многочисленное токмо общество братій, друзей и сродниковъ. — При немъ низкая порода не изключала отъ должностей и до-

стоинствъ Государственныхъ. Для различенія чиновъ, Маркъ Аврелій сообразовался съ предразсужденіями; но для познанія цѣны человѣка, судилъ онъ человѣка. Руки, влачившія плугъ, водили при немъ Преторскія стражи; и для избранія супруга своей дщери, обратилъ онъ очи на Помпеянина, который, вмѣсто знатныхъ предковъ, имѣлъ единое достоинство. Союзъ съ добродѣтелью, вѣщалъ онъ, не можетъ Владыку земнаго обезславить.

Здѣсь Аполлоній, обращая очи на собраніе Римскаго народа, узрѣлъ Пертинакса. Сей былъ воинъ, прославленный побѣдами, и достоинство его долженствовало потомъ возвести его на тронъ. Онъ вступилъ тогда въ Римъ съ частію своего войска, препровождая тѣло Марка Аврелія. Стоялъ онъ нѣсколько одаль отъ тѣсноты народной, съ видомъ скорбнымъ, опершись руками на копье свое, и къ столпу прислонясь спиною, Аполлоній вдругъ обратилъ къ нему слово:

Тобой еще свидѣтельствуюсь, Пертинаксъ! вѣщалъ онъ, ты имѣешь духъ признаваться, что рожденъ ты отъ раба, умершаго изъ рабства свобожденнымъ. Симъ ты вящшее имѣешь право на наше почитаніе. Дерзаю днесь возпомянуть случившееся тебѣ подпаденіе подъ гнѣвъ Монаршій, которое толикую же приноситъ честь тебѣ, какъ и Государю твоему. Ты былъ обвиняемъ; онъ послушалъ навѣту, и ты виновнымъ казался. Скоро невинность твоя объяснилась; Маркъ Аврелій столь былъ великъ, что простилъ тебѣ обиду, которая отъ него тебѣ приключена. Онъ нарекъ тебя Сенаторомъ и Консуломъ; люди, чтившіе себя твоими совмѣстниками, дерзали разглашать, что слава Консульства унижена твоей породой. Возможноль, возопилъ Маркъ Аврелій, чтобъ мѣсто Сципіоновъ унижено было тѣмъ воиномъ, который имъ подобенъ!

Возвышавшій симъ образомъ знаменитыхъ Плебеянъ не могъ забыть дворянства государствен-

наго, но хотѣлъ, чтобъ оно знатность свою дѣлами подкрѣпляло. Презиралъ его, естьли оно токмо что надменно; почиталъ его, естьли добродѣтельно; помогалъ ему, естьли оно бѣдно; не хотѣлъ онъ, чтобъ во градѣ, зараженномъ роскошью, тѣ души, коимъ надлежало быть щедролюбивыми, снизходили до позорныхъ способовъ къ своему набогащенію.

Благость составляла свойство сего великаго мужа. Она была въ рѣчахъ его, она во всѣхъ чертахъ лица его изображалась. Но что вѣщаю я? Она была и самымъ божествомъ его. Воззри на Капитолію, гдѣ воздвигнутъ ей храмъ его руками. О Зиждитель всего міра! тебя и обожая прогнѣвляли почти всѣ живущіе на земли. Повсюду лютое суевѣріе имѣло свои храмы, гдѣ укрощая гнѣвъ твой, приносило тебѣ стенанія и вопли жертвъ человѣческихъ. Маркъ Аврелій, понимая тебя благимъ существомъ, призывалъ помощь твою. Онъ таковымъ предъ людьми тебя изображалъ, каковымъ ты въ сердцѣ его былъ изображенъ.

Въ семъ собраніи Римскаго народа было множество чужестранцевъ и гражданъ всѣхъ частей Имперіи. Одни давно жили въ Римѣ; другіе изъ разныхъ областей препровождали изъ почтенія гробъ Марка Аврелія. Вдругъ одинъ изъ нихъ, (и сей былъ первый судія града, стоящаго у подошвы горъ Алпійскихъ) возвыся голосъ свой:

„Витія!“ рекъ Аполлонію: — „ты повѣствуешь намъ о благодѣяніи Марка Аврелія къ частнымъ людямъ, впадшимъ въ злоключеніе: но вѣщай намъ и о томъ, которое являлъ онъ цѣлымъ градамъ и народамъ. Возпомни гладъ, Италію погублявшій. Мы слышали вопли женъ и дѣтей нашихъ, просящихъ отъ насъ пищи. Неплодныя поля наши и опустѣлыя торжища не представляли намъ ни какія помощи. Мы возопили о ней къ Марку Аврелію, и гладъ утолился.“ Тогда онъ подшелъ ко гробу, коснулся до него, и рекъ: „Я приношу тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ всея Италіи.“

Предсталъ потомъ другій. Лице его опаленно было отъ солнечнаго зноя. Черты его имѣли нѣчто горделивое, и главою своею превышалъ онъ предстоящихъ. Сей былъ Африканецъ. Онъ возвысилъ гласъ свой, и рекъ:

„Я родился въ Карѳагенѣ. Видѣлъ я домы и храмы наши, всеобщимъ пожаромъ въ пеплъ обращенны. Избѣгнувъ отъ пламени, и многіе дни скитаясь по развалинамъ и пепелищамъ, призвали мы на помощь Марка Аврелія. Маркъ Аврелій утолилъ лютость бѣдствъ нашихъ. Карѳагена возблагодарила въ сей разъ боговъ за то, что зависѣла отъ Рима.“ Онъ подшелъ ко гробу, коснулся до него, и рекъ: „Я приношу тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ Африки.“

Трое жителей Азійскихъ приступили. Единою рукою держали ѳиміамъ, а другою вѣнцы сплетенны изъ цвѣтовъ. Одинъ изъ нихъ началъ слово:

„Мы зрѣли въ Азіи носящую насъ землю, подъ ногами нашими возколебавшуюся, и три града наши упадшими отъ землетрясенія. Изъ среди сихъ развалинъ призвали мы на помощь Марка Аврелія, и грады наши возстали отъ паденія.“ Они положили на гробъ ѳиміамъ и цвѣты, и рекли: „Мы приносимъ тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ Азіи.“

Наконецъ предсталъ мужъ съ Дунайскихъ бреговъ. Онъ облеченъ былъ въ одежду варваровъ, и держалъ палицу въ рукѣ своей. Израненное лице его было мужественно и грозно, но черты онаго, почти дикообразныя, казались въ сей часъ смягченными скорбію. Онъ приступилъ ближе и рекъ:

„Римляне! Край нашъ опустошала язва. Вѣщаютъ, что претекла она вселенную, и достигла до насъ отъ Парѳянскихъ предѣловъ. Смерть вселилась въ наши хижины. Она гналась за нами по лѣсамъ; мы не могли ни ловить звѣрей, ни сра-

жаться. Все погибало. Я самъ ощутилъ сію страшную заразу, и уже не могъ сносить тяжести моего оружія. Въ толикомъ отчаяніи призвали мы на помощь Марка Аврелія. Маркъ Аврелій былъ нашъ Богъ избавитель.“ Онъ подошелъ ко гробу, положилъ на него свою палицу, и рекъ: „Я приношу тлѣнію твоему дань благодарности отъ двадцати племенъ, избавленныхъ тобою.“

Днесь слышите, о Римляне! продолжалъ паки Аполлоній, что попеченіе его разпростерлось на всѣ концы міра. Чрезъ двадцать лѣтъ земля всѣ бѣдствія изпытала, но природа даровала землѣ Марка Аврелія.

И сей великій мужъ имѣлъ своихъ злодѣевъ! Или должно, или хотятъ того превѣчныя Судьбы, чтобъ добродѣтель никогда не могла обезоружить злобы? Римляне! наилучшіе Государи ваши зрѣли на себя кинжалы изощренны. Нерва осажденъ былъ въ своихъ чертогахъ. Заговоръ былъ противъ Тита. Антонинъ и Траянъ принуждены были прощать возмутителей. И Маркъ Аврелій за жизнь свою сражался.

Успокоя Римъ, шествовалъ онъ въ Азію укротить страны поколебавшіяся; повсюду являлъ въ себѣ владыку благотворящаго, Государя любомудраго, коего власти дерзали не признавать нѣкіе виновные грады. Были ему представлены бумаги мятежниковъ; онъ не читавъ, предалъ ихъ огню: не хощу, рекъ онъ, быть принужденнымъ ненавидѣть. Все къ ногамъ его повергается. Онъ прощаетъ градамъ и странамъ; отъ востока приходятъ Цари поклониться ему; онъ сохраняетъ или обновляетъ тишину, и повсюду удивляетъ философіею, достойною престола. Наконецъ, чрезъ восемь лѣтъ, возвратился онъ на Тибровы брега. Съ какимъ восторгомъ былъ онъ принятъ! Никогда толико добродѣтелей совокупно въ Римѣ не являлось. Онъ съ просвѣщеніемъ Адріяна соединялъ душу Тита, царствовалъ подобно Августу, сражался какъ Траянъ, прощалъ какъ Антонинъ. Блаженъ былъ народъ; великъ Сенатъ; сами враги его обожали; внѣшняя война прекращена стала побѣдами, междоусобная милосердіемъ; отъ Дуная до

Евфрата, и отъ Нила до Великія Британніи прекратилися смятенія; все спокойно было. Европа, Азія, и Африка наслаждались тишиною. Тогда въ другой разъ онъ возторжествовалъ. Люди отъ всѣхъ племенъ и послы отъ всѣхъ Царей усугубляли великолѣпіе праздника. Во всѣхъ храмахъ лилась жертвенная кровь; на олтаряхъ курился ѳиміамъ. Народъ съ возклицаніемъ окружалъ его кумиры, и украшалъ ихъ цвѣтами. Повсюду раздавались радостные гласы: а онъ среди толикаго величества, въ торжественномъ шествіи, тихомъ и непышномъ, наслаждался въ молчаніи блаженствомъ Рима и Имперіи, и съ высоты Капитоліи казался зрящимъ на вселенную веселыми очами. Кто изъ васъ, о Римляне! не возсылалъ тогда молитвъ, да сей великій мужъ безсмертенъ былъ бы, или по крайней мѣрѣ даровалибъ ему боги долговременную старость. Но что! благотворительныя души толь рѣдки, а земля толь мало ими наслаждается! Но что! насъ бѣдства окружаютъ, насъ они обременяютъ, и едва воцарится Государь, радѣющій о единомъ услажденіи оныхъ, едва родъ человѣческій, поражаемый нещастіемъ, возстаетъ, и начинаетъ паки блаженство обрѣтать, уже подпора, его держащая, упадаетъ, и съ единымъ человѣкомъ гибнетъ щастіе цѣлаго вѣка. Маркъ Аврелій остался еще съ нами два года, какъ вѣчные враги сея Имперіи въ третій разъ повлекли его въ Германскіе предѣлы. Тогда, не взирая на слабость здравія, возвратился онъ къ Дунайскимъ брегамъ. Среди сихъ подвиговъ мы его лишились. Послѣдніе часы его (я самъ былъ свидѣтелемъ, и могу вамъ о нихъ повѣствовать) были достойны мужа великаго и мудраго. Терзающая болѣзнь не возмущала духа его. Обыкнувъ чрезъ пятьдесять лѣтъ размышлять о природѣ, научился онъ познавать ея законы, и онымъ повиноваться. Помню я, что вѣщалъ онъ мнѣ нѣкогда: Аполлоній, все окрестъ меня перемѣняется; вселенная дня сего не есть дня вчерашняго, а заутра тоюже не будетъ. Между всѣми движеніями сими, могу ли я одинъ пребыть неподвижимъ? Должно, чтобъ бы-

страна сія и меня съ собою повлекла. Все предваряетъ меня, что и я нѣкогда быть престану. Земля, по коей я ступаю, была попираема ногами миліоновъ людей, кои не существуютъ нынѣ. Лѣтописи царствъ, развалины градовъ, сосуды пепелъ хранящіе, кумиры: все сіе не *возпоминаетъ* ли намъ то, чего ужъ больше нѣтъ? солнце, на кое ты взираешь, ихъ токмо гробы освѣщаетъ." Тако сей философствующій Государь упражнялъ заблаговременно, и укрѣплялъ душу свою. Когда пришелъ самый конецъ жизни, онъ не изумился отъ него. Римляне! великій мужъ умирающій имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное и величественное; кажется, что по мѣрѣ отторженія его отъ земли пріемлетъ онъ нѣчто отъ того божественнаго и недовѣдомаго естества, съ которымъ соединиться идетъ. Ослабѣвающія руки его осязалъ я благоговѣйно, и одръ, на коемъ ждалъ онъ смерти, мнѣ нѣкимъ святилищемъ казался. Въ то время воинство въ уныніе поверглось. Подъ наметомъ своимъ стеналъ ратникъ. Сама природа казалася скорбяща. Помрачились небеса надъ Германіею. Вихри клонили верхи лѣсовъ, окружающихъ станъ Римскій, и сіи печальные виды казались умножающими отчаяніе наше. Хотѣлъ онъ нѣкое время остаться наединѣ, чтобъ, можетъ быть, предъ Вышнимъ Существомъ пройти мысленно житіе свое, или чтобъ прежде смерти предаться еще размышленію. Наконецъ повелѣлъ онъ призвать насъ къ себѣ. Всѣ други сего великаго мужа и старѣйшины воинства окрестъ его стали. Онъ былъ блѣденъ, очи его почти угасли, и уста оледенѣли. Въ сей самый часъ усмотрѣли мы въ лицѣ его нѣкое нѣжное смятеніе. Государь! Онъ на единый мигъ казался оживленнымъ для тебя. Хладная рука его указала тебя всѣмъ предстоящимъ старцамъ, служившимъ подъ его повелѣніями. Онъ препоручилъ имъ юность твою. „Будьте ему вмѣсто отца, рекъ онъ имъ, увы! будьте ему вмѣсто отца." Тогда подалъ онъ тебѣ таковые совѣты, каковые умирающій Маркъ

Аврелій сыну своему подать долженствовалъ, и скоро потомъ лишился его Римъ и вселенная.

При сихъ словахъ всѣ Римляне стали отъ горести неподвижны. Умолкъ Аполлоній. Потекли слезы изъ очей его; повергся онъ на гробъ Марка Аврелія. Долго держалъ оной въ своихъ объятіяхъ, и возставъ вдругъ:

Но ты, наслѣдникъ сего великаго мужа, возопилъ Аполлоній, о сынъ Марка Аврелія, о мой любезный сынъ! позволь тако нарещи тебя старцу, зрѣвшему твое рожденіе, и носившему на рукахъ своихъ тебя младенцемъ суща. Помяни бремя, наложенное на тебя богами. Помяни должности владыки и права подданныхъ. Сужденному царствовать должно тебѣ быть или мужемъ праведнѣйшимъ, или паче всѣхъ виновнѣйшимъ. Сынъ Марка Аврелія усумнитсяль въ таковомъ избраніи! Скоро скажутъ тебѣ, что ты всемогущъ, но обманутъ тебя: предѣлы власти твоея суть въ законѣ. Скажутъ еще тебѣ, что ты великъ, что ты своимъ народомъ обожаемъ. Внемли: когда Неронъ заключилъ въ темницу брата своего, тогда ему сказуемо было, что онъ спаситель Рима; когда умертвилъ онъ жену свою, тогда предъ нимъ похваляемо было его правосудіе; когда лишилъ онъ жизни мать свою, тогда убійственныя руки его лобызаемы были, и множество стеклось во храмы боговъ благодарить. Не ослѣпляйся также и почитаніями. Естьли ты не будешь добродѣтелемъ, то почтенъ будешь наружно и ненавидимъ внутренно. Повѣрь мнѣ, что нельзя обмануть народовъ. Ни въ чьемъ сердцѣ оскорбленное правосудіе не усыпляется. Царь міра! ты можешь меня заставить умереть, но не можешь заставить сердца моего почитать тебя. Прости сіи слова, о сынъ Марка Аврелія! я вѣщаю тебѣ именемъ боговъ, именемъ ввѣренной тебѣ вселенной; вѣщаю тебѣ для блаженства людей и твоего. Нѣтъ! не будешь ты безчувственъ къ толико чистой славѣ. Я достигаю до конца моея жизни. Скоро соединюсь съ твоимъ родителемъ. Естьли

ты будешь правосуденъ, да поживу и я еще, созерцая твои добродѣтели. Естьлижъ нѣкогда...

Вдругъ Коммодъ, который облеченъ былъ въ воинскую одежду, копіемъ своимъ потрясъ грозно. Всѣ Римляне поблѣднѣли. Аполлоній пораженъ былъ бѣдствіями, угрожающими Риму. Онъ не могъ окончить слова своего. Сей почтенный старецъ сокрылъ лице свое покровомъ. Остановленное шествіе погребенія паки путь свой возпріяло. Народъ слѣдовалъ въ изумленіи и глубокомъ молчаніи. Онъ позналъ, что Маркъ Аврелій весь сокрытъ во гробѣ.

Фонъ-Визинъ.

КОНЕЦЪ.

Изъ книгъ
А. В. Кокорева

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Извѣстія о жизни и твореніяхъ писателей, коихъ труды помѣщены въ семъ собраніи.

Анастасій Братановскій, Членъ Св. Правительствующаго Синода, Архіепископъ Астраханскій и Кавказскій и Кавалеръ, родился 16 Октября 1761 года, Полтавской Губерніи въ мѣстечкѣ *Барышевкѣ*, гдѣ родитель его былъ Протоіерей и Предсѣдатель тамошняго духовнаго правленія. Анастасій обучался въ Переяславской Семинаріи съ отличными успѣхами, и по окончаніи ученія, позванъ былъ въ Сѣвскую (1782) а потомъ (1784) въ Вологодскую Семинарію, въ которыхъ былъ разныхъ языковъ и наукъ учителемъ. Въ Вологдѣ началъ онъ сказывать проповѣди, которыя вскорѣ доставили ему уваженіе всего города. Изъ Вологды выѣхалъ онъ въ Кириловъ Бѣлоезерскій монастырь (1789) для преподаванія ученія въ тамошней Семинаріи, и въ концѣ того же года позванъ былъ въ Санктпетербургъ. Митрополитъ *Гавріилъ*, замѣтивъ зрѣлый умъ и рѣдкія его познанія, опредѣлилъ его учителемъ Піитическаго, а потомъ Риторическаго классовъ въ Александроневской Семинаріи, что нынѣ Академія. Въ Александроневскомъ мона-

стырѣ, принялъ онъ монашеское званіе (1790) вскорѣ потомъ рукоположенъ Іеродіакономъ, а въ Апрѣлѣ 1791 Іеромонахомъ. Опредѣленъ въ Сухопутный Кадетскій корпусъ учителемъ Закона (1792); произведенъ въ Архимандриты Троицкаго Зеленецкаго монастыря съ оставленіемъ при корпусѣ, и (1793, 1794 и 1795) отправлялъ въ С. Петербургѣ чреду священнослуженія и сказывалъ при Высочайшемъ Дворѣ и въ другихъ мѣстахъ поучительныя слова. Великая Екатерина изъявляла ему особенное благоволеніе Свое за его проповѣди, изъ коихъ нѣкоторыя были перечитываемы Ей въ другой разъ въ Ея кабинетѣ. Въ 1794 году принятъ онъ Членомъ въ Императорскую Россійскую Академію. — Въ 1795 году переведенъ въ монастырь Троицкія Сергіевы пустыни, что на Петергофской дорогѣ, и опредѣленъ присутствующимъ въ С. Петербургскую Консисторію; потомъ (1796) опредѣленъ онъ въ первокласный Ставропигіальный Московскій Ново-Спасскій монастырь; въ томъ же году Указомъ Императора Павла I. пожалованъ въ Члены Св. Синода, и получилъ повелѣніе ѣхать обратно въ С. Петербургъ, гдѣ пожалованъ въ санъ Епископа Бѣлорусскаго и Могилевскаго (1797). 20 Декабря тогожъ года Императоръ Павелъ I. собственноручно возложилъ на него знаки Ордена Св. Анны 1-го класса въ большей Придворной церкви. — 1801 г. Сентября 15, въ день коронованія Императора Александра, пожалованъ въ Архіепископы, а въ Іюлѣ 1805 года позванъ изъ Могилева въ С. Петербургъ, для присутствованія въ Св. Синодѣ. По прибытіи въ С. Петербургъ, препоручено ему было напи-

сать планъ для преобразованія духовныхъ училищъ, который и окончилъ онъ въ непродолжительномъ времени. Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ ему за сіе панагію, осыпанную бриліянтами; но ничто не могло уже поправить слабаго его здоровья и начавшейся въ немъ чахотки, причиненной сильною простудою. Сіе заставило его пожелать перейти, для поправленія въ тепломъ климатѣ разстроеннаго своего здоровья, въ Астраханскую Епархію, куда и переведенъ 20 Декабря тогожъ года. Прибывъ въ Астрахань (въ началѣ 1806) успѣлъ онъ до 15 Августа сказать 11 проповѣдей въ Соборѣ и другихъ церквахъ. Тогожъ года пожалованъ Членомъ Св. Синода, но Монаршее сіе благоволеніе не достигло ушей его: онъ скончался 9 числа тогожъ Декабря. Сочиненія его суть слѣдующія: 1) *Поучительныя слова*, при Высочайшемъ Дворѣ и въ другихъ мѣстахъ говоренныя съ 1792 по 1806 годъ въ IV частяхъ печатаны въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ 1799, 1805 и 1807 годовъ. 2) Tractatus de dispositionibus concionum (Трактатъ о разположеніи церковныхъ словъ) печ. въ Москвѣ 1809 года. 3) *Мысли или краткія разсужденія* нап. при IV части проповѣдей его. Переводы съ Французскаго: 4) *Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія*, напеч. въ С. Петербургѣ 1794 года. 5) *Плачь Іереміи пророка*, напеч. въ С. Петербургѣ 1797 года. 6) *Истинный Мессія или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ Іисуса Христа и о Его Божествѣ*, напеч. въ Москвѣ 1801 года. 7) *Опытъ о совершенствѣ*, изъ Формея, напеч. въ С. Петербургѣ 1805 года. (стр. 333).

Бенитцки, Александръ Петровичъ, (род. въ 1780 г. ум. въ 1809 г. 30 Ноября) былъ возпитанъ въ Москвѣ въ пенсіонѣ Профессора *Шадена*; потомъ служилъ въ арміи, уволенъ Поручикомъ и находился до конца жизни своей при Комиссіи Составленія Законовъ въ С.П.б. Онъ издалъ въ 1807 году *Талію или Собраніе Россійскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ*, часть I, въ коемъ отличаются его повѣсть: *Ибрагимъ или Великодушный*, поэма *Комала*, переводъ стихами изъ Оссіана, и нѣкоторыя басни. Въ 1809 году, издавалъ онъ съ *Александромъ Ефимовичемъ Измайловымъ* ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ *Цвѣтникъ*. Имъ написаны помѣщенныя въ семъ журналѣ: повѣсть: *на другой день*, нѣкоторыя рецензіи, переводы лирическихъ стихотвореній и басенъ и т. п. (стр. 29.)

Болтинъ, Иванъ Никитичъ, Генералъ Маіоръ, Членъ Россійской Академіи, родился въ С.П.б. 1735 года, а скончался Октября 6 1792. Первое сочиненіе его было: *Хорографія Сарептскихъ цѣлительныхъ водъ*, напеч. въ С. П. б. 1782. Но вскорѣ случай открылъ въ немъ глубокія знанія, особенно въ отечественной Исторіи. Читая изданную лекаремъ *Леклеркомъ* въ Парижѣ 1787 года въ 5 томахъ *Исторію Естественную*, *Нравственную*, *Гражданскую и Политическую древнія и новѣйшія Россіи*, Болтинъ дѣлалъ на нее для себя единственно критическія замѣчанія; безъ всякаго намѣренія издавать оныя. Но нѣкоторые изъ знакомыхъ его, особливо покойный Князь *Потемкинъ*, увидѣвъ у него сіи опыты критики, ободрили его къ продолженію и окончанію

оныхъ. Они напечатаны въ 1788 году въ С.П.б. на щетъ Кабинета, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ двухъ томахъ въ четвертку. Въ сихъ примѣчаніяхъ Болтинъ убѣдительно обличилъ Леклерка въ неблагонамѣренныхъ лжахъ и клеветахъ на Россію, въ незнаніи нашей Исторіи, а притомъ и самаго Русскаго языка, въ безразсудной дерзости утверждать то, чего самъ не видалъ и слышать не могъ и проч. и проч. Сіе сочиненіе переведено и на Французскій языкъ. Изъ онаго видно, что Сочинитель имѣлъ разнообразныя и обширныя свѣденія въ языкахъ и наукахъ, проницательный умъ и ревностное усердіе къ пользѣ и славѣ отечества. Величайшая погрѣшность сего творенія состоитъ въ принятіи подложной *Іоакимовой* Исторіи за достовѣрную. — Князь *Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ*, сочинитель Россійской Исторіи, замѣтивъ что многія обличенія Болтина, сдѣланныя Леклерку, падаютъ и на него, издалъ въ 1789 году въ Москвѣ *Письмо къ одному пріятелю въ оправданіе свое на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его Исторіи отъ Г-на Генералъ-Маіора Болтина*. — Болтинъ со своей стороны немедленно, тогожъ 1789 года, издалъ въ С.П.б. на сію книжку возраженіе подъ названіемъ: *Отвѣтъ Г. М. Болтина на письмо Кн. Щербатова, Сочинителя Россійской Исторіи*. Съ того времени началъ онъ писать на сію Исторію подробныя примѣчанія, которыя изданы уже по смерти его, въ 1793 и 1794 г. въ двухъ томахъ въ С.П.б. въ четвертку Графомъ *Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ*. Между тѣмъ Кн. Щер-

батовъ, тронутъ будучи новыми укоризнами Болтина въ отвѣтѣ его, написалъ подъ именемъ недавно въ Россію возвратившагося молодаго Россіянина цѣлую книгу въ четверть листа подъ названіемъ: *Примѣчанія на отвѣтъ Г. М. Болтина на письмо Кн. Щербатова*; но книга сія издана въ 1792 г. въ Москвѣ по смерти Сочинителя (сконч. 12 Дек. 1790.) Не извѣстно и то, читалъ ли Болтинъ сіи примѣчанія, потому что они вышли въ свѣтъ не за долго до его кончины; по крайней мѣрѣ онъ въ своихъ примѣчаніяхъ вовсе о нихъ не упоминаетъ. Во всѣхъ сихъ сочиненіяхъ Болтина находится много важныхъ и любопытныхъ разысканій и объясненій на труднѣйшія мѣста древней нашей Исторіи, хотя попадаются и явныя ошибки, какъ видно изъ замѣчаній Кн. Щербатова. Жаль, что Болтинъ нерѣдко въ сихъ сочиненіяхъ, какъ и въ замѣчаніяхъ на Леклерка, критику свою простиралъ до ожесточенія и личной брани. Сверхъ сихъ критическихъ сочиненій, Болтинъ, по препорученію Императрицы Екатерины II., написалъ еще *Примѣчанія на сочиненное* Ею Самою *Историческое представленіе изъ жизни Рюрика*, напеч. съ онымъ сочиненіемъ въ 8 долю листа въ С.П.б. 1792 года, съ Нѣмецкимъ переводомъ. Онъ участвовалъ также въ переводѣ и изъясненіи *Русской правды* (изд. въ С. П.б. 1792.) По смерти Болтина, Императрица купила всѣ его бумаги и книги у наслѣдниковъ и подарила ихъ Графу А. И. Мусину-Пушкину, другу и сотруднику покойнаго. Всѣхъ бумагъ его осталось до ста связокъ, и въ нихъ, сверхъ многихъ другихъ, оказались: 1) *Пе-*

реводъ Энциклопедіи до буквы К. набѣло переписанный собственною его рукою. 2) Историческое и Географическое *Описаніе Намѣстничествъ.* 3) *Толковаго Славяно-Россійскаго словаря* буква А, и многіе матеріялы къ продолженію сего великаго и труднаго сочиненія. 4) *Выписки* для уразумѣнія древнихъ лѣтописей съ изъясненіемъ древнихъ словъ, изъ употребленія вышедшихъ и Географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ нашихъ. Изъ сихъ выписокъ Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ выбралъ и издалъ съ дополненіями изъ другихъ писателей: *Описаніе народовъ, городовъ и урочищъ*, (припечатанное къ его же книгѣ: *Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго Княженія* (С.П.б. 1794). Изъ сихъ же бумагъ издалъ онъ (С.П.б. 1793) три части Татищева *Россійскаго Историческаго, Географическаго, Политическаго* и *Гражданскаго Лексикона.* Всѣ сіи также и прочія рукописи сего Критика хранятся въ Библіотекѣ Гр. А. И. Мусина-Пушкина. (стр. 88)

фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ и Членъ Россійской Академіи, родился въ Москвѣ 1745 года. Онъ обучался въ Московскомъ Университетѣ и отмѣнно успѣлъ въ Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; Французскому выучился въ два года самъ, такъ хорошо, что могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить его *Альзиру.* Въ 1762 году опредѣленъ былъ Сержантомъ въ Гвардію, и вскорѣ потомъ вступилъ въ Иностранную Коллегію Переводчикомъ съ чиномъ Капитанъ-Поручика, и посланъ былъ курьеромъ въ Германію. — Въ 1763 году перешелъ онъ въ

штатъ Министра Графа *Панина* и пользовался его отличнымъ благоволеніемъ. Въ то время написалъ онъ комедію *Бригадиръ*, и перевелъ *Іосифа*, поэму Битобе. Слухъ о его дарованіяхъ дошелъ до Императрицы Екатерины II., предъ Которою онъ имѣлъ щастіе читать свою комедію. Одно острое слово навлекло ему гонителей; онъ отпросился въ отпускъ, и поѣхалъ путешествовать по Европѣ. Изъ Парижа написалъ онъ о Франціи нѣсколько писемъ, въ которыхъ виденъ наблюдательной и сатирической духъ его. Возвратясь съ путешествія, сочинилъ онъ въ 1782 году свою комедію *Недоросль*. Хотя характеры, изображенные въ ней, начинаютъ уже выводиться изъ моды, но она никогда не потеряетъ цѣны своей. Послѣ сей комедіи, фонъ-Визинъ не писалъ уже ничего для публики. Параличный ударъ лишилъ его вскорѣ потомъ употребленія руки, ноги и отчасти языка. Въ семъ плачевномъ состояніи прожилъ онъ около десяти лѣтъ до кончины своей, послѣдовавшей Дек. 1 1792 г. Всѣ сочиненія его суть: 1) *Недоросль*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, напеч. въ первой разъ 1783 года. — 2) *Бригадиръ*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, напеч. 1764.— 3) *Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*, шуточные стихи, въ которыхъ онъ издѣвается надъ честолюбіемъ и своекорыстіемъ людей. Передъ концемъ жизни разкаялся онъ въ нѣкоторыхъ вольныхъ мысляхъ, помѣщенныхъ въ сихъ стихахъ. — 4) *Слово*, говоренное въ Духовъ день Іереемъ Василіемъ, напеч. въ Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова. — 5) *Каллисѳенъ*, Греческая повѣсть, напечат. въ

книжкѣ: *Правдолюбецъ* или карманная книжка мудраго, изданной въ С. П. Б. 1801. 6) *Письма* къ разнымъ особамъ. Два письма къ одной знатной особѣ, писанныя изъ Парижа, напечатаны въ *Санктпетербургскомъ журналѣ Г. Пнина.* Одно письмо, о сочиненіи Русскаго словаря, къ О. П. К. 1784 года изъ Москвы, помѣщенное въ семъ собраніи, напеч. въ *Вѣстникѣ Европы* 1803 года. — 7) *Слово на выздоровленіе В. К. Павла Петровича*, напеч. 1776 года. 8) *Признанія* или изповѣданіе его, неконченное, напеч. въ Санктпетербургскомъ журналѣ. Ненапечатаны: 9) *Матюшка разнощикъ*, сатирическіе стихи. 10) *Опытъ придворной Грамматики.* — Переводы: 1) *Басни Голберговы* съ Нѣмецкаго. М. 1763 три изданія. — 2.) *Жизнь Сифа, Царя Египетскаго*, 4 части, 1764. съ Французскаго.—3.) *Альзира* или Американцы, трагедія Вольтера, пер. стихами 1762, а напеч. 1786. —4.) *Іосифъ*, поэма Г. Битобе съ Французскаго, напеч. въ М. 1769 года. — 5.) *Торгующее дворянство, противоположенное дворянству военному*, съ Франц. С.П.б. 1766. — 6) *Сидней и Силли или благодѣяніе и благодарность*, Англійская повѣсть. Пер. съ Франц. въ С.П.б. 1769. Втор. изд. М. 1788. — 7) *Слово похвальное Марку Аврелію* соч. Томаса, пер. съ Франц. С.П.Б. 1777. — 8) *Любовь Хариты и Полидора.* повѣсть, сочин. Бартелеми съ Франц. С.П.б. 1763. — 9) *Сидней*, стихи, съ Франц. — Нравомъ онъ былъ щедръ, услужливъ, откровененъ, въ обхожденіи весьма пріятенъ, шутливъ и остроуменъ; за послѣднее свойство страдалъ онъ неоднократно. — Слогъ во всѣхъ его твореніяхъ чистъ, правиленъ,

плавенъ и оригиналенъ. Глубокое познаніе языка почерпнулъ онъ изъ церковныхъ Славянскихъ книгъ, которыя долженъ былъ читать отцу своему. (стр. 1. 149. 214. 249 и 398).

Георгій Конисскій, Архіепископъ Бѣлорусскій и Членъ Св. Правительствующаго Синода, родился 20 Ноября 1717 года въ *Нѣжинѣ*. Обучался въ Кіевской Академіи (съ 1728 до 1743). Въ 1744 постриженъ въ монашество; опредѣленъ учителемъ піитическаго класса (1745); переведенъ учителемъ въ философическій классъ (1747) и пожалованъ Префектомъ Академіи; произведенъ въ Ректоры и учители Богословіи (1751), а съ 1752 года былъ Архимандритомъ Кіевобратскаго монастыря; посвященъ въ санъ Епископа Могилевскаго (1755); пожалованъ Архіепископомъ и Членомъ Св. Синода (1783); скончался 23 Февраля 1795 года въ Могилевѣ. Изъ сочиненій его извѣстны: 1) *Рѣчь*, говоренная имъ на Латинскомъ языкѣ 27 Іюля 1765 года въ Варшавѣ предъ новоизбраннымъ Польскимъ Королемъ *Станиславомъ Понятовскимъ*, о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ въ Польшѣ исповѣдующими Грекороссійскую вѣру. (*) 2) *Права и вольности жителей, Грековозточную въ Польшѣ и Литвѣ исповѣдующихъ вѣру.* (на Польск. яз.) напечат. въ

(*) Переводъ сей рѣчи напечатанъ въ 14 кн. *Вѣстника Европы* на 1804 годъ. Достоинъ замѣчанія скромный отвѣтъ сего Пастыря Королю Станиславу, который, выслушавъ оную рѣчь, спросилъ: *Много ли въ Россіи такихъ умныхъ людей какъ вы? — Я самый послѣдній!* — отвѣчалъ Преосвященный.

Варшавѣ 1767 года. 3) *Историческое извѣстіе о Епархіи Могилевской*, напечат. въ любопытномъ С. П. бургскомъ мѣсяцословѣ на 1775 годъ. 4) *О должности приходскихъ Священниковъ*, напеч. 1776 въ С.П.б. (Въ сочиненіи сей книги помогалъ ему *Парѳеній Сопковскій*, Епископъ Смоленскій.) 5) *Поучительныя Слова*, напеч. въ заведенной имъ въ Могилевѣ типографіи. Изъ привѣтственныхъ его рѣчей извѣстны: а) *Рѣчь*, говоренная имъ 1762 года Сентября 29, Императрицѣ Екатеринѣ II. послѣ коронаціи Ея въ Москвѣ. b) Двѣ рѣчи, говоренныя имъ сей же Императрицѣ въ 1787 году по случаю проѣзда Ея чрезъ Могилевскую Губернію. Одна изъ оныхъ, произнесенная во Мстиславлѣ, помѣщена въ нашемъ собраніи на стр. 332.

Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, разныхъ Россійскихъ Орденовъ Кавалеръ и членъ всѣхъ почти Россійскихъ ученыхъ Обществъ, родился Іюля 3-го 1743 года въ Казани. Воспитанъ былъ сперва въ домѣ родителей своихъ и нѣкоторыхъ частныхъ училищахъ, а потомъ въ Казанской Гимназіи. Въ 1760 году записанъ онъ былъ въ Инженерную службу, а въ 1761 за успѣхи въ Математикѣ и рисованіи, также и за описаніе развалинъ Болгарскихъ на рѣкѣ Волгѣ, переведенъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Съ 1762 года проходилъ онъ всю воинскую службу съ нижнихъ чиновъ по порядку, а въ 1772 году произведенъ въ Прапорщики гвардіи; въ 1774 году, состоя въ чинѣ Поручика, отличился благоразуміемъ и мужествомъ въ кор-

пусѣ, посланномъ для усмиренія мятежника Пугачева. Въ 1777 году пожалованъ онъ въ Коллежскіе Совѣтники, и опредѣленъ Экзекуторомъ въ 1-й Департаментъ Сената. Въ 779 вступилъ въ Экспедицію о Государственныхъ доходахъ; въ 1782 пожалованъ въ Статскіе, а въ 1784 въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники; и былъ Губернаторомъ сперва въ Олонцѣ, а потомъ въ Тамбовѣ. Въ 1791 году Императрица Екатерина II благоволила принять его къ Себѣ Статсъ-Секретаремъ. Въ 1793 пожалованъ онъ чиномъ Тайнаго Совѣтника и опредѣленъ въ Сенаторы; въ 1794 въ Президенты Коммерцъ-Коллегіи. Въ 1800 пожалованъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и сдѣланъ Государственнымъ Казначеемъ. Въ 1801 году уволенъ отъ должности Государственнаго Казначея; въ 1802 пожалованъ въ Министры Юстиціи, а въ 1803 году уволенъ отъ службы съ произвожденіемъ въ пенсіонъ полнаго жалованья и столовыхъ денегъ. При всѣхъ сихъ столь различныхъ и важныхъ званіяхъ, Геній его находилъ минуты для препровожденія съ Музами. Довольно назвать изъ многихъ твореній его: Оды *Богъ*, *Фелицѣ*, *на рожденіе нынѣ царствующаго Императора*, *первому сосѣду*, *на смерть Кн. Мещерскаго*, *на Шведскій миръ*, *ключь*, *водопадъ*, *осень*, *Анакреонтическія* его *пѣсни*, и проч. и проч. Стихотворныя сочиненія его вышли въ 1808 году въ четырехъ частяхъ. Изъ прозаическихъ сочиненій (кромѣ должностныхъ) извѣстны: 1) *Рѣчь отъ лица Казанскаго дворянства Императрицѣ* Екатеринѣ II. 2) *Топографическое опи-*

саніе Тамбовской Губерніи. 3) *Рѣчь на открытіе въ Тамбовѣ народнаго училища*, говоренная однодворцемъ *Захарьинымъ* 22 Сентября 1786 года и въ томъ же году напечатанная и переведенная въ С. Петербургѣ на разные иностранные языки. 4) *Разсужденіе о лирическомъ Стихотворствѣ*, напеч. во 2-й кн. *Чтенія* въ Бесѣдѣ Любит. Русск. слова. С.П.б. 1811.(стр.370)

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и Кавалеръ, Оберъ-Гофмейстеръ и главный Директоръ Придворной Музыки и Театра, Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ, родился въ 1725 году, обучался въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ, (сконч. 22 Сент. 1796 года). Онъ прославился особенно переводами, кои въ свое время почитались образцами слога и изящества; изъ нихъ извѣстны: 1) *Безбожный*, трагедія, перев. съ Нѣмецкаго изъ сочиненій Браве напеч. въ 1771 году въ С. П. бургѣ. 2) *Приключенія Маркиза Г. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ*; четыре части, напеч. перв. изд. 1756 года въ С.П.бургѣ. — 3) *Мизантропъ* или *нелюдимъ*, напеч. 1788 г. въ Москвѣ. Но извѣстнѣйшее его сочиненіе есть: 4) *Опытъ повѣствованія о Россіи*, начатое имъ въ 1790 году, и доведенное только до 1389 года то есть до кончины В. Кн. Димитрія Іоанновича Донскаго. Оно составляетъ въ рукописи пять частей или 15 книжекъ. Первая часть сего опыта, заключающая въ себѣ Россійскую Исторію до кончины В. Кн. Владиміра Святославича, напечатана въ Москвѣ 1803 г. Сіе твореніе весьма славилось доколѣ небыло апечатано, но по выходѣ въ

свѣтъ, весьма уменшилс выгодное мнѣніе публики. Сочинитель во всемъ держался Татищева, подложной Іоакимовой лѣтописи и разныхъ другихъ недостовѣрныхъ твореній; вымышлялъ самъ невѣроятныя толкованія, утверждалъ, что Славяне обитали на мѣстѣ Трои до построенія оной, и обвиняя разныхъ писателей въ пристрастіи и несправедливости, самъ впадалъ въ самыя грубыя погрѣшности. Слогъ сего творенія вообще слишкомъ высокопаренъ и витіеватъ для Исторіи, и не вездѣ правиленъ; впрочемъ надобно замѣтить и то, что эта книга напечатана съ неизправнаго списка. (стр. 79.)

Жуковскій, Василій Андреевичъ. Родился 1783 года; учился въ Тульскомъ Главномъ Народномъ Училищѣ и въ благородномъ Университетскомъ пенсіонѣ въ Москвѣ до 1802 года. Служилъ въ Соляной Конторѣ, изъ которой вышелъ съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника. Онъ издавалъ въ 1808 и 1809 годахъ одинъ, а въ 1810 съ *М. Тр. Каченовскимъ Вѣстникъ Европы*, перевелъ Флоріанова *Донъ-Кишота* въ шести частяхъ (Москва 1806), а въ 1810 и 1811 издалъ въ пяти частяхъ *Собраніе Русскихъ стихотвореній*. Многія его прозаическія и стихотворныя сочиненія и переводы (изъ сочиненій отличны: повѣсть *Марьина роща*, переводъ Гетева стихотворенія: *Моя Богиня*; Баллады: *Людмилла*, *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ* и пр.) помѣщены въ разныхъ книжкахъ В. Европы. (стр. 19 и 60.)

Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ, Преміеръ-Маіоръ въ отставкѣ изъ Гвардейской службы, родился въ Москвѣ 1773 года;

обучался наукамъ и языкамъ у домашнихъ учителей. Изъ сочиненій его извѣстны: 1) *Путешествіе въ полуденную Россію или письма къ пріятелямъ*, писанныя имъ во время путешествія по сей странѣ, предпринятаго изъ любопытства въ 1799 году. 4 части М. перв. изд. 1800 - 2; второе съ прибавленіями, перемѣнами и опущеніями 1805 (*). 2) *Ростовское озеро*, нап. въ Журналѣ: Пріятное и полезное препровожденіе времени. 3) *Молодой философъ*, повѣсть, нап. въ Вѣстн. Европы 1803 года. 4) *Вечеръ или семейственная прогулка*, напеч. особо. Въ 1804 году издавалъ онъ въ Москвѣ Журналъ воспитанія подъ заглавіемъ *Патріотъ*. 4 ч. Изъ переводовъ его изданы: 1) *Атала или любовь двухъ дикихъ въ пустынѣ*, романъ соч. Шатобріана. М. 1802. 2) *Картина Европы*. Сочиненіе Сегюра. Три части. М. перв. изд. 1802. Второе 1805. Третіе 1806. 3) *Рѣчь о независимости ученаго мужа*. Соч. Мильвуа. Перев. стихами. М. 1806. 4) *Письма о Ботаникѣ*. Соч. Руссо. М. 1810 (стр. 162.)

Карамзинъ, Николай Михайловичъ, Коллежскій Совѣтникъ, Императорскій Исторіографъ, Кавалеръ и Членъ многихъ ученыхъ Обществъ, родился въ Симбирской Губерніи 1-го Декабря 1765 года, воспитывался въ Москвѣ въ пенсіонѣ Профессора Шадена, а по-

(*) Помѣщенныя въ семъ собраніи четыре письма Путешественника въ полуденную Россію, взяты изъ перваго изданія сей книги. Издателю неизвѣстно было, что оная напечатана вторымъ тисненіемъ.

томъ учился въ тамошнемъ Университетѣ; въ 1789 - 91 годахъ путешествовалъ по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи; съ того времени живетъ въ Москвѣ. Въ 1803 г. пожалованъ онъ въ Императорскіе Исторіографы. Въ 1804 награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника, а въ 1810 получилъ орденъ Св. Владиміра 3 степени. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ началъ онъ упражняться въ Словесности; многіе переводы его помѣщены въ Журналѣ: Дѣтское чтеніе; идиллія: *Деревянная нога* напечатана особо 1787 года. Въ Москвѣ онъ издавалъ: 1) въ 1792 и 1793 годахъ *Московскій Журналъ* въ 8 частяхъ. — 2) Въ 1794 году двѣ книжки *Аглаи.* — 3) Въ 1797, 98 и 99 *Аониды* или собраніе разныхъ стихотвореній. — 4) Въ 1798 *Пантеонъ иностранной словесности* въ 3 книжкахъ. — 5) Въ 1802 и 1803 *Вѣстникъ Европы* въ 12 частяхъ. Сочиненія свои, помѣщенныя въ Московскомъ Журналѣ, издалъ онъ въ 1794 году подъ заглавіемъ: *Мои бездѣлки.* — Особо напечатаны: *Разговоръ о щастіи* (1798); повѣсть *Юлія*, и *Похвальное Слово Екатеринѣ Великой.* Въ 1797 и 1801 годахъ издалъ онъ въ 6 частяхъ *Письма Русскаго путешественника*, изъ коихъ большая часть была прежде помѣщена въ Московскомъ Журналѣ. Въ 1804 году вышли всѣ его сочиненія въ 8 частяхъ. — Напечатанная въ семъ собраніи истинная повѣсть его *Фролъ Силинъ* потому помѣщена въ отдѣленіи вымышленныхъ повѣстей, что разсказъ ея совершенно романической и она вообще болѣе подходитъ къ повѣстямъ, нежели къ Исторіи. *Разговоръ о щастіи* сокращенъ, какъ уже прежде сдѣлано было Из-

дателемъ *Разговоръ о физическихъ и нравственныхъ предметахъ* (Москва 1800), то есть изъ него выпущено все лишнее для юношескаго чтенія. (стр. 16. 43. 49. 70. 93. 124. 129. 146. 156. 173. 177. 199. 233. 251. 256. 300. 376 и 394.)

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ, Ординарный Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета и Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ, родился въ Харьковѣ 1775 года. Учился въ Харьковскомъ Коллегіумѣ; служилъ сперва въ Харьковскомъ Губернскомъ Магистратѣ (1793 - 95), потомъ въ полкахъ: Таврическомъ гренадерскомъ (1795 - 97) и Ярославскомъ мушкетерскомъ (1797 - 1801). Вышедши въ отставку изъ военной службы въ чинѣ полковаго Квартермистра, получилъ степень Магистра (1805), потомъ Доктора Философіи и изящныхъ наукъ въ Московскомъ Университетѣ, въ которомъ преподавалъ Риторику (1806 — 1808) и Россійскую Исторію (1808 — 1812); управлялъ Канцеляріею Попечителя Московскаго Учебнаго округа (1808 — 1810); избранъ въ Адъюнкты и утвержденъ въ семъ званіи 1808; Экстраординарнымъ Профессоромъ 1810; ординарнымъ ѳеоріи Изящныхъ Изкусствъ и Археологіи 1811. Нынѣ преподаетъ въ упомянутомъ Университетѣ Археологію и Россійскую Исторію. Издавалъ *Вѣстника Европы* въ 1805, 1806 и 1807. г. Въ 1808 и 1809 участвовалъ въ семъ Журналѣ, какъ сотрудникъ; въ 1810 издавалъ оный вмѣстѣ съ *Г. Жуковскимъ*; съ 1811 донынѣ издаетъ одинъ. Въ 1808 году издалъ учебную книжку Греческаго языка, которая въ другой разъ съ прибавленіями напечатана (1809) для

Духовныхъ Училищъ. Сверхъ того перевелъ онъ нѣкоторыя книги съ Французскаго языка. (стр. 351).

Костровъ, Ермилъ Ивановичъ, Провинціяльный Секретарь, родился въ Вятской Губерніи. Отецъ его былъ экономическій, то есть Государственный крестьянинъ. Ермилъ Ивановичъ обучался сперва въ Вятской Семинаріи, потомъ въ Московской Духовной Академіи, а наконецъ съ 1771 года въ Московскомъ Университетѣ, и тамъ въ 1778 году произведенъ въ Баккалавры, а въ 1782 году въ Провинціяльные Секретари; скончался Декабря 9 1796 года. Собраніе стихотворныхъ его сочиненій, прежде розно печатанныхъ, издано въ 1802 году въ двухъ частяхъ. Переводы. 1) *Омировой Илiады* шесть пѣсней съ Греческаго подлинника. Онъ перевелъ и остальныя шесть пѣсней изъ которыхъ седьмая, осьмая и половина девятой напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1811 года. Говорятъ, что онъ предлагалъ сіи шесть пѣсней книгопродавцу. Варваръ не давалъ за нихъ болѣе полутораста рублей, и оскорбленный поэтъ бросилъ ихъ въ огонь. 2) *Апулеевъ золотой оселъ*. 3) *Стихотворенія* Оссіана въ двухъ частяхъ съ Французскаго. Переводъ Кострова несравненно лучше подлинника. 4) *Элвиръ и Зенотемисъ*, поэма Арнодова и 5) Волтерова *Тактика*, въ стихахъ. (стр. 57.)

Крашенинниковъ, Степанъ, Профессоръ Императорской С.П.б. Академіи наукъ, родился въ 1712 году въ Москвѣ, учился въ тамошней Заиконоспасской Академіи. Въ 1733 году посланъ онъ былъ (Студентомъ) при

Профессорахъ во вторую Камчатскую Экспедицію. Сіи Профессоры отправили его (1736) изъ Якутска въ Камчатку для нѣкоторыхъ приготовленій; но какъ они сами до Камчатки не доѣхали, то почти всѣ изпытанія достались Крашенинникову, и онъ, съ присланнымъ туда въ 1739 году Адъюнктомъ, собралъ все нужное къ описанію того края, и возвратился въ С.П.б. (1743). Въ 1745 году произведенъ онъ былъ въ Адъюнкты, а потомъ (1750) въ Профессоры Естественной Исторіи. Скончался Февраля 12 1755 года. Онъ сочинилъ: 1) *Описаніе земли Камчатки* въ 2 частяхъ со многими фигурами, напеч. въ С.П.б. 1755 года, 2) *Слово о пользѣ наукъ и художествъ*, напеч. 1750 года, и перевелъ съ Латинскаго *Жизнь Александра Великаго* твореніе Квинта Курція. Слогъ его чистъ, правиленъ, и долгое время почитался образцевымъ (стр. 119)

Лепехинъ, Иванъ Ивановичъ, Академикъ С.П.б. Академіи Наукъ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ. Родился около 1739 года; опредѣленъ былъ въ С.П.б. Академическое Училище (1751) изъ недорослей; произведенъ въ Студенты (1760), отправленъ въ иностранные Университеты, для продолженія ученія (1762); получилъ степень Доктора Медицины въ Страсбургскомъ Университетѣ и возвратился въ отечество (1767); произведенъ въ Адъюнкты при Академіи Наукъ (1768) и тогда же отправленъ по Высочайшему Имянному повелѣнію главнымъ начальникомъ одной физической Экспедиціи, въ которой находясь, произведенъ въ Академики (1771). Возвратясь изъ оной Экспедиціи (1772), отправленъ былъ по

Высочайшему Имянному повелѣнію (въ началѣ 1773 года) въ Бѣлорусскія Губерніи, для изслѣдованія и описанія естественныхъ произведеній того края. Произведенъ въ Надворные Совѣтники (1780); избранъ Членомъ и непремѣннымъ Секретаремъ Россійской Академіи, при самомъ ее учрежденіи (1783); получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени (1790); произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники (1797), въ Статскіе Совѣтники (1799); получилъ орденъ Св. Анны 2 класса (1801). Скончался 6 Апрѣля 1802 года. Сверхъ служенія, сопряженнаго съ званіемъ Академика, управлялъ онъ безмездно 15 лѣтъ Академическою Гимназіею, и въ теченіе многихъ лѣтъ былъ Цензоромъ книгъ, которыя издаваемы были Коммисіею о переводѣ на Россійскій языкъ иностранныхъ твореній. Сочиненія его суть: 1) *Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства.* Три части. С.П.б. 1771—1780. 2) *Рѣчь о нуждѣ испытывать лекарственную силу собственныхъ произрастеній.* С.П.б. 1785. 3) *Способы къ отвращенію въ рогатомъ скотѣ падежа и средства къ излеченію сея болѣзни служащія.* С.П.б. 4) *Разсужденіе о шелководствѣ.* С.П.б. 1798. Сверхъ того перевелъ онъ *Всеобщей и частной Естественной Исторіи Графа де-Бюффона* половину 1-го тома и 5, 6, 7, 8, 9 и 10 томы. (стр. 128.)

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Описаніе жизни его помѣщено въ семъ собраніи на стр. 107. Изчислимъ его творенія. Полное собраніе оныхъ издано Санктпетербургскою Академіею Наукъ въ шести частяхъ въ четверть листа. (трет. изд. напеч. 1804 г.)

Сочиненія его суть: А) въ прозѣ: 1) *Краткій Россійскій лѣтописецъ* съ родословіемъ. 2) *Древняя Россійская исторія* отъ начала Россійскаго народа до кончины В. Кн. Ярослава I, т. е. до 1054 года. 3) *Россійская Грамматика.* 4) *Краткое Руководство къ краснорѣчію.* Книга первая, содержащая *Риторику.* 5) *Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства.* 6) *Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ.* 7) *Слово похвальное Императрицѣ Елисаветѣ I.* (переведенное имъ самимъ на Латинскій языкъ). 8) *Слово похвальное Императору Петру Великому.* 9) *Слово о пользѣ Химіи.* 10) *Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ.* 11) *Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее.* 12) *Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли.* 13) *Разсужденіе о большей точности морскаго пути.* 14) *Явленіе Венеры на солнцѣ.* 15) *Программа, сочиненная при началѣ чтенія изъясненія Физики.* 16) *Описаніе въ началѣ 1744 года явившіяся кометы* 17) *Первыя основанія Металлургіи;* пять частей съ двумя прибавленіями. 18) *Шестнадцать писемъ къ И. И. Шувалову.* В) Въ стихахъ: 1) Первыя двѣ пѣсни Героической поэмы: *Петръ Великій.* 2) *Тамира и Селимъ,* трагедія. 3) *Демофонтъ,* трагедія. 4) *Письмо* (посланіе) *о пользѣ стекла* къ И. И. Шувалову. 5) Одиннадцать *одъ духовныхъ.* 6) Девятнадцать *одъ похвальныхъ.* 7) Сорокъ девять *похвальныхъ надписей.* 8) *Стихи на фейерверкъ* 1-го Генваря 1755 года. 9) *Полидоръ,* идиллія, и разныя мѣлкія стихотворенія, подражанія Анакреону, посланія и т. п. *Переводы:* А) въ прозѣ. 1) *Раз-*

говоръ въ царствѣ мертвыхъ между Александромъ Великимъ, Аннибаломъ и Сципіономъ, перев. съ Греческаго изъ твореній *Лукіана*. 2) *Разговоръ*, *утро*, перев. съ Латинскаго изъ твореній *Эразма* Ротердамскаго. В) Въ стихахъ: 1) *Ода на щастіе*, перев. съ Французскаго изъ сочиненій *Ж. Б. Руссо*. 2) *Вѣнчанная надежда Россійской Имперіи*, соч. Профессора *Юнкера*, перев. съ Нѣмецкаго. (стр. 75, 147, 219, 242, 263. и 356.)

Макаровъ, Петръ Ивановичъ, Маіоръ въ отставкѣ; родился около 1765 года, скончался въ концѣ 1804 на дорогѣ изъ Москвы въ Польшу. Жизнь его, обильная, какъ говорятъ, разными странными приключеніями, никѣмъ еще не описана. — Онъ перевелъ съ Французскаго языка: 1) *Графъ де Сентъ-Меранъ, или новыя заблужденія сердца и ума*, 8 частей. Первая часть напечатана въ С.П.б. 1795 г. Самъ онъ былъ такъ недоволенъ переводомъ оной, что выкупилъ всѣ или почти всѣ экземпляры сего изданія и напечаталъ въ Москвѣ (1800) другое. 2) Первыя двѣ части *Антеноровыхъ Путешествій по Греціи и Азіи, съ пріобщеніемъ извѣстій о Египтѣ. Соч. Лантье* М. 1802. (*) Въ 1803 году издавалъ онъ критическій Журналъ подъ названіемъ: *Московскій Меркурій*. Сочиненія и переводы его, помѣщенные въ ономъ, напечатаны особо въ М. 1807 года. (стр. 308)

Малиновскій, Алексѣй Ѳеодоровичь, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кава-

(*) Третья часть сего творенія переведена *Григорьемъ Максимовичемъ Яценковымъ*.

леръ, Императорскаго Московскаго Университета, Мастерской Оружейной Палаты и Обществъ Натуральной Исторіи почетный а Исторіи и древностей Россійскихъ дѣйствительный Членъ, родился въ Москвѣ 1763 г. Марта 2, обучался въ Московскомъ Университетѣ и въ 1780 принятъ былъ покойнымъ Исторіографомъ *Миллеромъ* въ Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ службу свою безпрерывно продолжаетъ. Историческія и дипломатическія его сочиненія суть слѣдующія: 1) *О бывшихъ издревле сношеніяхъ между Россіею и Крымомъ.* Сія книга поднесена была Императрицѣ Екатеринѣ II. удостоившей сочинителя благоволенія и награжденія Ассессорскимъ чиномъ. — 2) *Историческія свѣденія о бывшемъ Посольскомъ приказѣ, переименованномъ Коллегіею Иностранныхъ дѣлъ.* — 3) *О древнѣйшемъ сродствѣ великихъ Князей Россійскихъ чрезъ брачные союзы съ Олденбургскимъ домомъ, о Голстинскихъ въ Россію посольствахъ и о вступленіи на Всероссійскій престолъ Императора Петра III.* — 4) *Управленіе Имперіи Всероссійской при бывшемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ съ 1726 по 1730 годъ.* Въ началѣ сей книги помѣщено историческое и политическое обозрѣніе внѣшнихъ дѣлъ и пользъ Россіи по отношеніямъ ея къ разнымъ иностраннымъ державамъ. — 5) *О многократныхъ отправленіяхъ въ Индію Россійскихъ посланниковъ, гонцевъ и купчинъ съ товарами и о пріѣздахъ Индѣйцевъ въ Россію съ 1469 года.* — 6) *Извѣстія о Россійскихъ Министрахъ, иностранными дѣлами управлявшихъ, съ краткимъ жиз-*

неописанїемъ ихъ. — 7. *Историческое описанїе древняго Россїйскаго Музеона, подъ названїемъ мастерской Оружейной Палаты, въ Москвѣ обрѣтающагося.* — Въ 1803 году сочинилъ онъ: *Учрежденїе съ штатами и докладъ о странноприїимномъ въ Москвѣ домѣ, поднесенные отъ покойнаго Оберъ-Камергера Графа Шереметева и удостоенные Высочайшей конфирмацїи Апрѣля въ 21 день тогожъ года.* Совершивъ предназначенное незабвенным Учредителемъ огромное и великолѣпное зданіе дома странно-пріимнаго, онъ привелъ въ дѣйствіе и самое богоугодное заведеніе сіе, надъ которымъ, 11 Генваря 1811 года Всемилостивѣйше утвержденъ въ званіи Главнаго Смотрителя. — Въ молодости онъ довольно занимался для театра переводами и сочиненіями, изъ которыхъ опера *Старинныя Святки* и нѣсколько комедій донынѣ съ удовольствіемъ принимаются. Въ 1783 году, перевелъ онъ книгу *Духъ Бюффона*, которая тогда же напечатана въ Москвѣ. (*)

(*) Въ переводѣ отрывка изъ сей книги, помѣщеннаго въ нашемъ собраніи (стр. 153) трудился Г. *Малиновскій* на 20 году отъ роду, за 30 лѣтъ предъ симъ, когда образцевъ слога у насъ было гораздо менѣе нежели нынѣ, однакожъ переводъ сей, первый опытъ упражненій его въ Словесности, вѣрнѣе обоихъ прочихъ и особенно отличается ясностію отъ перевода Господина *Л.* Переводъ Господина *К.* справедливѣе можетъ назваться подражаніемъ.

Мартыновъ, Иванъ Ивановичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Членъ многихъ ученыхъ Обществъ Россійскихъ и Кавалеръ; родился въ 1771 году въ мѣстечкѣ *Переволочнѣ*. Вступивъ въ Полтавскую Семинарію, обучался въ оной разнымъ наукамъ и языкамъ, а наконецъ преподавалъ и самъ Греческій языкъ, и по Высочайшему повелѣнію (1787) отправленъ въ С. Петербургскую Александроневскую Академію, для образованія себя къ учительской должности, гдѣ вскорѣ (1789) опредѣленъ Учителемъ Греческаго и Латинскаго языковъ, Поэзіи и Риторики и Инспекторомъ надъ воспитанниками (1790). Потомъ поступилъ въ Государственную Иностранную Коллегію переводчикомъ съ Греческаго языка, по аттестату знаменитаго Архіепископа Славянскаго и Херсонскаго *Евгенія Булгара* (1795). Опредѣленъ Учителемъ Россійскаго языка, Исторіи и Географіи въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ (1797) и черезъ годъ въ Училище Ордена Св. Екатерины Учителемъ тѣхъ же наукъ, съ оставленіемъ при прежней должности. Находясь въ сихъ должностяхъ, пожалованъ въ Коллежскіе Ассессоры (1798) и въ Надворные Совѣтники (1800). Въ 1802 году опредѣленъ въ Государственный Совѣтъ Письмоводителемъ. Съ учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія (въ Сентябрѣ 1802) участвовалъ въ устроеніи онаго, и (1803) опредѣленъ при Департаментѣ онаго Министерства Директоромъ Канцелляріи, въ которой должности и понынѣ находится. Сверхъ того преподавалъ онъ въ Педагогическомъ Институтѣ Эстетику, и состоитъ Секрета-

ремъ Конференціи онаго Института; учредилъ, по препорученію Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, порядокъ ученія въ С. Петербургскомъ Возпитательномъ Домѣ (1807-1808); отправляетъ должность Правителя дѣлъ въ Главномъ Правленіи Училищъ (съ 1804); служитъ Правителемъ Канцеляріи въ Совѣтѣ объ учрежденіи въ Губерніяхъ Военныхъ Училищъ; Членомъ Хозяйственнаго Комитета при Главномъ Правленіи Училищъ, (съ 1808) Предсѣдателемъ Комитета испытаній, учрежденнаю при С. Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, и Начальникомъ курсовъ, предписанныхъ Указомъ 6-го Августа 1809 года, и отправлялъ еще многія другія должности по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ продолженіе сей службы своей пожалованъ: Коллежскимъ Совѣтникомъ (1804), Статскимъ Совѣтникомъ (1806), Кавалеромъ Ордена св. Анны 2-го класса (1806) и Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ(1811). Изъ трудовъ его въ словесности напечатаны: 1) *О высокомъ и величественномъ*, твореніе *Діонисія Лонгина*; переводъ съ Греческаго, съ примѣчаніями. С.П.б. 1802. 2) *Стихотворенія Анакреона*. Переводъ съ Греческаго въ С.П.б. 1802 3) *Мысли Ж. Ж. Руссо*. Пер. съ Франц. С.П.б. 1801. 4) *Прогулки Ж. Ж. Руссо*. Пер. съ Французскаго. С.П.б. 1801. 5) *Атала*, повѣсть *Шатобріана* съ Франц. С.П.б. 1802. 6) *Сенъ-Жюльенъ*, романъ *А. Лафонтена* съ Французскаго. С.П.б. 1802. 7) *Приданое Сюзетты*, романъ Г-жи де *Сенетерръ* С.П.б. 1802. 8) *Путешествіе въ Италію Г. Дюпати*. 2 части. Первое изданіе С.П.б. 1802, а второе М. 1809.

Ненапечатаны: a) Переводы съ Греческаго языка: 1) *Грамматика Катифора.* 2) *О словоукрашеніи*, твореніе *Димитрія Фалерейскаго.* 3) *О вѣротерпимости*, твореніе Преосв. *Евгенія Булгара.* 4) *Гимны Каллимаха* (нѣкоторые напечатаны въ Сѣверномъ Вѣстникѣ). 5) *Эдипъ Царь*, трагедія *Софокла.* 6) съ Французскаго: 1) *Опытъ о Эпическомъ стихотворствѣ*, соч. *Вольтера.* 2) *Англинскія письма.* 3) *О Государственномъ Хозяйствѣ*, соч. *Графа де Верри* (отрывки сего перевода помѣщены въ С.П.бургскомъ Журналѣ Г. Пнина). 4) *Изслѣдованіе о Государственномъ Хозяйствѣ*, соч. *Стуарта.* 5) *Библіотека общественнаго человѣка*, соч. *Кондорсета*, шесть частей. 6) *Сокращенная ѳеорія нравственныхъ чувствованій*, соч. *Смита.* (Отрывки сего перевода напечатаны въ Періодическомъ изданіи объ успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія). 7) *Новое чувствительное путешествіе*, соч. *Горжи.* 8) *Два билета* и *добрый отецъ*, двѣ комедіи *Флоріана.* c) Съ Италіянскаго: *Стихотворенія Петрарха.* d) съ Нѣмецкаго: *Человѣкъ въ 40 лѣтъ* комедія *А. Коцебу.* e) съ Россійскаго на Греческій: *о церковныхъ обрядахъ*, твореніе Преосв. *Гавріила.* — Изправилъ и издалъ переводы книгъ: 1) *Существенное изображеніе законовъ*, соч. *Юсти.* С.П.б. 1808. и 2) *Переписка* Императрицы II *съ Волтеромъ.* С.П.б. 1802. — Издавалъ журналы: 1) *Муза* 4 части 1796. 2) *Сѣверный Вѣстникъ* 8 частей 1804 и 1805. 3) *Лицей*, 4 части 1806. Сверхъ того печатаются за его поправкою книги, издаваемыя Главнымъ Правленіемъ Училищъ. (стр. 174 и 290).

Нарѣжный, Василій Трофимовичъ, Коллежскій Ассесоръ, родился въ 1781 году въ Полтавской Губерніи. Учился въ Московскомъ Университетѣ (съ 1792 до 1801) Нынѣ служитъ при Кабинетѣ Его Императорскаго Величества. Первые труды его въ словесности были: 1) *Кровавая ночь*, трагедія въ древнемъ вкусѣ, написанная бѣлыми пятистопными стихами и 2) *День злодѣйства и ужаса*, драматическое сочиненіе въ прозѣ: обѣ піесы напечатаны въ Журналѣ: *Пріятное и полезное препровожденіе времени* (М. 1798.) Изъ прочихъ сочиненій его напечатаны: 1) *Димитрій Самозванецъ* трагедія въ прозѣ М. 1802. Играна въ Москвѣ. 2) *Славянскіе вечера*, книжка I. С.П.б. 1809. Ненапечатаны: 3) *Елена*, трагедія, въ обыкновенныхъ шестистопныхъ стихахъ. 4) *Свѣтлосанъ*, трагедія въ такихъ же стихахъ. 5) *Святополкъ*, трагедія, писанная, въ подражаніе Шиллеру, пятистопными бѣлыми стихами. 6) *Россійскій Жилблазъ*, романъ въ шести частяхъ. (стр. 33.)

Несторъ, Первый Россійскій лѣтописатель, родился въ 1056 году, а гдѣ, неизвѣстно. Семнадцати лѣтъ пришелъ онъ въ Кіевопечерскій монастырь къ тогдашнему Игумну онаго Ѳеодосію и постригся. Скончался, по догадкѣ А. Л. Шлецера, около 1116 года. Онъ сочинилъ: 1) *Патерикъ Печерскій* или житіе нѣкоторыхъ Игумновъ и другихъ богобоязливыхъ мужей Печерскаго монастыря. 2) *Русскій Временникъ* или лѣтопись о началѣ земли Русскія до 1111 года. Сіе твореніе послѣ того было продолжаемо другими лѣтописателями. Подлинникъ, писанный самимъ Несторомъ,

утраченъ; до насъ дошли многіе списки, болѣе или менѣе изкаженные переписчиками. *Августъ Лудовикъ Шлецеръ* (см. ниже) издалъ въ пяти частяхъ оныя лѣтописи, сличенныя, переведенныя (на Нѣмецкій языкъ) и объясненныя (1801-1809). Сіе твореніе переведено на Русскій языкъ *Дмитріемъ Ивановичемъ Языковымъ.* Первая часть перевода сего вышла въ 1809 году. — Нынѣ обѣщаетъ Московское *Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ* сообщить намъ новое изданіе сего Русскаго лѣтописателя. (стр. 74.)

Новиковъ, Николай Ивановичъ, родился въ 1744 году; служилъ въ Гвардіи и уволенъ съ чиномъ Прапорщика; живетъ нынѣ въ Подмосковной своей деревнѣ. Имъ изданы: 1) *Древняя Россійская Вивліоѳика* 10 томовъ С.П.б. 1773-75. Продолженіе оной вышло въ 9 томахъ, С.П.б. 1786-1793. 2) Журналы: a) *Трутень*, С.П.б. 1769 и 1770. b) *Живописецъ*, С.П.б. 1770. 2 части. c) *Парнасскій Щепетильникъ*, С.П.б. 1772. d) *Вечера*, С.П.б. 1772. e) *Покоящійся Трудолюбецъ.* f) *Бесѣдующій Гражданинъ.* g) *Утренній свѣтъ* С.П.б. 1778-1780. h.) *Вечерняя заря*, М. 1782. 3) *Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ* С.П.б. 1772. Онъ завелъ въ Москвѣ первую библіотеку для чтенія и много способствовалъ размноженію въ Россіи полезныхъ книгъ. — Г. *Карамзинъ* пишетъ о немъ (*Вѣстникъ Европы*, 1802, часть III. стр. 57.) слѣдующее: „Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ Университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отда-

валъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ; всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію; угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ; Г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при вѣдомостяхъ безденежно *Дѣтское чтеніе*, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матерій, не смотря на ученическій переводъ многихъ піэсъ, нравилось Публикѣ. Число субскрибентовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000." (стр. 107.)

Озерецковскій, Николай Яковлевичъ, Академикъ С.П.б. Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Членъ многихъ Россійскихъ и иностранныхъ ученыхъ Обществъ. Родился въ 1750 году. Вступилъ въ С.П.б. Академическую Гимназію Студентомъ изъ дворянъ (1768) и тогда же отправленъ въ физическую экспедицію, въ которой находился шесть лѣтъ, занимаясь изслѣдованіемъ естественныхъ произведеній Россіи; по возвращеніи изъ оной экспедиціи (1774) для усовершенствованія себя въ наукахъ былъ въ Лейденѣ и Страсбургѣ, и возвратился Докторомъ (1778), произведенъ въ Адъюнкты (1779), въ Академики (1782), въ Надворные Совѣтники (1784). Въ 1785 году отправленъ былъ Академіею въ путешествіе по Ладож-

скому и Онежскому озерамъ, для физическихъ наблюденій. Получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени (1792); произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники (1797), въ Статскіе Совѣтники (1799) получилъ орденъ Св. Анны (1800). Въ 1803 году опредѣленъ въ Члены Главнаго Правленія училищъ, и въ 1805 награжденъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. — Онъ издалъ: 1) *Описаніе путешествія по озерамъ Ладожскому и Онежскому*. С.П.б. 1786. 2) *Начальныя основанія Естественной Исторіи. Царство животныхъ. Сочиненіе Профессора Леске*. Переводъ съ прибавленіями и перемѣнами 2 тома С.П.б. 1791, и 3) *К. Криспа Саллустія Исторія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурты*. С.П.б. 1809. Многія сочиненія и переводы его помѣщены въ трудахъ Санктпетербургской Академіи Наукъ, (стр. 275).

Писаревъ, Александръ Александровичъ, Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго Полку Полковникъ и Кавалеръ, Членъ многихъ ученыхъ Обществъ въ Россіи. Родился въ 1782 году въ Санктпетербургѣ. Обучался съ 1786 по 1796 годъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ (что нынѣ первый Кадетскій Корпусъ); выпущенъ изъ онаго Подпоручикомъ въ Армію, а въ 1797 году тѣмъ же чиномъ переведенъ въ Гвардію, гдѣ служитъ и нынѣ. Сверхъ сочиненій и переводовъ его, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ, изданы имъ: 1) *Предметы для художниковъ*, избранные изъ Россійской Исторіи, Славянскаго баснословія и изъ всѣхъ Русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. 2. части. С.П.б. 1807. (*) 2) *Начертаніе художествъ*,

(*) Книга сія напечатана по Высочайшему повелѣнію на щетъ Кабинета. Сочинитель пода-

или правила живописи, скульптуры, гравированія и архитектуры, съ присовокупленіемъ разныхъ отрывковъ касательно художествъ. С.П.б. 1809. 3) *Общія правила театра*, выбранныя изъ полнаго собранія сочиненій Вольтера. С.П.б. 1809. Въ 1808 году участвовалъ въ изданіи *Драматическаго Вѣстника*, а въ 1812 въ переводѣ *описанія Эрмитажной Галлереи*. (стр. 267.)

Платонъ, Митрополитъ Московскій, и Коломенскій, родился 1737 года Іюня 29 въ подмосковномъ селѣ *Чашниковѣ* отъ тамошняго священника *Георгія*; обучался въ Московской Духовной Академіи. Въ 1757 году опредѣленъ тамъ учителемъ Поэзіи и Катехизаторомъ. Въ 759 году переведенъ въ Сергіеву Лаврскую Семинарію Учителемъ Риторики, и въ томъ же году пострижелъ въ монашество. Потомъ былъ онъ тамъ Префектомъ и Философіи Учителемъ, а наконецъ Ректоромъ и Учителемъ Богословіи. Въ 1763 году взятъ ко Двору, и опредѣленъ Законо-учителемъ Великому Князю Павлу Петровичу, и придворнымъ Проповѣдникомъ. Въ 1766 году произведенъ въ санъ Архимандрита Сергіевой Лавры и пожалованъ въ Члены Святѣйшаго Синода. Произведенъ въ званіе Архіепископа Тверскаго (1770), переведенъ въ Москву (1775); пожалованъ Митрополитомъ (1787); въ 1797 получилъ Орденъ св. Апостола Андрея, а въ 1809 св. Кн. Владиміра 1-й степени. — Творенія его напечатаны въ двадцати частяхъ въ Москвѣ съ 1780 по 1806

рилъ всѣ экземпляры свой Медикофилантропическому Комитету, для продажи въ пользу бѣдныхъ.

*

годъ. Сверхъ многихъ поучительныхъ словъ, произнесенныхъ имъ при разныхъ случаяхъ, заключаются въ нихъ слѣдующія сочиненія: 1) *Увѣщаніе къ раскольникамъ*, нап. перв. тисн. 1766 г. 2) *Инструкція благочиннымъ Іереямъ или Протоіереямъ*, нап. перв. тисн. въ М. 1775 г. 3) *Краткій Катихизисъ* для обученія малыхъ дѣтей Православному Христіанскому закону. 4) *Сокращенный Катихизисъ* для обученія отроковъ. 5) *Сокращенный Катихизисъ* для священно и церковнослужителей, перв. тисн. напеч. въ М. 1775 г. 6) *Православное ученіе или Сокращенная Христіанская Богословія*, соч. для употребленія Государя Великаго Князя Павла Петровича. перв. тисн. напеч. въ 1765 г. 7) *Разсужденіе о Мелхиседекѣ*, поднесенное Государю Великому Князю Павлу Петровичу въ Ноябрѣ 1764 года. 8) *Катихизисъ или первоначальное наставленіе въ Христіанскомъ законѣ*, которое толковано имъ было всенародно въ Московской Славено-Греко-Латинской Академіи 1757 и 1758 года, двѣ части, и 9) *Россійская Церковная Исторія*, двѣ части, М. 1805 года. — (стр. 83 и 327.)

Пнинъ, Иванъ Петровичъ, Коллежскій Совѣтникъ, Членъ и Президентъ С.П.б. Вольнаго Общества любителей Словесности Наукъ и Художествъ; родился въ 1773 году, получилъ воспитаніе въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ и въ Инженерномъ Кадетскомъ Корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ Подпорутчикомъ и коммандовалъ пловучею батареею въ предпослѣднюю Шведскую войну: потомъ перешелъ онъ изъ военной службы въ статскую (1797); опредѣленъ былъ въ Канцелярію Государственнаго Совѣта съ чи-

номъ Коллежскаго Ассессора; оттуда перешелъ въ Департаментъ Министра Народнаго Просвѣщенія Экспедиторомъ (1803), гдѣ получилъ чинъ Надворнаго Совѣтника, а въ 1805 году уволенъ отъ службы съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника и трептнымъ пенсіономъ; скончался Сентября 17 дня того же года. — Въ 1798 году издавалъ онъ *Санктпетербургскій журналъ* (4 части); сверхъ того написалъ онъ: *Вопль невинности, отвергаемой закономъ*; *Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи*; трудился надъ сочиненіемъ *о возбужденіи Патріотизма*, и незадолго предъ смертію написалъ первое дѣйствіе драмы *Велисарій*. Сіи творенія не напечатаны. Многія прозаическія и стихотворныя произведенія его помѣщены въ разныхъ журналахъ; отличнѣйшее изъ оныхъ есть *Ода на правосудіе*, напечатанная въ 10 книжкѣ Журнала Россійской Словесности (1805). Онъ имѣлъ намѣреніе издавать съ 1806 года Журналъ: *Народный Вѣстникъ* (стр. 54.).

Румовскій, Степанъ Яковлевичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Попечитель Казанскаго Университета и Кавалеръ, Членъ многихъ Россійскихъ и иностранныхъ ученыхъ Обществъ, родился въ 1734 году; поступилъ въ Академическую Гимназію Студентомъ (1748); произведенъ въ Адъюнкты (1753); для усовершенствованія въ Математическихъ наукахъ отправился въ Берлинъ къ *Леонарду Эйлеру* (1754—56); по Указу Правительствующаго Сената предпринималъ (1761) путешествіе въ Селенгинскъ, для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ солнце. Произведенъ въ Ординарные Профессоры Астрономіи (1763). Въ 1769 году, по Высочайшему Имянному по-

велѣнію, отправленъ былъ Академіею Наукъ въ *Колу* для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ солнце; былъ Инспекторомъ надъ классами въ Корпусѣ чужестранныхъ единовѣрцевъ съ самаго учрежденія онаго (1775—1782); произведенъ въ Надворные Совѣтники (1778), въ Коллежскіе Совѣтники (1788), въ Статскіе Совѣтники (1797) въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники (1799), въ Вице-Президенты Санктпетербургской Академіи Наукъ (1800), опредѣленъ Членомъ Главнаго Правленія Училищъ и Попечителемъ Казанскаго Университета (1803). Въ теченіе сей службы своей награжденъ орденами: Св. Анны 2-го класса (1799), Св. Владиміра 3-й степени (1802). Переводы, изданные имъ, суть: 1) *Физическія письма*, твореніе Леонарда Эйлера, три части. 2) *Лѣтопись К. Корнилія Тацита* 4 тома. Санктпетербургъ. 1808. Многія Математическія и Астрономическія разсужденія его помѣщены въ Актахъ Санктпетербургской Академіи Наукъ (стр. 112).

Серязевскій, Ѳедоръ Ивановичъ, Учитель въ Рязанской Семинаріи. Его переводъ нѣкоторыхъ рѣчей изъ *Тита-Ливія* помѣщенъ въ Вѣстникѣ Европы на 1809 годъ (стр. 391).

Струговщиковъ, Александръ Степановичъ, Надворный Совѣтникъ. Перевелъ: *Основаніе или существенныя правила Философіи, политики и нравственности. Твореніе Полковника Вейса, Члена разныхъ Академій.* Первая часть напечатана въ Санктпетербургѣ, 1807 года; остальныя также переведены, но еще не изданы въ свѣтъ (стр. 260.).

Сумароковъ, Александръ Петровичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Ка-

валеръ; родился въ 1718 году. Отецъ его былъ Генералъ-Маіоръ. Сперва обучался дома, а потомъ до 22 года въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, и тамъ еще началъ отличаться стихотворческими дарованіями своими. Около 1748 года началъ онъ писать трагедіи, которыя играны были Кадетами въ Корпусѣ. Въ 1756 году учрежденъ былъ въ Санктпетербургѣ Россійскій театръ, и онъ опредѣленъ Директоромъ онаго. Скончался въ Москвѣ Октября 1, 1777 года. Въ 1759 году издавалъ онъ журналъ: *Трудолюбивая пчела*. Всѣ творенія его изданы въ 1787 году Новиковымъ въ 10 частяхъ. Сочиненія его суть: А. Въ прозѣ: 1) *Краткій Московскій Лѣтописецъ*. 2) *Описаніе двухъ первыхъ стрѣлецкихъ бунтовъ*, неоконч. 3) *Приступъ къ Исторіи Петра Великаго*, неоконч. 4) *Нѣкоторыя статьи о добродѣтели* 5) *Основаніе любомудрія*. 6) *О Россійскомъ Духовномъ краснорѣчіи*. 7) *О первоначаліи и созиданіи Москвы*. 8) *Разныя мѣлкія нравственныя, сатирическія и историческія сочиненія*. 9) *Разговоры въ царствѣ мертвыхъ*. 10) Комедіи: a) *Олекунъ*. b) *Лихоимецъ*. c) *Три брата совмѣстники*. d) *Ядовитый*. e) *Нарцисъ*. f) *Приданое обманомъ*. g) *Чудовища*. h) *Тресотиніусъ*. i) *Пустая ссора*. k) *Рогоносецъ по воображенію*: l) *Мать совмѣстница дочери*. m) *Вздорщица*. 11) Оперы: a) *Алцеста*. b) *Цефалъ и Прокрисъ*. 12) *Пустынникъ*, драма. 13) *Рѣчи*: a) О Петрѣ I. b) Екатеринѣ II. c) Великому Князю Павлу Петровичу. d) На открытіе Императорской Академіи Художествъ. e) На заложеніе Кремлевскаго дворца. f) О любви къ ближнему. В. Въ стихахъ: 1) Трагедіи: a) *Хоревъ*. b) *Гамлетъ*. c) *Синавъ и Труворъ*

d) *Артистона.* e) *Семира.* f) *Ярополкъ и Димиза.* g) *Вышеславъ.* h) *Димитрій Самозванецъ.* i) *Мстиславъ.* 2) Преложеніе всѣхъ почти *Псалмовъ Давида.* 3) *Разныя духовныя и нравственныя стихотворенія.* 4) *Надписи.* 5) *Посланія.* 6) *Торжественныя Оды.* 7) *Притчи*, шесть книгъ. 8) *Сатиры.* 9) *Эклоги и Идилліи.* 10) *Пѣсни и хоры.* 11) *Элегіи.* 12) *Сонеты*, *эпиграммы*, *мадригалы* и другія мѣлкія стихотворенія (стр. 244).

Тредьяковскій, Василій Кириловичъ, родился 22 Февраля 1703 года. Въ юности своей путешествовалъ онъ по Франціи, Англіи и Голландіи; обучался въ Парижскомъ Университетѣ разнымъ наукамъ, между прочимъ краснорѣчію и Исторіи у знаменитаго Роллена. Въ 1730 году былъ онъ опредѣленъ Студентомъ при С.П.б. Академіи Наукъ; Секретаремъ оной Академіи (1733), а потомъ по Имянному Указу пожалованъ въ Профессоры краснорѣчія (1745). Онъ первый изъ Россіянъ получилъ сіе достоинство. Въ 1763 году по прошенію уволенъ отъ службы, при чемъ награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника. Скончался 6 Августа 1769 года. — Онъ былъ человѣкъ умный, весьма ученый и трудолюбивый; много споспѣшествовалъ водворенію въ Россію полезныхъ знаній и любви къ словесности и наукамъ, но не имѣлъ вкуса и піитическаго дара. Въ *Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ* изчислено 45 сочиненій и переводовъ его, изъ которыхъ замѣтимъ слѣдующія: *Преложеніе Фенелонова Телемака* стихами (Тилемахида) и переводъ *Ролленевой исторіи древней, Римской и обѣ Императорахъ*, всего 30 томовъ въ четверітку. — Тринад-

цать томовъ древней и Римской исторіи сгорѣло у него еще въ рукописи, и онъ перевелъ ихъ снова (стр. 115).

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ и Кавалеръ. Предки его выѣхали изъ Княжества Волохскаго при Императорѣ Петрѣ I. Отецъ его служилъ въ Кавалергардскомъ Корпусѣ; былъ женатъ на Княжнѣ Друцкой, отъ которой имѣлъ троихъ сыновей, изъ коихъ меншій былъ Михаилъ Матвѣевичъ, родившійся Октября 25 1733 года. Въ 1743 году Дек. 30 отданъ былъ въ Кадетскій Корпусъ, изъ коего выпущенъ (Сент. 5 1751) Порутчикомъ, и служилъ въ Ингерманландскомъ полку (по 1754 г.); изъ онаго вышелъ Титулярнымъ Совѣтникомъ въ Коммерцъ-Коллегію; опредѣленъ въ Московскій Университетъ Коллежскимъ Ассессоромъ (1755); произведенъ въ Надворные Совѣтники (1761); пожалованъ Директоромъ Университета (1763); опредѣленъ въ Бергъ-Коллегію Вице-Президентомъ (1770); уволенъ отъ службы съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника (1775); опредѣленъ Кураторомъ Московскаго Университета (1778); учредилъ при Университетѣ благородный пансіонъ (1779); пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 2-й степени (1786); произведенъ въ Тайные Совѣтники (1796); получилъ орденъ Св. Анны 1-го класса (1799), чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника; уволенъ отъ должности Куратора (1802); скончался 27 Сентября 1807 года на 74 году отъ рожденія. — Сочиненія его суть: А) въ прозѣ: 1) *Кадмъ и Гармонія*, древнее повѣствованіе, двѣ части. М. 1789. 2) *Полидоръ*, *сынъ*

Кадма и Гармоніи. Три части. М. 1794. 3) *Нума Помпилій, или процвѣтающій Римъ*, М. 1793. 4) *Драмы*: a) *Другъ нещастныхъ* въ 3 д. b) *Гонимые* въ 3 д. c) *Милона* (съ пѣснями) въ 2 д. d.) *Школа добродѣтели* въ 5 д. e) *Извинительная ревность* въ 3 д. — B) въ стихахъ: 1) *Россіяда*, эпическая поэма въ 12 пѣсняхъ. Москва. 1786. съ присовокупленіемъ разсужденія: *Взглядъ на эпическія поэмы.* 2) *Владиміръ*, эпич. поэма въ 18 пѣсняхъ. М. перв. изд. 1786, третіе умноженное 1809 года. 3) *Пилигримы или искатели щастія*, поэма разными стихами въ 6 пѣсняхъ, М. 1795. 4) *Плоды наукъ*, дидактическая поэма въ 3 пѣсняхъ. М. перв. изд. 1761 г. 5) *Вселенная*, въ 3 книгахъ. 6) *Чесменскій бой*, поэма въ 5 пѣсн. 7) *Царь или спасенный Новгородъ*, стихотворная повѣсть въ 7 пѣсн. М. 1800. 8) *Бахаріана* или неизвѣстный, волшебная повѣсть, почерпнутая изъ Русскихъ сказокъ, въ 14 пѣсняхъ, писанныхъ разными размѣрами. М. 1803. 9) *Селимъ и Селима*, небольшая поэма, напеч. въ С.П.б. 1770 г. 10) Трагедіи: a) *Венеціянская монахиня* въ 3 д. перв. изд. 1758. b) *Пламена*, въ 5 д. c) *Мартезія и Фалестра* въ 5 д. перв. изд. 1765. d) *Бориславъ* въ 5 д. перв. изд. 1774. e) *Идолопоклонники или Горислава* въ 5 д. f) *Цидъ*, передѣлана изъ трагедіи П. Корнеля, въ 5 д. g) *Юліанъ отступникъ* въ 5 д. h) *Освобожденная Москва* въ 5 д. i) *Зареида и Ростиславъ*, въ 5 д. 11) Комедія: *Ненавистникъ* въ 5 д. сочинена въ 1770 году. — 12) Разныя *торжественныя и похвальныя оды* (числомъ 21). 13) Пять *одъ и стихотвореній духовныхъ.* 14) Анакреонтическія Оды (числомъ 65). 15) *Нравоучительныя оды* (числомъ 32). Лириче-

скія сіи стихотворенія и еще нѣкоторыя другія составляютъ седьмой изъ четырнадцати томовъ его творецій, напечатанныхъ въ Москвѣ въ разныя времена (стр. 12).

Шишковъ, Александръ Семеновичъ, Государственный Секретарь, Вице-Адмиралъ и Кавалеръ, Предсѣдатель 1-го разряда въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова, и многихъ Россійскихъ ученыхъ сословій Членъ, родился въ 1754 году; воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ, съ 1761 года. Съ того времени совершилъ многія путешествія морскимъ и сухимъ путемъ въ Швецію, Данію, Англію, Германію, Пруссію, Италію, Турцію и проч. Въ словесности и стихотворствѣ началъ упражняться, бывши еще Кадетомъ. Первые труды его были: Переводы: Дѣтской Библіотеки Г. Кампе (изданной вторично въ 1806 году подъ заглавіемъ *Собраніе дѣтскихъ повѣстей*) и *Геснерова Дафниса*; нѣкоторыя мѣлкія стихотворенія и драма *Невольничество*. (*) Въ послѣдующее время посвятивъ себя на пользу той службы, въ которой находился, перевелъ и сочинилъ многія книги по сей части, какъ-то: 1) *Морское изкусство* въ 2 частяхъ сочиненіе Г. *Рома*. 2) *Треязычный морскій словарь*. (На Англійскомъ, Французскомъ и Россійскомъ языкахъ.) 3) *Морскія записки*. 4) *Журналы морскіе*, двѣ части.

(*) Сія драма въ день открытія въ С.Петербургѣ Намѣстничества играна была на придворномъ театрѣ. Потомъ представлена она была на городскомъ театрѣ въ присутствіи Наслѣдника престола (покойнаго Императора Павла I) въ пользу сидѣвшихъ въ тюрмѣ за долги; при чемъ на изкупленіе ихъ собрано было до 15,000 рублей.

5) *Исторической списокъ кораблямъ* отъ начала заведенія флота. Сверхъ того употребилъ немалое время на сочиненіе полнаго морскаго словаря, содержащаго въ себѣ объясненія всѣхъ названій, составляющихъ обширный языкъ кораблестроенія и мореплаванія, со всѣми принадлежащими къ нимъ науками и художествами; но сей трудъ недоконченный хранится у него въ рукописи.—Послѣ двадцатилѣтняго упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ, относящихся къ мореходству, обратился онъ снова на поприще словесности. Примѣчая, что новые писатели начали во многомъ подражать чужимъ языкамъ, а особливо Французскому, и забывать Славянскій языкъ, корень Русскаго, написалъ онъ: 1) *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*, (С.П.б. 1802) въ которомъ, сличеніемъ слога прежнихъ писателей съ слогомъ новѣйшихъ, ясно показалъ великую между оными разность. Сверхъ же того изданы имъ: 2) *Прибавленіе* къ предыдущей книгѣ, содержащее въ себѣ отвѣтъ на критики, писанныя на оную (1804). 3) *Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями* (1808). 4) *Разговоры о словесности* (1811). Многіе труды его помѣщены въ запискахъ, издаваемыхъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, въ сочиненіяхъ и переводахъ Россійской Академіи и въ чтеніи Бесѣды Любителей Русскаго слова (стр. 38. 46. 222 и 315).

Шлецеръ, Августъ Лудовикъ, Ганноверскій Тайный Юстиціи Совѣтникъ, Докторъ правъ, Профессоръ политики въ Геттингскомъ Университетѣ и Кавалеръ Ордена Святаго Владиміра 4-й степени, родился 5 Іюля 1755 г. въ Яхштадтѣ, что въ Княжествѣ Гогенлоге-

Кехберхъ. Учился съ 1751 г. въ Виттенбергѣ, а съ 1754 въ Геттингенѣ. Въ 1755 г. отправился въ Швецію, жилъ въ Упсалѣ и въ Стокгольмѣ (1756—57); провелъ зиму 1758—59 года въ Любекѣ, и весною 1759 года поѣхалъ обратно въ Геттингенъ, чтобы приготовиться къ путешествію на востокъ. Изъ сего города отправился онъ (1761) въ С.Петербургъ, по приглашенію покойнаго Профессора Миллера, которой обѣщалъ доставить ему въ Россіи средства къ совершенію предполагаемаго путешествія. По прибытіи въ Россію, опредѣленъ былъ Адъюнктомъ при Академіи Наукъ (1762), получилъ званіе Геттингскаго Профессора (1764), и въ томъ же году, по Имянному повелѣнію Императрицы Екатерины II., произведенъ былъ ординарнымъ Профессоромъ Исторіи при оной Академіи, съ особеннымъ препорученіемъ, трудиться въ древней Россійской Исторіи. Въ 1769 году, по истеченіи условленнаго срока, вышелъ онъ въ отставку изъ Россійской службы, и вступилъ въ званіе ординарнаго Профессора Философіи въ Геттингенѣ, а по смерти Ахенваля, получилъ отъ Ганноверскаго Правительства препорученіе читать лекціи въ Статистикѣ, Политикѣ и Европейской Исторіи. Въ 1773—74 годахъ путешествовалъ по Франціи, а въ 1780—2 по Италіи до Рима. Получилъ чинъ Надворнаго Совѣтника (1782) и первый изъ Протестантовъ степень Доктора правъ въ Инспрукѣ; пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 4-й степени за изданіе Нестора (1802); получилъ отъ Ганноверскаго правительства отличный въ тѣхъ мѣстахъ чинъ Тайнаго Совѣтника Юстиціи (1807.) Скончался 9 Сентября 1809 н. ст. — Изъ

пятидесяти четырехъ твореній его, историческаго, политическаго и статистическаго содержанія, упомянемъ о тѣхъ, которыя изданы имъ на Русскомъ языкѣ или относятся къ Россіи: 1) *О избраніи Королей въ Польшѣ.* С.П.б. 1764. 2) *Правда Русская.* С.П.б. 1764. 3) *Русская лѣтопись по Никонову списку.* 4) Russische Grammatik. (Русская Грамматика) С.П.б. 1763. 5) Neuverändertes Rußland (Новопремѣнившаяся Россія) 4 части 1767 — 1771. 6) Probe Russischer Annalen. (Опытъ Русскихъ лѣтописей) 1768. 8) Laxmanns Sibirische Briefe (Лаксмановы Сибирскія письма). 9) Oskold und Dir. (Оскольдъ и Диръ). 10) Historische Untersuchung über Rußlands Reichsgrundgesetze (Историческое разысканіе объ основныхъ законахъ Россійскаго Государства). 11) *Несторъ.* Russische Annalen, verglichen, übersetzt und erklärt. Изданіемъ сей послѣдней книги оказалъ онъ великую услугу древ й Россійской Исторіи (стр. 74).

Языковъ, Дмитрій Ивановичъ, Надворный Совѣтникъ, Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ, родился въ 1773 г., учился въ Московскомъ Университетѣ; находился до 1797 года въ военной службѣ, а съ 1802 года служитъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Первые опыты упражненія его въ словесности были переводы съ Нѣмецкаго: 1) *Смертная пѣснь Регнера Лодброка, Короля Датскаго*, и 2) *Гробы въ Дустрѣ*, напечатанные въ VIII части Журнала: *Пріятное и полезное препровожденіе времени* (1795). Переводы, изданные имъ, суть: 1) Беккаріево сочиненіе *о преступленіяхъ и наказаніяхъ.* С.П.б. 1803. 2) *Влюбленный Шекспиръ*, комедія. С.П.б. 1807. 3) *Сравненія, замѣчанія и мечтанія, пи-*

санныя однимъ Русскимъ во время путешествія. 4) *Несторъ. Русскія лѣтописи*, изъясненныя *А. Л. Шлецеромъ.* Часть I. С.П.б. 1809. 5) *О существѣ законовъ*, твореніе *Монтескье.* М. 1810. — Сверхъ того участвовалъ онъ въ изданіи Журналовъ: *Сѣвернаго Вѣстника* (1804 и 1805) и *Драматическаго Вѣстника* (1808), и сочинилъ *Замѣчанія о нѣкоторыхъ Русскихъ буквахъ*, напечатанныя во II-й ч. *Цвѣтника* (1809) (стр. 74).

Ястребцовъ, Иванъ Ивановичъ, Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ. Обучался въ Московской Духовной Академіи съ 1787-го по 1799-й годъ; былъ въ оной пять лѣтъ Студентомъ и около семи лѣтъ Учителемъ высшаго Французскаго класса. Въ гражданскую службу вступилъ въ Канцеллярію Святѣйшаго Синода въ 1805 году; съ 1808 по 1810 годъ отправлялъ притомъ должность Помощника Экспедитора по ученой части въ Коммиссіи Духовныхъ училищъ. Нынѣ служитъ Секретаремъ въ Св. Синодѣ и управляетъ Канцеляріею Г. Тайнаго Совѣтника и Статсъ-Секретаря Князя Голицына. Всѣмъ извѣстенъ переводъ его *Избраннѣйшихъ словъ Массильона, Епископа Клермонтскаго* въ трехъ частяхъ, напечатанный по Высочайшему повелѣнію въ 1809-мъ году въ Санктпетербургѣ (стр. 339).

Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій, родился въ Кіевѣ 1681 года Іюня 8 дня. Учился въ Кіевской Академіи, Литовскихъ школахъ, и наконецъ въ Римѣ. Прибывъ обратно въ Кіевъ, опредѣленъ былъ въ тамошнюю Академію Учителемъ стихотворства. Въ то время сочинилъ онъ правила Славянскаго и Латинскаго стихотворства и краснорѣчія въ

3-хъ книгахъ, которыя хранятся рукописными въ библіотекѣ Кіевской Академіи. Находясь въ семъ званіи, говорилъ онъ помѣщенное въ сей книгѣ поздравительное слово Императору Петру Великому, когда Государь сей прибылъ въ Кіевъ, для заложенія Кіевопечерской крѣпости. Въ Сентябрѣ 1707 года произведенъ онъ былъ въ Префекты Кіевской Академіи и въ Учители философіи. Въ 1711 году провожалъ Императора въ Турецкій походъ, а потомъ пожалованъ былъ въ Игумны Кіевопустыно-Николаевскаго монастыря и Ректоры Кіевскихъ училищъ. — Петръ Великій, уничтоживъ Патріаршеское достоинство, и желая изправить порядокъ и церковное правленіе, призвалъ Өеофана въ Москву (1715) и возвысилъ его въ санъ Епископа Псковскаго. Трудами его, подъ смотрѣніемъ Петра, изданъ *Духовный Регламентъ*; при чемъ Өеофанъ былъ пожалованъ въ Вице-Президенты Святѣйшаго Синода. Императрица Екатерина I. произвела его въ санъ Архіепископа Новгородскаго. Онъ скончался 8 Сентября 1736 года. — Четыре Монарха Россійскіе любили и почитали его; у народа былъ онъ въ великомъ уваженіи. Въ 1720 году завелъ онъ у себя школу для 60 учениковъ, которыхъ содержалъ на своемъ иждивеніи, и собралъ библіотеку, состоявшую изъ 4000 книгъ. Всѣхъ сочиненій его считается семьдесять. Особеннаго уваженія достойны *Слова* его, наполненныя изящными мыслями, и сочиненныя по примѣру лучшихъ произведеній древности. Время и мѣсто возпитанія не позволили ему обработать языка своего (стр. 319).

Из библиотеки
К. Я. Голейзовского

А. В. Кокорева

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Из книг
А.В. Кокорева

Mar. 28
20 p.
20
5570 IV
27p

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Greč, Nikolaj Ivanovič, 1787-1867

Izbrannyja město iz russkich sočinenij i perevodov v prozě s pribavleniem izvěstij o žizni i tvorenijach pisatelej, kotorych trudy poměščeny v sem sobranii

St. Petersburg 1812

Paed.pr. 4451 k
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10761965-9